

Российская академия наук
Федеральное агентство научных организаций
Правительство Вологодской области
Администрация города Вологды
Московская школа экономики МГУ имени М.В. Ломоносова
Институт социально-экономического развития территорий РАН
Совет молодых ученых и специалистов Вологодской области

ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ – БУДУЩЕЕ РОССИИ

**Материалы
IV Международной научно-практической конференции
(г. Вологда, 5–7 октября 2016 г.)**

В двух частях

Часть вторая

Вологда
2017

УДК 316.346.32

ББК 60.64

Д38

Публикуется по решению
Ученого совета ИСЭРТ РАН

Д38 **Дети и молодежь – будущее России** [Текст] : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 5–7 октября 2016 г. : в 2-х частях. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2017. – Ч. II. – 370 с.

ISBN 978-5-93299-363-7 (ч. II)

ISBN 978-5-93299-361-3

Редакционная коллегия:

А.А. Шабунова, д.э.н., врио директора ИСЭРТ РАН,
В.А. Ильин, член-корр. РАН, научный руководитель ИСЭРТ РАН,
К.А. Гулин, д.э.н., Т.В. Ускова, д.э.н., О.Н. Калачикова, к.э.н.,
Г.В. Леонидова, к.э.н., М.В. Морев, к.э.н., М.А. Головчин, к.э.н.

В сборнике, состоящем из двух частей, представлены материалы IV Международной научно-практической конференции «Дети и молодежь – будущее России», проходившей в Вологде 5–7 октября 2016 г.

Часть первая: пленарные дискуссии, секции 1 и 2.

Часть вторая: секция 3 и круглый стол.

Организаторами конференции выступили Российская академия наук, Федеральное агентство научных организаций, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Институт социально-экономического развития территорий РАН, Московская школа экономики. Участники конференции обсуждали проблемы инновационного образования, повышения интеллектуального и творческого потенциала молодежи как фактора инновационного развития, а также социальной адаптации и сохранения здоровья детей и молодежи в современных условиях в качестве ресурса конкурентоспособности России и ее регионов в глобализирующемся мире. Были подняты такие острые вопросы, как возможности и перспективы реализации потенциала молодежи, факторы конкурентоспособности на рынке труда и социализация молодых поколений, их гражданская активность, социальный статус, культурно-ценностная идентичность, демографическое развитие и многие другие. В дискуссии приняли участие 500 представителей науки и практики, органов управления, бизнес-структур и общественных объединений из российских регионов и стран зарубежья. Повышенное внимание было уделено факторам и объективным условиям реализации человеческого потенциала молодых поколений: состоянию российской экономики и социальной сферы, положению регионов, перспективным возможностям инновационного развития территорий, эффективности управления.

Для научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов вузов, специалистов органов управления, представителей общественности и для всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Тексты выступлений приводятся в авторской редакции.

ISBN 978-5-93299-363-7 (ч. II)

ISBN 978-5-93299-361-3

© ИСЭРТ РАН, 2017

СЕКЦИЯ 3

**Человеческий потенциал молодежи
в современной России:
старые тренды и новые вызовы**

Аветисян Паркев Сергеевич,
*доктор философских наук, профессор,
проректор по науке Российско-Армянского
(Славянского) университета, действительный член Академии
педагогических и социальных наук России РАЕН,
г. Ереван*

Галикян Гагик Эдуардович,
*кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
Российско-Армянского (Славянского) университета,
г. Ереван*

Заславская Мария Игоревна,
*доктор социологических наук,
профессор кафедры прикладной социологии
Ереванского государственного университета,
г. Ереван*

Реформирование сферы высшего образования в странах постсоветского пространства в свете евразийской интеграции*

Аннотация. Перед странами, возникшими на постсоветском пространстве, возникают схожие проблемы. Одной из них является реформирование системы высшего образования. Данный процесс включает в себя интеграцию, европеизацию и сохранение национальной специфики. Однако он представлен противоречивыми решениями в этой сфере. В частности, ломкой старых и введением новых академических степеней. Но и сами европейские страны не всегда готовы принять подобную систему. По мнению ряда ученых, Болонский процесс представляет собой скорее геополитический проект, выступающий средством в международной конкуренции в образовательной сфере. Проблемной является и коммерциализация университетов, что тоже не способствует повышению качества образования.

Как показывает анализ в данной сфере, трансформационные процессы в образовательных системах стран евразийского пространства могут растерять суть вектора евразийской интеграции, раствориться в процедурных нововведениях и погоне за показной деятельностью.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы развития РАУ в рамках научного проекта «Проблемы и приоритетные направления модернизации систем высшего образования РФ, РА и других стран ЕАЭС в контексте современных интеграционных процессов».

Ключевые слова: образование, реформирование системы высшего образования, Болонский процесс.

В странах, возникших после распада Советского Союза, уже более двадцати лет идет процесс становления собственной системы общественного устройства, во многом обусловленный диалектическим единством вызовов глобализации и стремлением сохранить свою самобытность и традиционность в мировом, региональном и локальном измерениях. Противоречивые тенденции такого плана весьма ярко проявились в появлении термина «глокализация», введенного Роландом Робертсоном, «раскрывающим неразрывное единство между тенденциями к «глобализации» и «локализации»» [4; 42].

В странах постсоветского пространства создалась весьма хаотическая ситуация с точки зрения логики принятия управленческих решений в сфере высшего образования, поскольку институт образования одним из первых вбирает в себя противоречивость тенденций развития общественных систем. По нашему мнению, образовательная политика каждого из государств мирового сообщества сегодня представляет собой диалектическое единство и противоречие субъективного (национального) и объективного – процесса глобализации, детерминирующих реформы [1; 248]. Анализ ситуации, сложившейся в странах евразийского пространства в сфере образования, выявляет чаще всего отсутствие ясно сформулированного видения национальных доктрин образования, недостаток финансирования и экономическую нестабильность в рассматриваемых странах, а также целый ряд иных, как явных, так и скрытых, факторов, препятствующих и интеграционным процессам, и оптимальному становлению национальных систем высшего образования.

В связи с этим перед странами постсоветского пространства встают весьма противоречивые задачи в плане принятия управленческих решений в сфере высшего образования. С одной стороны, реформирование направлено на взаимную в рамках постсоветского пространства интеграцию, с другой стороны, реорганизация систем высшего образования направлена на европеизацию и интеграцию местных университетов в европейскую систему высшего образования, в

соответствии с болонскими принципами, и, наконец, модернизация образовательных систем евразийских стран должна быть направлена на сохранение национальной специфики и местных традиций.

Необходимость интеграции образовательных систем различных стран является одним из актуальных трендов современного развития мирового сообщества. Понятно, что вызовы глобализирующегося мира не оставляют шанса на выживание изолированных образовательных систем, и объединительная парадигма, по крайней мере, дает возможность их существования и продуктивного взаимодействия для дальнейшего развития. «В контексте... проблем и противоречий традиционных систем образования формирование единого образовательного пространства государств СНГ является не только ответом на вызовы глобальной экономики, политики, но и мощным инструментом консолидации обществ на постсоветском пространстве и за его пределами» [1; 34]. В пользу необходимости создания единого евразийского образовательного пространства имеется целый ряд объективных аргументов, таких, в частности, как существование в течение более полувека единого образовательного пространства, устоявшиеся традиции сотрудничества в едином языковом пространстве, общие вопросы адаптации к новым социально-экономическим реалиям и т.д. Но евразийская интеграция априори связывается с унификацией образовательных систем через европейскую интеграцию. Однако недостаточная продуманность решений в деле реорганизации высшего образования, отсутствие интеграционной образовательной парадигмы в каждой отдельной стране, недостаточная продуманность национальных доктрин образовательной системы приводят во многом к простому копированию опыта европейских стран. Это хорошо видно на примере внедрения Болонских принципов в национальные системы высшего образования стран постсоветского пространства.

Процесс реорганизации высшего образования на институциональном уровне в соответствии с болонскими принципами идет практически во всех странах ЕАЭС. Отметим, что эти принципы на первый взгляд прописаны достаточно четко и сводятся в основном к таким положениям, как введение двух-

уровневого образования, введение кредитной системы, контроль качества образования, расширение мобильности, обеспечение трудоустройства выпускников, обеспечение привлекательности европейской системы образования [10]. Рассмотрим некоторые аспекты этого процесса.

Одно из направлений реорганизации заключалось в ломке старой системы академических степеней (специалист – кандидат наук – доктор наук) и во внедрении академических степеней бакалавра – магистранта – докторанта. Между тем в самой Европе, в странах-участницах Болонского процесса, процесс унификации академических степеней трактуется далеко не так однозначно, как в странах постсоветского пространства [2]. По мнению ряда экспертов, «единая модель „бакалавр – магистр” не сможет удовлетворять требованиям XXI века. Большинство вузов Европы к такой модели не готовы» [18]. В разных европейских странах имеется своя система академических степеней, на получение которых в разных областях знания требуется разное количество лет обучения, различается и их число в разных системах высшего образования. Сами модели европейского высшего образования также не универсальны. Можно выделить по крайней мере две основные модели европейского высшего образования: англосаксонскую «атлантическую» (или американскую) модель и континентальную европейскую модель. Следовательно, и вопрос о европеизации высшего образования той или иной страны должен фактически трактоваться не столь прямолинейно, как это происходит во многих странах ЕАЭС, что можно проследить в целом ряде аналитических обзоров [7; 8; 15; 16]. По мнению Д. Малешина, двухуровневая система фактически не улучшает качество образования. «Это сугубо геополитический проект, выступающий скорее средством в международной конкуренции в образовательной сфере. Его предназначение – предоставление естественных конкурентных преимуществ вузам, осуществляющим образовательную деятельность на английском языке» [13]. Этот аспект имеет непосредственное влияние на реализацию еще одного болонского принципа – стимулирования студенческой мобильности. Как отмечает Г.И. Гладков, эксперт Российско-Европейского центра экономической политики, опираясь на мнение М. Маяцкого, исследователя при Фрибургском университете Швейцарии

рии, новый европейский университетский режим зиждется на мобильности, возведенной в самоцель. «Студент, который получил и бакалавра, и магистра в одном университете или, чего доброго, на одном отделении факультета, да еще и не съездив на пару семестров за границу, – отныне рассматривается как безынициативный лентяй» [6]. А следствие этого – появление разнородных по составу студенческих групп, в особенности в магистратуре, где преподаватель вынужден реализовывать преподавание для каждого студента в соответствии с его уровнем знаний и спецификой его образования. Приходится часто отказываться от групповой работы, что не способствует повышению качества образования.

Еще более проблемной является ситуация, связанная с коммерциализацией университетов. По нашему мнению, целый ряд факторов реформирования высшей системы образования приводит к тому, что «...выдвигается (как альтернатива «Гумбольдта») новая прагматическая модель университета, которая должна в полной мере адаптировать университет к современным условиям, развивая концепцию „предпринимательского” университета» [5; 17]. «Из „фабрики мыслей” университеты превращаются в „фабрики информации”, а вернее, – в универсамы по ее рекламе и продаже, в „предпринимательские университеты”» [12]. «Это ведет к тому, что преподаватель университета вынужден искусственными методами создавать привлекательность учебной дисциплины для студента, который еще недостаточно ориентируется в своей предметной области, а преподавание научных дисциплин в системе высшего академического образования начинает приобретать целевые установки привлечения как можно большего числа студентов, часто в ущерб их профессиональной подготовке»... Преподаватель вынужден, согласно законам рынка, „упаковать” свой предмет в „привлекательную для студента упаковку”, которая не предусматривает демонстрации таких характеристик дисциплины, как сложность, трудность усвоения, необходимость больших временных затрат на понимание материала и т.п. Ясно, что покупатель, особенно мало искушенный в торговле, постарается приобрести товар по возможно низкой цене и в возможно более красивой упаковке. И, как следствие, мы видим тенденции все более набирающей силу зрелищности в

системе образования в противовес содержанию» [9]. Преподаватель, как утверждает проф. А.М. Новиков, «добивается успеха не песнями и плясками, не „показательными уроками“, а повседневным трудом, своей компетенцией, силой своего интеллекта и характера...» [14].

Непродуманные нововведения в системе высшего образования создают проблемы в процессе университетского обучения. По мнению преподавателей точных наук, изобилие образовательных методов, технологий, установка на их постоянную модернизацию не гарантируют качества профессиональной подготовки студента современного вуза. Точные науки более консервативны в том смысле, что они включают в себя определенную фундаментальную составляющую, трудно поддающуюся инновациям. Можно, конечно, из года в год пытаться по-новому доказать фундаментальные математические теоремы, но польза от таких нововведений может быть весьма сомнительной [9]. Возникает противоречивая ситуация, связанная с «внутренним конфликтом институтов инновации и образования, поскольку институт образования по сути своей консервативен» [11].

Резюмируя вышеприведенный анализ, отметим, что, несмотря на одну из целевых установок Болонского процесса, такую, как повышение качества образования, критерии оценки качества образования весьма спорны, слабо разработаны и расплывчаты. Поле для евразийской интеграции образовательных систем весьма противоречиво, оно вобрало последствия многих малопродуманных шагов по трансформации институтов высшего образования, разнородных по своей направленности, мало согласованных, во многом носящих формально-показной характер.

В свете проведенного анализа можно заключить, что трансформационные процессы в образовательных системах стран евразийского пространства могут растерять суть вектора евразийской интеграции, раствориться в процедурных нововведениях и погоне за показной деятельностью. Фактически идея единого евразийского образовательного пространства может вылиться в очередной политический проект, когда реальные выгоды от сотрудничества утонут в море разнонаправленных и по сути своей бесцельных нововведений.

Литература

1. Аветисян, П.С. Формирование образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально-философская концепция) / П.С. Аветисян. – Ереван: Гитутюн НАН РА, 2007. – 132 с.
2. Академические степени в странах-участницах Болонского процесса: информационные материалы / сост.: В.И. Богословский, С.А. Писарева, А.П. Тряпицына. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 19 с.
3. Аналитическая справка о государственной политике в сфере управления высшим образованием в странах ОЭСР и ЕС и институциональных моделях управления университетами в новых условиях функционирования высших учебных заведений [Электронный ресурс]. – URL: <http://comparative.edu.ru>
4. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман: пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
5. Галикян, Г.Э. Новая модель университета: возможна ли она? / Г.Э. Галикян // Научный потенциал. – 2015. – № 2. – С. 3-7.
6. Гладков, Г.И. Болонский процесс в России: «дорожная карта» / Г.И. Гладков // Болонский процесс и его значение для России. – М.: РЕЦЕП, 2005. – С. 79-80.
7. Готовность белорусского высшего образования к вступлению в ЕПВО: альтернативный доклад, 2014 год [Электронный ресурс] / Общественный Болонский комитет. – URL: http://eurobelarus.info/files/userfiles/5/ОВК-Belarus_RA_2014.pdf
8. Джапарова, Р.Н. Дальнейшее реформирование системы высшего образования в Кыргызстане: концептуальное видение на период до 2020 г. / Р.Н. Джапарова // Реформа. – Бишкек, 2009. – № 1. – С. 58-66.
9. Заславская, М.И. Особенности преподавания количественных методов в социологии / М.И. Заславская // Вестник ЕГУ. Социология, экономика. – Ереван: ЕГУ, 2015. – № 3(18). – С. 21-29.
10. Кислицын, К.Н. Болонский процесс как проект для Европы и для России [Электронный ресурс] / К.Н. Кислицын // Знание. Понимание. Умение. –

2010. – № 11 – Высшее образование для XXI века. – URL: <http://www.zpu-journal.ru>

11. Курманов, А.В. Использование инновационных образовательных технологий как ключевой критерий развития личности педагога / А.В. Курманов // Инновационное образование : теория и практика : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 22–23 дек. 2011 г. / редкол.: С.А. Аксючиц и др. – Минск : АПО, 2011. – 571 с. С. 115-119.

12. Кутырев, В. А. Человеческое и иное: борьба миров / В.А. Кутырев. М.: Алетейя, 2009. – 264 с.

13. Малешин, Д. Магистральное заблуждение: О кризисе юридического образования и глобальной конкуренции [Электронный ресурс] / Д. Малешин // Новая газета. – 2015. – № 87. – 14 августа. – URL:<http://www.novayagazeta.ru>

14. Новиков, А.М. Инновации в образовании: «за» и «против» / А.М. Новиков // Инновационное образование : теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 22–23 дек. 2011 г. / редкол. : С.А. Аксючиц и др. – Минск : АПО, 2011. – 571 с.

15. Реформирование высшего образования в Казахстане и Болонский процесс: информационные материалы для практических действий. – Алматы, 2009. – 120 с.

16. Степанова, Е. Обсуждение успешности Болонской реформы в российском образовании / Е. Степанова // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2008. – № 4. – С. 56-60.

17. Строгеецкая, Е.В. Идея и миссия современного университета / Е.В. Строгеецкая // Вопросы образования. – 2009. – № 4. – С. 61-87.

18. Шеховцов, А.Н. Традиции Болонского университета и современный Болонский процесс / А.Н. Шеховцов, Н.А. Шеховцова // Вестник Волгоградского государственного университета (Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения). – 2013. – № 1. – С. 151-157.

Айрапетян Эдгар Мурадович,
аспирант,
Санкт-Петербургский университет
управления и экономики РФ,
г. Санкт-Петербург

**Роль молодежи Армении в формировании национального
самосознания в XXI веке**

Аннотация. В работе исследовался вопрос формирования и укоренения национальной идентичности среди армянской молодежи. С точки зрения сохранения национальной идентичности важным фактором является акцентация формирования на основе национальных традиций и обычаев нового международного менталитета. Представлены проблемы и вызовы, которые в нынешних темпах развитии глобализационных процессов требуют неотложных решений. Предлагаются стратегические пути и средства, которые являются фундаментальными компонентами для развития и сохранения молодежи нового поколения.

Ключевые слова: молодежь, общество, идентичность, глобализация, воспитание, обучение, церковь.

В условиях переживаемого современным мировым сообществом системного кризиса весьма закономерна постановка в рамках политической науки ряда кардинальных проблем современности, напрямую связанных с перспективой выживания человечества. Ситуация, сложившаяся на сегодняшний день на планете, диктует острую необходимость в радикальных изменениях институциональных основ мирового сообщества, обусловленную исчерпанием осуществляемых в контексте эпохи Modern-а социальных практик и угрозой глобальной катастрофы. В этом контексте важно развитие молодежи и формирование на основе традиционного мышления нового национального менталитета, соответствующего вызовам современности.

Последние десятилетия ознаменовались коренными изменениями в народной образовательной системе, когда были проигнорированы эстетическое

воспитание и образование, веками являвшиеся важнейшим инструментом формирования и развития молодого поколения. Темпы глобализации сделали почти неуправляемым проникновение в Армению западных, чуждых нашей культуре стандартов. Молодежь XXI века, у которой еще не формировалось национальное морально-эстетическое мировоззрение, неосознанно подражает не соответствующим нашей культуре и менталитету явлениям. Тенденция может укорениться и стать началом деформаций и коллапса национальной идентичности¹.

Сохранение армянской национальной идентичности, обучение и воспитание поколений, желание быть ближе к историческим истокам всегда были и есть главными компонентами нашего национального менталитета. На протяжении многих веков страх остаться под игом иностранных завоевателей, потеря национального самосознания, опасность поглощения сформировали особый подход и отношение к Армянской национальной школе, как социальному институту сохранения национальной государственности. Этим обусловлено то, что армяне акцентировали внимание на построении школ не только в рамках своей страны, но и в армянских диаспорах. Во всех исторических периодах, параллельно с возникновением армянских общин за рубежом, всегда приоритетным оставался вопрос создания и развития школ². Эти школы, являющиеся кузницами интеллектуального и патриотического воспитания армянской молодежи за рубежом, встают в защиту прав армянского народа и исторической справедливости в связи с Армянским судом или в признании геноцида армян.

Эстетическое воспитание и образование, как известно, длительный процесс, оно начинается в семье и продолжается в школе и в дальнейшей жизни. Самый плодотворный и управляемый период – школьные годы, поскольку человек проходит через эту «тропу жизни» и окружающие могут повлиять на формирование здорового общества³.

¹ Похпатьян С. Аспекты национального эстетического воспитания. Кантех №4: сборник научных статей, Книга 4/17/. – Ереван: Асохик, 2003. – С. 187.

² Антинян С. Роль армянских организаций, объединений и Армянской церкви диаспоры в формировании и развитии армянских школ // Дар 21, №5 (39). – Ереван, 2011. – С. 46.

³ Похпатьян С. Там же. С. 193.

Важно акцентировать внимание на том факте, что к числу наций, обладающих особой живучестью своей культурной памяти, принадлежит армянская нация. Для обоснования данной мысли считаю нужным отметить некоторые особенности культурно-исторического бытия армянской нации, которые определяют её «лицо» в истории мировой цивилизации, и все это играет большую роль для селекции глобально мыслящей армянской молодежи как в собственной стране, так и в диаспоре.

В своём развитии армянский народ прошёл все этапы истории человечества. Пережив эпохи подъёма и упадка национальной государственности, испытав воздействие различных религий и культур, взаимодействуя со многими цивилизованными и варварскими народами, армянский народ пронёс через культурное сознание память о своём языческом прошлом периода Урарту и Араратского Царства (о чём повествует древнеармянский историк V в. Мовсес Хоренаци в своём труде «История Армении»), обо всех все перипетиях исторической борьбы за свою национально-культурную идентичность.

Для формирования нового, соответствующего критериям XXI века общества (*new society*) от армянской молодежи требуется не только осваивать инновационные технологии, но и на основе собственной традиционно ориентированной идентичности открывать новые границы развития человеческой цивилизации. Для реализации потенциала и достижения совершенства достаточно чётко «работает» механизм наследования или преемственности культуры (функционирование культурной традиции, способность культуры к «самовоспроизводству»).

За всю многовековую историю своего существования армянский народ создал на своей исторической родине многочисленные памятники материальной и духовной культуры, ставшие в силу этого контекстом его социального бытия. Исторической родиной армянского народа стала созданная им среда обитания, в которой оказалось возможным создание неповторимых ценностей именно армянской национальной культуры.

В истории армянского народа культурный фактор зачастую выполнял и политико-идеологические функции. Это говорит об акцентации культурного начала, возведённого в статус государственной, а в условиях отсутствия государственности и политической независимости – национальной политики. Утратившие свою государственность, а вместе с ней и политическую независимость, армяне создали пространство такой культуры, которая не только помогла им сохранить свою национальную идентичность на протяжении многих веков, но и обогатить своими культурными ценностями сокровищницу мировой культуры. В данном случае речь идёт о политической концепции молодежи, которая формулировалась и реализовывалась армянскими идеологами и деятелями культуры на протяжении многих веков существования армянской нации⁴.

В истории армянской нации выделяются три периода особенно мощного подъёма её культуры: период перехода от Античности к Средневековью, называемый Золотым веком или веком Просвещения, период развитого феодализма, называемый Серебряным веком, и период армянского Возрождения (Renaissance). Эти периоды являются ярчайшими свидетельствами того, что все формы культуротворчества, в которых осуществлялась жизнедеятельность нации, и прежде всего язык, религия, литература, искусство, система образования, оказались «сквозными» для всей её культурной истории. Осмысление этих периодов позволяет сформулировать идею об историческом единстве армянской культуры.

Первый период приходится на пятый век и связан с двумя мощными факторами духовной жизни нации – принятием христианства (301 г.) и созданием национальной письменности (405 г.). Будучи реакцией против насильственного насаждения в Армении зороастризма, принятие христианства ознаменовало столкновение различных религиозных идеологий, мировоззренческих систем, культурных ценностей и интеллектуально-духовных ориентаций. После раздела Армении в 387 г. между Сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей

⁴ Мирумян Р. От Золотого века к Возрождению (опыт рассмотрения процесса формирования армянских национально-культурных традиций) // Сборник докладов Международной конференции, посвящённой 1600-летию изобретения армянской письменности, – г. Ереван, 12-17 сентября 2005г. – Ереван, 2006. – С. 177.

встала проблема духовной самозащиты нации, сохранения национальной идентичности. Армянская Апостольская церковь возлагает на себя эту важнейшую историческую миссию, для осуществления которой возникает острая необходимость создания армянской национальной письменности. Этот духовный подвиг совершает выдающийся армянский учёный и духовный деятель Месроп Маштоц (362–440 гг.), заложив тем самым фундамент для развития армянской духовной культуры – главного механизма самозащиты нации. Я исхожу из предпосылки о том, что язык есть средство проявления духовного потенциала и критерий развития нации. Родной язык, армянская книга, непоколебимый и боевой армянский дух и христианская вера – вот мощные и нерушимые силы нашей нации, перед которыми были бессильны любое оружие и истребление. Мощная духовная и культурная почва стала колыбелью для поколений, движущей силой на пути становления и продолжительности нации⁵.

Армянский язык вошёл в число других литературных языков того времени и способствовал преодолению иноземного духовного влияния. После падения в 428 г. Армянского царства Армянская Апостольская церковь стала средством духовной связи между персидской и византийской частями Армении, а армянский литературный язык благодаря деятельности той же Церкви продолжал выполнять роль общегосударственного языка. При помощи основанных по всей стране школ и монастырей национальная письменность быстро распространяется, пробуждая к духовной жизни разные слои армянского общества. Это послужило началом культурному движению, ставшему выражением растущего самосознания армянского народа⁶.

Вышесказанное является свидетельством культурной зрелости армянской нации, что в исторической перспективе могло стать гарантией обеспечения ею своего места в сообществе наций (community of nations).

Второй период подъёма армянской культуры, приходящийся на IX – XV вв., характеризуется продолжением и развитием тех национально-культурных традиций, начало которым было положено Месропом Маштоцем и его спо-

⁵ Там же. – С. 185.

⁶ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). – Ереван, 1973. – С. 35.

движниками. В появившихся в это время университетах (около полутора десятков) в Армении и Армянской Киликии студенты получали общее и специальное образование на соответствующих разделах средневековой учёности отделениях. Совокупность изучаемых в университетах дисциплин отражала систему средневековой учёности: античная и средневековая философия, богословие, история, «семь свободных искусств» – тривиум (грамматика, риторика, диалектика) и квадриум (арифметика, геометрия, космография, теория музыки), «практические искусства» – медицина, право, теория календаря, книжное дело, педагогика. Во всех армянских университетах имелась необходимая литература на армянском языке – как переводная, так и оригинальная. В этих университетах изучались труды армянских мыслителей и учёных прошлых веков. Выпускникам присваивались учёные степени и звания – вардапета (доктора богословия) и «имастасера» (философа, софиста)⁷.

В этот период в Армении начинает функционировать множество школ (только в Западной Армении к 1870 г. их насчитывалось более 800), средних учебных заведений, в том числе и женских, публикуются десятки тысяч книг, выходит около двух тысяч названий периодических изданий, действуют десятки театров и театральных групп, типографий. Это было время плодотворной деятельности мыслителей (либерального и консервативного направлений), высокоодарённых поэтов, романистов, драматургов, сатириков, литературных критиков и публицистов. Возрождается наука, и главным образом классическая филология и история, что явилось продолжением традиций древней и средневековой армянской письменности. Для новых поколений открываются не только перспективы выучиться писать и читать, а, базируясь на мощным духовном и культурном прорыве, открыть и познать тайны Вселенной⁸.

Все мировые державы исчезали с политической сцены, исчерпав свой символический капитал культуры, а именно идею культурного (идеологического) превосходства. После «холодной войны» (XX в.) идея культуры реанимиру-

⁷ Мирумян Р. От Золотого века к Возрождению (опыт рассмотрения процесса формирования армянских национально-культурных традиций) // Сборник докладов Международной конференции, посвящённой 1600-летию изобретения армянской письменности., г. Ереван, 12-17 сентября 2005г. – Ереван, 2006. – С. 180-182.

⁸ Там же. – С. 185.

ет и находит своё отражение в современных геополитических концепциях. Эта тенденция особенно углубляется с развитием информационных технологий. В сформулированной в своё время З. Бжезинским концепции американского глобального превосходства культура характеризуется как одна из четырёх важнейших сфер реализации мировой власти Соединёнными Штатами Америки. Закономерно, что для мировых держав символический капитал культуры есть способ утверждения высокого престижа организующих пространство их власти ценностей и принципов. Историческое существование армянской нации является свидетельством иной цивилизационной закономерности: духовная самобытность нации важна настолько же, насколько важна и её политическая независимость. Не имеющие собственных идей, нации в духовно-нравственном отношении необходимым образом подчиняются тем нациям, чьи идеи они принимают. Чтобы войти в мир Культуры, нации должны приобрести (заслужить своей историей) «визитную карточку» как результат наивысшего проявления и развития их духовного потенциала.

На протяжении многих веков, при отсутствии государственности, Армянская церковь осуществляла функции государства, воплощала символ единства и коллективности, была хранителем и реализатором армянской национальной идентичности и национальных ценностей. Армянская церковь взяла ответственность за воспитательную и образовательную деятельность. Армянская церковь в диаспоре основывала ежедневные и воскресные школы, благодаря которым обучались и в армянском духе воспитывались тысячи молодых⁹.

Религиозное воспитание, которое необходимо начать еще с семьи, должно продолжаться как в ежедневных, так и воскресных школах, потому что, как писал Католикос Всех Армян Гарегин Первый, «религия не вопрос мысли». Религия для человеческого существа является вопросом внутренней чувствительности, которая формируется с раннего детства¹⁰.

⁹ Антинян С. Там же. С. 47.

¹⁰ Арутюнян Н., Кантех. Сборник научных статей №2. – Ереван, 2011. – С. 149.

На протяжении многих веков, живя в чужой среде и религиозной атмосфере, армяне были прочно связаны со своей Церковью. Благодаря ей армянам удалось сохранить свою письменность, культуру, литературу, национальные особенности¹¹. Этим был обусловлен тот факт, что во всех армянских общинах первом делом строились церкви, а потом, как логическое продолжение, следовало строительство школы. Главным инициатором и организатором основания и нормального функционирования армянских школ являлась Армянская церковь (Апостолическая, Католическая и Евангелическая). Первые армянские школы открылись благодаря ряду церквей и их спонсорству. В диаспоре – церковь и школа будто единое целое. Молодые выпускники данных школ с гордостью считаются носителями армянской культуры, хранителями и защитниками своеобразной идентичности армянской нации, благодаря которому армянская молодежь с честью и достоинством представляет Армению на международной арене¹².

В будущем дефицит компетентной и образованной молодежи может стать основой деградации и коллапса нации и всех общественных отношений. Учитывая темпы и спецификации глобализации, отметим, что только с помощью целенаправленного воспитания и образования можно интегрироваться в международное сообщество, организации сформировать и развить новый традиционный менталитет и, исходя из индивидуальных ценностно ориентированных подходов, усвоить международный опыт и послужить национальным интересам Армении.

Литература

1. Антинян, С. Роль армянских организаций, объединений и Армянской церкви диаспоры в формировании и развитии армянских школ / С. Антинян // Дар 21. – № 5(39). – Ереван, 2011.

¹¹ Антинян С. Там же. – С. 53-54.

¹² Армянское образование в диаспоре / Татев научно-образовательный комплекс. Ереван: Педагогическая мысль, 2008. – http://www.noravank.am/upload/pdf/03.Serob%20Antinyan_21_dar_05_2011.pdf

2. Аревшатын, С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.) / С.С. Аревшатын. – Ереван, 1973.
3. Армянское образование в диаспоре [Электронный ресурс] / Татев научно-образовательный комплекс. Ереван: Педагогическая мысль, 2008. http://www.noravank.am/upload/pdf/03.Serob%20Antinyan_21_dar_05_2011.pdf
4. Арутюнян, Н. Кантех / Н. Арутюнян // сборник научных статей № 2. – Ереван, 2011.
5. Мирумян, Р. От Золотого века к Возрождению (опыт рассмотрения процесса формирования армянских национально-культурных традиций) / Р. Мирумян // сборник докладов Международной конференции, посвящённой 1600-летию изобретения армянской письменности, г. Ереван 12–17 сентября 2005 г. – Ереван, 2006.
6. Похпатын, С. Аспекты национального эстетического воспитания. Кантех № 4 / С. Похпатын // Сборник научных статей. – Книга 4/17/. – Ереван: Асохик, 2003.

Аксютинa Светлана Васильевна,
доцент,
Вологодский государственный университет,
г. Вологда

Обеспечение алкогольной безопасности региона

Аннотация. В работе представлены результаты исследования экономических и социально-демографических показателей, связанных с производством и потреблением алкогольной продукции в регионе. Международный опыт регулирования потребления алкоголя показал необходимость ужесточения государственного контроля в сфере производства и оборота алкогольной продукции. Показана необходимость активизации профилактики асоциальных явлений в

образовательных учреждениях в рамках контекстного обучения студентов. Приведена методика ситуационного обучения бакалавров-экономистов с использованием кейс-метода оценки алкогольной безопасности региона.

Ключевые слова: алкогольная безопасность, асоциальные явления, профилактика алкоголизации, инновационное образование, кейс-технологии.

Растущая алкоголизация общества, ухудшение социально-демографических показателей, необходимость формирования самосохранительной культуры, в том числе через активизацию деятельности системы образования и органов власти, обуславливают поиск способов профилактики алкогольной зависимости. Возможность преодолеть отдельные проблемы социально-демографического и экономического развития территорий связана не только с государственным регулированием, но и с функционированием системы образования, ответственной за подготовку молодых специалистов, обладающих высокими стандартами благосостояния человека [1, 2].

С 2010 года отмечается устойчивая динамика роста потребления алкогольной продукции – с 10,31 л до 15,76 л на душу населения (при норме ВОЗ – 8 л). Анализ структуры потребления алкогольных напитков показал смещение потребительских запросов от крепких алкогольных напитков к наиболее дешевым – пиву. Вместе с тем изучение динамики потребительских расходов населения в 2005–2014 гг. (табл. 1) позволило определить снижение доли расходов граждан на алкогольные напитки в связи с ростом оплаты услуг.

Таблица 1. Структура потребительских расходов населения в 2000–2014 гг., %

Годы	Потребительские расходы, %				
	Продукты питания	Непродовольственные товары	Алкогольные напитки	Оплата услуг	Всего
2010	38,0	34,1	1,9	26,0	100
2011	35,7	37,8	2,1	24,4	100
2012	37,3	34,0	2,0	26,7	100
2013	27,7	34,8	1,7	35,8	100
2014	28,5	34,0	1,7	35,8	100

Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [3].

Снижение расходов на потребление алкоголя не приводит к кардинальному снижению уровня смертности. По данным статистики смертность от причин, связанных с алкоголизмом, составляет 13–15% на 100 тыс. населения. Рост потребления алкогольной продукции неизменно приводит к ухудшению демографических показателей: за анализируемый период от причин, связанных с употреблением алкоголя, в среднем умерло 78,2% мужчин и 21,8% женщин.

Поэтому считаем необходимым определить критический объем производства, соответствующий нормам ВОЗ [4].

Расчет безопасного объема производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления на 2014 год произведен в таблице 2.

Таблица 2. Расчет безопасного объема производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления в 2014 г.

Показатель	Значение
Численность населения, тыс. чел.	1193,4
Потребление алкогольной продукции на душу населения в абсолютном алкоголе по нормам ВОЗ, л.	8
Безопасный объем потребления алкогольной продукции, тыс. дал.	9547,2
Объем импорта алкогольной продукции, тыс. дал.	5464,9
Безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления (пороговое значение), тыс. дал.	4082,3
Фактический объем производства алкогольной продукции, тыс. дал.	7344,6
Объем экспорта алкогольной продукции, тыс. дал.	1627,1
Отклонение фактического объема производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления от порогового значения (перепроизводство), тыс. дал.	-1635,2
Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики [3] с использованием методики [4].	

Фактический объем производства алкогольной продукции на цели внутреннего потребления не превышает пороговое значение – безопасный объем производства алкогольной продукции для внутрирегионального потребления и составляет 7344,6 тыс. дал., тем самым не вызывая угрозы алкогольной безопасности региона. Но, учитывая наличие нелегального оборота алкогольной

продукции и известную величину ввозимых алкогольных напитков, можно утверждать, что расчетные данные свидетельствуют о перепроизводстве алкоголя, влекущем угрозы для населения в объеме 1635,2 тыс. дал.

Соответственно, актуализируются эффективные государственные меры по противодействию злоупотреблению алкоголем. Очевидно, что продолжает оставаться нерешенным вопрос регулирования объема производства и потребления алкогольной продукции с точки зрения безопасной величины как для населения, так и для государства, сопровождаемого отсутствием экономических потерь от незаконного оборота алкогольной продукции [2].

Считаем необходимым осуществить адаптацию положительной зарубежной практики в борьбе с алкоголизмом (участие в формировании алкогольной политики ассоциаций алкогольного бизнеса, государственная монополия на спирт, физическое ограничение доступности спиртных напитков, усиление надзора), что позволит повысить алкогольную безопасность региона.

Вместе с тем полагаем, что неотъемлемым элементом развития здорового общества выступает образовательный процесс, ориентированный прежде всего на становление духовного облика молодого поколения, способного руководить прогрессом самого общества. Профилактика асоциальных явлений является стержнем воспитательного процесса, позволяет формировать ответственность не только перед самим собой, но и перед другими людьми, соблюдать социально-нравственные нормы не из страха перед наказанием, а по причине внутренней потребности и убежденности индивида.

Инновационное образование предполагает активизацию контекстного (ситуационного) обучения, предусматривающего моделирование предметного и социального содержания деятельности обучающихся. Эффективность обучения может быть повышена путем актуализации определенного комплекса знаний, необходимого для решения практической проблемы, представляющей совокуп-

ность связанных событий, что требует умения анализировать большой объем информации, осуществлять поиск решения в условиях неполной информации.

Например, в современной практике решение указанных задач осуществляется в рамках ситуационного обучения, то есть с использованием кейс-методов (case study), которые позволяют проанализировать ситуацию, разобраться в сути проблем, предложить возможные решения и обосновать наилучший вариант. Кейс-методы способствуют эффективному развитию компетенций, развивают аналитические, творческие, коммуникативные и социальные навыки, позволяют сформировать активную гражданскую позицию, что особенно актуально для современных выпускников.

Соответственно, в рамках стратегии контекстного обучения для развития вышеуказанных навыков возможно использование метода изучения проблемы (case-problem-method). Нами предлагается применение кейс-метода для изучения алкогольной безопасности региона, отражающей социальные, экономические, демографические проблемы государства и населения, связанные с алкоголизацией общества, что затрагивает междисциплинарные знания и предполагает активное использование исследовательских приемов, развитие навыков анализа и интерпретации полученных результатов.

В то же время изучение состояния алкогольной политики и угроз безопасности региона позволяет решать задачи профилактики асоциальных явлений, в первую очередь таких, как борьба с алкоголизмом.

При анализе указанной проблемы внимание студентов обращается на то, что потери от злоупотребления алкоголем наносят ощутимый вред социальному и экономическому развитию страны. Вместе с тем рост производства алкогольной продукции позволяет увеличивать доходы бюджета. Студентам предлагается систематизировать и проанализировать статистическую информацию для подтверждения обозначенной проблемы.

В ходе дискуссии предлагается обсудить угрозы алкогольной безопасности, направления улучшения социально-демографических и экономических показателей, характеризующих алкогольную безопасность, обратить внимание на пути нейтрализации существующих угроз, что по своей сути является прерогативой государства. Методический паспорт кейса включает ряд приемов: ситуационный анализ, «мозговой штурм», дискуссию, что позволит акцентировать внимание на выборе приоритетов социальной стабильности общества, обеспечении здоровья нации, необходимости принятия нестандартных решений в проблемных ситуациях. Соответственно, обеспечивается не только развитие компетентности студентов, но и активизация профилактики асоциальных явлений в рамках учебной и воспитательной работы в вузах.

Литература

1. Аксютинa, С.В. Актуальные вопросы алкогольной безопасности региона [Текст] / С.В. Аксютинa, Н.М. Овсянкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 1(37). – С. 117-133.
2. Концепция государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rb.ru/inform/128937.html>
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologdastat.gks.ru/>
4. Овсянкина, Н.М. Анализ и прогнозирование социально-демографических показателей алкогольной безопасности в Вологодской области [Текст] / Н.М. Овсянкина, О.А. Шихова // Молочнохозяйственный вестник. – 2013. – № 3(11). – С. 69-75.

Аладышкина Анна Сергеевна,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры экономической теории и эконометрики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород

Леонова Людмила Аркадьевна,
кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры математической экономики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород

Креховец Екатерина Владимировна,
старший преподаватель
кафедры экономической теории и эконометрики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород

Экологические ценности молодежи: развитие экологической культуры студентов неэкологических специальностей

Аннотация. В работе рассматривается использование проектной деятельности экологической направленности как элемента эффективного образовательного процесса в рамках применения Федерального государственного образовательного стандарта. Обозначается важность повышения экологической культуры студентов. Рассмотрены примеры реализованных проектных решений в рамках обучения по направлению подготовки 38.03.01: Экономика (квалификация: бакалавр), выделены формирующиеся компетенции и навыки.

Ключевые слова: проектная деятельность, экология, компетенции, «мягкие навыки».

В целях формирования экологической культуры и профессиональной подготовки специалистов в области охраны окружающей среды действующим законодательством провозглашена система всеобщего и комплексного экологического образования [1]. Согласно Основам государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года главными задачами государственной политики в области экологического развития являются формирование экологической культуры, развитие экологического образования и

воспитания [2]. Многие положения этого документа уже нашли свое отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования, но часть из них ещё предстоит встроить в структуру российского образования [3].

Экологическое образование – это непрерывный процесс обучения, направленный на формирование общей экологической культуры, приобретение умений и навыков природоохранной деятельности, усвоение систематизированных знаний об окружающей среде. Одной из площадок экологического образования, безусловно, является высшая школа. С позиций устойчивого развития общества основной задачей вузовского образования является формирование и воспитание студентов, умеющих экологически грамотно строить свои взаимоотношения с окружающей природной средой.

Экологическое образование в вузе можно разделить на две категории. С одной стороны, это подготовка отраслевых специалистов-экологов, а также экологов широкого профиля. С другой стороны, новый подход к образованию требует прежде всего развития экологической культуры. Специалисты, выходящие из стен любого вуза, должны ощущать свою неразрывную связь с окружающей средой, быть готовыми осуществлять экологически целесообразные действия в любой сфере деятельности. Такое понимание цели образования требует в первую очередь «экологизации» образования студентов непрофильных, т.е. неэкологических, специальностей [4].

НИУ ВШЭ наряду с другими российскими вузами перешел в 2011–2012 учебном году на Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВО) третьего поколения [например, 5]. Высшая школа экономики, как национальный исследовательский университет, имеет право самостоятельно устанавливать образовательные стандарты¹. Они отличаются от Федеральных государственных образователь-

¹ Ст. 11 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

ных стандартов высшего образования, но их требования не могут быть ниже требований ФГОС ВО. В рамках настоящей работы будет рассмотрен ФГОС ВО по направлению подготовки 38.03.01: Экономика (уровень бакалавриата), одним из разработчиков которого выступила Высшая школа экономики [6]. Необходимо отметить, что Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования и учебным планом по направлению подготовки «Экономика» не предусмотрено изучение экологических дисциплин. Однако по концепции на первой ступени высшего образования, согласно структуре образовательной программы бакалавриата НИУ ВШЭ, отдельное важное место занимает проектная деятельность студентов. Проектная деятельность выделяется как особый тип учебной деятельности, в рамках которой студенты участвуют в реальных проектах, в том числе по заказу представителей как реального сектора экономики, так и законодательной и исполнительной власти.

Метод проектов наделен огромными возможностями в контексте формирования экологической культуры. Данный метод позволяет формировать исследовательские навыки, опыт самостоятельного решения прикладных экологических задач. Метод проектов применяется в отечественной и зарубежной педагогике уже давно [7]. Проектная деятельность является одним из механизмов, реализующих идеи компетентного подхода. Если говорить о развитии компетенций, то в процессе участия студентов непрофильных (неэкологических) специальностей в экологических проектах могут быть развиты как универсальные, так и профессиональные компетенции студентов. На примере образовательного стандарта НИУ ВШЭ программ бакалавриата по направлению подготовки «Экономика» рассмотрим более подробно, как участие в экологических проектах может повлиять на получение студентами необходимых навыков и компетенций. Если обратиться к списку универсальных компетенций, которыми должен обладать выпускник, освоивший программу бакалавриата, то с уверенностью можно сказать, что все они развиваются в рамках участия в экологических проектах.

Но поскольку задачи, которые ставятся перед студентами, решаются в контексте профильного образования студента, проекты в итоге затрагивают и профессиональные компетенции (такие как ИК-3, СЛК-Б8, ИК-Б1.1Б4.1ПД1(Э), ИК-10). В случае работы над проектами на первое место выходит построение образовательного процесса с позиций решения студентами творческих познавательных задач, развитие способности к творческому процессу приобретения знаний, получение навыков самостоятельного мышления. Здесь мы вплотную подходим к необходимости формирования у студентов не только знаний, но и «мягких навыков», так называемых «soft skills». Последнее время проблема разрыва между навыками, которыми обладает выпускник, и запросами рынка труда широко обсуждается как в среде работодателей, так и в педагогических кругах [например, 8]. Чаще всего работодатели отмечают, что основная диспропорция проявляется в отсутствии либо в недостаточном объеме имеющихся у молодых специалистов «мягких навыков». Студенты, выходящие из стен вузов, зачастую не обладают в должной мере такими навыками, как создание команды, умение работать в команде, выявление, определение и решение проблем, умение управлять временем, управление конфликтами, внутренняя референция, проактивность, социальная чуткость и т.д. В рамках решения проектных задач студенты применяют знания и умения, полученные в ходе усвоения учебных дисциплин, предусмотренных образовательной программой. Таким образом, проектная деятельность является эффективным образовательным инструментом, позволяющим студентам не только получить высшее образование в соответствии с образовательным стандартом, но и приобрести навыки, востребованные рынком труда.

Удачный опыт организации проектов, которые реализуются уже не первый год и проходят не только по инициативе преподавателей, но и по инициативе студентов, стимулирует возникновение все новых идей проектной экологической деятельности. В дальнейшем можно ожидать, что при реализации такого подхода выпускники будут отличаться глубиной экологических знаний,

убежденностью в необходимости природоохранной деятельности и готовности к этой деятельности, то есть в итоге будут демонстрировать высокую экологическую культуру.

Литература

1. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ.
2. Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года: утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.
3. Захлебный, А.Н. Отражение экологической стратегии России в содержании системы общего экологического образования / А.Н. Захлебный, Е.Н. Дзятковская // Нижегородское образование. – 2014. – № 4. – С. 20-27.
4. Региональная программа непрерывного экологического образования. – Н. Новгород: Типография ИНГУ, 1992.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования. Уровень высшего образования Бакалавриат. Направление подготовки 38.03.01: Экономика: утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 ноября 2015 г. № 1327.
6. Образовательный стандарт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики».
7. Пеньковских, Е.А. Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике / Е.А. Пеньковских // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 307-318.
8. Учись, студент? Влияние успеваемости в вузе на заработную плату выпускников / В.Н. Рудаков, И.С. Чириков, С.Ю. Рошин, Д.С. Дрожжина // НИУ ВШЭ. Серия WP15 «Научные труды лаборатории исследований рынка труда». – 2016. – № 1.

Барсуков Виталий Николаевич,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Межпоколенческие конфликты как социальная проблема «стареющих» обществ*

Аннотация. В работе рассматриваются основные факторы возникновения межпоколенческих конфликтов. Выделены сферы их проявления, мотивы и степень участия в них разных возрастных категорий населения. Делается вывод о том, что проявления возрастной дискриминации и десоциализации характерны как для молодежи, так и для пожилых людей, однако молодые люди легче справляются с их последствиями. Определены основные причины возникновения межпоколенческих конфликтов, предложены меры по нивелированию последствий исследуемой проблемы.

Ключевые слова: пожилые люди, молодежь, эйджизм, межпоколенческие конфликты.

В XX веке население большинства развитых и развивающихся стран (в том числе и России) подверглось деформации возрастной структуры вследствие демографического старения. Подобные изменения повлекли за собой последствия не только демографического (увеличение среднего возраста населения; формирование потенциально более широкой базы для развития процесса смертности и др.) и экономического (увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население; увеличение дефицита пенсионных фондов и др.), но и социального характера.

По мнению ряда социологов [6; 1], в XXI веке межпоколенческие конфликты и справедливость между поколениями становятся важнейшими проблемами современного общества. Если ранее эти конфликты находили свое отражение в политической («оккупирование») представителями старшего поколе-

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-02-00301 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

ния должностей во властных органах) и культурной (несоответствие ценностных установок молодежи и пожилых людей) сферах, то в современных условиях эта проблема приобрела также экономический характер [4; 5]. Интенсивное старение населения развитых и развивающихся стран привело к тому, что доля пожилых людей значительно возросла, в то время как доля детей и молодежи, вследствие низкой рождаемости, существенно сократилась. На фоне увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни совокупность этих факторов вызвала рост реальной конкуренции на рынке труда между молодыми людьми, которые еще собираются начать свою трудовую деятельность, и пожилыми людьми, имеющими возможность и мотивацию к продолжению трудовой деятельности.

Как показал американский исследователь Джеймс Мур на примере США [13], рост трудовой активности пенсионеров может стать серьезной структурной проблемой для экономики развитых стран. На рынке труда пенсионеры начинают конкурировать с населением в трудоспособном возрасте. В итоге рост рабочей силы в меньшей степени обеспечивается за счет других групп населения, что, в свою очередь, ведет к росту безработицы среди молодых. Как результат – уровень занятости либо остается стабильным, либо перестает расти. В то же время, по словам Мура, Федеральная резервная система США соблюдает свой двойной мандат – контроль инфляции и занятости. На рост безработицы регулятор отвечает еще более длительным периодом низких процентных ставок, что вызывает появление еще большего количества работающих пенсионеров. В российском случае проблема обостряется еще и тем, что законодательство РФ позволяет гражданину продолжать работать после выхода на пенсию.

Социальные проблемы «стареющего» государства часто рассматриваются через призму проблем справедливости перераспределения общественных благ между разными категориями населения и будущего социальной защиты населения в этих странах. Пожилые люди являются главными получателями общественных трансфертных программ, в то время как воспитание детей, даже учи-

тывая расходы государства на образование, в основном оплачивается их родителями [1]. Такое распределение может рассматриваться как определенная несправедливость, особенно со стороны так называемого «сэндвич-поколения», т.е. людей средних лет, вынужденных оказывать поддержку одновременно и детям, и пожилым. Таким образом в конфликте поколений оказываются задействованы все три основные возрастные группы населения.

Согласно данным Европейского социального исследования [10] во всех странах Европейского союза вклад молодых людей в экономику оценивается значительно выше, чем населения пожилого возраста. При этом если по отношению к молодым людям общество может испытывать целый спектр противоречивых эмоций от зависти и презрения до восхищения, то по отношению к пожилым – чаще всего жалость и сочувствие. Для стран с переходной экономикой (страны Прибалтики и Россия) вероятно возникновение некоторых проявлений геронтофобии (дословно – боязнь стариков и старости), которые были характерны для развитых стран во второй половине XX века, когда последствия старения населения стали очевидными [11].

Конфликт поколений наиболее полно характеризуют явления эйджизма и адультизма. Впервые термин «эйджизм» был введен в оборот американским ученым Р. Батлером [7] и означал дискриминацию по возрастному признаку по аналогии с нацизмом и сексизмом. Батлер рассматривал его как комбинацию трех взаимосвязанных аспектов, таких как: негативная стереотипизация пожилых людей, дискриминационные проявления в межличностном взаимодействии людей, а также дискриминация на институциональном уровне (в частности, на рынке труда). Показательными являются результаты исследования, проведенного в конце 90-х годов прошлого века американскими учеными К. Эдвардсом и Дж. Ветслером [9]. Молодые люди видят в пожилых потенциальную угрозу, беспокойство, вызванное теми факторами, которые сопутствуют старению (немоть, слабость, возможная физическая несостоятельность). Эту гипотезу Эдвардс и Ветслер подтвердили проведенными исследованиями, причем они счи-

тали, что восприятие пожилых как угрозы преодолевается и беспокойство молодых снижается, если молодые люди изначально воспринимают себя как часть одной группы с пожилыми, к которой они в будущем присоединятся.

Термин адультизм, в свою очередь, обозначает предрасположение к взрослым и их поведению в противовес молодым людям [2]. Однако, как показывают данные зарубежных исследований [12], молодые люди переносят проявления возрастной дискриминации намного легче, чем пожилые.

Еще одним важным фактором, прямо или косвенно способствующим возникновению межпоколенческих конфликтов и десоциализации, является проблема одиночества. Как показали данные исследования качества жизни пожилых людей, проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 году¹, 9% опрошенных считают себя одинокими, чуть больше 40% респондентов периодически сталкиваются с чувством одиночества. Растет и доля одиноко проживающих: если в возрасте 50–59 лет она в среднем составляет 11%, то в возрасте от 60 до 69 лет – 22%. Следующий и наиболее существенный скачок наблюдается после 70 лет, когда данный показатель возрастает до 37%. Причем чаще среди женщин, поскольку в большинстве пожилых семейных пар мужчины уходят из жизни раньше своих партнерш. Проблема одиночества в наибольшей степени характерна для двух «полярных» возрастных групп: подростков и пожилых. Причем подростки сталкиваются с этим явлением даже чаще, чем представители старшего поколения, однако причины его возникновения несколько разнятся [3]. Так, в подростковом возрасте возникновение чувства одиночества чаще обусловлено личностными характеристиками индивида и его поведением, тогда как в пожилом возрасте эта проблема переходит в разряд социальных, связанных с разрывом прежних социальных связей, а также со стереотипизацией социально-демографической группы пожилых людей.

Подведем некоторые итоги. Как показывают зарубежные исследования, проблема межпоколенческих конфликтов обостряется в условиях деформации

¹ Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Выборка квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Объем выборки – 1500 человек старше 50 лет, ошибка выборки не превышает 5%.

возрастной структуры вследствие старения населения. В межпоколенческом конфликте в разной степени участвуют все основные категории населения, имеющие разные представления о справедливости перераспределения общественных ресурсов. Проявления возрастной дискриминации и десоциализации характерны как для молодежи, так и для пожилых людей, однако в молодом возрасте их последствия переносятся менее болезненно.

На основе проведенного анализа можно выделить основные причины возникновения межпоколенческого конфликта молодежи и пожилых людей:

- обесценивание старости в глазах молодого поколения, возникновение геронтофобии;
- борьба за общественные ресурсы, конкуренция на рынке труда;
- неприятие ценностей и образа жизни пожилых людей молодежью (и наоборот);
- увеличение социокультурной дистанции между молодым и пожилым возрастом.

Согласно проведенному анализу и экспертной оценке [19], для решения проблемы межпоколенческих конфликтов в современных реалиях в России необходимо принять закон о недопустимости дискриминации по возрасту. Второй, и наиболее важной, является проблема межпоколенческих коммуникаций. Сокращение коммуникативной дистанции между молодежью и пожилыми людьми позволит повысить эффективность межпоколенческого взаимодействия, а также интенсивность передачи социального опыта.

Литература

1. Зеликова, Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология [Текст] / Ю.А. Зеликова. – СПб.: Норма, 2014. – 224 с.
2. Микляева, А.В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт [Текст] / А.В. Микляева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 100. – С. 148-157.

3. Фарахов, А.Ф. Феномен одиночества: геронтологический аспект [Электронный ресурс] / А.Ф. Фарахов // Современные исследования социальных проблем. – 2013. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-odinochestva-gerontologicheskiiy-aspekt>
4. Attias-Donfut, C. European patterns of intergenerational financial and time transfers [Text] / C. Attias-Donfut, J. Ogg, F-C. Wolff // European Journal of Ageing. – 2005. – № 2(3). – P. 161-173.
5. Attias-Donfut, The Myth of Generational Conflict. The family and state in ageing societies. [Text] / C. Attias-Donfut, S. Arber. – London, New York: Routledge, 2001. – 256 pp.
6. Bengtson, V. The Changing Contract Across Generations [Text] / V. Bengtson, W. Achenbaum. – New York: Aldine de Gruyter, 1993. – 311 pp.
7. Butler, R. Ageism: Another form of bigotry [Text] / R. Butler // The Gerontologist. – 1969. – № 9. – P. 243-246.
8. Dukhovnov, D. Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex [Text] / D. Dukhovnov, E. Zagheni // Population and Development Review. – 2015. – № 41(2). – P. 183-206.
9. Edwards, K. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly [Text] / K. Edwards, J. Wetzler // Journal of Language & Social Psychology. – 1998. – № 12(3). – P. 207-223.
10. European Social Survey [Electronic resource]. – URL: <http://www.ess-ru.ru/>
11. Feuer, L.S. The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement [Text] / L.S. Feuer. – New York, 1969. – 543 pp.
12. Garstka, T. How young and older adults differ in their responses to perceived age discrimination [Text] / T. Garstka, M. Schmitt // Psychology and Aging. – 2004. – № 2(19). – P. 326–335.
13. Moore, J. What's Your Number at the Zero Bound? [Electronic resource]. – URL: <https://www.pimco.com/insights/viewpoints/viewpoints/whats-your-number-at-the-zero-bound>

Безруков Антон Витальевич,

аспирант,

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

г. Пермь

Социокультурная модернизация ценностных ориентаций российской молодежи в условиях развития общества риска

Аннотация. Проблема самоопределения молодежи рассматривается в соотношении с социокультурной модернизацией современного российского общества. Описываются структура и функции процесса социального самоопределения. Представляются тенденции изменения системы ценностей молодежи Пермского края. На основе теории «общества риска» У. Бека объясняются противоречия трансформации ценностных ориентаций молодых людей.

Ключевые слова: самоопределение молодежи, общество риска, ценности изменения, ценности сохранения, «глобализация неуверенности».

Традиционно молодежь рассматривают как наиболее активный ресурс, который чутко реагирует на изменения в развитии общества. С одной стороны, молодые люди впитывают в себя все общественные воздействия, ценности и идеалы. С другой стороны, ввиду неполной включенности в социальный порядок, занимают наиболее неустойчивое положение в нём при решении проблемы социального самоопределения. В свою очередь, социальное самоопределение понимается как индивидуальное преломление норм и ценностей сложившегося социального порядка, вследствие которого формируется избирательное отношение к миру.

В современном обществе, за которым закрепилось свойство «риска», характеризующегося через аномию норм и ценностей, неопределённость перспектив молодежи усиливается противоречивостью кризисных процессов. Вместе с тем, провозглашаемый курс на социокультурную модернизацию требует формирования социальных субъектов, «обладающих модернизированным типом сознания» [7, с. 129].

Социокультурная модернизация в контексте социального самоопределения молодого человека предполагает «формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов» [8, с. 64]. Следовательно, социальное самоопределение, как процесс и результат внутренних изменений в результате внешнего активного приспособления, в условиях «общества риска» [3] будет представлять собой последовательный процесс проб и ошибок до достижения устойчивого развития общества.

В свою очередь, в качестве основы процесса социального самоопределения рассматривается «ценностно-смысловое ядро» [1, с. 188]. В условиях социальных трансформаций его формирование происходит за счёт постепенно отбираемых и интегрируемых феноменов внешней среды. В этой ситуации молодёжь призвана выполнять функцию «оживляющего посредника социальной жизни... для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [6, с. 572].

Центром социального партнерства и социологических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование по методике составления «Социологического портрета региона» [5]. По репрезентативной выборке было опрошено 258 лиц в возрасте от 18 до 29 лет. Респондентам было предложено оценить утверждения по степени согласия с ними («1» – полностью не согласен, «2» – не согласен, «3» – нейтрально, «4» – согласен, «5» – полностью согласен).

В целом оценки молодых людей слабо отличаются от оценок лиц более старших возрастных групп. Однако были выявлены некоторые тенденции трансформации ценностной «оболочки» молодёжи.

Одинаково значимые позиции в ценностной системе как молодых людей, так и лиц более старших возрастов занимают: жизнь человека, свобода, благополучие, альтруизм, своеволие и властность (табл. 1). Можно сказать, что они составляют «ценностно-смысловое ядро» жителей Пермского края.

Таблица 1. Распределение оценок по ценностям, средний балл (ранг)

Ценности	Молодёжь			Выборка в целом
	18–20 лет	21–24 лет	25–29 лет	
Жизнь человека	4,6 (2)	4,6 (1)	4,7 (1)	4,7 (1)
Отношения	4,5 (3)	4,5 (2)	4,5 (2)	4,6 (4)
Порядок и безопасность	4,7 (1)	4,3 (4)	4,4 (4)	4,6 (3)
Семья и дети	4,1 (6)	4,4 (3)	4,4 (3)	4,7 (2)
Свобода	4,1 (5)	4,2 (5)	4,4 (5)	4,3 (7)
Интересная работа	4,3 (4)	4,2 (6)	4,2 (8)	4,2 (8)
Благополучие	4,1 (7)	4,2 (7)	4,3 (7)	4,3 (6)
Независимость	4,0 (9)	4,1 (8)	4,3 (6)	4,4 (5)
Инициативность	4,1 (8)	4,0 (9)	4,1 (9)	3,8 (11)
Традиция	3,8 (10)	3,6 (10)	4,0 (10)	4,2 (9)
Альтруизм	3,5 (11)	2,9 (11)	3,9 (11)	3,9 (10)
Своеволие	2,8 (12)	2,9 (13)	2,6 (13)	2,6 (12)
Властность	2,7 (13)	2,9 (12)	2,9 (12)	2,4 (13)

Результаты также подтверждают довольно современную тенденцию падения ценности семьи и детей. Очевидно, упор делается на построение неформальных и менее обременительных партнёрских и внесемейных дружеских отношений [2, с. 108].

В вопросах самореализации молодёжь характеризуется определённым нонконформизмом и значительно выше оценивает значимость личной инициативы, рискованности и интересной работы, не боясь оказаться в меньшинстве, в то время как взрослые более конформны.

Интересны оценки ценности «порядка и безопасности». Поскольку данная ценность тесно связана с политической ситуацией в стране, важность представляют оценки значимости соблюдения прав и свобод. Они также показывают, что в качестве наиболее важного абсолютное большинство (95%) молодых граждан признают право на безопасность, а представители старших возрастных групп – равенство перед законом (табл. 2). Если учесть, что молодёжь более ярко отражает современные реалии, то такие оценки подтверждают прогноз У. Бека о том, что «уходящие классовые общества» устремлены к идеалу равенства, а движущим принципом «грядущего общества риска» становится безопасность.

Таблица 2. Субъективная важность прав и свобод человека в РФ, % (ранг)

Права и свободы	Важность соблюдения (ранг)	
	Молодежь	Выборка в целом
Свобода слова	90,7 (6)	81,2 (7)
Право на безопасность	95,0 (1)	91,5 (3)
Свобода объединений	61,6 (10)	48,6 (10)
Право на нац. язык, культуру	77,9 (9)	77,6 (8)
Религиозные свободы	81,4 (8)	74,5 (9)
Равенство перед законом	93,8 (3)	92,2 (1)
Право на труд	93,4 (4)	91,8 (2)
Право частной собственности	93,0 (5)	87,9 (5)
Право на образование	94,9 (2)	91,4 (4)
Тайна личной переписки	89,9 (7)	83,2 (6)

Место ценностной системы общества «неравенства» занимает ценностная система «небезопасного» общества [3, с. 107]. Показательно также, что значимость независимости у молодежи существенно ниже, чем у более старших групп. Это вполне отражает бытующие в молодежной среде чувства одиночества, изолированности, ничтожности и бессилия. Они представляют собой рефлексию на многочисленные противоречия общества, в частности, между получаемым образованием и запросами рынка труда, провозглашаемой свободой и ограничением демократических прав и свобод, наконец, противоречия социального неравенства в доходах, уровне ответственности. Такое состояние, в свою очередь, не только подрывает человеческую личность, но и подготавливает его к новому рабству в «обществе риска», когда молодой «индивид рискует стать орудием внешних целей» [9, с. 124].

Соотношение так называемых «ценностей сохранения» (порядок, традиция, альтруизм, властность) и «ценностей изменения» (свобода, инициативность, независимость, своеволие) у молодежи показывает направленность на трансформации (значение коэффициента соотношения равно 1,05), в то время как старшие возрастные группы ориентированы на поддержание существующего порядка (значение коэффициента равно 0,98). Наибольшую ориентацию на изменения демонстрируют молодые люди в возрасте от 21 до 24 лет (значение коэффициента равно 1,12).

Таким образом, на индивидуальном уровне идет формирование и принятие ценностей модерна. Однако до конца не преодолен риск воспроизводства

устаревших, отживших ценностей и отношений, характерных для эпохи капиталистического авторитаризма. Сознание и поведение молодых субъектов отражает «глобализацию неуверенности» [3, с. 45]. Подобная ситуация может формировать впечатление, что «в индивидуальном сознании человек и общество сосуществуют как бы в параллельных пространствах» [4, с. 221]. Несмотря на это, сама модернизационная неопределенность выступает как «позитивный фактор высокой социальной мобильности и, следовательно, адаптивности к изменениям во всех сферах общества» [10, с. 66].

Литература

1. Белых, Л.И. К вопросу о структуре нравственного самоопределения молодежи / Л.И. Белых // Вестник КрасГАУ. – 2013. – № 1. – С. 167-190.
2. Беляева, М.А. Репродуктивное самоопределение молодежи в стареющем обществе: ценностно-культурологический аспект / М.А. Беляева // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 1. – С. 108-111.
3. Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
4. Ишкинеева, Ф.Ф. Социальное самочувствие молодежи на пороге профессионального самоопределения в обществе риска / Ф.Ф. Ишкинеева, С.А. Ахметова, Р.Г. Минзарилов // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. – № 6. – С. 220-230.
5. Лапин, Н.И. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: ИФ РАН, 2010. – 135 с.
6. Манхейм, К. Избранное: Диагноз нашего времени: пер. с нем. и англ. – М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – С. 570-591.
7. Рожкова, Л.В. Динамика ценностей и ориентаций студенчества в условиях социокультурной модернизации России / Л.В. Рожкова // Вопросы современной науки и практики. – 2013. – № 2(46). – С. 129-135.

8. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы / Н.Е. Тихонова // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 62-81.
9. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм; пер. с англ.: Г.Ф. Швейник. – М.: АСТ, 2011. – 288 с.
10. Шарова, Е.Н. Профессиональное самоопределение молодежи / Е.Н. Шарова, Т.В. Мулина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 50-68.

Белехова Галина Вадимовна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Финансовые знания и навыки молодежи
(на примере Вологодской области)***

Аннотация. Проблематика финансовой грамотности населения в последние годы приобретает всё большую актуальность, соответственно, повышается значимость научных исследований, направленных на выявление «слабых зон» в финансовых знаниях и компетентностях определенных групп населения. В докладе раскрываются особенности финансовой грамотности, наблюдаемые в группе молодежи (18–29 лет), проживающей в Вологодской области. Установлено, что финансовые знания и навыки молодого населения области характеризуются как невысокие; выявлены «слабые зоны» финансовой грамотности, а именно непоследовательность в формировании финансовых резервов, слабый контроль над движением денежных средств, низкая склонность к поиску выгодных финансовых продуктов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Факторы и мотивы экономического поведения населения (на материалах Вологодской области)» №16-02-00276.

Ключевые слова: молодежь, финансовая грамотность, семейный бюджет, система страхования вкладов.

Эффективность участия населения в современной экономике, его материальное благосостояние напрямую зависят от понимания того, каким образом можно с выгодой для себя использовать финансовые продукты [2, с. 10]. Следовательно, знание и понимание финансовых понятий, осведомленность о финансовых продуктах и ситуации в экономической сфере, наличие реального опыта и прикладных навыков работы на рынке финансов, осознанного представления о своих финансовых целях и задачах и понимание личной ответственности за свое материальное благополучие, в совокупности формирующие финансовую грамотность, становятся неотъемлемой компетенцией человека XXI века.

Однако исследования, проводимые в России по данной тематике, демонстрируют неутешительные факты [1, 3, 4, 6, 8]. Для организации продуманной работы и реализации действенных мероприятий по повышению финансовой грамотности большую значимость приобретают исследования, предоставляющие информацию о текущем уровне финансовой грамотности и существующих проблемах, в том числе в разрезе конкретных групп населения. *В проведенном исследовании была поставлена цель* показать особенности финансовых знаний и навыков молодежи. Выбор данного объекта исследования обусловлен тем, что, во-первых, молодежь является наиболее восприимчивым и перспективным пользователем финансовых услуг. Во-вторых, молодые люди более активны, мобильны (им легче сменить место работы), склонны к восприятию нового. В-третьих, их финансовое образование будет иметь наиболее долгосрочный эффект [5, с. 158], поскольку у них вся жизнь впереди.

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса «Качество жизни», проведенного Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Вологодской области в 2014 и

2016 годах¹. Методологической проблемой явилось определение возрастных границ молодежи. В Российской Федерации молодежным официально считается возраст от 14 до 30 лет, в Европе – от 15 до 29 лет. Учитывая, что согласно Конституции РФ в полном объеме дееспособность в отношении использования финансовых продуктов у лица возникает по достижении 18 лет, в исследовании приняты возрастные границы молодежи от 18 до 30 лет².

Финансовая грамотность молодежи Вологодской области по субъективной оценке находится на удовлетворительном уровне, при этом во многом совпадая с самооценками лиц среднего возраста и превышая самооценки пенсионеров³ (рисунок). За 2014–2016 гг. отмечается определенная положительная динамика: на 3% увеличилась доля характеризующих свои знания как «хорошие» и «отличные», на 4% выросла доля удовлетворительных оценок, на 7% снизилась доля неудовлетворительных оценок.

Самоидентификация населения в отношении финансовой грамотности (в % от общего числа опрошенных)

¹ Опросы проводятся методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов на территории городов Вологда и Череповец и 8-ми районов Вологодской области. Общий объем выборочной совокупности 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Соблюдаются требования по репрезентативности. Ошибка выборки не превышает 3%.

В рамках социологического опроса «Исследование сберегательного поведения 2010» также оценивались некоторые компоненты финансовой грамотности. Полученные данные использованы при анализе. Характеристика опроса аналогична вышеобозначенной.

² К лицам среднего возраста отнесены респонденты в возрасте от 30 до 55 (60) лет (в зависимости от пола); к пенсионерам отнесены респонденты в возрасте от 55 (60) лет и старше (в зависимости от пола).

³ Для выделения особенностей молодежи в исследовании проводится сопоставление условных поколений: молодежь (от 18 до 30 лет), лица среднего возраста (от 30 до 55(60) лет), пенсионеры (от 55(60) лет и старше).

Первый компонент финансовой грамотности, включенный в исследование, – ведение домашнего бюджета. Как среди молодежи, так и у представителей двух других «условных поколений» учёт денежных потоков в семье не является широко распространённой практикой. В 2016 г. только каждый пятый молодой человек с той или иной степенью конкретики фиксирует доходы и расходы: 9% учитывают все потоки денежных средств, 13 % отслеживают их частично. Значительная же доля молодежи (49%) занимается так называемым «ментальным учетом», когда фактически никаких записей поступлений и трат не производится, но предполагается некоторая осведомленность о ситуации с семейными финансами. Практически треть опрошенной молодежи (29%) вообще не представляет, как соотносятся личные доходы и расходы.

Второй компонент, характеризующий финансовую компетентность, – финансовое планирование. Только четверть населения региона (25%) занимается планированием бюджета. Среди молодежи удельный вес осуществляющих планирование заметно больше – 33% против 27% среди лиц среднего возраста и 15% пенсионеров⁴. Вероятно, при этом свою роль играет стремление молодежи удовлетворять разнообразные потребности «здесь и сейчас», что зачастую невозможно без обращения к кредитам, которые естественным образом вынуждают планировать приоритетность удовлетворяемых потребностей.

Третий компонент – финансовые установки. Наряду с людьми среднего возраста и пенсионерами, молодежь в большей степени ориентирована на потребление для удовлетворения текущих нужд, причем либо полностью расходует средства (44% в 2016 г.), либо сберегает деньги, оставшиеся после удовлетворения всех нужд (40%, таблица).

⁴ Данные опроса «Качество жизни 2014». В опросах других лет вопрос о финансовом планировании не задавался.

**Подходы жителей Вологодской области к распоряжению семейными доходами
(финансовые установки), % от общего числа опрошенных**

Финансовые установки	Молодежь			Люди среднего возраста			Пенсионеры		
	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.
Сначала откладываю что-то, а остальные деньги трачу на текущие нужды («приоритетное сбережение»)	17	17	16	13	13	12	14	15	14
Трачу деньги на текущие нужды, а что остаётся – откладываю («пассивное сбережение»)	35	35	40	39	31	39	40	32	39
Трачу все деньги на текущие нужды, отложить ничего не удаётся («отсутствие сбережений»)	48	48	44	48	56	49	46	53	47

Следующий компонент финансовой грамотности – практика сравнения условий предоставления финансовых услуг. Никогда не сравнивают условия финансовых услуг, предоставляемых разными организациями, 13% молодых людей; около 22% время от времени проводят такое сопоставление. Лишь каждый пятый представитель молодежной группы (22%) утверждает, что всегда проводит «поисковую кампанию» в целях выбора более подходящих для него условий (оставшиеся «затрудились ответить» – более 40%). Люди среднего возраста чуть чаще, чем молодые, сравнивают финансовые услуги перед их приобретением, в то время как среди пенсионеров данная практика распространена в наименьшей степени.

Пятый компонент – навык чтения и понимания условий договоров с финансовыми организациями при их подписании – также умеренно распространен среди молодежи. В 2014–2016 гг. только порядка 37% молодых людей при приобретении финансовой услуги подписывали договор после внимательного прочтения и прояснения всех непонятных моментов⁵.

Шестой компонент финансовой грамотности – это знание о системе страхования вкладов (ССВ). Порядка трети опрошенной молодежи (37% в 2014 г., 29% в 2016 г.) честно признаётся, что не знает о системе страхования банковских вкладов. Почти половина (45 и 47% соответственно) либо слышали какую-то информацию, либо точно знают о ССВ, однако размер застрахованной сум-

⁵ Данная компетенция наблюдается у 40–46% лиц среднего возраста и 23–28% пенсионеров.

мы они не помнят. Уверены в своих знаниях о ССВ 12% молодежи (по опросам 2014 и 2016 гг.). Однако в 2016 г. верно указали максимальный размер вклада, по которому гарантируется возмещение, 4% молодых людей (против 10% в 2014 г.). Поскольку новый размер страхового покрытия банковского вклада был установлен в декабре 2014 г., такая низкая осведомленность характеризует слабую информированность молодежи по элементарным (базовым) финансовым знаниям и пассивную позицию в части изучения актуальных изменений в финансово-экономической сфере⁶.

Таким образом, распределение самооценок молодежью уровня собственной финансовой грамотности подтверждается результатами проверочных вопросов и показывает, что объективно финансовые знания и навыки молодого населения Вологодской области можно охарактеризовать как невысокие/недостаточные. Основные слабые зоны финансовой грамотности, характерные как для молодежи области, так и для представителей других «условных поколений», концентрируются вокруг непостоянства формирования финансовых резервов (отсутствие установки на сбережение), фрагментарного и нерегулярного контроля над движением денежных средств (отказ от ведения письменного учета семейного бюджета), низкой склонности или отсутствия привычки к поиску выгодных финансовых продуктов и их сравнению. Для молодежи в несколько большей степени характерны проблемы нестрогого ведения семейного бюджета, слабой привычки к сравнению услуг и внимательному ознакомлению с условиями договора. Возможное объяснение выявленных проблем может заключаться не столько в низком уровне доходов населения, сколько в отсутствии долгосрочных финансовых целей, а также в особенностях русского характера, или национальной ментальности («домостроевские» установки на хозяйственную бережливость и самоограничение; укоренившиеся в советское время представления о том, что деньги есть средство эксплуатации и неравен-

⁶ Лица среднего возраста обладают лучшей информированностью о ССВ: в 2014 – 2016 гг. 16% из них были уверены в своих знаниях, при этом в 2014 г. 14% правильно указали застрахованную сумму, в 2016 г. – 7%. По пенсионерам показатели не столь однозначны: в 2014 г. 19% из них знали о ССВ и 17% верно называли застрахованную сумму, но в 2016 г. показатели упали до 10 и 4% соответственно.

ства; неумение русского человека «капитализировать свой заработок», в результате чего он «делается равнодушным к сохранению своих добытков» [7, с. 751]).

Потребительские ориентации молодежи уже сформированы, но они не подкреплены навыками грамотного финансового поведения и рационального потребления, что не может не беспокоить, поскольку молодые люди «понесут» свои потребительские установки и вытекающие отсюда высокую кредитную и низкую сберегательно-инвестиционную активность через всю жизнь и к тому же повлияют на формирование стереотипов финансового поведения своих детей. Поэтому работа по устранению «пробелов» в финансовых знаниях и навыках особенно важна для молодежи. Необходимо привить ей устойчивые финансовые знания, навыки и компетентности, развить понимание личной ответственности за собственное финансовое благополучие с тем, чтобы не допустить развития девиантных форм поведения в финансовой сфере и других аспектах экономической жизнедеятельности.

Литература

1. Белехова, Г.В. К вопросу о финансовой грамотности населения [Текст] / Г.В. Белехова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 1(69). – С. 53-66.
2. Гид по финансовой грамотности [Текст] / кол. авторов. – М.: КНО-РУС: ЦИПСИР, 2010. – 456 с.
3. Информационный бюллетень проекта Минфина России и Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Июнь 2015. – Режим доступа: http://www.minfin.ru/common/upload/library/2015/07/main/pilot_number.pdf
4. Кузина, О.Е. Проблемы измерения и пути повышения финансовой грамотности населения России [Текст] / О.Е. Кузина, Д.Х. Ибрагимов // Мониторинг общественного мнения. – 2008. – № 4(88). – С. 14-25.
5. Кузина, О.Е. Финансовая грамотность молодежи [Текст] / О.Е. Кузина // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – 4(92). – С. 157-177.

6. Кузина, О.Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) [Текст] / О.Е. Кузина // Деньги и кредит. – 2012. – № 1. – С. 68-72.
7. Лесков, Н.С. Статьи [Текст] / Н.С. Лесков – М.: Директ-Медиа, 2014. – 1127 с.
8. Элементы финансового образования появятся в российских школах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.abnews.ru/?p=news132830>

Быстрянец Сергей Борисович,
доктор социологических наук,
профессор кафедры международных отношений истории и политологии,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург

Интерпретация социологических дефиниций

Аннотация. В работе представлены особенности социологических дефиниций на основе процедур верификации, а также типы социологических дефиниций; дается описание процедур включения дефиниций в социологические теории.

Ключевые слова: методология, теория, дефиниция, термин.

Существование социологического знания в концептуальной форме непосредственно связано с формулировкой дефиниций, с процедурой их определения. Процедура определения научных дефиниций (терминов) представляет собой логическую процедуру придания строго фиксированного смысла (содержания) научному факту. Ясная, четкая терминология дает возможность проводить иные важнейшие научные процедуры – доказательства, подтверждения, опровержения. Дефиниции в любой науке выполняют важнейшие эпистемологические функции: раскрывают точный смысл ранее введенного понятия, фиксирующего социальный факт, вводят в систему уже существующего знания новый термин.

Для того чтобы разобраться в специфике социологических дефиниций, проведём типологизацию социологических дефиниций с точки зрения отношения к способу верификации дефиниций, то есть суждения о специфике научного факта, а также о процедурах, при помощи которых дефиниции вводятся в анализ, определяются. Рассмотрим отличия дефиниций по их функциям в науке и процедурам их формулировки.

1. Процедура ссылки на непосредственные наблюдения. «Дефинициями наблюдения» можно назвать такие, которые основываются на непосредственных наблюдениях: анкетах респондентов, дневниках наблюдения, отобранных избирательных бюллетенях, стенограммах сеанса мозгового штурма, аудио- или видеозаписях фокус-групп и так далее. Например, неравенство, доверие, конфликт, власть. Такого рода дефиниции ещё называют «конкретно эмпирическими понятиями». Они близки описанию и поэтому я бы обозначил их как «описательные дефиниции», экспериментальные переменные. Использование их разнообразно и название, то есть слово, их маркирующее, фиксирующее, неопределенно. Названия эти указывают на социальный факт, который несложен и в некой конкретной социальной ситуации определенно подтверждается. Иногда возникают сомнения в корректности применения той или иной дефиниции к конкретной ситуации. Это следствие разнообразия и сложности социальной материи, которую наблюдает социолог. Но в основном сомнений в необходимости использования таких понятий нет. Социолог не может быть абсолютно уверен в искренности интервьюируемого респондента, но убедиться в этом не столь сложно – в социологии разработаны очень хорошие приемы верификации. Бюллетень для голосования может быть фальшивым, но существуют способы проверки.

2. Процедура ссылки на опосредованные наблюдения. Дефиницией «опосредованный наблюдаемый объект» я называю здесь понятие, которое требует сравнительно более изощренного, сложного или опосредованного наблюдения, в котором выводы, предположения играют важную роль. Подобные выводы касаются предполагаемых связей, обычно каузальных, между тем, что

непосредственно наблюдается, и тем, что означает дефиниция. Это теоретические предположения с высокой степенью «индуктивного риска». Например, используя социометрический метод, выбирая социометрический критерий, ориентируясь на некую групповую деятельность, опрашивая членов группы и устанавливая между ними связи, мы создаем схему неформальной структуры рабочей группы, вскрываем различные виды коммуникативных связей и демонстрируем их в социограммах различной формы. Физики таким же образом наблюдают движение элементарных частиц, генетики расшифровывают двойные цепи генома ДНК. Но можно ли видеть гены, глядя в глаза собеседнику? Можно ли увидеть структуру малой контактной группы в общении с респондентом?

Во всех этих случаях используемые дефиниции означают нечто, что могло бы быть предметом того, «что я видел своими глазами». Это нечто имеет необычный вид и предполагает специальные инструменты для того, чтобы мы это увидели. Это «гипотетические конструкции». И они действительно гипотетичны, но в отношении их референтов ничего не конструируется, они действительно существуют в реальном социальном мире. В результате наблюдения мы делаем вывод об их существовании, и, если этот вывод оправдан, они становятся частью реального мира согласно закону Уильяма Томаса.

3. Процедура ссылки на наблюдаемые объекты. Эта процедура даёт такого рода конструкции, которые обозначаются дефинициями, референты которых, хотя их нельзя наблюдать непосредственно или опосредованно, применяются и определяются на основе наблюдения реальных явлений. Проще всего понять их смысл в естественных дисциплинах. Социальные дисциплины активно используют такие дефиниции. Многочисленные примеры такого типа дефиниций можно найти в методологии «понимающей» социологии. Например, у М. Вебера можно найти следующее: «Тот факт, что толкование обладает “очевидностью” особенно высокой степени, сам по себе отнюдь не свидетельствует об его эмпирической значимости» [1, с. 495]. Процедуру «толкования» в наибольшей степени можно связать с дефинициями, используемыми в социологических концепциях. И далее уточняется, что наибольшей очевидностью отличается це-

лерациональная интерпретация, то есть процедура, ориентированная на средства, субъективно понимаемые как адекватные для достижения субъективно воспринятой цели.

Не всегда ясно, какое опосредованное или непосредственное наблюдение играет решающую роль в определении и использовании дефиниции. Такого типа дефинициями являются: «правительство», «деньги», «табу» и тому подобные. Мы не наблюдаем «правительство» в действии, но наблюдаем действия премьер-министра, министров, аппарата правительства. Тем не менее, действия этих людей, строго говоря, ещё не дают основания для вывода, что «правительство» делает что-то, как частицы наблюдаемого физиками броуновского движения позволяют нам сделать вывод о молекулярном движении в жидкости. И то, что конкретно делают официальные лица, может быть названо действиями правительства и его главы, как бы они это в наших тяжелых российских условиях ни отрицали. Но вот точно определить, как абстракция «правительство» определяется конкретными действиями разных людей, – задача конституционного закона, который может приблизиться к её решению, но полностью решить, вероятно, не сможет. Такого типа «абстракции» или конструкции можно определить, используя наблюдаемые нами переменные. Хотя, как нам подсказывает М. Вебер, в социологической практике им можно дать только частичную и, вероятно, гибкую, непостоянную опору на эмпирические данные.

4. Процедура ссылки на теорию. Что касается дефиниций теории, исчерпывающее их определение с использованием исключительно наблюдения даже в принципе невозможно.

В опубликованной на русском языке работе «Значение и необходимость» Р. Карнап [2] говорит о «правиле соответствия» или «постулатах соответствия», которые дают то, что он называет «частичной интерпретацией теоретических терминов». Здесь важным для нас является не столько то, что интерпретация является неполной, а то, что эмпирическое наблюдение не наделяет теоретическую дефиницию содержанием. Скорее оно демонстрирует специфические случаи её применения. Значение дефиниции в социологии в большей степени ис-

ходит от той роли, которую ей отводит социолог в теории и далее в концепции, от истории включения дефиниции в социологические концепции. Эти дефиниции можно назвать «объясняющими дефинициями» в противоположность «описательным» или «гипотетическим конструкциям» в связи с их теоретическим способом образования в противоположность эмпирическому.

Присмотримся к таким дефинициям, как «одномерная и многомерная стратификация», «маргинальная полезность» или «протестантская этика» [3]. Дефиниции такого типа нельзя назвать конструкциями. Можно использовать дефиницию «правительство» в логике различных политических теорий или просто не теоретизировать об этом. Но дефиниции «одномерная и многомерная стратификация» не имеют смысла в отрыве от вариантов социологических теорий неравенства. Для того чтобы наше наблюдение приобрело полноценный вид, обязательно требуется теория. Мы не наблюдаем стратифицирующие признаки в их действии так, как мы видим Государственную Думу или премьер-министра в случае конструирования «правительства». Теоретическая дефиниция имеет комплексное, усложненное значение. Этот комплексный характер – то самое качество, которое делает столь сложным анализ теоретических дефиниций. То, что зачастую начинается как попытка установить онтологический смысл части теоретической концепции (отдельной дефиниции), заканчивается вольной или невольной оценкой характера всей концепции. Значение теоретической дефиниции зафиксировано вертикальными и горизонтальными элементами концептуальной структуры, и только структура в целом покоится на эмпирической основе.

5. Процедура ссылки на эмпирико-теоретический континуум. Конечно, дефиниции, которые мы наметили выше, можно типологизировать несколько иначе, крупнее. Первые две можно объединить как «наблюдаемые», а вторые – как «символические». Ещё первые три можно объединить вместе как «эмпирические» или «описательные» в противоположность «теоретическому», связанному с базовой концепцией, хотя и с оттенком предположения. Но, намечая эти типологические различия выделенных процедур, необходимо отметить их зна-

чительную условность, произвольный характер. Провести резкое различие в типологии дефиниций здесь невозможно.

Например, отличие между наблюдаемыми дефинициями и дефинициями, полученными процедурой опосредованного наблюдения, различие между простыми, непосредственными и инструментальными наблюдениями провести сложно. Вариации в навыках восприятия, прирожденные или приобретенные, позволяют одному человеку наблюдать непосредственно то, что для другого должно быть логически выведено. Кто-то остро, почти физически ощущает несправедливость, неравенство, а для кого-то их надо рационально и логически объяснять. Численность социальной группы можно непосредственно наблюдать, если она небольшая. Но многочисленные группы должны быть каким-то образом просчитаны или сгруппированы в хорошо различимые подгруппы.

Неопределенным является различие между социологическими концепциями и теоретическими терминами (дефинициями). Концепции можно пытаться формулировать исключительно на основе процедур наблюдения, но обычно они могут наблюдаться только «в принципе», как мы это видели в случае с «правительством». Концепцию «денег» можно точно так же проанализировать в плане наблюдаемых действий с кусочками бумаги или металла. Но Г. Зиммель предложил рассматривать деньги как знаки отношений между людьми, ожиданий, привычек, убеждений и часто мифов.

Какие из элементов войдут в социологическую концепцию и каким образом? Это зависит от направленности социологической теории. Иными словами, концепции составляются на основе систематически организованных и наблюдаемых значений. На практике эти значения могут быть определены скорее горизонтальными, чем вертикальными связями. Строго говоря, различие между концепциями и теоретическими дефинициями может быть локализовано в природе только вертикальных связей: для социологической концепции отношение к наблюдениям – интерпретационное, толковательное, объясняющее; в то время как теоретические дефиниции плотно увязаны с эмпирическим фактом и гипотетичны. К сожалению, это различие трудно сформулировать для социологии

абсолютно ясно и определенно. Природа социологии, как науки, сопротивляется такой абсолютизации.

Возможно, самая главная причина такой гибкости в том, что никакая процедура наблюдения в социологии не может быть чисто эмпирической, то есть свободной от какого-либо аналитического, воображаемого элемента, так же как никакая научная теория не является чисто аналитической. Классические позитивисты предпринимали попытки реконструкции знания на феноменологической основе, первыми предпосылками для этого были «протокольные предложения», описывающие ощущения здесь и сейчас. Но можно заметить, что дефиниции даже самого простого описания уводят нас за пределы здесь и сейчас хотя бы потому, что они почти всегда ориентированы на более чем одно высказывание. Иначе они не могут быть использованы. Когда мы говорим о гендерном явлении, мы неизбежно связываем этот случай с другими, в которых «гендерный» использовался в определенном смысле. И это отношение в некотором смысле является логически выведенным: всегда остается некоторая вероятность ошибки. Все наши суждения в социологии завязаны на современные, кажущиеся нам сейчас убедительными, теории в самом широком смысле слова. Мы ошибаемся в теориях, в наших процедурах, а в социуме, созданном Богом и историей, ошибке нет места.

Можно сказать, что и сам человек является инструментом процедуры наблюдения и требует, как и другие инструменты, теории для правильного использования. Теория входит в процедуру наблюдения через понимание нормы и способность трактовать восприятие. Когда мы видим, что кто-то доволен или сердит, мы выводим это из целого ряда идей о культурных нормах выражения эмоций. Мы понимаем не только то, что говорят, «вербальные жесты», но и иные особенности выражения.

Иными словами, процедура соответствия между наблюдаемым и теоретическим по-разному проводится в соответствии с целями и содержанием проведенной нами реконструирующей процедуры практической логики. Углубление исследования, изобретение новых инструментов и процедур, увеличение

знания об эмпирических связях, подключение для решения возникающих проблем хорошо обоснованной теории – всё это влияет на характер реконструирующей логики. Можно говорить о теоретических дефинициях как о движении вверх и вниз по некоей семантической дуге. «Пролетариат» как класс появился в качестве реально действующей, борющейся группы, теперь для большинства социологов это довольно неопределенная группа (теоретическая дефиниция); «социальная мобильность» появилась у П. Сорокина как одна из характеристик индустриального общества (реконструкция), теперь это явление, которое можно зафиксировать и в постиндустриальном обществе. Разрыв между наблюдаемыми и теоретическими терминами не столь уж велик.

Я говорю не о том, что нет реальных различий между видами терминов. Скорее, различия не должны истолковываться онтологически. Неверно принимать наблюдаемый вариативный признак как постоянный, не замечая остальных признаков, возможно более существенных. Мы различаем зрелые яблоки по красному цвету и начинаем думать о красном цвете как об одном из элементов яблока. Этот элемент мы можем наблюдать, тогда как о других – семена, кислота или сахар – говорят как о предполагаемых, подразумеваемых элементах. Но, разумеется, яблоко неправильно рассматривать как состоящее из видимых и невидимых частей. Восприятие и память, мысль и воображение действуют вместе в процессе познания, здесь их нельзя отделять друг от друга. Но аналитически мы должны помнить, что они выполняют разные функции.

В социологии, вследствие сложности социальной материи, такого типа подмены происходят довольно часто. С этой проблемой пытался справиться Р. Мертон, используя дефиницию «функции». Он отмечал, что социологи часто смешивают субъективные мотивы индивидов с функциями социальных институтов [4, с. 73-138]. Для социолога более значимы социальные функции, а не индивидуальные мотивы. Функции, по Мертону, определяются как «наблюдаемые последствия, которые способствуют адаптации или приспособлению данной системы» [5, с. 105]. Можно смешивать адаптацию и приспособление, тем более что и то и другое имеет позитивные последствия. Однако один социаль-

ный факт может иметь негативные последствия для другого. Чтобы исправить это упущение, Мертон использует дефиницию «дисфункции». Так же как структуры или институты могут способствовать сохранению других частей социальной системы, они могут иметь для них и отрицательные последствия.

Среди позитивистски настроенных социологов распространен взгляд на теории как на инструменты для установления связей между наблюдаемыми дефинициями (терминами). С этой точки зрения они могут быть названы «описательными» дефинициями. Их иногда называют дефинициями наблюдения, по предложению Ф. Рамсея [6, с. 265]. Они как раз дают информацию о социальном мире. Другие могут быть названы «вспомогательными» дефинициями, так как они по существу являются условными обозначениями. Разделение всех дефиниций, использующихся в социальных науках (а значит, и в социологии), можно признать приемлемым, если мы ориентируем нашу типологию на способы функционирования дефиниций. Однако жесткого деления между указанными группами все-таки быть не может.

Так называемые описательные дефиниции могут быть только инструментом, средством для образования приемлемой теории в рамках некоей социологической концепции. И именно с целью получения, оформления таких терминов может проводиться исследование или на это может быть ориентирована стадия исследования. По этой причине полноценные, самостоятельные дефиниции – и описательные, и теоретические – нужно рассматривать только как основание, строительный материал для построения содержательного и эффективного научного суждения. Соединенные с концептуализированными наблюдениями, такие дефиниции дают хорошие теории. Ошибка теории З. Фрейда, теории психоанализа, например, основанной на методе «свободных ассоциаций», исходит из наблюдения, но эпоним – «психоанализ» напоминает нам о теоретическом гипотетическом происхождении ошибки. Аналогично этому «демонстративное, престижное потребление», которое мы встречаем в теории «праздного класса» Веблена, делает ссылку на то, что другие могут без труда наблюдать и сами.

Проблема в том, что мы заранее не можем очертить круг критериев, при помощи которых мы можем утилитарно использовать концепцию, и априорно не можем определить даже те проблемы, к которым она может быть приложена. Важно, чтобы эти различные функции концепции и составляющих её дефиниций не смешивали друг с другом, использовали осознанно и эффективно. Это главная цель наших усилий по различению социологических дефиниций по видам. Можно различать дефиниции – «гипотетические конструкции» и дефиниции – «промежуточные переменные». Если мы имеем дело с дефиницией как «промежуточной переменной», то содержание исследования к нему непосредственно не относится, к «промежуточной переменной» нельзя прийти каузальным путем. «Супер-эго» Зигмунда Фрейда, если оно представлено как манера говорить о запретах, существующих в нашем обществе, не мешает нам совершать некие поступки. Бесполезно пытаться наблюдать стратификацию в обществе, мы будем находить только признаки неравенства.

Овеществление, материализация дефиниций такого типа является логической ошибкой. Ошибочно относиться к условному обозначению так, будто это дефиниция, обозначающая самостоятельное социальное явление. Такое явление вводится в науку как нечто, что ранее было названо «конструкцией». Следует различать наблюдаемую дефиницию и теоретическую, так как это искусственно созданная конструкция, полученная опосредованным путем.

Наблюдаемые дефиниции и теоретические дефиниции действуют в социологии по-разному. Наблюдаемые дефиниции локализуют проблемы и располагают данные исследования в определенном порядке. Конструкции и теоретические дефиниции содержат варианты решения и провоцируют выдвижение последующих развивающих социальную концепцию проблем. Но такая дифференциация всё же очень приблизительна. Драма науки – это не комедия с заранее известными героями, импровизирующими, чтобы соответствовать предварительно намеченному сюжету. Научное исследование более похоже на импровизацию, в которой её герои определяются по ходу действия. Какой статус

приписать термину, зависит от его использования в специфическом контексте исследования.

Термины служат специализирующими, ограничительными обозначениями характерными для этой сферы предметов, явлений, их свойств и отношений. В отличие от слов общей лексики, которые зачастую многозначны и несут эмоциональную окраску, термины в пределах сферы применения однозначны и лишены экспрессии.

Термин есть номинативная лексическая единица (слово или словосочетание), принимаемая для точного именованя понятий.

В логике то же, что терм – элемент формализованного языка, соответствующий подлежащему или дополнению в обычном грамматическом смысле, и субъект суждения в традиционной логике. Наиболее распространённое понимание: элемент посылки суждений (высказываний), входящих в так называемый категорический силлогизм. Различают больший термин, служащий предикатом («логическим сказуемым») суждения, являющегося заключением данного силлогизма, меньший термин – субъект («логическое подлежащее») заключения и средний термин, вообще не входящий в заключение силлогизма (но входящий в его суждения-посылки).

Термин в системно-семантическом плане характеризуется очевидной спецификой: 1) обязательной и непосредственной соотнесенностью терминологического знака с понятием; 2) однозначностью или, по крайней мере, тенденцией к ней; 3) эмоционально-экспрессивной нейтральностью; 4) системностью.

Литература

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495.
2. Карнап, Р. Значение и необходимость / Р. Карнап. – М., 1959.
3. Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – Изд 2-е, доп. и испр.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.

4. Manifest and Latent Functions. In R.K. Merton, Social Theory and Social Structure. – N.Y.: Free Press. – P. 73-138.
5. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ; Хранитель, 2006. – С. 105.
6. Шуман, А.Н. Философская логика: истоки и эволюция / А.Н. Шуман. – Минск: Экономпресс, 2001. – С. 265.

Волченкова Елена Валерьевна,
доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров

Характеристика установок молодежи на семейные ценности

Аннотация. В работе дана характеристика установок молодежи на семейные ценности. Приведены данные социологического исследования, в котором изучались установка на ценность семьи и установка на брак, развод у молодых людей, воспитывавшихся в семье, и выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: молодежь, сироты, семья, брак, развод, семейные ценности.

В целях реализации государственной демографической и семейной политики важным является изучение установок молодежи на семейные ценности, принятие семейного образа жизни. В группе данных установок нами выделены: установка на ценность семьи и установка на брак, развод. В первую очередь, мы проанализировали результаты проведенных ранее другими авторами социологических исследований по заявленной проблематике.

Установка на ценность семьи – определяется тем местом, которое занимает семья в иерархии ценностей молодежи.

По данным Всероссийского опроса ВЦИОМ [4], самую высокую позицию в иерархии личностных ценностей молодежи (возраст 18–24 года) занимает достаток (61%). На втором месте стоит жизненный ориентир «иметь хорошую семью» (56%), на третьем – воспитать хороших детей (45%).

Социологическое исследование семейно-брачных установок молодежи г. Хабаровска [3] показало, что 46% всех опрошенных однозначно считают, что нельзя прожить жизнь, не создавая семьи. Остальные же 54% респондентов согласны с данным утверждением либо полностью, либо частично, либо подвергают данное положение некоторым сомнениям. По мнению авторов, данные показатели указывают на пошатнувшуюся устойчивость в обществе как семьи в целом, так и традиционной семьи в частности.

В исследовании Т.Е. Карташовой, участниками которого выступили жители крупных городов Российской Федерации [2], на вопрос «Насколько семья является для Вас ценностью?» были получены следующие данные.

В возрастном периоде 18–24 лет: большинство респондентов (60% мужчин и 69% женщин) считают, что семья – это самое ценное в жизни; 36% мужчин и 25% женщин считают, что семья – это такая же ценность, как здоровье, работа. В возрастном периоде 25–30 лет получены аналогичные результаты. Таким образом, для современной молодежи в возрасте от 18 до 30 лет семья является доминирующей жизненной ценностью.

Установка на брак, развод показывает, как относятся молодые люди к семейному образу жизни: принимают, отвергают, демонстрируют нейтралитет; характеризует стремление молодежи к сохранению семьи в случае проблем, кризисов либо легкомысленное отношение к супружеству, когда развод считается нормой и единственным решением при столкновении с трудностями.

В исследовании Э.М. Думновой [1], проведенном в Новосибирске, на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым для человека создание собственной семьи?» подавляющее число студентов средних специальных учебных заведений (возраст 18–20 лет) ответили положительно: 91,7% юношей и 93,2% девушек. Также выявлялось отношение к разводу. Негативное отношение к разводу вы-

разили 40,4% юношей и 45% девушек, среди безразличных, давших ответ «нейтрально», оказалось 56,5% юношей и 51,3% девушек. Число респондентов среди обеих категорий, оценивших развод «положительно», незначительное – 3,1 и 3,6% соответственно.

В организованном нами исследовании осуществлялось сравнение семейно-брачных установок молодых людей, воспитывавшихся в семье, и выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Было проведено анкетирование респондентов – обучающихся в учреждениях начального и среднего профессионального образования городов Кирова Кировской области и Сыктывкара Республики Коми в количестве 93-х человек.

В ходе исследования установлено, что семья входит в первую пятерку ценностей в обеих группах опрошенных, однако для воспитывавшихся в семье она занимает более высокую позицию по сравнению с выпускниками интернатных учреждений (табл. 1).

Таблица 1. Место семьи в иерархии ценностей респондентов

№ п/п	Ценности	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	Высокий доход	7,03	7,14	6,95
2.	Работа	5,61	5,90	5,40
3.	Образование	4,26	4,97	3,75
4.	Крепкое здоровье	2,49	3,10	2,05
5.	Свобода	5,93	6,17	5,75
6.	Друзья, близкие люди	3,93	4,10	3,80
7.	Любовь	5,14	4,66	5,50
8.	Своя семья	4,23	3,55	4,72
9.	Самореализация	6,28	5,21	7,05

Независимо от того, где воспитывались респонденты, их отношение к браку положительное. Обращает на себя внимание тот факт, что 22,5–33,3% опрошенных относятся к созданию семьи нейтрально (табл. 2). Полученные данные отчасти подтверждают отрицательные тенденции в брачно-семейной сфере.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к браку?», %

№ п/п	Варианты ответа	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	Отрицательно	1,4	0,0	2,5
2.	Нейтрально	27,1	33,3	22,5
3.	Положительно	71,4	66,7	75,0
Всего		100,0	100,0	100,0

Две трети опрошенных придерживаются мнения, что брак должен быть один на всю жизнь, оставшаяся часть считает это необязательным (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, брак должен быть один и на всю жизнь?», %

№ п/п	Варианты ответа	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	Да	61,4	66,7	65,0
2.	Необязательно	32,9	33,3	35,0
3.	Нет	5,7	0,0	0,0
Всего		100,0	100,0	100,0

Отсюда соответствующее отношение к разводу: меньшинство рассматривает его в качестве недопустимого шага. 44,9% опрошенных высказали мнение, что разводиться можно только в крайнем случае. Настораживает значительное число респондентов (50% среди воспитывавшихся в семье и 30,8% среди выпускников интернатных учреждений), считающих развод «рядовым» явлением (табл. 4). Следовательно, у молодежи изначально присутствует установка на возможный развод, отсюда и неутешительная статистика, согласно которой количество разводов в России превышает количество браков. Рассматривая разрыв отношений как единственно возможный выход из проблемной ситуации, молодые люди не предпринимают каких-либо действий по сохранению семьи.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Ваше отношение к разводу?», %

№ п/п	Варианты ответа	В целом по выборке	Воспитывавшиеся в семье	Воспитывавшиеся в учреждениях интернатного типа
1.	Развод недопустим	15,9	10,0	25,6
2.	Разводиться можно только в крайнем случае	44,9	40,0	43,6
3.	В разводе нет ничего особенного: если люди не могут жить вместе, то не стоит «держаться» за брак	39,1	50,0	30,8
Всего		100,0	100,0	100,0

Таким образом, несмотря на принятие семейного образа жизни, молодые люди лояльно относятся к разводу и повторному браку. Данная группа установок сформирована частично у обеих групп респондентов, однако среди молодых людей, выросших в семье, большее количество имеющих полную сформированность установок на семейные ценности по сравнению с выпускниками интернатных учреждений.

Литература

1. Думнова, Э.М. Брачно-семейные установки молодежи российского мегаполиса: гендерный аспект (на примере Новосибирска) / Э.М. Думнова. // Вестник Томского государственного университета. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/brachno-semeynye-ustanovki-molodezhi-rossiyskogo-megapolisa-gendernyyu-aspekt-na-primere-novosibirska>.
2. Карташова, Т.Е. Социально-психологическое исследование брачно-семейных установок современной молодежи / Т.Е. Карташова // Ученые записки СПбГИПСР. – 2011. – Вып. 1. – Т. 15.
3. Ковалева, А.В. Динамика семьи в социологическом обозрении / А.В. Ковалева, П.П. Лях // Вестник ТОГУ. – 2009. – № 1(12). – С. 215-224.
4. Семейные ценности россиян. – Режим доступа: <http://demography.invur.ru/>

Воронина Ольга Александровна,
*кандидат психологических наук, доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров*

Механизмы содействия занятости молодежи

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы, связанные с трудоустройством молодежи. Дана характеристика основных механизмов содействия занятости молодежи.

Ключевые слова: занятость, молодежь, безработица, содействие занятости, трудоустройство.

Нестабильная социально-экономическая ситуация в стране и мире определила возникновение одной из острых проблем – включение экономически активных граждан в трудовую деятельность. С одной стороны, стремительно развивающиеся новые профессии не имеют еще корней в профессиональной культуре нашего общества, с другой стороны, происходит болезнен-

ный процесс ломки стереотипов традиционных форм профессионализации. Особым сегментом на рынке труда выступает молодежь как кадровый резерв.

Особенности занятости и трудоустройства молодежи напрямую связаны со следующими характеристиками: неустойчивость жизненных установок, отсутствие производственного стажа и опыта работы, низкий образовательный уровень. Данные параметры обуславливают их более низкую конкурентоспособность. Вместе с тем именно молодежь как стратегический ресурс является наиболее перспективной рабочей силой, поскольку для нее характерны высокая работоспособность, амбициозность, желание максимально реализовать себя, профессиональная мобильность, активность, готовность включаться в инновационные преобразования.

Организация занятости и трудоустройства молодежи – сложная многоплановая проблема, носящая межведомственный характер. Она находится на стыке интересов целого ряда структур – служб занятости населения, образовательных учреждений, органов управления образованием, органов местного самоуправления и предприятий [2, с. 39].

Под механизмами содействия занятости молодежи понимают комплексные меры, направленные на повышение профессиональной компетентности и вовлечение граждан в возрасте от 14 до 35 лет в профессиональную деятельность. Осветим основные механизмы содействия занятости молодежи.

Первый механизм состоит в получении качественного общего и профессионального образования. Профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации молодежи осуществляются в образовательных учреждениях профессионального и дополнительного образования, учебных центрах органов службы занятости, образовательных подразделениях организаций и др. Чтобы предотвратить появление новых безработных, необходимо вести целенаправленную, систематическую профориентационную работу с абитуриентами, которая должна содействовать личности в профессиональном самоопределении с учетом не только потребностей и возможностей, но и ситуации на рынке труда [3].

Право в приоритетном порядке пройти профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации имеют молодые инвалиды, длительно не работающие граждане (по истечении шестимесячного периода безработицы), уволенные с военной службы, выпускники образовательных учреждений, а также граждане, впервые ищущие работу (ранее не работавшие) и при этом не имеющие профессии (специальности) и др.

Второй механизм – организация деятельности служб занятости для молодежи. Для создания эффективных условий обеспечения занятости, решения адресных проблем безработного и членов его семьи создаются службы занятости, молодежные биржи труда (МБТ), агентства, центры трудоустройства и информации (МЦТИ), которые оказывают психологическую, профконсультационную, юридическую и информационную помощь. К особым категориям, на которые направлена деятельность данных учреждений, относят: несовершеннолетних в возрасте от 14 лет; учащихся и выпускников профессиональных учебных заведений; молодых женщин, воспитывающих малолетних детей и др. Службы осуществляют охрану труда, правовую защиту от необоснованного увольнения или необоснованного отказа в приеме на работу в соответствии с законодательством.

Следующий механизм содействия занятости молодежи – поддержка вторичной занятости. Вторичная занятость позволяет молодому человеку решить ряд задач: дополнительный заработок; совмещение работы и учебы; получение профессионального опыта по выбранной специальности или в смежных с ней областях; возможность переобучения, гибкого реагирования на запрос рынка труда [2, с. 43].

Четвертым механизмом содействия занятости молодежи является развитие предпринимательской деятельности. По мнению многих специалистов, развитие малого и среднего бизнеса, особенно в малых городах и сельской местности, во многом определяет появление дополнительных рабочих мест, способствует деловой активности граждан, в том числе и тех, кто менее конкурентоспособен на рынке труда [1].

Можно выделить проблемы молодежи в сфере предпринимательской деятельности: трудности получения кредитного решения и высокая процентная ставка; определение прибыльной и востребованной области предпринимательской деятельности; дорогая аренда помещения; недостаток средств для финансирования, информации, культуры, опыта; кадровые проблемы.

К основным организациям, оказывающим поддержку и осуществляющим развитие молодежного предпринимательства, относятся: Международная и Российская молодежные палаты; Молодежная общественная палата; Российский центр содействия молодежному предпринимательству; Ассоциация молодых предпринимателей России. Нужно отметить богатый опыт реализации разнообразных программ и проектов содействия молодежному предпринимательству в РФ: программа «Ты предприниматель», федеральная программа «Молодежный бизнес России», проект «Развитие молодежного предпринимательства в Российской Федерации», проект «Школьные (студенческие) компании», Всероссийский молодежный образовательный форум «Территория смыслов», Молодежный форум Приволжского федерального округа «iВолга» и др. Целью данных мероприятий является поддержка талантливых инициативных молодых людей, имеющих перспективные бизнес-идеи, потенциал стать предпринимателями и желание создать свой бизнес.

Пятый механизм состоит в привлечении молодежи к оплачиваемым общественным работам: выполнение общедоступных видов трудовой деятельности, как правило, не требующих дополнительной профессиональной подготовки, имеющих социально полезную значимость и содействующих включению безработных в активную трудовую жизнь. Право на участие в общественных работах имеют молодые люди, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, и безработные. Преимущественным правом на участие в общественных работах пользуются молодые безработные, не получающие пособие, и граждане, состоящие на учете длительное время (свыше 6 месяцев). Участие граждан в общественных работах допускается

только с их согласия. При этом учитываются состояние здоровья, возрастные и профессиональные особенности человека.

Шестой механизм социальной защиты работающей молодежи состоит в поддержке молодого специалиста. В основные задачи поддержки молодого специалиста входят: 1) введение в профессиональную деятельность и обеспечение адаптации молодого специалиста в организации; 2) практическое ознакомление с содержанием работы по основным направлениям деятельности; 3) формирование готовности к самостоятельной профессиональной организации деятельности; 4) согласование профессиональных предпочтений со спецификой и задачами конкретного учреждения, актуализация профессиональных ожиданий; 5) отработка профессиональных умений и навыков в различных профессиональных ситуациях.

В крупных организациях могут быть созданы центры сопровождения молодых специалистов, включающие следующие направления деятельности: 1) выявление и анализ «проблемных зон» молодых специалистов; 2) подбор и подготовка кадров кураторов из числа опытных и результативных специалистов; 3) оказание научно-методической и практической помощи молодым специалистам; 4) обеспечение практического психологического сопровождения (супервизии, наставничества) с целью быстрой профессиональной адаптации на рабочем месте; 5) содействие в повышении квалификации по различным специализациям.

Таким образом, главными задачами государства в сфере труда и занятости молодежи являются обеспечение условий для достижения экономической самостоятельности и реализации прав молодых граждан на труд; социальная адаптация и повышение конкурентоспособности молодежи на рынке труда; создание новых рабочих мест; поддержка деятельности центров временной и сезонной занятости, молодежных бирж труда, студенческих отрядов, молодежных объединений; создание системы профессиональной ориентации и подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров.

Литература

1. Быков, В.В. Развитие предпринимательства в молодежной среде [Текст] : учеб. метод. пособие / В.В. Быков, А.И. Парамонов; Комитет по делам семьи и молодежи Правительства Москвы; Московский центр труда и занятости молодежи «Перспектива». – М., 2002. – 167 с.
2. Воронина, О.А. Социально-психологическая работа с уязвимыми группами молодежи: учебное пособие / О.А. Воронина; М-во образования и науки РФ, Вятский гос. гуманитарный ун-т. – Киров, 2010. – 151 с.
3. Чернявская, А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации [Текст] / А.П. Чернявская. – М.: Владос Пресс, 2001. – 96 с.

Воронкова Ольга Алексеевна,
старший научный сотрудник,
Институт социологии РАН,
г. Москва

Есть ли гражданская позиция у российской молодежи?

Аннотация. Работа посвящена острым дискуссионным вопросам: каков уровень гражданского самосознания молодежи и насколько высок потенциал её участия в современных социальных и политических процессах; готово ли молодое постсоветское поколение внести свой вклад в формирование новой политической культуры, необходимой для стабильного и успешного развития России. Данные социологических исследований не подтверждают оптимизма политической риторики и свидетельствуют о необходимости серьезной работы в области политической социализации молодежи, повышения качества образования, развития коммуникативных навыков, повышения уровня политической компетентности.

Ключевые слова: политическая социализация, индифферентность, идеологические предпочтения, национальная идея.

В условиях развития разнонаправленных тенденций начала XXI века: реставрации политико-идеологических механизмов формирования сознания, с одной стороны, и активизации социально-дискурсивных процессов, подкрепляемых бурным развитием мобильных средств коммуникации – с другой, российское общество в целом и его молодое поколение в частности вступило в очередную фазу кризиса идентичности.

Оптимизм тех авторов, которые заметили «формирование нового тренда, связанного с активным вхождением в политику нового поколения, социализированного в условиях постсоветского развития страны» [1, с. 37], быстро развеивается репрезентативными данными о том, что лишь 12% молодежи проявляет какое-либо участие в общественно-политической деятельности. Около 8% молодежи участвует в деятельности экологических организаций, ТСЖ, обществ защиты прав потребителей, правозащитных организаций, объединений по восстановлению и защите памятников истории, культуры и архитектуры и пр. И только 2–3% участвует в политической деятельности [2, с. 248].

Данные исследований Института социологии РАН (глубинные интервью студентов и работающей молодежи) свидетельствуют о серьезных проблемах политического сознания молодежи, сильнейшем разочаровании в своих возможностях, неспособности найти достойное применение своим способностям, знаниям и энергии. Молодежь высказывает недовольство сложившейся элитарно-олигархической моделью капитализма, имитационной демократией и коррумпированной бюрократической системой. Противоречивость реальности, расхождение политической риторики с отсутствием возможностей для самореализации не способствуют формированию у молодежи стройной картины мира и психологической уверенности в завтрашнем дне. Политическая картина мира молодого человека представляет собой хаотичный набор воспринятых стереотипов, витающих в публичном пространстве и часто отрицающих друг друга. Невозможность как-то повлиять на принятие политических решений и что-либо изменить приводит к развитию агрессивных настроений и готовности к радикальным формам поведения.

В целом молодежь мало интересуется политикой и не обладает базовыми знаниями об устройстве политических систем, российской в частности. Молодые люди не различают чиновников и депутатов, не отличают правительство от администрации президента, лидеров партий от бюрократов. Попытки определить свои идеологические предпочтения обычно вызывают затруднения. Молодежь подмечает, что в российской партийной системе названия партий не соответствуют заявленным идеологическим программам. Так, ЛДПР, вопреки названию, не является ни либеральной, ни демократической, а Коммунистическая партия уже давно не имеет цели построения коммунизма. Непонимание действительных целей работы партий и неэффективность их деятельности приводит к индифферентности молодежи как электората, к отказу участвовать в процессе политических выборов. Молодые люди не находят своего пути в политическом процессе, заявляя, что нет партии, выражающей их интересы.

Современная молодежь не идентифицирует себя с какой-либо идеологией, скептически оценивая и коммунистический опыт, и российский вариант либерального капитализма 90-х. Но молодежь не против рыночной экономики, политической конкуренции, с одной стороны, а с другой – идеей справедливости, социального равенства и взаимопомощи. При том, что ни одно из представленных в политическом поле мировоззрений не представляется молодежи полностью подходящим задачам развития государства, она ждет новой национальной идеи, которая могла бы определить политический курс и цели общественного развития. В то же время продвижение православия и военизированного патриотизма воспринимается молодыми людьми с раздражением, как попытки навязать архаичные установки. Признавая необходимость ясного курса развития, молодые люди отказывают существующим идеологическим концепциям в легитимности, как исходящим от нелегитимной власти.

В политическом сознании молодежи преобладают представления о нечестности и некомпетентности представителей власти, тотальной коррумпированности чиновников. Респонденты отмечают непрозрачность государственных решений, закрытость политической сферы, цинизм и лицемерие политиков. По

мнению большинства молодых людей, политическая элита пополняется не по принципу профессионального отбора, а через каналы личных связей. Профессионализм и лояльность, при этом, оказываются однозначно противопоставленными категориями. При негативном отношении к существующей власти молодежь видит идеальную власть как направляющую деятельность молодежи и предоставляющую реальные возможности самореализации.

Молодежь убеждена, что Россия – это особая цивилизация со своей миссией. Но все, что есть ценного в России, создано не политиками, а усилиями народа. В России есть все необходимые ресурсы для того, чтобы она стала передовым государством. При эффективном их использовании, отсутствии тотального воровства и коррупции каждый российский гражданин мог бы быть состоятельным человеком.

Недовольство сложившейся системой государственного управления резко повышает степень агрессии, сопровождающей запросы на политические изменения. Главной повесткой дня политической активности должна быть, по мнению молодежи, борьба с коррупцией. Молодежь уверена, что коррупционная система должна быть сломлена самыми решительными мерами.

Политический мир молодежи контрастен. Она не мыслит категориями реформ. Недовольство властью, убежденность в невозможности реформ, политическая некомпетентность, сочетаемые с присущим возрасту максимализмом, склоняют молодежь к радикальным сценариям политических изменений. Однако вербальная критика власти не приводит по прямой к готовности к реальным протестным действиям. Подавляющее большинство интервьюируемых никогда не участвовало в протестных акциях, хотя к протесту, как к идее, многие относятся с сочувствием, разделяя возмущение коррупцией и несправедливостью. Чем сильнее респонденты осуждают коррупцию, тем больше они оправдывают протестные акции.

Не принимая всерьез лидеров-интеллигентов, работающих в правовом поле и являющихся такими же обычными россиянами, как они сами, молодежь романтически мечтает о героях, не имеющих слабостей, сильных, честных и

благородных. По сути, у молодежи воспроизводятся традиционные для России установки на харизматичный, сакральный тип лидерства. Лидеру необходимо обладать некой внутренней, мистической силой, возвышающей его над остальными людьми и дающей ему право вести их за собой. С этим связана популярность у молодежи образа В. Путина. Хотя многие скептически оценивают результаты его деятельности, он видится именно таким харизматичным лидером, который занимает свой пост по праву обладания мистически сильными качествами. Критика в адрес верховного лидера касается недостаточности силы и решительности (в той же борьбе с коррупцией). Молодежь хотела бы видеть на верховном посту еще более сильного лидера, типа Ивана Грозного или Сталина, способного радикальными и быстрыми мерами покончить с коррупцией.

Негативизм как реакция на отсутствие перспектив самореализации, возможностей влияния на принятие государственных решений стал очень распространенным в молодежной среде. Но критика власти не поднимается до аналитического уровня. Критически настроенная молодежь практически не стремится к участию в политической и гражданской деятельности, предпочитая уход в свой микромир. Из непонимания механизма работы политической системы вытекает отсутствие взвешенных взглядов на происходящие процессы, неспособность видеть альтернативные варианты развития. И в этом смысле выводы о том, что молодое поколение начала XXI века – это «потерянное поколение» [3], представляются вполне оправданными. Вернуть молодое поколение в общественную жизнь можно путем повышения качества образовательных программ, способных не только давать объемные социальные и политические знания, но и развивать у молодежи навыки участия в социально-политическом дискурсе, способствовать формированию политической культуры, создавать мотивацию гражданского участия.

Литература

1. Зверев, А.Л. О психологических истоках политического поведения молодых российских политиков / А.Л. Зверев. – Полис. 2013. – № 6. – С.37-45.

--

2. Петухов, В.В. Поколение «нулевых»: идеологические установки и политическое участие в России / В.В. Петухов. // Россия и Китай: молодежь XXI века. – М.: Новый хронограф, 2014. – С. 239-259.

3. Гудков, Л. Молодым в стране не хватает воздуха / Л. Гудков. // Независимая газета. – 2016. – 1 марта.

Гокова Ольга Владимировна
Gokova Olga Vladimirovna,
Postgraduate student, the senior lecturer,
Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky,
Omsk

Special aspects of modern Russian youth's reproductive behavior

Abstract. In the given article has been analyzed the special aspects of youth's reproductive behavior. One of the main reasons of the demographic crisis is hidden in the reproductive behavior of young people of 20-35 years old. The youth is a main resource for population reproduction – natural, migratory and social one, and bears the main load from the demographic point of view, connected with the reproductive behavior, i.e. an integrated system of measurements, attitudes and psychic personal conditions which are directed to child bearing or baby's refusal of any turn, in marriage and out of it.

Keywords: reproductive behavior, youth, population policy, youth pro-natalist policy, family values, postponement of childbearing.

Young people are a certain indicator of all social transformations, as far as they express critical viewpoints and approaches towards the existing reality and the practice of state governing, new ideas, activity, intellectual and creative potential. The youth enables the implementation of new projects, branches, initiatives, because they are against conservative forms and life manifestations.

At the given moment of the society development the notion of the 'youth' is so much transformed, that closely connected with socio-psychological characteristics as

well as biological ones. As a consequence of this phenomenon in some legislative documents in Russia the period of the youth is prolonged up to 35 years (for example, when we mean a notion 'a young family') [3]. In our investigation the notion 'youth' is characterized by the period from 20 to 35 years old. The choice of the bottom line is explained by the fact that at the age of 20 the major part of young people have gained certain matrimonial expectations, values, professional interests and perspective life ambitions are formed.

The youth is a main resource for population reproduction – natural, migratory and social one, and bears the main load from the demographic point of view, connected with the reproductive behavior, i.e. an integrated system of measurements, attitudes and psychic personal conditions which are directed to child bearing or baby's refusal of any turn, in marriage and out of it. In accordance with statistics in today's Russia there are 40,8 million young people from the age of 15 up to 35 years old, that is 27,9 % of the country population and 34 million young people aged 20-35 (23 %) [4].

One of the main reasons of the demographic crisis is hidden in the reproductive behavior of young people of 20-35 years old. This age is the most appropriate for a child bearing (especially for women). That is why several scientists-demographers explain the sharp increase of childbirth in 1980-ies by the shift of the births towards the earlier ages of mothers [7, c. 1]. At present the situation has considerably changed and the domination of small families is a peculiarity of their reproductive behavior. Children are not a value any more. The delay of the child bearing at a time leads to the fact that such families are limited by having one child or do not bear children at all. There is an increase of one-parent families, among which single mother families dominate, what is explained a large number of divorces among people aged 20-35 (60 divorces per 100 marriages), 'aging' of marriages, especially this tendency refers men [8].

In the majority of cases child births occur with the women at the age of 20 up to 35 years old. At the same time in Russia the share of women, giving birth to children at the mentioned age is decreasing and the share of young women aged 20-35

has been gradually decreasing during recent decades. Hence, in 1959 the share of young women was 26,3 %, in 2010 – 22,8 %, in 2014 – 21,9 %, in 2015 – 21,5 % [1, с. 20-21].

Since 1965 the indicators of child bearing among women at the age of 25-35 had been considerably decreasing until the year of 2000, while after, the child bearing has started to increase and in 2014 the share of child birth at the age of 25-29 was 35,5 % from the total number of child births, whereas the share of women at the age of 30-35 – 24,6 %. Age-specific birthrates of women at the age of 15-19 had decreased twice in 2000 in comparison with the year of 1990 and is still decreasing and in 2014 the given coefficients are 2,1 times lower than the level of 1990. So, for the late 15 years the child bearing has been increased in older age groups, among the young women in age groups of 25-35 years old [1, с. 64].

Probably, the delay of child bearing, shifting to older ages, will have a negative impact on the dynamics of the child birth's level. First of all, the current condition of child birth regulation in Russia, where abortions are quite important among the methods of child birth regulation methods, and there is a great possibility not to able to bear a child in the future. More than that, there is a worsening of health conditions with the aging of women and the reproductive one as well, what can hamper the realization of reproductive intentions. Secondly, at a certain age people have stable visions of a life standard, lifestyle and if a child was born at an earlier age, their life sample is formed with taking a child into account [5]. The delay of the first child's birth leads to the fact that a child will be considered as a threat for a stability of a life pattern. It even more concerns child bearing of second-third children, without them the reproduction of the population and the solution of the negative demographic situation in the country are impossible.

Besides, a considerable increase of out-of-wedlock children is one of the characteristic features of the recent decades in Russia and in other world countries. It is necessary to mention that the biggest share of out-of-wedlock child births is in the group aged 25-35, which is under research. So, in the age group of 20-24 years 21,7

% of all child births are in the mentioned category. However, the main contribution to the out-of-wedlock births (about 40 %) is made by the women at the age of 25-35, but not the teenagers [2].

The number of abortions is one of the negative factors influencing the general demographic situation in the country. At the same time experts consider that the number of abortions is not closely connected with the level of child births. The abortions in Russia are made more by married women, who already have children, than by young girls [6]. In 2014 the maximum share of abortions are mainly in the group of 25-29 year old [1, с. 72]. The experts explain it with the increase of educational level among young people, which use modern means of contraception that makes the family planning more effective.

The traditional indicators of the reproductive behavior are reproductive orientations toward the desired and expected number of children. We are going to investigate the young people's opinions about the number of children which they are planning to have and would like to have as an ideal variant, i.e. if all necessary conditions have been created. The survey was made on the example of the empiric research, conducted in November-December 2014 with the help of interview methods among the youth at the age of 20-35 year olds, living in Omsk city and in the areas of Omsk region (N=796).

As it was expected, the majority of the interviewed (41,1 %) regard a family with two children as an ideal one. Three-children family is an ideal for 31,7 % of the interviewed.

The level of a demand of children is not directly connected with the place of the residence of the respondents. In the youngest group (20-24) the average desired number of children is a bit lower than in the older one (2,4 children , if to take into account even those who plan to refuse a child birth at all). In the middle-aged group (25-29) this indicator is 2,4 in older age group (30-35) – 2,5 on average.

Thus, one of the main reasons of the demographic crisis is concealed in the reproductive behavior of young people at the age from 20 up to 35 years old. The given

age is the most appropriate for a child birth (especially for women). In such conditions the youth pro-natalist policies, directed to the increase of a child birth rate, as a strategic meaning for a Russian Government, because the success of such policies influences the further perspectives of the national culture preservation and the identity of the state and its regions, their social-economic and political development.

References

1. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 263 с.
2. Естественное движение населения Российской Федерации – 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm.
3. Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (в ред. от 26.05.2016) «О федеральной целевой программе «Жилище» на 2015–2020 годы» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109742/.
4. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
5. Crunden E. Is Russia Heading for a Complete Reversal on Abortion Rights? (August 26th, 2015) // Muftah.org. – URL: <http://muftah.org/is-russia-heading-for-a-complete-reversal-on-abortion/#.V6yiovmLTIV>.
6. Mosher S.W. How to Create a Baby Boom in Russia // Population Research Institute. – URL: <https://www.pop.org/content/how-create-baby-boom-russia>.
7. Sobotka T. Postponement of Childbearing and Low Fertility in Europe. – Amsterdam: Dutch University Press, 2004. – 294 p.
8. Zakharov S.V. Does the Pronatalist Policy Contributes to the Acceleration or Deceleration of the Postponement Transition? // European Population Conference. – URL: <http://epc2016.princeton.edu/uploads/160491>.

Гужавина Татьяна Анатольевна,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Социальный капитал молодежи*

Аннотация. Молодежь следует рассматривать как резерв социального организма, который выступает на первый план, когда возникает необходимость оживления и приспособления к меняющимся обстоятельствам. Понимание того, какими ресурсами располагает данная группа, возможно через оценку имеющегося у нее социального капитала. Базовая концепция социального капитала позволяет дать оценку доверия в сетевом взаимодействии молодежи, выявить его регулирующую роль в формировании установки, ориентирующей на взаимодействие с окружающими. Исследованием установлено, что среди молодежи Вологодской области уровень доверия изменяется в процессе взросления – по мере приближения к группе взрослых он снижается. Аналогичная ситуация и с установкой на готовность объединяться. Таким образом, можно утверждать, что в молодежной среде частично утрачивается социальный капитал открытого типа и сохраняется его закрытый тип.

Ключевые слова: молодежь, доверие, социальный капитал, типы социального капитала, социальные установки.

Концепция социального капитала приобретает устойчивость. Интеллектуальная история концепции достаточно велика. Ее истоки можно обнаружить в истории развития философской, социальной и экономической мысли. В трудах ученых XVII – XIX вв. высказывались идеи о неформальных нормах и ценностях, о роли доверия, моральных норм в развитии различных сфер общества. При отслеживании теоретических линий, обозначенных в наиболее известных объяснительных схемах, выясняется, что концепция социального капитала предстает как разработка темы экономических отношений в теории капитала К. Маркса, как развитие дюркгеймовского взгляда на общественные отношения,

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-03-00188/16.

заложенного в его идее солидарности, в токвилевском подходе к пониманию роли демократии в общественном развитии. Пьер Бурдьё в статье «Формы капитала» использовал понятие «социальный капитал» для обозначения социальных связей, которые могут быть ресурсом получения выгоды [3]. С точки зрения Дж. Коулмена социальный капитал, как и другие формы капитала, является продуктивным, он возникает и реализуется в структуре отношений между людьми и среди людей [4].

Социальный капитал начинают признавать в качестве той необходимой связи, которая объясняет, как взаимосвязаны иные виды совокупного капитала – природный, физический (произведенные активы) и человеческий. Сегодня стало очевидным, что эти три типа капитала определяют процесс экономического роста только частично. Долгое время оставался невыясненным вопрос относительно способа, благодаря которому экономические субъекты взаимодействуют и организуют себя для обеспечения роста и развития. Удалось выяснить, какую огромную роль играют отношения, возникающие в связи с тем, насколько и как организованы и взаимодействуют для достижения определенных результатов отдельные люди и общество в целом. Именно они являются так называемым «социальным клеем», который и получил название «социального капитала».

Социальный капитал определяет, как отдельные люди и общества в целом взаимодействуют, самоорганизуются и совместно разделяют обязательства и достижения. Социальный капитал следует рассматривать как критическую независимую переменную в объяснении успеха некоторых стран и недостаточного прогресса других. Данное понятие превращается в один из значимых социальных индикаторов, позволяющих оценить состояние общественных отношений. Данный ресурс базируется на отношениях членства в определенной группе и аккумулируется в социальных сетях. В рамках концепции социального капитала сформировалось понимание его структуры как единства трех базовых элементов: доверия, социальных сетей, общих норм и убеждений.

Поскольку проблематика социального капитала чрезвычайно широка, мы остановимся на оценке наличия социального капитала в молодежной среде. При этом выделим две характеристики данной социально-демографической группы, которые формируют к ней внимание исследователей. Данная группа, по мнению И. Кона, имеет свои специфические характеристики, связанные с ее социально-психологическими качествами и социальным положением [1, с. 384], что ведет к занятию своего, специфического места в общественной структуре. И второй аспект связан с характеристикой молодежи, данной К. Мангеймом [2]. Мангейм рассматривал молодежь как резерв, выступающий на передний план, когда возникает необходимость оживления и приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам. Это резерв социального организма, который в случае внезапного кризиса мобилизуется [2].

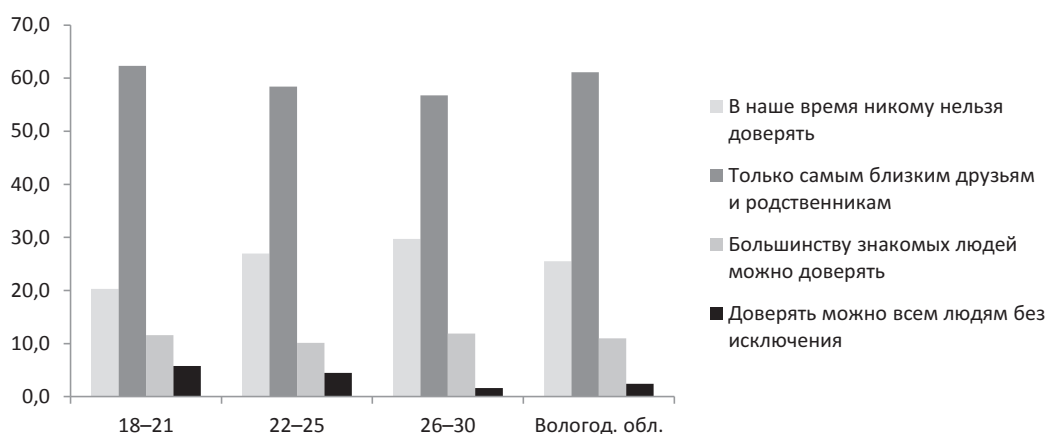
Исходя из базовой концепции социального капитала, дадим оценку состояния доверия в сетевом взаимодействии среди молодежи. Это даст нам ответ на вопрос о том, какие типы связей преобладают в молодежной среде и как доверие влияет на их формирование. Судя по полученным данным, уровень доверия в молодежной среде несколько выше, чем в среднем по области (табл. 1).

Таблица 1. Кому Вы можете доверять? (в % от числа опрошенных)*

Вариант ответа	18-21 лет	22-25 лет	26-30 лет	Молодёжь в целом	Вологодская обл.
В наше время никому нельзя доверять	20,3	27,0	29,7	25,7	25,5
Только самым близким друзьям и родственникам	62,3	58,4	56,8	59,2	61,1
Большинству знакомых людей можно доверять	11,6	10,1	11,9	11,2	11,0
Доверять можно всем людям без исключения	5,8	4,5	1,6	4,0	2,4
* По данным мониторинга ИСЭРТ РАН, апрель 2016 г.					

В молодежной среде превалирует доверие прежде всего ближнему кругу, к которому относятся члены семьи, родственники и друзья. По своему составу сети доверия сформированы преимущественно на основе взаимодействия с кругом хорошо знакомых людей. Однако можно проследить некоторые внутригрупповые различия и определенную зависимость выбора альтернативы от воз-

растного параметра (рисунок)¹. Приобретение жизненного опыта сужает границы выбора альтернативы «доверять можно всем людям без исключения». Тем не менее, он несколько выше, чем в целом по области. Уровень доверия «большинству знакомых людей» является стабильным практически в рамках возрастных границ. Что касается альтернативы «в наше время никому нельзя доверять», то здесь можно наблюдать существенное увеличение доли данного выбора в период с 22 до 25 лет по сравнению с периодом с 18 до 21 года. В дальнейшем выбранная позиция сохраняется.

Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»
(в % от числа опрошенных)

Объяснить это вполне возможно тем фактом, что молодые люди в таком возрасте завершают учебу, получают профессию и приобретают первый опыт поиска работы, трудоустройства, смены места жительства. В это время они встречаются со значительным количеством новых жизненных ситуаций, расширяют круг своего общения, осваивают новые социальные практики. Полученный опыт не всегда носит благоприятный характер и может оказывать влия-

¹ Выделение подгрупп молодежи в возрастных границах 18–21, 22–25, 26–29 лет связано с определёнными изменениями в социальном положении молодых людей. С 18 лет они становятся совершеннолетними и к 21 году приобретают профессию и первый опыт трудовых отношений; в период с 21 до 25 лет определяются с жизненным выбором (это время начала профессиональной карьеры и создания семьи), осознают необходимость ответственности; с 26 до 29 лет приобретают необходимый жизненный опыт для перехода в состояние взрослости.

ние на оценку формирующихся ожиданий. Доверие влияет на готовность индивидов к объединению. Включенность в различные сети взаимодействия и формирует социальный капитал молодежи.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают, и есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	18–21	22–25	26–30	18–30	Вся область
К тем, кто готов или скорее готов объединяться	53	43	35	44	38
К тем, кто не готов или скорее не готов объединяться	20	22	28	23	26
Затрудняюсь ответить	27	34	37	33	36

В целом уровень готовности к объединению среди молодежи выше, чем среднеобластное значение данного показателя (табл. 2). Существенными являются различия внутри данной группы. Как и в случае с доверием, изменения связаны с переходом из одной возрастной когорты в другую. Дальнейшее исследование может позволить найти ответы на вопрос относительно причин подобной трансформации. Однако уже сейчас ясно, что следует обратить внимание на способы формирования и поддержания социальной активности молодежи, расширения возможностей для включения молодых людей в различные социально ориентированные объединения.

Литература

1. Кон, И.С. Молодежь / И.С. Кон // Философский энциклопедический словарь / ред. кол.: С.С. Северинцев и др. – 2-е изд. – М., 1989. – 840 с.
2. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм: пер. с нем. и англ. – М.: Юристъ, 1994. – 693 с.
3. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education N.Y.: Greenwood Press, 1986.
4. Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Дементьева Ирина Николаевна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Факторы формирования протестного потенциала молодёжи региона

Аннотация. Экономические и политические процессы, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются распространением социальной напряжённости. Одним из аспектов её проявления на социально-психологическом уровне является потенциальная протестная активность населения.

Особым субъектом протестного поведения выступает молодёжь, которая в современных условиях выполняет важные социальные функции.

В работе рассмотрены динамика потенциала протеста молодёжи Вологодской области в период с 2008 по 2015 г. и факторы, детерминирующие протестные настроения. Исследование проведено на основе данных мониторинга общественного мнения, осуществляемого ИСЭРТ РАН на территории региона.

Ключевые слова: молодёжь, протестный потенциал, социальный конфликт, социальное самочувствие, экономическое положение, общественно-политические настроения.

Экономические и политические процессы, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются распространением социальной напряжённости. Одним из аспектов её проявления на социально-психологическом уровне является потенциальная протестная активность населения.

Особым субъектом протестного поведения выступает молодёжь, которая в современных условиях выполняет важные социальные функции [3, с. 295]. Молодёжь, обладающая инновационным потенциалом для развития экономики, социальной сферы, образования, науки и культуры, является главным участником социальной мобильности и экономической инициативы. В то же время мо-

лодѣжь представляет одну из наиболее уязвимых и слабо защищённых социально-демографических групп; т.к. её представители наименее экономически самостоятельны, испытывают сильный прессинг со стороны различных политических сил и движений, не обладают чёткими социальными ориентирами, находясь в ситуации жизненного самоопределения. Основное противоречие и мотив, стимулирующие протестную активность молодежи, – это существенное расхождение между амбициями, надеждами, планами, устремлениями, имеющими нередко основания для их реального воплощения в жизнь, и отсутствие возможностей их реализации или недостаточная развитость легитимных способов их достижения [1, с. 114].

В рамках мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН с 1996 г.¹, исследуется протестный потенциал представителей молодежи, под которым понимается намерение (склонность) участвовать в протестных акциях при определённых условиях [2, с. 40].

Анализ регулярных наблюдений по Вологодской области показал, что в период с 2008 по 2015 г. потенциальная протестная активность молодежи региона сохраняется на уровне 18–21%. Это примерно соответствует среднеобластным показателям.

По мнению отечественных исследователей, основными индикаторами протестного потенциала выступают следующие показатели: недовольство (уровнем и условиями жизни, качеством управления, обслуживания и т.д.); не-

¹ Опросы проводятся один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства. Ошибка выборки не превышает 3%. По г. Вологде опрашивается 380 человек – по 95 человек в каждом районе города.

доверие (политическим институтам, органам власти, государственным организациям и т.п.); несогласие (с общим курсом развития, внешней, внутренней и экономической политикой и др.); другие негативные эмоции: разобщённость, незащищённость, несправедливость, беспокойство, раздражение, ксенофобия, ненависть и проч. [3, с. 293]. На социальное самочувствие и протестные настроения молодёжи оказывают влияние и специфические психологические особенности развития данной возрастной группы, а именно свойственное молодёжи острое ощущение несовершенства общества, характерные для неё завышенные притязания к себе и окружающим [1, с. 148].

Социологические исследования ИСЭРТ РАН показали, что одним из главных факторов накопления скрытой протестной активности являются социально-политические настроения и отношение к деятельности различных структур и институтов власти. Именно у молодого поколения наиболее остро проявляется чувство недоверия к институтам власти, а также неудовлетворенность существующим в обществе положением дел, вследствие чего формируется убежденность в невозможности влиять на процесс принятия важнейших политических решений. Отсюда высокая степень отчужденности и аномичности молодёжи, её социальная дезинтеграция и девиантность [4, с. 48].

Так, молодёжь области, характеризующая политическую обстановку в России как «напряжённую, критическую, взрывоопасную», более склонна к протестным проявлениям, чем те, кто считает её «благополучной, спокойной» (в среднем за период с 2008 по 2015 г. – 28% против 12%).

Не исключают возможности своего участия в протестных акциях, в среднем за период измерений, 45% молодых людей, негативно оценивающих деятельность Президента РФ, и только 13% «полностью и в основном одобряющих» политику главы государства.

Наиболее высокий уровень протестного потенциала в зависимости от оценок деятельности региональных и местных органов власти отмечается среди

молодёжи, неодобрительно отзывающейся о работе губернатора, глав местных администраций (в среднем 35–38%). Среди тех, кто «полностью и в основном одобряет» работу главы области и глав местных администраций, протестный потенциал составляет в среднем 11%.

Следующую группу факторов, влияющих на изменение протестного потенциала, составляют индикаторы, отражающие оценки экономической ситуации в стране и регионе, а также материальное положение молодёжи.

Материальное положение оказывает большое влияние на процесс социального развития молодёжи, а именно на изменения в сфере трудовой и образовательной деятельности. Степень удовлетворённости собственным материальным благосостоянием отражается на мотивационной сфере сознания молодёжи, её потребностях, интересах, ценностях, настроениях.

Как показали результаты опросов, протестные настроения чаще присущи молодёжи области с негативными характеристиками материального положения своей семьи (в среднем – 34%). В группе населения, считающего собственное материальное благосостояние «очень хорошим и хорошим», уровень протестного потенциала ниже – 14%.

Потенциал протеста наиболее высок среди молодых людей, относящих себя к категориям «бедных» и «нищих», а также отличающихся низким уровнем покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду» (в среднем – по 30%). В группе «богатых» и «среднеобеспеченных» доля тех, кто допускает возможность своего участия в протестных выступлениях, в 2,5 раза меньше (12%).

Таким образом, молодёжь играет особую роль в общественном воспроизводстве, являясь наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой, реализующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Вместе с тем молодёжь представляет одну из наиболее уязвимых и наименее защищённых в социальном отношении общественных групп и нередко подвергается дискриминации по воз-

растному признаку (что проявляется в нарушении её прав в области профессиональной деятельности, физического и духовного развития) [5].

Социологическое изучение потенциала протеста и факторов, детерминирующих протестные настроения молодёжи области, необходимо с точки зрения профилактики деструктивных форм социального взаимодействия в обществе, а также своевременного предотвращения конфликтов, социально-политических «взрывов», т.е. резкого перехода социальной напряжённости в открытые протестные действия, оказывающие негативное воздействие на социально-экономическое развитие и систему властных отношений.

Литература

1. Габа, О.И. Молодёжь как субъект протестных настроений [Текст] / О.И. Габа // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 144-151.
2. Дементьева, И.Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала [Текст] / И.Н. Дементьева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – № 6(118) ноябрь–декабрь. – С. 39-51.
3. Кинсбургский, А.В. Социальная напряжённость и региональные конфликты [Текст] / А.В. Кинсбургский, М.Н. Топалов // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый Хронограф, 2015. – 624 с.
4. Индикаторы определения протестного потенциала молодёжи в современной России [Текст] / Д.Г. Михайличенко, А.А. Фазлыев, Д. М. Абдрахманов, Н.Н. Киреева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 38(329). – С. 47-49.
5. Куликова, Ю.П. Инновационные формы политической активности молодёжи в условиях модернизации общества [Электронный ресурс]. / Ю.П. Куликова. – Режим доступа: <http://publishing-vak.ru/>

Доброхлеб Валентина Григорьевна,
*доктор экономических наук, профессор,
академик РАН, главный научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН, г. Москва*

Непрерывное образование молодежи как цель устойчивого развития*

Аннотация. Анализ участия молодежи в получении новых компетенций показывает, что её доля в различных возрастных группах, охваченных непрерывным образованием, с возрастом уменьшается. При этом снижается доля участвующих в самообразовании. В стране охвачены непрерывным образованием 58,2% (49723,8 тыс. чел.) трудоспособного населения. Для системы российского образования важна смена показателей общей доступности на показатели качества образования и равного доступа к качественному образованию.

Ключевые слова: молодежь, непрерывное образование, цели устойчивого развития.

Исследователи, политики, представители гражданского общества подчеркивают, что современный мир находится на перепутье. Одним из наиболее знаковых явлений стало выполнение Целей тысячелетия (ЦРТ 2000–2015 годы) и определение новых задач на период 2016–2030 годы [1]. При этом отмечено, что новые цели в первую очередь связаны с устойчивым развитием (ЦУР). Показано, что существенно повысился образовательный уровень населения. Например, в развивающихся регионах мира в 2015 году охват начальным образованием достиг 91% по сравнению с 83% в 2000 году. Доля грамотных среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет с 1990–2015 годов также значительно увеличилось. В России существенной особенностью является изменение демографических трендов и повышение уровня образования занятых в экономике. В этих условиях существенное значение имеет переход приоритетов к оценке и проверке приобретенного знания и ориентация признания страны на рынке образовательных услуг.

* Доклад подготовлен при поддержке РГНФ, грант № 15-02-00066.

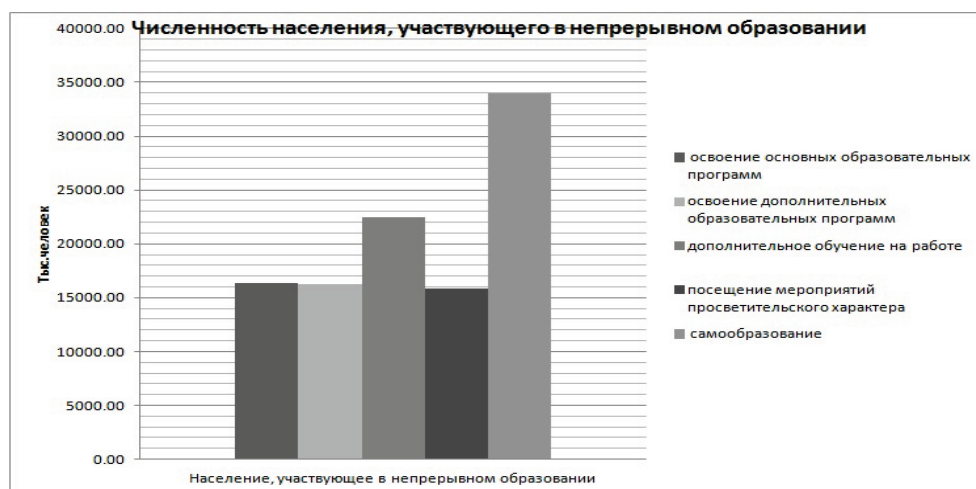
Для системы российского образования важна смена показателей общей доступности на показатели качества образования и равного доступа к качественному образованию.

Авторы Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год [2] указывают, что для достижения Целей Устойчивого Развития (ЦУР) в России необходимо развивать возможности доступа к системе дошкольного образования, а также усиливать работу, направленную на улучшение показателей результативности участия российских школьников, студентов, населения в международных интеллектуальных соревнованиях и сопоставительных исследованиях. Наша страна находится на 31–39 месте по математической грамотности, 38–42 – по читательской грамотности, 34–38 – по естественнонаучной грамотности. Россияне в возрасте 15 лет не имеют высоких достижений в умении применять школьные знания в жизни, при этом функциональная грамотность – математическая, читательская и естественнонаучная – имеет тенденции к росту.

Наболевшие проблемы российского образования общеизвестны. Не только образовательное сообщество, но и родители, представители общественных организаций уже не первый год заявляют о том, что сфера образования поражена вирусами «коммерциализации, бюрократизации и менеджеризации, катастрофически недофинансирована, находится под угрозой роста клерикализма» [3]. В этих условиях повышается актуальность развития качественных институтов непрерывного образования.

В стране охвачены непрерывным образованием 58,2% (49723,8 тыс. чел.) трудоспособного населения (рисунок).

В ходе статистического наблюдения выделено пять форм участия в непрерывном образовании: основные образовательные программы, дополнительные образовательные программы, дополнительное обучение на работе, посещение мероприятий просветительского характера и самообразование. В таблице 1 представлены данные, характеризующие численность и долю населения трудоспособного возраста, участвующего в процессе непрерывного образования.

Численность населения РФ участвующего в непрерывном образовании

Источник: рассчитано по [4].

Таблица 1. Численность и доля трудоспособного населения РФ, участвующего в непрерывном образовании

Население в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	Мужчин в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	Женщин в трудоспособном возрасте, тыс. чел.	Население, участвующее в непрерывном образовании, тыс. чел. и %	В том числе мужчины, участвующие в непрерывном образовании, тыс. чел.	Доля мужчин, участвующих в непрерывном образовании, %	В том числе женщины, участвующие в непрерывном образовании, тыс. чел.	Доля женщин, участвующих в непрерывном образовании, %
85414	44416	40997	49723,8 или 58,2%	25325,8	57,0%	24398,0	59,5%

Источник: рассчитано по [4, 5].

Анализ участия молодежи в получении новых компетенций показывает, что её доля в различных возрастных группах, охваченных непрерывным образованием, с возрастом уменьшается. При этом снижается доля участвующих в самообразовании (табл. 2).

Процесс непрерывного образования требует длительного периода настройки всех уровней – от изменения содержательных, организационных структур до институциональных преобразований, предполагающих системный подход. Эффективность образовательной политики становится важным элементом системы государственного регулирования.

Таблица 2. Доля молодежи в различных возрастных группах, охваченных непрерывным образованием

Возрастная группа, лет	Занимающиеся самообразованием, тыс. чел. и % от численности возрастной группы		Всего в этом возрасте, тыс. чел.	Население, участвующее в непрерывном образовании, тыс. чел.	Доля населения, участвующего в непрерывном образовании, %
	тыс. чел.	%			
20–24	4676,0	50,3%	9292	7752,6	83,4
25–29	4510,3	35,7%	12620	7657,1	60,6
30–34	3958,0	32,7%	12092	6706,0	55,4

Источник: рассчитано по [4, 5].

Современные геополитические вызовы обостряют проблемы перехода России к экономике, основанной на знаниях. В этой ситуации центральной становится проблема образования человека. Широко распространено представление о непрерывном образовании как о последовательных ступенях специально организованной учебы и воспитания. Вместе с тем система непрерывного образования не ограничивается лишь формальными институтами. В настоящее время главные акценты смещаются от процесса непрерывности обучения в системе институтов образования (lifelong education) к индивидуальной мотивации постоянно учиться (lifelong learning). Для обозначения системы институтов образования различают формальное, неформальное и информальное образование [6].

Модернизация российской экономики, реализация направления по импортозамещению и уход от «сырьевого» вектора развития, достижение целей устойчивого развития – всё это невозможно без анализа системы образования, без четкого представления половозрастной динамики населения, которая определяет не только характер и особенности рынка труда, но и инвестиционную и инновационную привлекательность регионов.

Литература

1. Millennium Development Goals Report 2015. UN, NY, 2015.
2. Человеческое развитие в условиях спада экономики. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2015 год / под ред.

Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. – 260 с.

3. 5 болезней российского образования, которые игнорирует руководство страны / Московский экономический форум 31 августа 2016.

4. Итоги выборочного федерального статистического наблюдения участия населения в непрерывном образовании в 2015 году [Электронный ресурс] http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm (дата обращения: 04.09.2016).

5. Демографический ежегодник России – 2015. [Электронный ресурс]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 04.09.2016).

6. Римашевская, Н.М. Непрерывное образование в России / Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб, Е.И. Медведева // Народонаселение. – 2015. – № 4. – С. 108-116.

Егиазарян Сюзанна,
аспирант,
Институт социологии, философии и права НАН
Республики Армения,
г. Ереван

Проблемы современной молодежи в России и Армении

Аннотация. В данной работе дано теоретическое обоснование проблем современной молодежи, проведен сравнительный анализ проблем молодежи России и Армении. На основе статистических данных, отражающих изменения в молодежной субкультуре и на рынке труда за последние десятилетия.

Ключевые слова: молодежь, проблемы, социология, статистика, рынок труда.

В настоящих условиях изучение проблем современной молодежи стало актуальной проблемой в научных и академических кругах. В частности, про-

блемы молодежи как в России, так и во всем мире рассматриваются с двух разных точек зрения: «молодежь как общественная опасность» и «молодежь как надежда общества» [1, 30]. Теоретическое обоснование проблем молодежи началось в 1920–1930-х годах, но с новой силой возобновилось в 1960–1970-х годах, что связано с появлением, образованием, развитием и состоянием *социологии* как науки [1, 31].

Современная молодежь формируется при наличии институтов, регулирующих жизнедеятельность общества: семьи, образования, воспитания, занятости и т.д. Как и в других странах с переходной экономикой, армянский рынок труда всегда находился под воздействием различных системных и структурных факторов. В последние 25 лет развитие рынка труда Республики Армения характеризуется различными закономерностями [1].

1. В изучаемом периоде предложение рабочей силы в Армении находилось под воздействием ряда демографических факторов. Армения является стареющей, даже одной из быстро стареющих, страной мира;

2. Изменение возрастного состава населения в пользу старения обусловлено увеличением продолжительности жизни населения и снижением рождаемости, результат которого – рост населения выше трудоспособного возраста.

3. Довольно низкий уровень занятости населения трудоспособного возраста, что отчасти связано с тем, что в начале реформ переходного периода ситуация на рынке труда Армении была весьма неблагоприятной, а дальнейшие реформы оказали негативное влияние на рынок труда [1].

4. Как во многих странах с переходной экономикой, в Армении зафиксировался «рост без предоставления рабочих мест» или даже «рост с потерей рабочих мест» [2, 27].

5. В основных отраслях экономики – промышленности и строительстве – произошли значительные изменения структуры занятости. Наибольшее снижение наблюдалось численности людей, занятых в науке. В сфере услуг соотно-

шение занятых осталось относительно стабильным, но и здесь наблюдается снижение числа занятых [2].

При изучении как армянских, так и русских рынков труда наблюдается одна тенденция: среди безработных большую численность имеют люди с высшим образованием. Это может быть связано с несколькими обстоятельствами:

1. Рынок образовательных услуг значительно отстает от требований рынка труда.
2. Усугубляется несоответствие между профессиональным статусом рабочей силы и спросом со стороны работодателя.
3. Низкий уровень заработной платы, который предлагает работодатель.
4. Высокие требования работодателя, связанные с опытом и квалификацией профессионалов.

В течение последних 10–15 лет эти укоренившиеся ориентации в значительной степени соответствуют возможностям, которые требуются и которые ищет молодежь в отдельных отраслях экономики, предприятиях, сегментах [2, 30]. Поскольку государство не уделяет достаточного внимания образованию и воспитанию молодых граждан, то в каком-то смысле внутри него образовалось так называемое «потребительское общество», но никто не мог ожидать, что представители власти тоже могут стать «потребительским товаром» [3].

Как показывает практика высших учебных заведений, студент-индивидуум формируется в такой важной области, как времяпрепровождение. Времяпрепровождение – свободная часть времени, которая имеет разумную целеустремленность, проводится с целью удовлетворения потребностей отдыха и имеет рекреационные, просветительские и воспитательные функции [4, 68]. Его содержание основано не только на отдыхе и развлечениях, но и жизненно важных вопросах, то есть идет активный процесс самопознания, самовыражения и самореализации [5, 24].

Одно из важнейших направлений организации студенческой жизнедеятельности – развитие развлекательной деятельности. Но необходимо помнить, что из года в год под влиянием различных факторов они могут меняться. Именно с этой целью в одном из российских университетов методом опроса было проведено исследование среди студентов первых и последних курсов.

По результатам опроса можно увидеть, что только 1/3 студентов последнего курса свободное время посвящают своему образованию, а остальные (соответственно 38 и 32%) работают и развлекаются. В свою очередь, только 6% первокурсников отдают свое свободное время учебе, и их абсолютное большинство, 67% – отдыхают, или развлекаются, а остальные 27% не дают однозначного ответа на этот вопрос, отметив, что «делают все понемногу» [6, 207].

Важно также то, какие факторы важны для студентов в выборе вида времяпрепровождения. Согласно нашим исследованиям, для первокурсников (35%) и большинства студентов последних курсов (55%) выбор в первую очередь обусловлен кругом собственных интересов. Вторым фактором, по мнению студентов последних курсов, – окружающая среда (22%); в то время как в этом случае для студентов первого курса решающее значение имеют материальные возможности (55%). Третьим важным фактором является репутация института для студентов последних курсов (30%), а для первокурсников – «быть в тренде» (25%).

Какие заведения посещают студенты? Согласно полученным данным, 32% студентов первого курса отдают предпочтение ночным клубам, 25% – кинотеатрам, 11% – театрам, 23% – ресторанам и кафе, а 9% – спортивным комплексам. 22% студентов последних курсов отдают предпочтение концертам, 18% – спортивным комплексам, 20% – кафе и ресторанам, 15% – театрам, 14% – ночным клубам и 11% – выставкам.

Следует отметить, что активные, здоровые способы отдыха отходят на второй план, уступая место более увлекательным мероприятиям, которые не

требуют больших физических нагрузок. В целом, по нашим исследовательским данным, если в первый год обучения студенты предпочитают творческую деятельность (57%), то в последний год – возможность влиять на социальную и культурную жизнь университета (65%). Подавляющее большинство студентов последних курсов (89%) стремятся организовать свое времяпрепровождение, в то время как около 1/3 первокурсников считают это одной из функций образовательного учреждения.

В целом в российском обществе, исходя из влияния социально-экономических и социально-политической трансформаций, статус молодежи описывается как очень неустойчивый и противоречивый. С одной стороны, молодежь более подвижная и более мобильная группа общества, но, с другой стороны, учитывая тот факт, что нет полного вовлечения в систему общественных отношений, можно сказать, что эта группа социально не подготовлена, поэтому весьма уязвима.

Современная русская молодежь исполнение своих жизненных проектов, а также создание благоприятных возможностей часто связывает с финансовым положением родителей, в результате чего возникают конфликты между поколениями. Но если говорить о молодежной социально-культурной среде, следует отметить некоторые положительные черты.

Таким образом, современная русская молодежь довольно патриотична, с верой смотрит на будущее России, ее социально-экономическое благосостояние и на перспективу обеспечения уважения гражданского общества, а также прав и свобод человека и гражданина. Сейчас молодежь легче приспосабливается к новым экономическим условиям: стала более рациональной, прагматичной, ориентированной на обеспечение устойчивого развития и творческой работы. Она более свободна в выборе профессии, образа мышления, жизнедеятельности, поведения.

Молодежь, как отдельная социально-демографическая группа, наиболее уязвимый класс населения, так как ее интересы и потребности постоянно сталкиваются с проблемой отсутствия возможностей для их реализации. Встает вопрос жизненных перспектив молодежи, в особенности ее творческой самореализации (образование, профессия, работа, карьера).

По нашему мнению, нынешний уровень занятых молодых специалистов должен быть показателем не только для системы высшего образования, но и для рынка труда. Но, с другой стороны, сегодня рынок труда нуждается в таких профессиональных качествах, которые не зависят от конкретного вида деятельности. В целом проблемы студентов должны всегда быть в центре внимания государства и решаться путем разработки и реализации государственной молодежной политики. Молодежная политика, проводимая государством, должна быть важным стратегическим направлением общей государственной политики, которая должна способствовать формированию личности активных молодых людей, обеспечивая их права и поощряя их инициативы и интересы.

Литература

1. Статистика СНГ 2000–2015-х годов и данные НСС РА 2015 года [Эл. рес.]. – www.armstat.am
2. Динамика рынка труда в Республике Армения. – Том 2: Основной отчет # 35361-AM: Документ Всемирного банка, январь 2007 г.
3. Плукин, С.Г. Ценностные ориентации [Эл. рес.] / С.Г. Плукин. – Реж. дост.: // <http://plook.ru/index/cennostnye-orientacii>
4. Каплан, М. Основные модели досуга / М. Каплан. – М., 2008.
5. Лисовский, В.Т. Социология молодежи / В.Т. Лисовский. – СПб., 1996.
6. Мосиенко, Л.В. Молодежная субкультура: проблема становления: монография / Л.В. Мосиенко. – М.: Дом педагогики, 2010.

Зубок Юлия Альбертовна,
доктор социологических наук, профессор,
зав. отделом социологии молодежи,
Институт социально-политических исследований РАН,
г. Москва

Дивненко Ольга Владимировна,
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры психологии и педагогики высшей школы,
Национальный институт бизнеса,
и.о. директора Фонда информационного сопровождения науки,
г. Москва

Симуляционно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности

Аннотация. В условиях изменяющейся социальной реальности система развития социальной компетентности молодежи человека претерпевает серьезные изменения. Симуляционно-имитационные формы рационализации становятся ответными стратегиями поведения молодого человека на вызовы современности. Описываются основные подходы к развитию данных компетенций и их противоречивый характер.

Ключевые слова: изменяющаяся социальная реальность, неопределенность и риск, рационализация, социальная компетентность, компетенция, симуляция, имитация.

Понимание социальной реальности как изменяющейся связано с процессом ее конструирования – «непрерывного производства людьми конкретных значений, символов, которые образуют субъективную реальность» [8, с. 174]. В ходе изменений преобразуются структуры, связи между ними, изменяются и формы взаимодействий.

Поскольку социальные изменения, по П. Штомпке, предполагают активное взаимодействие социальных конструкторов и их создателей, то в процессе своей деятельности субъекты изменяют не только структуры общественной жизни, но и способы их построения, также изменяясь под воздействием новых условий [15]. Меняются внешняя среда, конструирующий субъект, его отношение к нарождающейся действительности, способы реагирования и характер вза-

имодействий в этих, уже изменившихся, условиях. При этом в сознании субъекта формируется определенное представление о действительности, которое становится отправной точкой в выборе новых стратегий поведения.

Изменения, характерные для современных обществ, проявляются в растущем динамизме структурных и социальных изменений, стремительном рождении и таком же быстром отмирании структур, норм, связей, отношений, в расширении пространства свободы молодежи, но – одновременно с этим – в снижении предсказуемости ее жизненных ситуаций.

Для таких изменений характерно «сокращение настоящего», как «процесса укорачивания протяженности временных интервалов, в которых можно рассчитывать на *определенное постоянство* жизненных отношений» [9, с. 94]. Им на смену приходят одновременно множественность, неопределенность и нелинейность.

Утверждающаяся множественность порождает разнообразие выбора и задач, стоящих перед индивидом, а достижение определенности в пространстве их реализации означает, что переход возможностей в действительность в процессе взаимодействий происходит случайно, без жесткой детерминированной связи между усилиями и желаемым результатом, т.е. нелинейно.

Воспринимаемая как неожиданность, она носит неустойчивый и непредсказуемый характер, таким же непредсказуемым делая и существование человека в изменяющейся реальности. Взаимодействие с такой реальностью, ее освоение и конструирование требуют новых способов овладения жизненными смыслами и технологиями выстраивания определенности.

Такие смыслы и технологии формируются в процессе познания действительности через совместный групповой опыт, посредством взаимодействия с внешней средой. «С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, – и мир природы, и мир культуры – не как субъективный, а как интерсубъективный мир, т.е. как мир общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому» [16, с. 530].

Поэтому смыслы реальности раскрываются для молодого человека в его повседневном взаимодействии с другими, когда обыденные знания аккумулируются, пересматриваются, обогащаются и приобретают устойчивую форму, имея своего рода отличительный знак «проверенных» и «легитимных».

По мере накопления, а также обмена опытом, знаниями об окружающей действительности происходит познание и рефлексия ее объективных сторон.

Познанная и осмысленная действительность преобразуется в сознании молодых людей в социальную *реальность* – «совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объект обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» [15, с. 485].

Знания и представления молодых людей об условиях бытия, подкрепленные опытом, придают «уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» [1, с. 9]. Тем самым, познанная действительность приобретает для молодого человека форму определенности.

Еще более реальными, т.е. определенными, становятся те части среды и ее объекты, которые осознаны как пространство собственной жизнедеятельности. О них в сознании молодежи складывается субъективное представление, некий субъективный образ, отражающий не только типичные черты и функции, но и формы взаимодействий, кажущиеся наиболее уместными и результативными с точки зрения осуществляемого смысложизненного (цель) или инструментального (средство) выбора.

При этом формируются ответы на два взаимосвязанных вопроса: *зачем* и *как* (учиться, работать, выстраивать семью, голосовать, участвовать в общественной жизни).

Таким образом, знания и накопленный опыт, во-первых, конвертируются в систему значений и смыслов, лежащих в основу представлений о действительности и ее характерных чертах. Во-вторых, в сочетании с собственными жизненными установками на цели жизнедеятельности определяют выбор спо-

собов их достижения, рассматриваемый как наиболее приемлемый в сложившихся условиях, т.е. задают основные параметры рационализации изменяющейся социальной реальности.

В условиях ускорения, неопределенности и нелинейности у активного молодого человека сокращается время на оценку ситуации и принятие решений, на достижение эффективных результатов при кропотливом получении знаний, на развитие необходимых сложных универсальных компетенций, наличие которых позволяет быть эффективным и качественным. При этом понятия эффективности и качества претерпевают значительные изменения, вбирая в себя новые смыслы, конструируемые молодежью как отражение изменяющейся реальности.

Рационализация, предполагающая наличие осознанной цели, подпитываемая новыми смыслами и представлениями о разумно обоснованном и целесообразном, наиболее оптимальном в изменяющихся условиях, реализуется в конкретных формах взаимодействий молодежи с объектами реальности.

Вводится более эффективная организация собственной жизни, на основе которой происходит упорядочение социальных связей. Отражаясь в мотивационной сфере сознания – в потребностях, интересах, ценностях – представления о возможных и желательных вариантах выбора оптимизируются в соответствии с реальными возможностями достижения жизненных целей.

При этом новый критерий оптимизации приобретает ценностную форму. Действия, основанные на новых ценностных критериях, прошедшие легитимацию в процессе интерсубъективного освоения неопределенной, нелинейной и все более ускоряющейся реальности, а также признанные наиболее разумными и эффективными в данных условиях, закрепляются в габитуальных установках, отрабатываются в социальных практиках и, будучи усвоенными в процессе взаимодействия друг с другом и с окружающей средой, конвертируются в социальные компетенции.

Под социальной компетентностью применительно к рационализации в условиях изменяющейся социальной реальности мы будем понимать *способ-*

ность индивидов и групп к достижению новых форм определенности на основе постоянного отслеживания изменений объективной действительности и выработки новых форм оптимизации собственной деятельности и социальных взаимодействий в этих условиях.

Исследуя процессы формирования и развития социальной компетентности молодого человека, заметим, что она, как конструктор, может состоять из комплекса различных компетенций. Именно их определенное качество, сочетание и состав позволяет (или не позволяет) человеку быть социально-компетентным, другими словами качественно-эффективным.

При этом наблюдается ряд зависимостей. Так, уровень развития компетентности зависит от набора компетенций, а от ее структуры зависит эффективность социальной подвижности и мобильности человека. Другими словами, чем выше уровень развития социальной компетентности, чем актуальнее структура компетенций, включенных в нее, тем выше эффективность личности в условиях изменяющейся реальности.

Существует, как минимум, два значимых способа рационализации молодежью своей деятельности в социальной реальности, ранее описанных в литературе.

Первый – путем *изменения содержания смысловых значений* в традиционно существующих формах, при котором в привычных понятиях изменяются, а нередко подменяются смыслы, изменяющие их содержание.

Второй – посредством рационализации *способов реализации ожиданий от взаимодействий с объектами реальности*, когда вместо традиционных способов (возможностей) реализации появляются новые более рациональные, одобряемые значительной частью людей.

Каждый из названных способов может приобретать различные формы, в том числе имитационно-симулятивную. Так, стратегия «быть таковым (имеющим определенные качества)» означает состояться, а «стремиться быть таковым» – развиваться. Вместе эти стратегии отражают рационализацию, которая может быть описана в таких категориях, как «бытие», «становление» и переход

потенциальных возможностей молодого человека в объективную действительность.

Иначе выглядит имитационно-симулятивная форма. Понимать, какими характеристиками должен обладать результат, и на основании этого создавать искусственную модель ожидаемого результата либо процесса его достижения (включая эмоции, отношения, определенные виды деятельности) без действительной реализации – значит имитировать.

«Казаться (притворяться) таковым, а не быть» – значит симулировать. Имитация – в соответствии со словарем Ушакова – это подделка подо что-то; предмет, сделанный в подражание настоящему так, что его можно принять за настоящее, за образец [3].

Имитация, как форма рационализации, реализуется через кажущуюся реальность и в дихотомии «казаться или быть» символизирует первую. Социальная имитация признается явлением, выражающимся «в искажении социальной определенности, в основе которого – процессы социального действия, связанные с подменой предметно-смысловой реальности путем конструирования символической социальной реальности, создания видимости» [14].

Заемствование (копирование, имитация) образцов – достаточно часто используемый механизм политической модернизации. В данной сфере исследователи выделяют два типа имитации. Первый тип – имитация алгоритма, когда копируется механизм какого-либо процесса, включая его содержание или функциональную нагрузку (например, процесса взаимодействия трех ветвей власти. Второй тип – имитация результата или формы, другими словами, «симуляция» (например, провозглашение свободных и соревновательных выборов как принцип, то есть *de jure*, при их несвободном и несоревновательном характере *de facto* или создание трех ветвей власти без фактической реализации принципа разделения властей). При этом, как отмечают некоторые политологи, наилучшие результаты с точки зрения решения задач модернизации дает имитация алгоритмов [12].

В свою очередь, симулирование, по С. Ожегову, процесс притворства, создания ложного представления о наличии чего-либо; по Ушакову – создать (создавать) ложное представление о наличии чего-нибудь [3]. На этом основании симуляция точнее всего описывается как «ничто», приобретающее в процессе социальных взаимодействий символическую форму. Обмен символами становится наиболее оптимальной формой рационализации в условиях неопределенности и непредсказуемости конечного результата, формируя в среде молодежи новую социальную реальность. В процессе социальных взаимодействий она объективируется и, обретая статус рациональности, осваивается как новая компетенция.

Симуляционно-имитационные формы поведения являются результатом предметно-рефлексивных отношений прагматического свойства. Их «однозначно отрицательная оценка в развертывании социальных процессов была бы в корне неверной, поскольку создание новых образцов символической социальной реальности может раскрывать такие возможности эффективного развития человека и общества, которые в иной ситуации не могли бы возникнуть...» [7].

Социальное значение рассматриваемых моделей можно анализировать исходя из цели их применения, условий, побуждающих человека использовать данные формы, характера результатов – лично-значимых, социально-значимых и/или преобразующих действительность.

Сегодня целые профессиональные сообщества работают над созданием и поддержанием симуляционно-имитационных моделей поведения человека и групп. Так, персональный брендинг даёт возможность привлекать и удерживать клиентов; улучшать отношения с коллегами по работе; повышать свой авторитет в профессиональной среде; формировать успешный образ для инвесторов [13]. При этом акцент делается не на том, чтобы быть лучшим в профессии, а на том, чтобы формировать мнение и создавать впечатление.

Экстремальные квесты предлагают условия для испытания себя в ситуации стресса и необходимости действовать в условиях риска. В данном случае они служат тренингом по выработке определенных компетенций, необходимых

для выживания и полноценной жизнедеятельности молодого человека в условиях неопределенности.

В экстремальных условиях имитация лидером команды уверенности в правильности собственных решений, а также симуляция того, что помощь скоро «придет», позволяет справляться с паникой и эффективно осуществлять межличностные взаимодействия. В то же время, чтобы получить определенный результат как можно быстрее и/или без особых усилий, человек может выбрать имитировать знание или симулировать активную занятость.

Широкое распространение имитационных практик во взаимодействиях молодежи с различными объектами реальности стимулирует воспроизводство симулякров. Так, в сфере образования наблюдается «подмена производства знаний производством симулякра знаний», когда наблюдается «спрос не на образование, а на формальные символы знаний («корочки») [10].

Направленностью на реализацию собственных (личных) целей в ходе совместной трудовой деятельности характеризуется стадия симуляции у молодых специалистов, что является причиной конфликтов в трудовых отношениях между «новичками» и зрелыми сотрудниками [6].

В системе общественно-политических отношений, когда молодежь не интересуется политикой, «своеобразным симулякром является создание молодежных политических организаций», деятельность которых подтверждает «имидж демократической страны» [4, с. 318].

Таким образом, в условиях изменяющейся социальной реальности формирование симуляционно-имитационных форм рационализации поведения является необходимым, хотя и противоречивым, условием эффективной жизнедеятельности молодежи и общества в целом.

Анализируемые формы рационального поведения могут позволить человеку либо развиваться и трансформироваться, либо влиять на процессы смещения ценностных установок и появления различных личностных и профессиональных деформаций [5].

Итак, имитация и симуляция – есть результат и «ответ» на постоянно меняющийся мир. Изменяющаяся социальная реальность располагает широким комплексом условий и характеристик для эффективного развития и совершенствования личности молодого человека.

Одновременно с этим имеется ряд негативных особенностей современной реальности, справиться с которыми человек может только при эффективном развитии социальной компетентности. Важно более пристально рассмотреть симуляционно-имитационные формы рационального поведения у молодого человека при исследовании:

- системы непрерывного профессионального образования и профилактики продолжающихся усложняться процессов депрофессионализации;
- личностных и профессиональных трансформаций (включая деформации) личности в условиях кризиса и неопределенности;
- новых алгоритмов эффективного поведения человека в условиях перманентного риска.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман: пер. с англ. – М.: Медиум, 1995.
2. Беридзе, А.З. Институт образования в условиях новой социальной реальности / А.З. Беридзе // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – № 5.
3. Большой толковый словарь современного русского языка в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2000.
4. Грязнова, О.С. Российская молодежь в структуре современного социально-политического процесса / О.С. Грязнова. // Отечественные записки. – 2006. – № 32(5). – С. 316-335.
5. Дивненко, О.В. Трансформации руководителей высшего звена в условиях кризиса и неопределенности: монография / О.В. Дивненко. – М.: Национальный институт бизнеса, 2013.

6. Едигарёва, Ю.Г. Истоки трудовых конфликтов в постиндустриальном обществе: теория «симулякров» социального бытия Ж. Бодрийяра / Ю.Г. Едигарёва // Вестник Поволжского института управления. – 2009. – Вып. №1.
7. Закирова, Т.В. Феномен симулякра как проявление социальной имитации / Т.В. Закирова. // Вестник Оренбургского университета. – 2014. – № 7.
8. Зубок, Ю.А. Риски развития техногенных систем: прогнозирование и управление в условиях новой социальной реальности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Глобальная и национальные стратегии управления рисками катастроф и стихийных бедствий: материалы XX Международной научно-практической конференции по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций МЧС России. – М.: Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России, 2015. – С. 165-171.
9. Кравченко, С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь / С.А. Кравченко – М.: Руссо, 2002.
10. Латов, Ю.В. Симулякры знаний и образовательные неравенства в сфере андрагогического образования / Ю.В. Латов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – Вып. № 2(120).
11. Люббе, Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / Г.В. Люббе. // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 94.
12. Теория политики / авт.-сост.: Н.А. Баранов, Г.А. Пикалов. В 3-х ч. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2003.
13. Хрусталева, Ю.В. Интерпретация бренда личности в социальной психологии: сущностно-содержательные элементы и модели формирования / Ю.В. Хрусталева // Акмеология. – 2015. – № 4(56). – С. 136-140.
14. Шалюгина, Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: диссертация на соискание ученой степени д-ра филос. наук / Т.А. Шалюгина. – Ростов-на-Дону, 2011.

15. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка: пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996.

16. Шюц, А. Формирование понятий и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль. – М., 1994.

Ивахненко Галина Александровна,
*кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии РАН,
г. Москва*

Здоровьесберегающие технологии в вузах Москвы

Аннотация. В исследовании рассматриваются различные виды здоровьесберегающих технологий и подчеркивается важность их использования в московских вузах для сохранения здоровья студентов. Основная цель – выяснить, какие виды здоровьесберегающих технологий применяются в высших образовательных учреждениях Москвы. Эмпирические данные собраны методом формализованного интервью в 55 московских вузах в 2014 году.

Ключевые слова: студенты, здоровьесберегающие технологии, здоровье, вуз.

В 2014 году сектором социальных проблем Института социологии РАН было взято 108 формализованных интервью у московских студентов с целью получить информацию о проводимой в их вузе здоровьесберегающей политике. В исследовании приняли участие 28 гуманитарных, 16 технических, 9 естественнонаучных и 2 вуза из области туризма и культуры. Опрошенный массив стратифицирован по полу и курсу обучения. Среди респондентов студенты МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, РЭУ им. Г.В. Плеханова, МАИ, МАДИ, РГСУ, РГУ нефти и газа им И.М. Губкина, Первый МГМУ им И.М. Сеченова, МПГУ, МФЮА, ГУВШЭ и др.

Анализ эмпирических данных показал, что в опрошенных московских институтах и университетах в основном применяются 6 видов здоровьесберегающих технологий.

1. Физкультурно-спортивная деятельность студентов. Выяснилось, что до 2 курса включительно физкультурой в вузах Москвы занимаются 35% респондентов, 43% – до 3 курса включительно, 16% – до 4 курса включительно, 4% – до 5 курса включительно. Согласно признанию 78% опрошенных московских студентов, в их образовательных учреждениях занятия по физической подготовке проводятся 2 раза в неделю, у 18% респондентов физкультура бывает 1 раз в неделю. Встречаются и случаи более интенсивных занятий – 3 раза в неделю в учебном расписании физкультура присутствует у 3,5% опрошенных юношей и девушек.

Практически каждый вуз предлагает студентам дополнительные занятия по различным видам спорта. В большинстве случаев эти занятия проводятся бесплатно. Так, 70% опрошенных московских студентов имеют возможность посещать секцию по волейболу, 57% – по футболу, 44% – по баскетболу, 24% – бассейн, 15% – по настольному теннису, 13% – тренажерный зал, 11% – по спортивным танцам, 8% – по большому теннису и различным видам борьбы, 7% – по боксу, 4% – по шахматам. Предлагаются также занятия по велоспорту, художественной гимнастике, конному спорту.

2. Технологии обеспечения безопасности жизнедеятельности (ТОБЖ). В учебных заведениях их реализуют пожарная инспекция, представители коммунальных, инженерно-технических служб, специалисты по гражданской обороне, охране труда, архитекторы, строители. За обеспечение эффективного функционирования ТОБЖ в учебных корпусах, студенческих общежитиях и других зданиях вузовского комплекса несет ответственность администрация высшего учебного заведения. Этот вид здоровьесберегающих технологий, по признанию респондентов, присутствует во всех московских вузах.

3. Просветительско-педагогическая деятельность. Согласно результатам проведенного исследования просветительско-педагогическая деятельность в московских вузах представлена в основном преподаванием ОБЖ (96%). Почти в каждом третьем вузе в качестве дисциплины, прививающей студентам навыки здорового образа жизни, преподается и валеология. В единичных случаях респонденты упоминали о преподавании курса по психологии здоровья и гигиене.

4. Медико-гигиенические технологии (медосмотры, диспансеризация, мониторинги). Они ориентированы на работу с больными студентами, на диагностику, лечение болезней. Очевидно, что эти технологии должны быть обязательными и находиться под контролем администрации вузов. Прохождение диспансеризации в вузе подтвердили 70% опрошенных московских студентов. Однако результаты исследования показали, что регулярная диспансеризация проводится не везде. Некоторые респонденты признались, что она была у них только на первом курсе и больше не проводилась.

В ходе интервью респондентам задавался вопрос: что ещё администрация вуза применяет для контроля за здоровьем студентов помимо диспансеризации и медицинских осмотров? Большинство (64%) затруднилось с ответом на него. Оставшиеся студенты назвали в качестве таких мер запрет на курение в вузе, организацию спортивных соревнований, проведение Дня здоровья, открытие новых спортивных секций, регулярность проверок на употребление наркотиков и отчисление за нетрезвость. 88% опрошенных студентов Москвы подтвердили, что в их учебном заведении представлена медицинская инфраструктура в виде врачебных кабинетов или поликлиник; 6% респондентов дали отрицательный ответ, столько же студентов затруднились ответить.

5. Рекреационные мероприятия и рекреационная инфраструктура. Массовая рекреационная поддержка студентов в московских вузах представлена довольно широко. На вопрос о наличии в вузе студенческих лагерей, баз отдыха, профилакториев положительный ответ дали 77% опрошенных студентов.

Выяснилось, что эти объекты зачастую располагаются на Черноморском побережье. Некоторые вузы имеют свой дворец культуры.

На уровне индивидуальной рекреационной системы, где требуется помощь специалистов для психологического и психического восстановления студентов, специальные методики (лечебный сон, аутотренинги, медитация и др.) до настоящего в московских вузах практически не разрабатывались. Каждый учащийся часто решает этот важный для себя вопрос стихийно, методом проб и экспериментирования на своем здоровье, нередко ошибочно избирая для себя в качестве индивидуальных релаксантов алкоголь и наркотики.

6. Психологическое знание и психологические методики. В качестве конкретных инновационных методов борьбы с этими явлениями специалистами предлагаются индивидуальное консультирование психологом и психотерапевтом, обучающие тренинги по различным направлениям, организация кабинетов релаксации (ароматерапия, фитотерапия, музыкальная терапия) и др. Результаты проведенного исследования показали, что не все эти методы применяются в качестве здоровьесберегающих в институтах и университетах Москвы. Так, о возможности получить в вузе консультацию психолога или психотерапевта сообщили в своих интервью 54% респондентов. Посещение различных видов тренингов, проводимых по психологическим методикам, подтвердили 50% учащихся вузов. Студенты назвали такие тренинги, как развитие творческого мышления, ораторского искусства, ведение в специальность. О существовании в их вузе службы дистанционного психологического консультирования через Интернет сказали 11% респондентов. Кабинет релаксации (музтерапия, фитотерапия, ароматерапия) в стенах учебного заведения посетили 4% опрошенных юношей и девушек.

Очевидно, что описанная модель здоровьесберегающих образовательных технологий, действующая на данный момент в российской высшей школе, находится в развитии. Единой модели по укреплению здоровья студентов в московских вузах сегодня не существует. Забота о студенческой молодежи зависит от рейтинга вуза, объема финансирования и от внимания к этой проблеме администрации учебного учреждения.

Игнатова Татьяна Васильевна,
кандидат социологических наук,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы РФ,
г. Орел

Человеческий потенциал молодежи как основной ресурс развития малых городов

Аннотация. В работе рассматривается молодежь как социально-демографическая группа и основной ресурс развития таких городских поселений, как малые города России. Дается характеристика социальной среды малого города. Выделяются проблемы молодежи малых городов России. Представлены актуальные результаты социологических исследований в области человеческого потенциала молодежи.

Ключевые слова: молодежь, малый город, социальная среда.

К молодежи, ее проблемам интерес всегда велик, и проявляется он как на обыденном уровне, так и представителями различных наук – естественных и общественных. Это и понятно, ибо молодежь – не просто будущее любого общества, но и в значительной мере – день сегодняшний.

Характеристике проблем, где объектом исследования выступает молодежь, посвящена обширная литература. Однако теоретическое осмысление проблем молодежи представлено относительно небольшим числом обобщающих работ в сравнении с общим числом эмпирических исследований, в рамках которых собран материал для характеристики молодежной среды.

Одним из важнейших критериев баланса стабильности общества в социологии рассматривается поддержание человеческого потенциала, который образует социальную систему. Имеется в виду не только обеспечение воспроизводства населения, выживаемости, прожиточного минимума, здоровья людей, но и создание условий для их личностного развития. Интеграция молодежи, таким образом, выступает в качестве важнейшего фактора стабильности общества, нормального функционирования общественной системы, необходимой преемственности в ее развитии.

Молодежь представляет наибольший интерес, поскольку именно молодое поколение способно оказывать различное влияние на общественные преобразования, общественный прогресс, в том числе и развитие муниципальных образований, где проходит их жизненное самоопределение.

В определении объекта данного исследования мы исходили из того, что молодежь – это крупная, относительно целостная социальная общность, отличающаяся специфическими демографическими характеристиками, многорольевыми функциями и определенным статусом. По статистическим данным, молодежь России насчитывает 31558 тыс. чел. населения российского социума (или 22% от численности населения России) [1].

Молодежь как социальная группа представлена в социальной структуре общества постоянно возобновляемой совокупностью индивидов, находящихся на особой стадии жизненного цикла – завершающей стадии своего становления как субъекта общественного воспроизводства. На этапе жизненного самоопределения молодежи важная роль принадлежит социальной среде, в которой происходит этот процесс. Нас интересует, как объект исследования, именно молодежь малых городов.

Малые города – самый распространенный тип поселений среди городов России. Учитывая, что многие из них являются одновременно сельскими районными центрами, можно сказать, что с малыми городами России непосредственно связана судьба 45 млн. городских и сельских жителей. Имеет существенное значение то, что без успешного социально-экономического развития малых городов невозможно достичь успешного развития всей страны в целом, так как в них проживает большое количество населения России. В силу этого, малые города, выполняя свои социальные, экономические, территориально-расселенческие функции, обеспечивают целостность страны. Отсюда нетрудно убедиться в огромном значении для России правильного использования ресурса населения, живущего на территории малых городов.

Об актуальности говорит также большое количество проблем социально-экономического развития в малых городах нашей страны. Многие из этих про-

блем присутствуют в малых городах с советских времён, многие появились в пореформенный период. Наличие большого количества социальных и экономических проблем в малых городах даёт основания утверждать, что они вызваны не только трудностями современного этапа развития российского общества, но и практически повсеместной организационной и методологической слабостью управления процессом социально-экономического развития на муниципальном уровне.

Социально-экономические проблемы малых городов региона во многом связаны с неразвитостью их социальной и коммунальной инфраструктуры и зачастую с весьма односторонним производственным профилем, что делает их особенно уязвимыми в условиях рыночных отношений. Общая негативная ситуация в экономической жизни малых городов непосредственно сказывается на положении населения и качестве жизни в данных населенных пунктах.

Анализ полученных эмпирических данных по результатам социологического исследования, проведенного автором в малых городах Орловской области, позволяет сделать следующие выводы о специфике молодежи малых городов:

1. Молодежь малых городов имеет специфические условия для самореализации, что позволяет говорить о молодежи малых городов как особой статусной группе. Это выражается, прежде всего, в особенностях социального развития и ценностных диспозиций. На формирование последних оказывает влияние культура провинции, вследствие чего происходящая эволюция ценностей осуществляется не одинаково в областных центрах, сельской местности и малых городах.

2. Молодые люди из малого города сегодня более или менее ясно осознают факт социальной дифференциации в молодежной среде, наличие в ней групп с различными, нередко противоположными интересами, ценностями и смысложизненными ориентирами. Это проявляется в несовпадении суждений о собственных целях и ожиданиях молодежи в целом. Молодой человек как бы разделяет себя и окружающих.

3. Несмотря на все перемены, молодые люди, проживающие в малом городе, ценят значение счастливой семейной жизни, но проявляется это в основном в применении к себе, в индивидуальном плане.

4. Молодежь малых городов становится все более прагматичной и рационально мыслящей. Она ориентируется на достижение богатства и деловую карьеру. Возможность их достижения связывается с получением хорошего профессионального образования и наличием условий для самореализации. Наблюдается приоритет потребительских ориентаций над креативными.

5. В малых городах у молодежи происходит снижение престижа ряда традиционных профессий и усиление прагматических настроений. Активизировались установки на обеспечение социальных гарантий, работу на государственных предприятиях и в учреждениях, на стремление иметь хотя и не слишком большую, но гарантированную зарплату;

6. Доминантными ценностями у молодых людей, живущих в малом городе, выступают деньги, образование и профессия, деловая карьера, возможность жить в свое удовольствие. Исторически возвышающаяся ценность человеческой жизни выражена, как правило, через стремление молодежи к благополучию и к повышению уровня ее гарантированности;

7. Усиление в малых городах социального и территориального неравенства в сфере доступа молодых людей к качественному образованию, слабая взаимоувязанность структуры подготовки специалистов в системе профессионального образования с потребностями рынка труда в квалифицированных кадрах обостряют проблемы молодежной безработицы, ведут к снижению трудовой мотивации, депрофессионализации молодых людей, нарастанию у них настроений социальной апатии, гражданского безразличия;

8. Затруднения с получением образования и профессии, трудоустройством, социальным самоопределением, созданием семьи, устройством быта, рождением и воспитанием детей, организацией оздоровления и досуга провоцируют рост миграционных настроений в молодежной сфере малых городов, угрожая устойчивому социально-экономическому развитию российского общества;

9. Согласно данным проведенного нами исследования, самостоятельности достигают: к 20-ти годам – 0,1% опрошенной молодежи в малых городах; к 21–23 годам – 39,1%; в возрасте 24–26 лет – 39,8% и в возрасте 27–30 лет – 74,1% [2].

Использование властными органами данных социологических исследований создает благоприятные возможности для совершенствования их деятельности по решению молодежных и социальных проблем в малых городах.

В этих условиях требуется учитывать специфические особенности молодежи при разработке стратегии социально-экономического развития малых городов. Одним из ресурсов их развития выступает такая социальная группа, как молодежь. Однако в настоящее время лучшая часть молодежи предпочитает покидать малые города. Миграция молодых людей идет в более крупные населенные пункты, в которых, по мнению молодежи, больше возможностей для самореализации. Без решения молодежных проблем и учета специфики малых городов, невозможно достичь такого уровня качества жизни, которого хотят жители.

В соответствии с этим муниципальным органам власти необходимо принять соответствующие планы развития своих муниципальных образований с учетом специфики и пожеланий, в том и числе и молодежи, проживающей на данной территории.

Литература

1. Данные на 2012 г. / Федеральная государственная служба государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения 26.01.2013)
2. Дорохова, Ю.В. Молодежь Орловской области в 2015 г.: информационно-социологический бюллетень / Ю.В. Дорохова, Т.В. Игнатова, Н.В. Проказина; под общ. ред. П.А. Меркулова. – Орел: Изд-во Орловского филиала РАНХиГС, 2015. – 72 с.

Калачикова Ольга Николаевна,
кандидат экономических наук,
и.о. зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Демографический потенциал молодежи

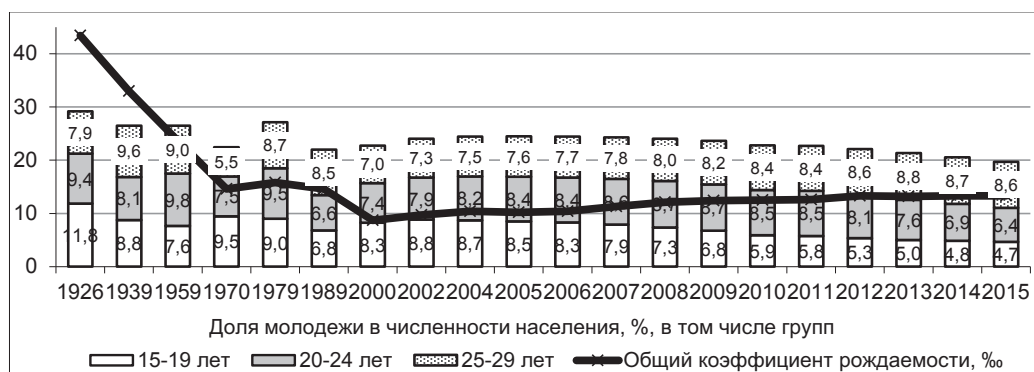
Аннотация. Демографический потенциал молодого поколения россиян – стратегический ресурс воспроизводства населения. Численность и состояние здоровья молодежи составляют «базу» рождаемости, поэтому важно оценить эти параметры с точки зрения рисков и возможностей регулирования демографического развития. Динамика численности когорт 1986–2000 годов рождения свидетельствует о сокращении их удельного веса, что весьма заметно сказалось на общем коэффициенте рождаемости в XX веке. После 2000-х гг. увеличение доли молодых людей в возрасте 24–29 лет совпало со смещением «пика» возрастных коэффициентов рождаемости на эту группу, что сгладило наметившуюся тенденцию снижения рождаемости населения.

Ключевые слова: демографический потенциал, молодежь, рождаемость населения.

Молодежь представляет собой наиболее активную и перспективную часть репродуктивного потенциала, поэтому её исследование весьма актуально. Под демографическим потенциалом поколения мы будем понимать его представленность в популяции (численность) [1]. Рождаемость населения формируется в результате взаимодействия структурных и поведенческих факторов [2], общепопуляционные тенденции которых имеют характер, лимитирующий её рост [5].

Доля молодежи в населении России в период от переписи 1926 г. до 2015 г. снизилась с 29 до 20%. Аналогичная тенденция характерна для большинства развитых стран, находящихся на 3–4 стадии демографического перехода [3].

Сопоставление изменения доли молодежи в численности населения России и общего коэффициента рождаемости обнаруживает закономерную значимую (коэффициент корреляции $r=0,75$) их взаимосвязь (рис. 1). Это обусловлено тем, что на женщин 20–29 лет приходится около 60% рождений.

Источники: данные Росстата. URL: gks.ru: Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. – М.: Госкомстат России, 1998. – С. 84–85.

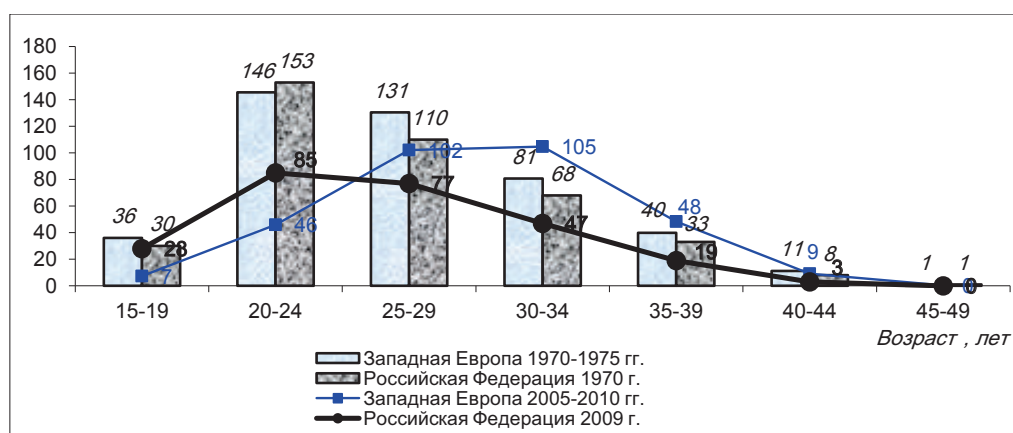
Рисунок 1. Доля молодежи (%) в общей численности населения (в том числе в разрезе основных возрастных групп) и общий коэффициент рождаемости, ‰

Доля молодежи в общей численности населения варьируется: в федеральных округах – от 21% в Центральном до 27% в Северо-Кавказском; в регионах – от 20,7% в Тульской области до 28,9% в Чеченской Республике.

Тенденции демографического поведения населения развитых стран Европы, в первую очередь репродуктивного и брачного, характеризуются смещением «пика» рождаемости за пределы 30-летнего возрастного рубежа, что снижает влияние доли молодежи на воспроизводство населения. Наибольшие значения возрастного коэффициента рождаемости в странах данного региона зафиксированы в возрастных группах 25–29 и 30–34-х-летних женщин. В Российской Федерации роль населения в возрасте 15–29 лет в формировании уровня рождаемости остается значимой.

В то же время нельзя не отметить, что в последнее десятилетие в России наблюдается увеличение среднего возраста матери при рождении детей (с 25

лет в 2000 г. до 28 лет в 2010 г.). За последний межпереписной период (2002–2010 гг.) произошло и существенное изменение брачной структуры населения. Во-первых, смещение возраста вступления в брак в более старшие группы: в 2010 г. доля девушек, состоящих в браке в возрасте до 19 лет, снизилась до незначительных величин, в то же время «пик» брачности относится к группе 25–29 лет. Во-вторых, выравнивание распределения по полам: число женатых мужчин приблизилось к числу замужних женщин. Однако численность замужних женщин активных репродуктивных возрастов снизилась значительно (на 38%). В целом динамика показателей структурных факторов рождаемости населения неблагоприятна.

Источники: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Fertility Patterns 2009. – URL: <http://www.un.org/esa/population/publications/worldfertility2009/worldfertility2009.htm>; данные Росстата. – URL: gks.ru

Рисунок 2. Возрастные коэффициенты рождаемости в странах Западной Европы и Российской Федерации, на 1000 женщин соответствующего возраста

Оценить на микроуровне происходящие изменения демографического поведения возможно с помощью социологических методов. В 2012 г. ИСЭРТ РАН проведен массовый опрос молодежи Вологодской области. Одной из практических задач было исследование демографических установок молодежи, их особенностей, в том числе территориальных. Были опрошены 2923 человека в 28 муниципальных образованиях области (2 крупных города: Вологда – ад-

министративный центр, Череповец – промышленный моногород и 26 муниципальных районов с преимущественно сельским населением). Выборка квотная по полу и возрасту, ошибка не превышает 3%. Исследование позволило изучить брачные и репродуктивные установки молодежи. В представленной выборке 73% молодежи бездетны, что дает возможность оценки представлений, сформированных средой.

Один из самых распространенных количественных индикаторов репродуктивных установок – предпочитаемые числа детей. В целом полученное распределение по предпочитаемым числам детей соответствует общим тенденциям. Большая часть молодежи считает идеальными, желаемыми числа и планирует иметь двух детей (таблица).

Учет собственных предпочтений и реальных условий жизни снизил репродуктивные установки. Доли желающих и планирующих бездетность и однодетность увеличились, доли планирующих многодетность снизились.

Распределение ответов на вопросы о предпочитаемых числах детей, в % от числа опрошенных

Число детей	г. Вологда	г. Череповец	Районы	В среднем
Каково, по Вашему мнению, идеальное количество детей в семье?				
Ни одного	1,7	3,4	4,7	4,2
Один	17,1	12,2	12,9	14,1
Два	61,7	59,1	55,8	56,9
Три	18,3	21,4	22,4	21,8
Четыре и более	1,2	3,4	3,3	3,1
Сколько детей при всех благоприятных условиях Вы желали бы иметь в своей семье?				
Ни одного	2,3	3,9	5,3	4,8
Одного	16,8	15,9	14,8	15,8
Двух	56,2	51,8	50,5	51,8
Трёх	20,3	22,7	23,7	23,2
Четырёх и более	3,5	4,9	4,4	4,4
Сколько всего детей (с учетом имеющихся) Вы планируете иметь в своей семье?				
Ни одного	2,9	6	6,1	5,7
Одного	28,4	20,6	21,6	23,5
Двух	55,9	57	53	55,3
Трёх	9,9	13,8	14,4	13,8
Четырёх и более	0,3	1	2,1	1,7

Отмечается дифференциация предпочитаемых чисел детей в зависимости от уровня образования: у молодежи, получающей и получившей высшее образование, их значения ниже. Аналогична зависимость от уровня доходов. Население, входящее в группу 20-ти процентов наиболее обеспеченных более склонно к малодетности.

Неблагоприятным результатом социокультурных трансформаций последних лет стало формирование группы населения, считающего бездетность нормой и не планирующих иметь детей – т.н. «child free». В данном исследовании эта группа составила 6%. Она шире представлена в г. Череповце и районах области. По данным мониторинга репродуктивного потенциала Вологодской области¹, доля предпочитающих бездетность незначительна, но увеличивается. Так, в 2005 г. она составляла менее 1%, в 2008 г. – 1,0%, в 2011 г. – 1,5%.

О закреплении социокультурной нормы бездетности свидетельствует тот факт, что наибольшую распространенность получил ответ «не хочу иметь детей», его выбрали 28%, и «не хочу менять привычный стиль жизни» – 21%.

В то же время следует подчеркнуть, что 5% молодежи отметили в качестве причины бездетности нарушения репродуктивного здоровья. Учитывая, что критическим значением распространения бесплодия в популяции считается 15% [4], можно констатировать, что это значительная величина. Еще одним фактором репродуктивных намерений является детность родительской семьи: 70% молодых людей 1982–1998 годов рождения воспитывались в малодетных семьях; 49% – в двухдетных; 21% являются единственными детьми.

Предпочитаемые числа детей исследуемой когорты уже не имеют заметных территориальных отличий, что позволяет говорить о сближении притязаний сельской и городской молодежи к уровню и образу жизни. Вероятно, это

¹ Мониторинг осуществляется на территории Вологодской области с 2005 г. и включает регулярные массовые опросы населения. Используется метод раздаточного анкетирования населения репродуктивного возраста. Выборка квотная по полу и возрасту с равномерным распределением единиц наблюдения. Объем выборки $n = 1500$ человек, ошибка выборки не превышает 5%.

обусловлено процессами урбанизации, учебной миграции и информатизации общества.

Подводя итоги, отметим положительные, сильные стороны и возможности. Это значительная доля ориентированных на среднететность при более благоприятных условиях, понимание молодежью происходящих изменений, реализация демографической и социальной политики. К негативным моментам относится распространенность малодетных репродуктивных установок.

Проведенное исследование подтвердило правильность курса семейной и демографической политики в сфере рождаемости на выравнивание уровня жизни населения в целом и семей с детьми в частности, поддержку молодежи, как целевой группы воздействия, формирование демографических установок населения, адекватных задаче обеспечения воспроизводства населения.

Литература

1. Доброхлеб, В.Г. Потенциал современных поколений [Текст] / В.Г. Доброхлеб, Н.В. Зверева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2. – С. 61-78. DOI: 10.15838/esc/2016.2.44.4.
2. Медков, В.М. Демография [Текст] / В.М. Медков. – Ростов н/Д.: Феникс, 2002. – 448 с.
3. Демографический переход – специфика российской модели [Текст] / Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб, Е.И. Медведева, С.В. Крошилилин // Народонаселение. – 2012. – № 1(55). – С. 23-31.
4. Русанова, Н.Е. Инновационные технологии в повышении рождаемости [Текст] / Н.Е. Русанова // Народонаселение. – 2012. – № 2. – С. 23-27.
5. Шабунова, А.А. Особенности репродуктивного поведения населения [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова // Социологические исследования. – 2012. – № 8. – С. 78-84.

Каминский Вадим Сергеевич,
инженер-исследователь,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Экономические кризисы и общественное мнение
(на примере восприятия экономической ситуации молодёжью)**

Аннотация. Автором был проведён анализ восприятия экономической ситуации в регионе в период кризисов представителями молодого поколения. Актуальность исследования обусловлена следующим:

- эмпирические социологические исследования, проводимые в режиме мониторинга, позволяют установить эффективную обратную связь между населением и представителями органов власти;
- молодёжь на сегодняшний день является одним из наиболее важных объектов социологических исследований.

Проведённое исследование показало, что восприятие молодёжью экономической ситуации несколько более благоприятно, чем в иных возрастных категориях. Однако для всех возрастных категорий характерна негативная динамика оценок, что является тревожным симптомом, так как данные тенденции могут повлечь за собой ухудшение социального самочувствия и рост протестного потенциала.

Ключевые слова: мониторинг общественного мнения, молодёжь, покупательная способность, социальная самоидентификация.

Социологическая наука играет важнейшую роль в формировании систем обратной связи между властью и обществом [2]. Эффективную обратную связь между населением и представителями органов власти позволяют установить эмпирические социологические исследования, проводимые в режиме мониторинга. Эти данные являются «барометром» общественных настроений, учёт которых будет способствовать более точному соответствию управленческих решений реальным потребностям населения.

С 1996 г. научным коллективом ИСЭРТ РАН проводятся регулярные опросы общественного мнения для оценки динамических изменений восприятия населением условий жизни, отношения к политической и экономической ситуации в стране и регионе.

Сегодня одним из наиболее важных объектов социологических исследований являются представители молодого поколения. По мнению Ж.Т. Тощенко, «...большое значение имеет анализ процессов и явлений, которые проходят в среде молодёжи, наиболее чутко и остро реагирующей на изменения в общественной жизни» [3, с. 7]. Молодёжь выступает носителем новых идей и энергии, особенно необходимых в период преобразований в обществе. Значимость и ценность молодёжи в современном мире повышается и в связи с необходимостью расширения объёмов и глубины профессиональной подготовки, что неизбежно в условиях модернизации общества.

Понятие «молодёжь» – хорошо известная категория социального мира, но в то же время не имеющая однозначного толкования. Вполне приемлемым представляется определение молодёжи как социально-демографической группы, выделяемой на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения, социально-психологических свойств, предложенное еще в середине 1970-х гг. известным российским ученым И. Коном.

Исследователи дифференцированно подходят к определению возрастных границ молодого населения. Автор придерживается тех теоретико-методологических подходов, которые представляют молодёжь как особую социально-демографическую группу в возрасте от 18 до 30 лет.

Цель исследования – изучение восприятия экономической ситуации молодёжью в период двух последних экономических кризисов.

Нижняя хронологическая граница исследования (2007 г.) обусловлена тем, что это последний предкризисный год, своеобразная «точка отсчёта». Последние данные имеются за 2015 год. Следовательно, этот год – верхняя хронологическая граница исследования.

В 2014 г. среди молодых людей, проживающих в Вологодской области, доля положительных суждений об экономическом положении региона почти в 6,3 раза меньше удельного веса негативных отзывов (6 и 40% соответственно; табл. 1).

Для оценок экономического положения области по-прежнему характерна понижающаяся динамика: по сравнению с уровнем 2007 г. индекс стал ниже на 46 пунктов среди молодёжи (66 п. против 112 п.) и на 45 п. среди остального населения (62 п. против 107 п.)

Таблица 1. Оценка населением экономического положения России и Вологодской области*

Вариант ответа	Молодёжь 18–30 лет							Остальное население						
	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 к 2009 (+ -)	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 к 2009 (+ -)
Экономическое положение России														
Хорошее, в %	23,6	9,6	12,2	10,1	11,9	7,4	-16	19,5	7,6	9,2	10,6	8,8	5,8	-14
Плохое, в %	13,6	36,3	25,0	27,7	22,5	32,0	+18	15,6	42,0	29,6	29,4	26,8	36,3	+21
Индекс, в пунктах**	110,0	73,3	87,2	82,4	89,4	75,4	-35	103,9	65,6	79,7	81,2	82,0	69,5	-34
Экономическое положение области														
Хорошее, в %	25,8	9,1	11,8	8,7	8,7	6,3	-20	20,8	7,2	9,9	8,4	7,0	5,0	-16
Плохое, в %	13,8	38,0	26,9	35,5	34,1	39,9	+26	14,3	43,8	31,2	36,2	36,3	43,6	+29
Индекс, в пунктах**	112,0	71,1	84,9	73,2	74,6	66,4	-46	106,5	63,4	78,7	72,2	70,7	61,5	-45
* Вопрос звучит следующим образом: «Как бы Вы оценили экономическое положение?..» и задаётся с 2005 г.														
** Для расчёта индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин														
Источник: данные мониторинга исследования общественного мнения / ИСЭРТ РАН.														

Проанализируем самооценку молодыми людьми материального положения, от которого во многом зависит их восприятие уровня жизни¹. Важным

¹ Показатель, отражающий благосостояние населения, потребление благ и услуг, совокупность условий и показателей, характеризующих меру удовлетворения основных жизненных потребностей человека [7, с. 25].

показателем уровня жизни является покупательная способность доходов². Более половины представителей молодого поколения отмечает, что «денег достаточно для покупки необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» (54%; табл. 2). В то же время существенно выросла доля тех, кому денег кому денег хватает только на приобретение продуктов питания (на 8 п.п.: с 23 до 31 %), и снизился удельный вес тех, для кого не вызывает затруднений покупка большинства товаров длительного пользования (на 4 п.п.: с 14 до 9%).

В целом самооценка молодыми людьми своей покупательной способности более благоприятна, чем в остальных возрастных группах: индекс выше на 6 п. (86 п. против 80 п.). Но его динамика более негативна (снижение на 8 п. среди молодёжи и на 2 п. среди остального населения), чем в 2007 году.

Таблица 2. Оценка покупательной способности доходов населения*

Вариант ответа	Молодёжь 18–30 лет							Остальное население						
	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 (+ -) к 2007	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 (+ -) к 2007
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, в %	2,8	1,4	2,1	1,1	1,4	1,1	-2	1,6	1,0	1,4	1,4	1,5	1,4	0
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна, в %	13,6	9,2	12,4	12,3	12,3	9,4	-4	8,6	5,9	9,3	10,0	10,5	7,5	-1
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом, в %	56,4	55,7	55,6	58,1	57,8	54,4	-2	48,0	50,2	53,8	54,7	52,9	48,5	+1

² Для расчёта соответствующего индекса используется следующий вектор весовых коэффициентов: 200 – для первой социальной группы, 150 – для второй, 100 – для третьей, 50 – для четвертой и 0 – для пятой. Каждый коэффициент показывает вклад той или иной социальной группы в общее благополучие жителей. Композитный индекс социальной самоидентификации пронормирован от 0 до 200 п. Если он имеет нижнее значение (0 п.), то это означает, что изучаемое сообщество состоит из людей, не имеющих возможности обеспечивать своё пропитание; если верхнее значение (200 п.), то изучаемое сообщество сплошь состоит из людей, имеющих столько денег, чтоб ни в чём себе не отказывать. Наиболее информативной границей индекса может служить граница в 100 п.: если фактическое значение индекса выше этой отметки, то материальное положение изучаемого сообщества вполне терпимо, если ниже – в обществе имеются серьёзные проблемы.

Денег хватает только на приобретение продуктов питания, в %	22,9	27,5	25,6	24,6	23,5	30,5	+8	36,8	36,9	31,3	28,9	29,3	36,0	-1
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги, в %	4,4	6,1	4,4	3,9	5,0	4,7	0	5,0	6,0	4,2	5,0	5,9	6,6	+2
Индекс, в пунктах**	93,9	86,1	91,2	91,1	90,8	86,0	-8	82,5	79,4	86,1	86,9	86,3	80,4	-2
* Вопрос звучит следующим образом: «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?»														
** Для расчёта индекса покупательной способности доля ответов «Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать» умножается на 200, ответов «Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна», - на 150, «Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом» – на 100, «Денег хватает только на приобретение продуктов питания» – на 50. Сумма этих произведений делится на 100. Источник: данные мониторинга исследования общественного мнения / ИСЭРТ РАН.														

Чтобы прийти к общему знаменателю при оценке материального благополучия населения, можно воспользоваться специально сконструированным субъективным индексом социальной самоидентификации³.

За период с 2007 по 2015 г. существенно уменьшился удельный вес молодых людей, относящих себя к среднеобеспеченным (на 16 п.п.: с 57 до 41%; табл. 3), и выросла доля бедных и нищих (совокупно – на 15 п.п.: с 32 до 48%). Аналогичные тенденции прослеживаются и в других возрастных группах.

Таблица 3. Динамика социальной самоидентификации населения*

Вариант ответа	Молодёжь 18–30 лет							Остальное население						
	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 (+ -) к 2007	2007	2009	2011	2013	2014	2015	2015 (+ -) к 2007
Нищие, в %	5,6	4,7	6,5	9,5	9,7	11,9	+6	7,0	7,2	7,9	12,2	12,6	12,1	+5
Бедные, в %	26,8	33,4	32,7	33,3	34,9	35,8	+9	40,8	44,3	38,8	36,4	38,1	39,4	-1
Люди среднего достатка, в %	57,1	50,9	47,3	48,8	47,5	41,2	-16	43,5	39,9	41,0	41,8	41,7	38,0	-6
Богатые, в %	1,1	0,8	1,3	0,3	0,4	0,4	-1	0,7	0,4	0,6	0,5	0,4	0,2	-1
Индекс, в пунктах**	110,8	104,9	102,2	98,7	97,1	91,2	-20	95,1	91,0	93,7	91,0	89,7	87,3	-8
* Вопрос звучит следующим образом: «К какой категории Вы себя относите?»														
** Для расчёта индекса социальной самоидентификации доля ответов «Богатые» умножается на 200, «Люди среднего достатка» – на 150, «Бедные» – на 50, «Затрудняюсь ответить» – на 100. Сумма этих произведений делится на 100. Источник: данные мониторинга исследования общественного мнения / ИСЭРТ РАН.														

³ Нами используется следующий вектор весовых коэффициентов: 200 – для первой социальной группы, 150 – для второй, 50 – для третьей, 0 – для четвертой, 100 – для пятой. Композитный индекс социальной самоидентификации пронормирован от 0 до 200 п. Если он принимает своё нижнее значение (0 п.), то это означает, что изучаемое общество представляет собой совокупность нищих людей; если верхнее значение (200 п.), то изучаемое общество состоит сплошь из богатых и обеспеченных людей. Наиболее информативной границей индекса, как и в случае с индексом покупательной способности, может служить граница в 100 п.

Представители молодого поколения дают более благоприятные оценки, нежели другие возрастные категории: индекс выше на 7 п. (97 п. против 90 п.).

Таким образом, восприятие молодёжью экономической ситуации несколько более благоприятно, чем в иных возрастных категориях. Однако для всех возрастных категорий характерна негативная динамика оценок.

Указанная закономерность прослеживается и на общероссийском уровне. Так, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги пишут, что «анализ социального настроения россиян за последние 20 лет свидетельствует, что в условиях кризиса напряженность нарастает. Все эти годы настроение молодёжи варьировало в том же направлении, что и настроение старшего поколения, однако всегда было более оптимистичным [1, с. 156].

Негативный тренд в самооценках уровня жизни в молодёжной среде является довольно тревожным сигналом, так как эти тенденции могут повлечь за собой ухудшение социального самочувствия и рост протестного потенциала в данной социальной группе.

Литература

1. Горшков, М.К. Молодёжь России – социологический портрет [Текст] / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
2. Дементьева, И.Н. Использование индексного метода в социологических исследованиях ИСЭРТ РАН [Электронный ресурс] / И.Н. Дементьева // Вопросы территориального развития. – 2014. – № 9(19). – Режим доступа: <http://vtr.isert-ran.ru/file.php?module=Articles&action=view&file=article&aid=4280>
3. Тощенко, Ж.Т. Время акме. Социологическим исследованиям – 40 лет [Текст] / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2014. – № 7. – С. 3-7.

Касимов Риза Ахмедзакиевич,
кандидат педагогических наук, директор,
БУЗ ВО «Вологодский областной центр медицинской профилактики»,
г. Вологда

Залата Ирина Витальевна,
зав. отделением консультаций населения
по здоровью и здоровому образу жизни,
БУЗ ВО «Вологодский областной центр медицинской профилактики»,
г. Вологда

Недосекина Людмила Евгеньевна,
зав. отделом мониторинга
образа жизни и поведенческих привычек
БУЗ ВО «Вологодский областной центр медицинской профилактики»,
г. Вологда

Чижук Ирина Юрьевна,
зав. отделом межведомственных и внешних связей,
БУЗ ВО «Вологодский областной центр медицинской профилактики»,
г. Вологда

Формирование здоровьесберегающего образовательного пространства в субъекте Российской Федерации

Аннотация. В работе раскрываются теоретические и практические аспекты формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства в субъектах Российской Федерации на примере Вологодской области, дается сравнительный анализ показателей заболеваемости детского населения, определяются основные концептуальные подходы к формированию рассматриваемого пространства на основе межведомственного взаимодействия среди всех субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: здоровьесберегающее образовательное пространство; формирование здорового образа жизни; субъекты образовательного пространства, межведомственное взаимодействие.

Анализ научных работ по изучению проблем ухудшающегося состояния здоровья детей за время обучения в школе и принятия оздоровительных мер за последние десять лет показал, что не удастся добиться позитивных изменений в состоянии здоровья обучающихся только ресурсами системы образования [2; 6; 8].

По данным медицинской статистики, за последние десятилетия заболеваемость среди детей и подростков растет как в регионе, так и по стране в целом.

Анализ заболеваемости детского населения показал, что за период с 2004 по 2014 г. в Вологодской области общая заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет выросла на 22,7%. Данная тенденция характерна и для Российской Федерации: общая заболеваемость детей этой возрастной категории выросла на 10,1%.

Заболеваемость детей в возрасте от 15 до 17 лет за 2004–2014 гг. в области увеличилась на 22%. Уровень заболеваемости детей подросткового возраста за указанный период в России увеличился на 33,6%.

Анализ ухудшающегося состояния здоровья детей также выявил ряд требований к совершенствованию системы охраны и укрепления здоровья детей в сфере образования на современном этапе:

- совершенствование национальной и региональной политики и стратегии охраны и укрепления здоровья детей в образовательных организациях, направленное от внутриведомственного подхода к интеграции с другими ведомствами и секторами общества;
- корректировка содержания образования в сторону усиления его здоровьесберегающих функций;
- повышение грамотности субъектов образовательного процесса в вопросах сохранения и укрепления здоровья детей;
- создание условий для развития вариативных и инвариантных моделей охраны и укрепления здоровья детей в системе образования;
- создание системы информационной поддержки процесса развития здоровьесберегающей деятельности в сфере образования – через средства массовой информации.

Эти требования отражают подходы к развитию новой образовательной парадигмы, которая ориентировала бы общество на реализацию межсекторального взаимодействия в сохранении и укреплении здоровья детей на основе формирования здоровьесберегающего образовательного пространства.

Анализ работ Н.П. Абаскаловой, Л.Н. Волошиной, И.Ю. Кокаевой и других позволил нам выявить сущность феномена «здоровьесберегающее образовательное пространство», которая выражена в развивающемся взаимодействии между субъектами образовательного пространства с целью обучения детей здоровому образу жизни и созданию здоровьесберегающих организационно-педагогических условий [1; 3; 5].

Региональное здоровьесберегающее образовательное пространство рассматривается нами как сложная социально-педагогическая система развивающегося взаимодействия между субъектами образовательного пространства, представляющими разные секторы общества, – с целью сохранения и укрепления здоровья обучающихся на основе формирования здорового образа жизни и создания здоровьесберегающих условий, обеспечивающих эффективность данного процесса, а также возможностей для самоорганизации и эффективного саморазвития новых субъектов этого пространства [4]. Данное пространство является «ядром» единого регионального здоровьесберегающего пространства. В структуру этого пространства входят все субъекты, осуществляющие образовательную деятельность, представляющие разные секторы общества и реализующие цели формирования здорового образа жизни у обучающихся на основе межведомственных проектов, программ и планов. Субъектом, организующим и координирующим здоровьесберегающую деятельность в описываемом пространстве, являются органы исполнительной власти в сфере образования.

Основываясь на том, что формирование рассматриваемого пространства осуществляется на основе взаимодействия специалистов разных секторов общества и в данный процесс вовлечены, кроме специалистов сферы образования, руководители и специалисты органов исполнительной власти разных ведомств и уровней, мы разработали систему подготовки этих субъектов.

Обучение всех субъектов, вовлеченных в процесс формирования исследуемого пространства, осуществляется с опорой на общие принципы педагогического проектирования, предложенные М.И. Рожковым, Л.В. Байбородовой

[7]: принцип прогнозирования; принцип мотивационного обеспечения проектирования; принцип субъектной позиции обучающегося; принцип взаимодействия участников проектирования; принцип технологичности; принцип непрерывности и цикличности.

Проектирование процесса формирования здоровьесберегающего образовательного пространства на всех его уровнях включает следующие этапы: подготовительный, диагностический, планировочный, апробации проекта; анализа результатов и принятия решения для внедрения.

Руководители региональных и муниципальных органов исполнительной власти, специалисты их ведомств, руководители организаций, представляющих разные секторы общества, проходят подготовку по проектированию и реализации программы формирования регионального здоровьесберегающего образовательного пространства на региональных межведомственных обучающих конференциях.

Таким образом, разрешается одно из главных противоречий – между неудовлетворительным состоянием здоровья обучающихся, утратой молодежью основ нравственности и духовности, их приверженностью к потребительской жизнедеятельности, с одной стороны, и отстраненностью от этой проблемы современного общества – с другой.

Данные теоретические подходы к формированию регионального здоровьесберегающего образовательного пространства успешно реализуются в практике образовательной деятельности Вологодской области на уровне муниципальной сферы образования, в образовательных организациях – на основе развития межведомственных программ формирования здоровьесберегающего образовательного пространства.

В результате проводимой комплексной работы по сохранению и укреплению здоровья обучающихся в сфере образования за последние годы достигнуты позитивные изменения в состоянии здоровья детей Вологодской области по показателям, отражающим группы здоровья.

Увеличилось количество детей с I и II группой здоровья (здоровые дети и дети, имеющие функциональные расстройства) с 71,1% в 2008 году до 81,9% в 2015 году, соответственно уменьшилось количество детей, имеющих хронические заболевания (III–V группы здоровья). За три последних года число относительно здоровых детей увеличилось на 15%. В области наблюдаются положительные тенденции по снижению показателя инвалидности у детей, за последний год отмечается снижение на 6,5%.

Многолетний опыт развития программ формирования здоровьесберегающего образовательного пространства в образовательных организациях, на уровне муниципальных образований Вологодской области позволил нам выявить основные подходы к повышению эффективности сохранения и укрепления здоровья детского населения путем создания регионального здоровьесберегающего образовательного пространства.

Литература

1. Абаскалова, Н.П. Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса (школа–ВУЗ): автореф. дис... д-ра пед. наук / Н.П. Абаскалова. – Новосибирск, 2001.
2. Баранов, А.А., Физическое развитие детей и подростков на рубеже тысячелетий / А.А. Баранов, В.Р. Кучма, Н.А. Скоблина. – М.: Издательство НЦЗД РАМН, 2008. – 216 с.
3. Волошина, Л.Н. Развитие здоровьесберегающего образовательного пространства дошкольных учреждений: методология, теория, практика: дис. ... д-ра пед. наук / Л.Н. Волошина. – Екатеринбург, 2006.
4. Касимов, Р.А. Формирование регионального здоровьесберегающего образовательного пространства / Р.А. Касимов. – М., 2007.
5. Кокаева, И.Ю. Развитие регионального образовательного пространства как фактор сохранения и укрепления здоровья младших школьников: дис. ... д-ра пед. наук / И.Ю. Кокаева. – Владикавказ, 2011.

6. Кучма, В.Р. Медико-профилактические основы обучения и воспитания детей: руководство для медицинских и педагогических работников образовательных и лечебно-профилактических учреждений санитарно-эпидемиологической службы / В.Р. Кучма. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2005.

7. Рожков, М.И. Воспитание учащихся: теория и методика / М.И. Рожков, Л.В. Байбородова. – Ярославль, 2002.

8. Шабунова, А.А. Здоровье детей – ключевое звено демографического развития / А.А. Шабунова // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2006. – Вып. 35. – С. 64-70.

Ковалева Галина Александровна,
кандидат социологических наук, доцент,
Череповецкий государственный университет,
г. Череповец

Практики изучения здоровья школьников в городе Череповце

Аннотация. Здоровье детей является национальным приоритетом. В Череповце активно реализуется программа целенаправленного изучения здоровья подрастающего поколения. В работе описана практика изучения здоровья, обозначены основные направления исследований влияющих на здоровье факторов преимущественно немедицинского характера. Основной исследовательский метод – социологический опрос. В городе с 2002 года реализуется программа ВОЗ «Здоровый город», в рамках которой разработана целевая методика. В последние годы Череповец является участником всероссийского проекта «Здоровые города, районы и поселки». Последнее исследование проходило на основе применения онлайн-опроса. Результаты представляют научный интерес, так как ре-

ализован он был в рамках международного проекта Health Behaviour in School-aged Children.

Ключевые слова: здоровье, немедицинские факторы здоровья, поведенческие факторы, подростки.

По определению ВОЗ, подростковый возраст является периодом роста и развития человека, который следует после детства и длится до достижения зрелого возраста, то есть с 10 до 19 лет. Подростковый возраст – это время бурного роста и огромного потенциала, но, при этом, и время значительных рисков, когда мощное влияние оказывает социальный контекст.

В рамках работы, при изучении показателей здоровья школьников, следует остановиться на социальных детерминантах здоровья. На Всемирной конференции по социальным детерминантам здоровья, прошедшей в 2011 году [1], было дано следующее определение понятия «социальные детерминанты здоровья»: это условия, в которых люди рождаются, растут, живут, работают и стареют, включая системы здравоохранения. Социальные детерминанты здоровья являются основной причиной несправедливости в отношении здоровья – несправедливых и предотвратимых различий в состоянии здоровья, наблюдаемых внутри стран и между ними.

По статистике лишь 3,5% череповецких школьников могут сказать о себе: «Я абсолютно здоров!» Более чем у половины школяров – хронические заболевания. И за четыре года в три раза увеличилось число школьников с 4-й группой здоровья, то есть с инвалидностью [2, 3]. По данным статистики на 2016 год, демографическая ситуация в категории школьников г. Череповца стала стабильной, но на низком для города уровне. Впервые за предыдущие годы заболеваемость детей от 0 до 18 лет снизилась на 5,5%. Данные проведенных социологических исследований показывают позитивные сдвиги в системе ценностей подростков по отношению к своему здоровью. Состояние здоровья населения оценивается исходя из объективных данных медицинской статистики и субъективного мнения жителей о состоянии их здоровья, выявленного путем

социологического опроса. При изучении ситуации с состоянием здоровья школьников наиболее удачным является метод анкетирования. Данные социологических опросов показывают, что более половины школьников не удовлетворены своим здоровьем, причем девушки высказывают неудовлетворенность чаще, чем юноши. Набор диагностируемых у школьников заболеваний остается относительно устойчивым для города. Чаще всего фиксировались обращения по поводу заболеваний органов дыхания (56,5%), и органов пищеварения (6,6%). Существует мнение, что ведущим фактором негативного влияния на здоровье школьников являются большие учебные нагрузки. Однако сами школьники не связывают ослабление своего здоровья с растущими нагрузками. В среднем череповецкие школьники затрачивают от одного до двух часов на выполнение домашнего задания, что нельзя считать достаточным.

Изучением социально-экономических, демографических, социокультурных, поведенческих и психосоциальных факторов здоровья подростков занимается такой международный проект, как **Health Behaviour in School-aged Children**, это один из немногих долгосрочных исследовательских проектов, осуществляемых под патронатом Всемирной организации здравоохранения. Первое исследование было проведено в 1983–84 гг. Впервые представительство Российской Федерации в международном проекте **Health Behaviour in School-aged Children** было обеспечено в 1993–1994 годах (исследование проведено в Санкт-Петербурге и Ленинградской области). В 1997–1998 годах в реализацию международного проекта включились представители таких регионов нашей страны, как Санкт-Петербург и Ленинградская область, Краснодар, Челябинск и Челябинская область. Начиная с 2002 года международный проект **Health Behaviour in School-aged Children** осуществляется во всех федеральных округах Российской Федерации.

В апреле–мае 2015 года международный проект **Health Behaviour in School-aged Children** (HBSC) провел масштабное исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья», в котором участвовала боль-

шая группа стран. Научно-исследовательская группа занималась сбором данных для получения более полного представления о состоянии здоровья и благополучии молодого поколения, для понимания социальных детерминант здоровья и для предоставления информации участникам исследования с целью улучшения жизни подростков.

Обзор результатов исследований показывает, что на здоровье школьников влияют критерии социальных неравенств: возрастные и гендерные различия, социально-экономические различия, различия между странами в отношении состояния здоровья. В социальном контексте формирования здоровья подростков исследователи акцентируют внимание на ряде факторов среды, в которой формируется подрастающее поколение, а именно: на взаимоотношениях в семье, отношениях со сверстниками, школьной среде, микрорайоне. Анализ данных, полученных в результате последнего исследования HBSC, дает представление о новейших эмпирических результатах и подготавливает почву для понимания их важности и значимости для обсуждений, которые ведутся по вопросам здоровья подростков. Исследование проводится в школах 14 городов России: это Балаково, Вологда, Димитровград, Ижевск, Невинномысск, Новосибирск, Петрозаводск, Псков, Ставрополь, Ступино, Ульяновск, Чебоксары, Череповец, Санкт-Петербург. Выборка составила 8000 респондентов. Для отбора респондентов в данном случае использовалась непропорциональная стратифицированная выборка, отбирающая заданное количество респондентов из каждой группы вне зависимости от относительных величин этих групп (700 человек в каждом городе, из них 350 мальчиков и 350 девочек). Возраст – 11, 13, 15 лет. Такой тип выборки использовался исследователями с целью учесть региональные и гендерные различия и обеспечить достаточное для значимого сравнения количество респондентов по каждой группе.

Череповец принимал участие в этом исследовании ещё и в рамках проекта «Крепка семья – сильна Россия». Было проведено массовое анкетирование детей школьного возраста для оценки их отношения к физической активности.

В течение апреля преподаватели и студенты участвовали в трех вебинарах, на которых мы не только познакомились с проектом, но и научились работать с новыми информационными ресурсами, разработанными инициаторами проекта, а именно Научно-исследовательской группой Российской Федерации по Международному проекту HBSC.

Обработку собранных данных проводил Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт физической культуры. В июне 2015 года в Дмитровграде состоялся форум городов ассоциации для обсуждения демографических тенденций, проблем семьи и здоровья, эффективных подходов к улучшению ситуации.

Все запланированные мероприятия второго этапа (исследование здоровья и образа жизни школьников) проекта выполнены в полном объеме, проведены: обучающие online семинары и анкетирование учащихся образовательных учреждений в 14 городах-участниках проекта; форум «Крепка семья – сильна Россия» в г. Дмитровграде; количественное социологическое исследование; общественно значимые мероприятия, посвященные Дню защиты детей, в 14 городах-участниках проекта. Адаптированный опросник HBSC, включавший в себя 82 вопроса, состоял из девяти основных областей анкетирования: питание; гигиена полости рта; физическая активность; досуг; взаимоотношения со сверстниками, родителями и педагогами; семья; вредные привычки (курение, употребление алкоголя; употребление наркотиков – только для 10-х классов.); самооценка здоровья; самооценка качества жизни; самооценка школьных достижений. Общее число анкет, занесенных в федеральную базу по г. Череповцу, составило 835 шт. Практика социологического изучения здоровья в городе началась с 2009 года в рамках реализации программы «Здоровый город». В 2010 г. на базе программы было проведено исследование, «Оценка факторов риска, негативно влияющих на здоровье школьников г. Череповца», направленное на изучение здоровья школьников. Проект стал важным механизмом реализации стратегии развития Череповца. «Здоровый город» является проектом

международного уровня, разработанным Всемирной организацией здравоохранения еще в 1988 году. Сегодня он представляет собой глобальное движение общественного здравоохранения на местном уровне.

В России данный проект стал востребованным в связи с необходимостью достичь повышения благосостояния людей и воплотить в жизнь социально направленные реформы. Главной идеей проекта является приоритетность проблем здоровья. В его рамках ВОЗ приняла широкое понимание здоровья как «целостного комплекса физических, психологических, социальных и духовных характеристик». В начале 2016 года мэрией города Череповца в рамках реализации проекта «Здоровый город» проведено исследование по оценке факторов, влияющих на здоровье учащихся школ. В основном анкетирование затрагивает изучение способов питания подростков в школе и за её пределами, а также феномен здорового образа жизни в понимании молодых череповчан. Анкета включала в себя 28 вопросов. В ходе исследования были опрошены череповецкие школьники с 6 по 11 классы. Общее число анкет, занесенных в базу по г. Череповцу, составило 2447 шт. Результаты позволяют сделать акцент на наиболее проблемном поле социальных аспектов здоровья школьников.

Литература

1. Всемирная конференция по социальным детерминантам здоровья, г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 19–21 октября 2011 г.– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/social_determinants/ru/ (Дата обращения: 07.03.2016)
2. Профиль здоровья детей города Череповца: научно-популярный обзор. – Череповец: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2011. – Вып. 2. – 30 с.
3. Профиль здоровья молодежи города Череповца: научно-популярный обзор. – Череповец: Издательский дом «Череповець», 2009. – 40 с.

Козлова Ольга Анатольевна,
доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург

Пышминцева Ольга Александровна,
ведущий экономист,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург

**Уровень образования и преждевременная смертность населения:
вопросы взаимосвязи***

Аннотация. В работе проведен анализ факторов, оказывающих влияние на смертность населения и его наиболее активной части – молодёжи. Определено, что в структуре смертности среди лиц 15–29 лет основную долю составляют внешние причины. Кроме того, высокую долю умерших среди молодежи составляет ее менее образованная часть. Гипотезой исследования стало предположение о том, что социальная нестабильность молодежи, характеризующаяся слабым самосохранительным поведением и потерей здоровья, во многом зависит от уровня полученного образования. На основе построения и анализа модели взаимосвязи смертности трудоспособного населения и доли занятых с высшим образованием авторами был сделан вывод, что рост образованности населения будет приводить к снижению смертности молодых когорт населения, связанной с внешними причинами.

Ключевые слова: молодежь, образование, смертность населения.

Долгосрочные негативные демографические тенденции населения в стране, которые только последние годы перешли к устойчивому снижению, во многом определялись неблагоприятной демографической ситуацией в молодежных когортах населения.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №15-06-09169 «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста».

Численность населения в возрасте 15–29 лет в 2014 г. в России составила 28,7 млн. чел., по сравнению с 2000 г. за этот же период численность молодежи сократилась на 5,1 млн. чел. или 84,8%. Сокращение численности молодежи в России приводит к росту диспропорций в формировании трудовых ресурсов, к увеличению демографической нагрузки на трудоспособное население, к снижению репродуктивного потенциала страны [1, с. 67]. Основными причинами снижения доли молодежи в возрастной структуре населения является, во-первых, переход в конце 60-х гг. на двухдетную модель семьи, что привело к резкому снижению рождаемости в стране. По данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году ожидаемое число детей у мужчин и женщин составило 1,92 [2].

Во-вторых, на численности молодых когорт сказался относительно высокий уровень смертности среди молодежи на фоне общей тенденции снижения смертности населения в целом. Так, в 2014 г. число умерших в возрасте 15–29 лет составило 48 тыс. чел., по сравнению с 2000 г. число умерших уменьшилось на 40,7 тыс. чел. или 54%. Значительную долю среди умерших составляют мужчины – 77% [3]. Снижение смертности в течение анализируемого периода происходило за счет снижения смертности среди мужчин, однако среди женщин наблюдался рост смертности в 2005 г. по сравнению с 2000 г. и медленное ее снижение к 2014 г.

Структура причин смертности молодежи существенно отличается от структуры общей смертности в России. Если в структуре смертности населения страны первое место занимают болезни системы кровообращения, то в структуре смертности среди молодежи на первом месте – внешние причины – 63% от всех смертей в возрасте 15–29 лет (рис. 1).

Основными внешними причинами смертности молодых людей в России являются травмы в результате ДТП (8,2 тыс. чел.), самоубийство (3,2 тыс. чел.) и убийство (1,3 тыс. чел.), а также смерть, обусловленная алкоголем (2,2 тыс. чел.) и наркотиками (1,5 тыс. чел.). При этом мужское население чаще страдает от травм в результате ДТП, а женское – от нервных расстройств.

Трудности социально-психологической адаптации молодого поколения в рыночной экономике, его слабая конкурентоспособность на рынке труда в условиях социально-экономической нестабильности в стране – всё это является неблагоприятными факторами для процесса социализации молодежи, приводящими молодых людей с еще неустоявшейся психикой к резкому снижению самосохранительного поведения.

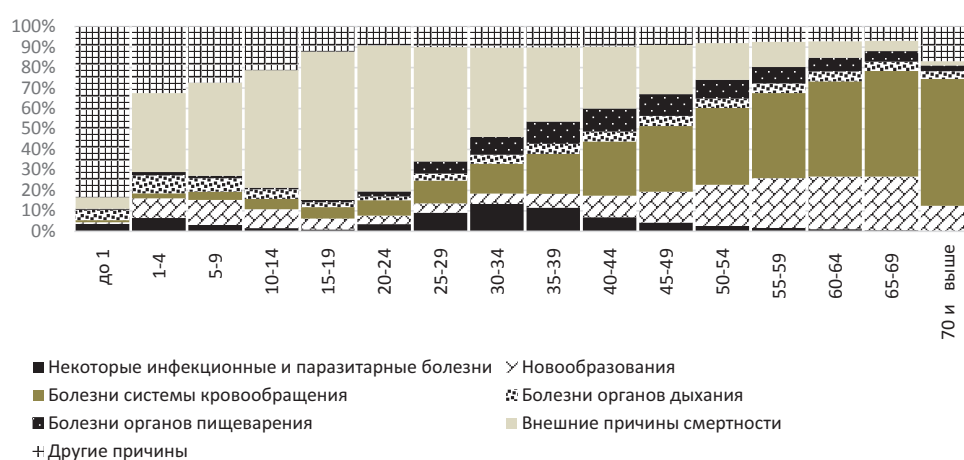

Рисунок 1. Структура смертности населения России по причинам в 2014 г.

Составлено по данным [3].

Если анализировать смертность молодёжи в стране во взаимосвязи с уровнем образования, то можно наблюдать значительную дифференциацию смертности молодежи в зависимости от этого социально-экономического фактора (рис. 2).

В 2014 г. основная доля умерших в возрасте 15–29 лет пришлась на менее образованный слой данной части населения, не имеющий никакого профессионального образования – 17,9 тыс. чел. (37,3% от всех смертей в данном возрасте).

На втором месте молодежь, получившая среднее профессиональное образование – 11,3 тыс. чел. (23,7%). Доля умерших с высшим образованием составила 2,7 тыс. чел., или 5,5 % от всех смертей в возрасте 15–29 лет.

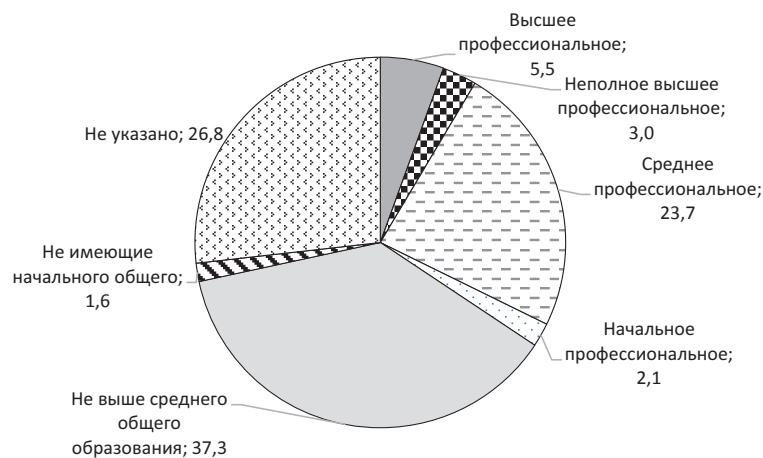

Рисунок 2. Структура смертности молодёжи в России по уровню образования в 2014 г., %

Составлено автором по данным [3].

Е.М. Андреев, Е.А. Кваша и Т.Л. Харькова провели анализ зарубежных исследований дифференциации смертности в зависимости от образования и характера трудовой деятельности. Так, исследователи Т. Валконен, А.Е. Кюнст, Дж. Макенбах и Е. Карлсон пришли к единому мнению, что рост смертности в основном происходил в группе лиц, занятых физическим трудом, а также среди мужчин в европейских странах в возрасте от 35 до 54 лет. На каждый добавленный год обучения приходится примерно 8%-ное сокращение коэффициентов смертности [4].

Для подтверждения гипотезы авторами была проведена оценка регрессионной кривой уровня смертности трудоспособного населения и доли занятых с высшим образованием в стране в целом. Выбор показателей обусловлен отсутствием в свободном доступе данных о занятости молодежи, имеющей высшее образование.

На основе регрессионного анализа было построено следующее уравнение:

$$y = -31,032x + 2293,8$$

$$R^2 = 0,8731$$

На основе результатов проведенного регрессионного анализа можно сделать вывод о существенной связи уровня образования и показателя смертности

трудоспособного населения. Если предположить, что доля занятого населения с высшим образованием сократится на 1%, то смертность в трудоспособном возрасте может увеличиться на 31 человека на 100 000 населения. То есть снижение образовательного уровня работающего населения приводит к увеличению его смертности. Если пойти в предположениях еще дальше и исключить из анализа фактор высшего образования работающего населения (доля занятых с высшим образованием = 0), то смертность населения в трудоспособном возрасте увеличится в 2 раза и составит 2293,8 на 100 000 населения. Значимость коэффициента детерминации составляет 0,87, что свидетельствует о сильной связи между двумя данными параметрами.

Результат исследования подтверждает необходимость формирования государственной политики по снижению смертности среди молодёжи не только путём борьбы с факторами риска, но и за счёт совершенствования мер социальной политики по поддержке социально неблагополучных семей и повышению образовательного уровня молодого поколения.

Литература

1. Ростовская, Т.К. Социально-демографические характеристики российской молодежи / Т.К. Ростовская, С.В. Рязанцев // Государственный Советник. – 2015. – № 2. – С. 66-74.
2. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2012 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 25.08.2016).
3. Демографический ежегодник России – 2015 г. [Электронный ресурс]. – Реж. дост.: http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm (дата обращения: 25.08.2016).
4. Андреев, Е.М. Истоки социального неравенства перед лицом смерти в России [Эл. рес.] / Е.М. Андреев, Е.А. Кваша, Т.Л. Харькова // Демоскоп Weekly. – 2005. – № 227–228. – Реж. дост.: – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0227/analit01.php> (дата обращения: 02.10.2015).

Корепина Татьяна Андреевна,
старший лаборант с в/о,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Об одном из перспективных подходов к моделированию образовательной миграции молодежи

Аннотация. Моделирование образовательной миграции в современной российской науке осуществляется недавно. Зарубежный опыт показывает широкий спектр работ по описанию образовательной миграции с помощью метаматематических и эконометрических методов. Существующие традиционные подходы не полностью описывают все особенности реального процесса. Агент-ориентированное моделирование требует тщательного изучения образовательной миграции, технического оснащения и определенных затрат. Проблема данного метода в России стоит достаточно остро. Необходимость качественного моделирования миграционных процессов приобретает научную значимость. Агент-ориентированный подход к моделированию образовательной миграции является неким прорывом в методологии изучения социально-экономических процессов. Приближенная к реальности, модель позволит проводить эксперименты, более точно прогнозировать будущее состояние. Такие знания будут способствовать построению эффективной социально-экономической политики страны.

Ключевые слова: образовательная миграция, агент-ориентированное моделирование, образовательный процесс, модель.

Социально-экономическая сфера, которая в основном использует традиционные методы для моделирования процессов, нуждается во внедрении инновационных методов. Развитие техники, использование современных и мощных ЭВМ позволяет сделать шаг вперед в развитии моделирования.

Основное внимание сосредоточено на количественных аспектах анализа миграции населения, которые не учитывают ряд важных факторов, что и составляет проблему качественного моделирования. Оценка перспективных ми-

грационных процессов выступает в роли необходимого условия для описания территориального движения населения и предсказания численности и состава населения в стране и регионах. Чтобы понять, какие факторы необходимо учитывать при моделировании миграции, необходимо рассмотреть понятие миграции.

Определений понятия «миграция» достаточно много, остановимся на одном из них. Известный российский демограф Л.Л. Рыбаковский определяет миграцию в широком смысле слова, как территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. В узком смысле миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения [1, с. 45].

В зависимости от цели миграция обычно подразделяется на два типа: экономическую и социальную. В свою очередь, в социальной миграции выделяют образовательную или учебную [2, с. 123].

Вопрос об образовательной миграции на сегодняшний день является одним из самых актуальных и малоизученных. В России исследование данного вида миграции началось примерно 20 лет назад. На Западе образовательную миграцию стали исследовать с начала XX века [3, с. 104]. В научной литературе образовательную миграцию определяют как перемещение с целью получения образования и/или осуществления трудовой деятельности в области образования, т. е. преподавание, проведение исследований [4, с. 79].

Образовательная миграция на основе политико-географического признака имеет два типа: международная или межгосударственная и внутригосударственная [2, с. 123]. К образовательной миграции можно отнести перемещения школьников, студентов, аспирантов, докторантов, стажеров и др.

При моделировании образовательной миграции можно выделить следующие особенности: территориальное положение образовательных учреждений, социально-экономическая адаптация индивида, инфраструктура образователь-

ного учреждения, финансовая поддержка, социокультурная адаптация, международные связи, возможность официального трудоустройства, наличие медицинской страховки и др.

Анализ отечественной и иностранной литературы показал, что опыт моделирования образовательной миграции небольшой. Например, в статье Е.А. Питухина и А.А. Семенова представлена математическая модель образовательной миграции региона. Проблема оттока талантливой молодежи, которая предпочитает получать образование в наиболее престижных вузах, имеет место во многих регионах. При этом после обучения готовые специалисты в основном не возвращаются на прежнее место жительства. В работе приводится исследование межрегиональной образовательной миграции выпускников. Представлен алгоритм выполнения математических расчетов для принятия решений по управлению потоками межрегиональной образовательной миграции [5, с. 67]. Недостатком при моделировании является то, что значения были получены при условии, что все выпускники после получения профессионального образования остаются в том регионе, в котором его приобрели.

В зарубежном опыте выделяется работа Д.А. Кобба-Кларка «Образовательная миграция в детском и подростковом возрасте» [6]. В статье указываются проблемы усвоения многими мигрантами новой информации в силу незнания языка страны-реципиента, а также адаптации и социализации в новом обществе. Представлена простейшая модель линейной регрессии, имеющая 4 независимые переменные [6, с. 12]. При описании последствий, которые возникли в ходе образовательной миграции людей в возрасте до 15 лет, автор лишь описывает возможные проблемы, но не учитывает их влияние в своей модели, что является недостатком.

Также были выявлены общие недостатки при изучении обеих моделей. Они заключаются в том, что не учтены специфические факторы при моделировании образовательной миграции, не берутся во внимание особенности индивидуальной адаптации индивидов и их миграционные установки. Упускается из

виду тот фактор, что индивид может вернуться на прежнее место жительства в связи с определенными обстоятельствами.

Решить возникшую проблему позволяют агент-ориентированные модели. А.Р. Бахтизин определяет их как специальный класс моделей, основанных на индивидуальном поведении агентов и создаваемых для компьютерных симуляций [7, с. 13].

Идея агент-ориентированного моделирования состоит в том, чтобы создать вычислительный инструмент, который представляет собой совокупность агентов, образующих искусственное общество. Каждый агент взаимодействует с другими агентами и обладает определенным набором свойств. Функционирование и жизнь создаваемого общества состоит в имитации поведения каждого агента. Изменения в жизни искусственного общества зависят от взаимодействия агентов и являются интегральным результатом действий каждого или отдельно взятого агента.

Преимущества метода заключаются в большой близости к реальной системе, разделение по блокам дает возможность верифицировать каждый блок до его включения в систему, а также в использовании зависимостей сложного характера без математического описания. Но в то же время существуют и некоторые недостатки. Они состоят в трудоемкости, использовании большого количества времени и материальных ресурсов. Качественное построение модели требует более глубокого изучения процесса образовательной миграции, что не является необходимым при математическом моделировании.

Реальные люди (участники образовательной миграции), поведение которых имитируется в АОМ, одновременно находятся в большом количестве процессов. В различных ситуациях набор участников и их свойств имеет отличия, поэтому при моделировании необходимо учитывать эту особенность.

К преимуществам агент-ориентированного подхода при моделировании образовательной миграции относится и возможность прослеживания того, как отдельный агент, наделенный индивидуальными характеристиками, проходит

адаптацию в новом обществе, в дальнейшем учитываются его миграционные установки. Специфические факторы образовательной миграции, не учтенные в представленных моделях, учитываются с помощью АОМ.

Таким образом, агент-ориентированный подход к моделированию образовательной миграции позволит лучше других традиционных подходов воспроизводить реальные процессы и качественно составлять прогноз.

Литература

1. Рыбаковский, Л.Л. Демографический понятийный словарь / Л.Л. Рыбаковский. – Москва: ЦСП, 2003. – 352 с.
2. Митин, Д.Н. Образовательная (учебная) миграция: понятие, проблемы, пути решения / Д.Н. Митин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 3. – С. 123-134.
3. Самофалова, Е.И. Особенности изучения образовательной миграции в работах зарубежных авторов / Е.И. Самофалова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 1(29). – С. 104-119.
4. Апанович, М.Ю. Образовательная миграция в России: точки развития / М.Ю. Апанович // Вестник науки и образования. – 2015. – № 9(11). – С. 79-82.
5. Питухин, Е.А. Управление потоками межрегиональной образовательной миграции выпускников / Е.А. Питухин, А.А. Семенов // Экономика и управление. – 2014. – №7(105). – С. 64-69.
6. Cobb-Clark, D.A. Migrant Youths' Educational Achievement: The Role of Institutions / D.A. Cobb-Clark, M. Sinning, S. Stillman // IZA. Discussion paper series. – 2011. – № 6150. – 42 p.
7. Бахтизин, А.Р. Новый инструментарий в общественных науках – агент-ориентированные модели: общее описание и конкретные примеры / А.Р. Бахтизин, В.Л. Макаров // Актуальные проблемы экономики управления. – 2009. – № 12(50). – С. 13-25.

Короленко Александра Владимировна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Проблема сформированности профессиональных предпочтений
подростков в контексте социальной адаптации***

Аннотация. Автором проведён анализ сформированности профессиональных предпочтений у школьников подросткового возраста на основании данных, полученных в ходе комплексного обследования детей среднего и старшего подросткового возраста, обучающихся в Научно-образовательном центре ИСЭРТ РАН. Установлено, что основной проблемой в плане адекватного собственным склонностям профессионального самоопределения для подростков является незнание условий и основных требований, предъявляемых к профессии, собственных психофизиологических возможностей, а также неумение сопоставлять свои предпочтения с реальными способностями.

Ключевые слова: профессиональные предпочтения, самоопределение, профессиональная ориентация, социальная адаптация, подростки.

Как известно, эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых является главным преимуществом стран с инновационной экономикой. Связано это с тем, что более высокий уровень развития профессиональных компетенций обеспечивает и более высокую инновационную активность [3, с. 53].

В настоящее время в российской сфере занятости на первый план выходит проблема структурной безработицы, выражающейся в несоответствии профессиональных качеств рабочей силы, особенно молодых специалистов, требованиям, предъявляемым современным рынком труда. Причина наблюдаемого структурного дисбаланса зачастую кроется в дистанцированности рынка труда и системы образования, а также в недостаточно эффективно выстроенной си-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120, «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

стеме профориентационной работы со школьниками, учащимися средних специальных и высших учебных заведений.

Целью данного исследования стал анализ сформированности профессионального самоопределения у школьников подросткового возраста и выявление его воздействия на своевременное овладение и умелое исполнение социальных ролей в соответствии с требованиями современного инновационно-ориентированного общества.

Информационную базу исследования составили: научная литература по рассматриваемой проблематике и результаты проведённого в 2015 г. комплексного обследования детей среднего и старшего подросткового возраста, обучающихся в Научно-образовательном центре (НОЦ) ИСЭРТ РАН¹.

Теоретической базой исследования стали работы ведущих специалистов в области возрастной психологии и профессиональной ориентации детей (Л.И. Божович, Е.А. Климов, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн, Д.Б. Эльконин), а также труды российских учёных-экономистов, занимающихся изучением проблемы профессионального дисбаланса на рынке труда (Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон, А.Л. Лукьянова, Т.В. Попова). *Методологической основой* послужили дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова [2] и дополнительное анкетирование.

Результаты исследования

Крайне важным аспектом в оценке сформированности профессионального самоопределения является соответствие личностных качеств, склонностей, предрасположенности детей выбранной профессии. Результаты диагностики принадлежности к определённому типу профессий² по методике Е.А. Климова показали, что более 1/3 обследованных учащихся (34%) ориентированы на

¹ В обследовании профессиональных предпочтений приняли участие 75 обучающихся в НОЦ ИСЭРТ РАН (52 чел. в возрасте 13-16 лет и 23 чел. –17-18 лет) учащихся 8–11 классов различных школ областного центра.

² Типы профессиональных предпочтений по Е.А. Климову: человек-природа (Ч-П); человек-техника (Ч-Т); человек-человек (Ч-Ч); человек-знаковая система (Ч-З); человек-художественный образ (Ч-Х); человек-природа + человек-человек (П+Ч); человек-природа + человек-художественный образ (П+Х); человек-техника + человек-человек (Т+Ч); человек-техника + человек-знаковая система (Т+З); человек-человек + человек-знаковая система (Ч+З); человек-человек + человек-художественный образ (Ч+Х); человек-знаковая система + человек-художественный образ(З+Х).

профессии типа «Ч-Х». На втором месте среди профессиональных ориентаций школьников оказался тип «Ч-З» (16%), на третьем – «Ч-Ч» (11%). У остальных 39% учащихся отмечены другие варианты, в том числе и сочетания разных типов профессиональных предпочтений.

Распределение ответов на открытый вопрос «Какую именно профессию ты планируешь выбрать?» показало, что в 48% случаев подростки, посещающие НОЦ, выбирали специализации, не соответствующие их индивидуальному типу профессиональных предпочтений. Это говорит о недостатке у школьников информации о собственных возможностях и профессиональных качествах, о незнании необходимых для овладения данной специализацией характеристик.

Стоит отметить, что чаще всего избранная специальность совпадала с профессиональной ориентацией у детей смешанных типов профессиональных предпочтений: «П+Ч», «П+Х», «Т+З», «Т+Ч», «Ч+Х» и у детей типа «Ч-З». В то время как подростки, относящиеся к остальным типам, в большинстве случаев выбирали специальности, не соответствующие их индивидуальным склонностям.

Один из ключевых компонентов «зрелости» решения в выборе образовательного или профессионального пути – сформированность представлений подростков о дальнейших действиях после окончания школы. В целом доминирующей для подростков траекторией является получение высшего образования (82%). Никто из опрошенных детей не отметил таких возможных вариантов, как «получить среднее специальное образование» или «работать сразу после школы», что говорит о непопулярности рабочих специальностей среди обследованных подростков.

Данные об особенностях выбора образовательной траектории учащихся иллюстрируют важнейшие структурные изменения в системе образования: подавляющее большинство учащихся старших классов, планирующих продолжить обучение в школе, ориентируются на дальнейшую подготовку в вузе, а средний и начальный уровни профессиональной подготовки либо не рассматриваются ими совсем, либо рассматриваются в качестве промежуточного этапа.

Среди всех опрошенных школьников большая часть (45%) в настоящее время не определились окончательно с выбором будущей профессии, при этом доля таких ответов выше у детей среднего подросткового возраста по сравнению с детьми старшей возрастной группы (49% против 39%). Кроме того, среди детей среднего подросткового возраста оказалось значительно больше тех, кто ещё не знает, какую профессию хочет выбрать (23% против 9%).

Планирование и выбор профессионального пути во многом определяется теми мотивами, которые подросток определяет для себя в качестве приоритетных. Мотивы профессионального выбора обусловлены социальными условиями, представлениями об особенностях профессиональной деятельности, информацией о ней, состоянием здоровья [1, с. 165]. Результаты проведённого опроса школьников показали, что при выборе профессии они в большей степени руководствуются интересом к профессии (89%). На втором месте по значимости находится возможность карьерного роста (60%), на третьем – престиж профессии (40%). В то же время на такой внешний мотив выбора профессии, как желание родителей, ориентируются лишь 8% подростков, что может говорить о значительной самостоятельности принимаемых ими решений.

Примечательно, что у учащихся выпускных классов по сравнению с остальными в целом преобладают мотивы востребованности профессии на рынке труда, престижа профессии, возможности постоянного повышения квалификации и возможности профессионального и карьерного роста. Данный факт свидетельствует о большей осведомлённости учащихся выпускных классов о реальной ситуации на рынке труда.

Ещё одним немаловажным критерием профессионального самоопределения подростков служит степень их информированности об учебных заведениях, готовящих специалистов по выбранной специальности. Ответы школьников на вопрос о том, знают ли они подобные образовательные учреждения на территории региона, страны или за границей, показали, что большую осведомлённость в этом плане демонстрируют подростки 17–18 лет (91%), тогда как среди учащихся среднего подросткового возраста доля таких детей значительно ниже

(41%). Низкая информированность об учебных заведениях школьников 13–16-летнего возраста представляет собой серьёзную проблему, поскольку уже по окончании 9 класса общеобразовательной школы часть из них должна принимать решение о поступлении в учреждения среднего профессионального образования.

О сформированности профессионального самоопределения учащихся говорит и выбор профильных школьных предметов, которые будут необходимы им для овладения избранной специальностью. Результаты анализа соответствия школьных предметов, выбранных подростками в качестве наиболее важных для освоения специальности, выявленным типам их профессиональных предпочтений продемонстрировали высокую степень взаимосвязи между данными характеристиками. Так, дети типа «Ч-П» выбирали исключительно естественнонаучные дисциплины, «Ч-Т» – преимущественно физико-математические предметы и информационные технологии, «Ч-Ч» – гуманитарные науки и экономику, «Ч-З» – информационные технологии. Подростки профессиональной ориентации «Ч-Х» большее предпочтение отдавали гуманитарным предметам, в то время как дисциплины, относящиеся к сфере искусства, они выбирали гораздо реже. Подростки смешанных типов профессиональных предпочтений в основном имеют разнонаправленные в плане школьных предметов интересы.

Способность адекватной оценки подростками тех качеств, которые необходимы для овладения избранной ими профессией, также можно отнести к ключевым индикаторам профессионального самоопределения. Наиболее ценными для будущей профессии, по мнению опрошенных школьников, оказались такие качества, как устойчивость внимания (73%), общительность (61%), эмоциональная устойчивость (60%) и наблюдательность (60%).

Понимание подростками тех характеристик, которые необходимы для овладения выбранной специализацией, очень важно рассматривать с позиций их типов профессиональных предпочтений. Так, наибольшую осведомлённость о ценных профессиональных качествах в соответствии с собственными профессиональными склонностями проявили дети типа «Ч-Т», «Ч-Ч», «Ч-З», «П+Ч»,

«П+Х», «Т+З». В свою очередь подростки, относящиеся к типам «Ч-П», «Ч-Х», «Т+Ч», «Ч+З», «Ч+Х» и «З+Х», либо уделяют недостаточное внимание нужным профессиональным качествам, либо обозначают те, которые совершенно не соответствуют их склонностям.

Таким образом, исследование соответствия предпочитаемых учащимися школьных дисциплин и тех качеств, которые, по их мнению, нужны для овладения избранной специальностью, индивидуальным типам профессиональных предпочтений позволяет сделать вывод о том, что подростки значительно лучше осваивают предметные компетенции, чем профессионально значимые качества. То есть в настоящее время для детей подросткового возраста характерна крайне низкая информированность о сути и содержании профессиональной деятельности, о важнейших характеристиках, которые необходимы для работы по выбранной ими специальности.

Очевидно, что сложившаяся система школьной профориентации не достигает своих конечных целей, а именно формирования у школьников грамотного профессионального самоопределения в соответствии с их индивидуальными склонностями и с реальными запросами в кадрах общества и рынка труда. Фокусируясь на профессиональных компетенциях, система профориентации значительно меньше внимания уделяет личностным качествам, соответствию интересов и возможностей школьников, что в будущем может существенно снизить удовлетворенность трудовой деятельностью, уровень реализации трудового потенциала и инновационной активности.

Литература

1. Груздова, Е.В. Общая характеристика профессионального выбора подростка [Текст] / Е.В. Груздова, Л.В. Абдалина // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – № 4. – С. 163-166.
2. Климов, Е.А. Как выбирать профессию [Текст] / Е.А. Климов. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.

3. Шабунова, А.А. Дети и молодёжь в России: глобальные вызовы современности [Текст] / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 6 (42). – С. 36-57.

Косыгина Ксения Евгеньевна,
аспирант, референт-помощник директора,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Социально-политическая активность молодежи в современной России

Аннотация. В работе рассматривается проблема участия молодежи в общественно-политической жизни российского социума. На основе анализа социологических данных рассмотрены некоторые показатели социально-политической активности молодежи на уровне субъекта РФ (Вологодской области). Исследование показало невысокую социальную и политическую активность молодого поколения региона. В заключение дан краткий анализ государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, социально-политическая активность, государственная молодежная политика.

В современных социально-политических условиях обостряется проблема участия молодежи в общественной и политической жизни. Особенности поведения молодежи и ее участия в жизни общества оказывают существенное влияние на социально-экономическое и политическое развитие государства. Молодежь выступает как носитель социальных инноваций, поэтому повышение ее активности становится одним из приоритетных направлений поиска новых векторов общественного развития.

По данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2016 г., удельный вес молодежи в населении страны составляет 19%¹ и сократился за последние пять лет на 3%. Аналогичная тенденция снижения численности молодежи характерна и для Вологодской области. Молодое поколение составляет 17% от численности населения региона.

Сокращение молодежной когорты диктует необходимость повышения ее социально-политической активности, так как это наиболее мобильная, творческая, с инновационными идеями часть населения. От молодого поколения следует ожидать более активной включенности в общественно-политические процессы, однако мы видим, что эта активность не очень высока.

Для того чтобы понять, как в среде молодежи складывается отношение к социально - политической сфере, рассмотрим основные особенности политической активности возрастной группы от 18 до 30 лет на примере Вологодской области, опираясь на данные мониторинга общественного мнения.

О своем активном участии в общественно-политической жизни заявили 17% молодых людей, что несколько выше, чем среди населения области в целом, – 16% (табл. 1).

Большинство молодых людей (67%) не принимают участия в общественно-политической жизни, степень их активности по сравнению с данными 2014 г. снизилась с 21 до 17%. Аналогичная тенденция характерна и для других возрастных категорий населения региона.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2014 г.		2015 г.		2016 г.	
	Молодёжь (18...30 лет)	Область	Молодёжь (18...30 лет)	Область	Молодёжь (18...30 лет)	Область
<i>Активное и скорее активное</i>	20,5	21,9	17,2	17,7	16,5	15,2
<i>Пассивное и скорее пассивное</i>	56,7	54,1	55,9	51,4	67,0	61,6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	22,8	23,9	26,9	30,9	16,5	23,2

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН.

Данные мониторинга показывают, что *общественная активность* молодого поколения чаще всего проявляется в участии в благоустройстве территорий,

¹ Возрастные границы демографической группы «молодежь» установлены с 15 до 29 лет.

субботниках (17%); в сборе пожертвований, средств, вещей для нуждающихся (11%); деятельности товариществ собственников жилья (ТСЖ), домовых комитетов либо советов дома (7%). Следует отметить, что по сравнению с 2014 г. наблюдается незначительное увеличение общественной активности молодежи по рассмотренным показателям (табл. 2).

Политическая активность, напротив, снизилась и наиболее полно проявляется в участии молодых людей в выборах (26%). Но в сравнении с уровнем 2014 г. молодежь стала реже ходить на выборы. Электоральная активность в молодежной среде ниже, чем у населения области в целом. В мероприятиях, проводимых политическими партиями, участвует чуть больше 1% молодежи региона, так же как и в избирательных кампаниях. Несколько выше доля тех, кто участвует в мероприятиях общественных организаций, – 4%.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в прошлом году?»
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2016 г. к 2014 г.
	Молодежь (18-30 лет)	Об- ласть	Молодежь (18-30 лет)	Об- ласть	Молодежь (18-30 лет)	Об- ласть	
Выборы	37,1	41,4	43	47,7	25,9	31,5	▼
Коллективное благоустройство, субботники	11,4	17,1	17,2	19,1	17,2	18,6	▲
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	7,6	9,9	9,4	10,7	11,4	7,9	▲
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	5,8	8,2	6,5	10,6	7,1	8,6	▲
Подписание обращений, петиций в органы власти	4,7	2,6	5,2	3,8	5,7	4,2	▲
Деятельность общественных организаций	4,7	3,5	3,6	2,7	4,4	2,1	▼
Деятельность профсоюзных организаций	2,9	3,5	3,6	3,8	3	4	▲
Митинги, демонстрации, пикеты	2,3	1,4	3,2	2,5	2,7	1,4	▲
Забастовки	0,9	0,3	0,3	0,1	1,7	0,6	▲
Проведение избирательной кампании	2,6	3,7	1,9	3,3	1,3	2,3	▼
Деятельность политических партий	0,9	0,9	1	0,9	1,3	0,7	▲
Деятельность религиозных организаций	0	0,9	1	0,7	0,7	0,8	▲
Другое	0	0,1	0,6	0,4	1	0,2	—
Ни в чём подобном не участвовал	46,2	43,7	41,1	36,6	51,9	50,1	—

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН

О своём членстве в какой-либо партии или общественной организации заявили всего 2% опрошенной молодежи. Если сравнивать с тем же показателем 2014 года, то снижение составило 4% (табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Принимаете ли Вы участие в их деятельности или являетесь членом какой-либо из них?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2016 г. к 2014 г.
	молодёжь (18...30 лет)	область	молодёжь (18...30 лет)	область	молодёжь (18...30 лет)	область	
Являюсь членом организации	6,3	5,0	3,6	4,3	1,7	3,0	▼
Принимаю участие как доброволец, волонтер	6,3	6,5	7,8	6,3	10,6	6,3	▲
Не участвую и не состою	87,5	88,5	88,6	89,4	87,7	90,7	—

Источник: данные мониторинга социально-экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН

Таким образом, представленные данные свидетельствуют о более активном участии молодежи в мероприятиях, которые направлены на улучшение повседневных условий жизни, и о политической пассивности молодых людей. Большая часть молодых дистанцируется от любых форм общественно-политической жизни. Среди основных причин такой ситуации эксперты выделяют продолжающийся экономический кризис в России и психологические, мировоззренческие особенности самой молодежи. Среди доминирующих установок российской молодежи значимы нацеленность на индивидуальное благополучие и расчет только на собственные силы [1].

Множество внешних и внутренних противоречий в современных условиях привели к разобщенности индивидов и малых групп (в том числе в молодежной среде), поэтому в настоящее время молодое поколение не может самоорганизовываться и превращать свои идеи и устремления в жизнь самостоятельно. На федеральном и региональном уровне проводится государственная молодежная политика – деятельность государства по созданию социально-экономических, правовых, организационных условий и гарантий для становления и развития молодых граждан, наиболее полной реализации творческого потенциала молодежи в интересах всего общества [2].

В ноябре 2014 года Правительство РФ утвердило «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Целью документа является установление долгосрочных ориентиров молодежной политики, а также параметров инвестиций в молодежные программы, проекты, общественные молодежные объединения и в инфраструктуру молодежной политики [3]. Принятие данного документа, безусловно, шаг вперед в расширении возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышения уровня ее потенциала. Однако не все решения российской государственной власти способствуют повышению социально-политической активности молодого поколения. Об этом говорят законодательные акты, в которых предлагается ввести уголовную ответственность за неоднократные нарушения на митингах, что, при должном исполнении, несомненно, необходимо для обеспечения безопасности участников митингов, но также может вызвать полное нежелание, страх участия в массовых акциях [4].

Для повышения социальной активности и привлечения молодежи к решению задач социально-экономического развития России, по инициативе Президента РФ В.В. Путина, проводятся различные молодежные форумы:

- федеральные образовательные: «Балтийский Артек», «Таврида», «Евразия», «Территория смыслов», «Итуруп», которые в 2015 году привлекли более 12 тысяч участников, поддержано более 450 грантов на сумму 67 млн. руб.;
- окружные, региональные и муниципальные: «Амур» – Дальневосточного федерального округа, «Родная гавань» – Крымского федерального округа и другие. В 2015 году в них приняли участие 165 тыс. человек, поддержано 1500 проектов на сумму 103, 6 млн. руб.

На региональном уровне также определяются актуальные проблемы и стратегические приоритеты государственной молодежной политики.

В Вологодской области основы молодежной политики регламентируются законом «О государственной молодежной политике на территории Вологодской области» [5], постановлением «О государственной программе „Создание

условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014 – 2018 годы”» [6]. Основные направления молодежной политики изложены и в «Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года» [7].

В области созданы Молодежный парламент и Молодежное правительство с целью активизации роли молодежи в развитии гражданского общества и вовлечения её в реализацию государственной молодежной политики.

В 2015 г. проведен областной конкурс проектов физических лиц. За счет средств областного бюджета выделено 800 тыс. руб. на реализацию важных и актуальных социальных молодежных проектов [8].

Сложилась традиционная система проведения мероприятий, самые крупные из них: областные конкурсы лидеров и руководителей детских и молодежных общественных объединений «Лидер XXI века», «Содружество», сбор студенческих активов «ОССА», медиафорум «МедиаПицца».

Таким образом, с учетом рассмотренной информации, можно сделать вывод, что молодежная политика осуществляется государственными органами на федеральном и региональном уровнях; усиливается институализация молодежной политики на уровне субъектов РФ – создаются молодежные парламенты и молодежные правительства²; проработана и принята нормативно-правовая база; активно проводятся различные молодежные форумы, с применением проектного подхода со смешанным финансированием. Однако мониторинг общественного мнения показывает, что данных мер по реализации государственной молодежной политики недостаточно, молодежь не включается в общественно-политические процессы.

² Молодёжные парламенты представлены в 75 субъектах РФ и не представлены в 10 субъектах. В процентном соотношении это составляет 88,2 и 11,8% соответственно. Молодёжные правительства представлены в 55 субъектах Российской Федерации, не представлены в 30 субъектах. В процентном соотношении это составляет 64,7 и 35,3% соответственно. Молодёжные парламенты на региональном уровне имеют более широкое распространение, чем молодёжные правительства, и превышают их численность в три раза. Источник: Доклад о положении молодежи и реализации Государственной молодежной политики в Российской Федерации «Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций», 2015 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1>

Одним из направлений решения проблемы низкой социально-политической активности молодежи может быть модернизация системы управления молодежной политикой – проведение комплексной работы по формированию единой стратегии по созданию социально-экономических условий для развития потенциала молодого поколения, привлечение молодежи к реализации приоритетных национальных проектов, которые в будущем обеспечат экономический рост всего государства.

Литература

1. Павлов, Б.С. Над опасным «социальным придоньем» [Текст] / Б.С. Павлов // Социологические исследования. – 2013. – № 2. – С. 69-79.
2. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации [Текст]: монография / коллектив авт.; под общ. ред. А.А. Шабуновой. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 148 с.
3. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // КонсультантПлюс
4. Шабунова, А.А. Социокультурные факторы общественной атомизации (на материалах Вологодской области) [Электронный ресурс] / А.А. Шабунова, М.А. Груздева // Электронный научный журнал «Современные исследования социальных проблем».
5. О государственной молодежной политике на территории Вологодской области [Электронный ресурс]: закон Вологодской области от 29.11.2005 № 1376-ОЗ // КонсультантПлюс.
6. О государственной программе «Создание условий для развития гражданского общества и потенциала молодежи в Вологодской области на 2014–2018 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Вологодской области от 28.10.2013 года № 1102 // Консультант Плюс.

7. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/>

8. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/0bc/>

9. Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций: доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации, 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1>

Креховец Екатерина Владимировна,
*старший преподаватель кафедры
экономической теории и эконометрики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород*

Леонова Людмила Аркадьевна,
*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры математической экономики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород*

Социальный капитал студентов: сетевой подход

Аннотация. Социальный капитал влияет на различные стороны жизни индивида. В настоящее время с развитием междисциплинарного подхода к исследованию различных областей знаний понятие социального капитала используется все чаще. В том числе настоящая концепция широко используется в экономике и социологии образования, когда речь идет о социальном взаимодействии между отдельными индивидами и группами людей. В данном исследовании социальный капитал интерпретируется как социальные контакты, возникающие между студентами в рамках обучения в вузе. Используя методы сетевого

анализа, можно утверждать, что социальные сети учащихся обладают схожей структурой и достаточно стабильны во времени.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, высшее образование, студенты.

Начав свое развитие в теоретической социологии, концепция социального капитала сегодня становится мультидисциплинарной. Исследователи из различных отраслей социальной науки обращаются к социальному капиталу в попытке более детально осмыслить те или иные процессы, происходящие в обществе. Сложность и многогранность данной научной категории позволяет различным исследователям приводить собственные определения понятия „социальный капитал” в рамках различных подходов и конкретных задач исследования. Так, по мнению П. Бурдье, социальный капитал представляет собой совокупность фактических и условных ресурсов, которые возникают у индивида или группы, состоящих в прочной социальной сети, то есть принадлежащих к одной группе [1]. Другой известный исследователь Р. Патнэм отмечает, что социальный капитал – это взаимосвязи между индивидами, социальные сети, а также нормы взаимности и доверия, возникающие между ними [6]. Сторонники сетевого подхода определяют социальный капитал как социальные сети, то есть набор социальных контактов между индивидами. Социальный капитал толкуется как сеть социальных контактов индивидов [4]. Социальный капитал – это дружеские, рабочие и более общие контакты, с помощью которых индивид получает возможность использовать свой финансовый и человеческий капитал [3]. В исследовании мы будем придерживаться сетевого подхода, предполагающего тождественность понятий „социальный капитал” и „социальная сеть”. Будет рассмотрена дружеская социальная сеть учащихся, так как дружеские взаимодействия проще устанавливаются и являются более прочными, ведь друзей связывает не только учеба в одном университете, но и общие интересы.

В процессе обучения в университете студенты взаимодействуют друг с другом, создавая социальные сети на различных уровнях. Социальный капитал, формируемый в университете, является эффективным ресурсом, используемым

как во время обучения, так и после окончания вуза. В первом случае студенты используют социальные связи для обмена информацией, работы над научными и практическими заданиями, при подготовке к экзаменам и т.д. После окончания университета многие выпускники используют накопленные связи при трудоустройстве. Взаимосвязь между социальным капиталом и карьерными возможностями доказана во многих эмпирических исследованиях [2; 57].

В работе используется информация, собранная в рамках проекта МНУЛ Институционального анализа экономических реформ в результате лонгитюдного опроса студентов НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде. Опрос проводился в течение 3 лет среди студентов четырех факультетов. Респондентам предлагалась анкета, в которой содержались вопросы об их социально-демографическом статусе, привычках и свободном времени. Для построения социальной сети дружбы использовались ответы студентов на вопрос, с кем из однокурсников они больше всего общаются. Номинированных однокурсников мы считаем друзьями. Результаты опроса позволили сформировать сети дружбы для исследуемых факультетов. Сеть дружбы представляет собой ориентированный граф, в котором вершины – это студенты, входящие в сеть дружбы, а ребра – это дружеские связи между учащимися. Для визуализации и расчета сетевых характеристик использовано приложение NodeXL, основанное на Microsoft Excel. Сетевые характеристики приведены в таблице.

Сетевые характеристики студенческих сетей дружбы

Характеристики	Факультет бизнес информатики			Факультет менеджмента			Факультет экономики			Факультет права		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Волна опроса	93	88	80	97	89	93	105	103	90	60	55	51
Число студентов	452	347	263	486	330	302	537	439	333	244	210	197
Средняя степень	4.9	3.9	3.3	5	3.7	3.2	5.1	4.3	3.7	4.1	3.8	3.9
Коэффициент кластеризации, %	34.9	33.4	33	35.9	30.1	24.6	43.1	40.7	41.4	25	26.7	24
Доля взаимных связей, %	63.3	57.1	54	63	58.8	45	67.4	56	64.3	51.6	50.5	57.9

Согласно результатам, представленным в таблице, структура сетей дружбы остается достаточно стабильной во времени и незначительно различается между факультетами. Для всех факультетов динамические изменения в сетях типичны. Число студентов, входящих в социальную сеть, снижается в процессе

обучения. Вероятным объяснением данного факта является отчисление некоторых студентов за неуспеваемость или уход в академический отпуск. Однако около 90% учащихся попали в сеть дружбы. Средняя степень сети показывает, сколько друзей в среднем у каждого участника сети. Так, в среднем студент факультета права дружит с четырьмя своими однокурсниками на протяжении всего времени опроса. У студентов других факультетов среднее число незначительно варьируется от 3 до 5. Для более детального анализа рассмотрим распределение входящей степени. Входящая степень показывает, сколько респондентов отметили данного студента в качестве своего друга. Используя показатель входящей степени, можно вычислить наиболее популярных студентов. Чаще всего одного студента в качестве друга отмечают от 2 до 7 однокурсников. В первой волне только 1,7% учащихся не были отмечены в качестве друзей, в то время как в последующие годы этот показатель растет до 3 и 3,2%. Также можно отметить студентов, которых чаще всего упоминали в качестве друзей, эти студенты являются самими популярными на курсе и ключевыми акторами в сети дружбы.

Показатель взаимности и коэффициент кластеризации демонстрируют схожую отрицательную динамику в течение анализируемого периода. Коэффициент кластеризации показывает тенденцию участников социальной сети формировать более тесные подгруппы, то есть кластеры. В сетях дружбы кластеры, вероятно, образуются вокруг наиболее популярных и активных студентов, которые создают вокруг себя подгруппы. Можно отметить, что более половины связей являются взаимными на протяжении всего лонгитюда. Взаимность связей возникает, когда оба студента номинировали друг друга в качестве друга в анкете. Детальный анализ взаимных связей позволяет сделать вывод о том, что эти связи более устойчивы во времени. Доля взаимных связей на первом курсе варьируется между факультетами от 51,6 до 67,4%. Около половины этих связей сохраняются на втором курсе, в то время как односторонние связи в большинстве случаев разрушаются. Например, на факультете права сохранился 61% взаимных связей и только 32% односторонних связей при переходе студентов с первого на второй курс. Аналогичная ситуация наблюдается на третьем курсе.

Среди всех факультетов около 53% взаимных связей сохранилось, в то время как из односторонних связей сохранилась только каждая третья. Несмотря на то что со временем доля взаимных связей в сетях дружбы снижается, они являются более стабильными и устойчивыми во времени.

Проведенный сетевой анализ показал, что социальные сети, следовательно, социальный капитал студентов имеет схожую структуру и характеризуется высокой устойчивостью во времени. Студенты разных факультетов демонстрируют практически идентичные паттерны поведения при построении дружеских взаимосвязей. В среднем каждый студент имеет от 3 до 5 друзей из числа своих однокурсников, в то же время есть студенты-аутсайдеры, не попавшие в сеть дружбы, и студенты-лидеры, которые занимают ключевые позиции в сети. На протяжении трехлетнего обследования социальные сети оставались достаточно стабильными, при этом большую прочность демонстрируют взаимные дружеские связи.

Литература

1. Bourdieu, P., Wacquant, L. J. D. (1992) An invitation to reflexive sociology: Chicago: University of Chicago Press.
2. Brook, K. (2005). Labour market participation: the influence of social capital”, office for National Statistics, Labour market Trends.
3. Burt, R. (1992). Structural Holes: The Social Structure of Competition, Cambridge: Harvard University Press.
4. Lin, N. (1999). Social networks and status attainment, Annual Review of Sociology 25, p. 467-487.
5. Lucy, K.N. (2012). Relationship between social capital and employee promotion. International Journal for Business and Commerce, 1(10), 1-13.
6. Putnam, R. (2000) Bowling Alone - The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.
7. Weaver, R.D., Habibov, N. (2012). Social capital, human capital, and economic well-Being in the knowledge economy: results from Canada’s general social survey. Journal of Sociology and Social Welfare, XXXIX (2), 31-53.

Кузьмин Александр Иванович,
доктор социологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург

Носов Андрей Александрович,
аспирант,
Институт экономики УрО РАН,
г. Екатеринбург

Мотивы и факторы маятниковой миграции молодежи*

Аннотация. В работе рассматриваются причины массового распространения феномена маятниковой миграции в приграничных территориях Уральского федерального округа и в пригородах екатеринбургского мегаполиса.

Ключевые слова: население, демографический переход, устойчивая возвратная миграция, мотивы территориальной подвижности населения.

Исследования маятниковой трудовой миграции (МТМ) за границей выявили растущую значимость данной проблемы на общеевропейском уровне, включая Восточную Европу и Россию [1. с. 44-46.]. На основе серии выборочных обследований в приграничных районах Курганской области и Челябинской областей России (лето–осень 2012–2013 гг.) и ряда опросов в городах екатеринбургского мегаполиса (ГО Заречный, ГО Первоуральск (2014–2015 гг.) была уточнена гипотеза исследования социокультурных и экономических факторов и реальных мотивов маятниковой трудовой миграции, в том числе молодежных групп населения.

Программа исследования содержала вопросы как об отношении к различным видам маятниковой миграции (включая трудовую маятниковую миграцию) и частоты возвратных поездок за пределы места жительства опрошенных в приграничных с Казахстаном территорий (в течение недели, месяца или сезона), так и вопрос о самоидентификации респондента со статусом и положением маятникового мигранта в современном обществе. В ходе обследования была скорректирована шкала ценностной ориентации мотивации маятникового ми-

* Материалы подготовлены при поддержке гранта «Разработка методического инструментария измерения и оценки влияния социально-экономических и медико-демографических факторов на показатели смертности населения трудоспособного возраста», грант РФФИ 15-06-09169.

гранта (включен индикатор оценки экологии). Произведена общая корректировка программы исследования маятниковой миграции инструментария, анкеты, процедуры и полученной базы данных (осуществлена гармонизация выборки обследования на основе лицензионного пакета VORTEX-10). Для проведения массового опроса населения был предпринят выезд молодых ученых в экспедиционном порядке в Звериноголовский район Курганской области, в города Курган, Троицк (Челябинской области). Осуществлены замеры маятниковой миграции в Екатеринбурге, Артемовском городском округе Свердловской области, Первоуральске, Заречном. В 2015 г осуществлен опрос работников литейного производства в городе Петухово, где находится международный пограничный пункт с Казахстаном. В общей сложности в ходе исследования было получено 1057 добросовестных формализованных интервью.

Анализ отечественной и зарубежной научной литературы по данной тематике позволил выделить несколько научных направлений, сложившихся в современной экономической мысли (табл. 1). Критериями классификации точек зрения выступили выдвигаемые авторами формулировки понятия и признаков маятниковой трудовой миграции, а также дифференциация социально-экономических функций реверсивной (возвратной) кратковременной миграции населения.

Таблица 1. Теоретические подходы к изучению маятниковой миграции

Теории и концепции	Функции МТМ	Признаки МТМ
Гравитационная (географическая) теория диффузного воздействия миграции Э. Равенштейн Д. Ципф	Функция притяжения-отталкивания работников (человеческих ресурсов) в зависимости от массы поселения (города)	Массовое стохастическое перемещение групп населения, ориентированного на новый ресурс, с пересечением административных и государственных границ.
Миграционного перехода Д. Джибс, У. Зилинский	Селективная (миграция как социальный фильтр)	Трудовая миграция, связанная с поиском рабочих мест
Новая экономическая теория О. Страк, Дж. Тейлор, Д. Массей	Распределение и перераспределение рабочей силы	Возмездная, ориентированная на ожидаемый доход дополнительный заработок
Семейная миграция (теория домохозяйств) Я. Минсер, Ж. Боржас, С. Бронас	Локализации, воспроизводства самосохранения личности	Частая, устойчивая, возвратная, кратковременная
Человеческого капитала Г. Беккер, Л. Сжаастад, В. Кларк	Когнитивная функция, функция накопления человеческих способностей	Связанная с реализацией накопленных физических и духовных способностей населения, его когнитивностью
Теория сетевого фактора	Адаптационная	Связанная с отсутствием средств и способов закрепления и приживаемости на новом месте работы

Представленные в таблице научные подходы охватывают всего шесть основных из двух десятков распространенных сегодня в научной среде миграционных концепций и парадигм, связанных с трактовками маятниковых форм миграций межстранового и внутристранового типа. Классификация выделенных подходов позволила обосновать структуру и иерархию социально-психологических и социально-экономических *факторов и регуляторов маятниковой трудовой миграции как феномена устойчивой реверсивной мобильности населения с пересечением административных и государственных границ и их форм*¹. В ходе обследования была подтверждена концепция третьего миграционного перехода (Д. Коулмена) и модернизации причин маятниковой миграции как его компоненты (в духе взглядов Дугласа Массея и Людвиг фон Мизеса на влияние привязанности к семье и значимости затрат на проезд к месту работы на решение мигранта быстро вернуться в регион-донор – на место проживания его семьи) [2, с. 211–218; 3, с. 21–36].

Согласно взглядам одного из ведущих теоретиков концепции человеческого капитала Ларри Сжаастада, миграции осуществляются в том случае если индивид (мигрант), неся определенные потери в определенное время, добивается более высокого уровня материального и духовного благосостояния в будущем. Таким образом, действует главный принцип индивидуальной миграции – пересечение границ административно-территориальных единиц в результате ориентации (установки) на ожидаемое улучшение материального положения либо получение иных ценностей, позволяющих развивать человеческий ресурс. Состояние маятниковой трудовой миграции реализуется только лишь при условии действия дополнительных социально-психологических установок – на реверсивный характер перемещения (периодическое возвращение к месту постоянного проживания или локализации домохозяйства, семьи). Дополнительным условием выступает установка на минимизацию издержек на миграцию. Функ-

¹ Известный советский и российский демограф Дмитрий Игнатьевич Валентей в свое время выделял в феномене маятниковой миграции как особого вида территориального перемещения населения его «устойчивый постоянный характер и не связанный с переменной места жительства» (1981). Именно устойчивость отличала, по его мнению, *маятниковую миграцию от любых других поездок*.

циональные особенности маятниковой трудовой миграции рассматриваются в работе с позиции миграционного перехода (миграционной мобильности – Д. Джибс, У. Зилинский) и преобладания в потоках маятниковых мигрантов *более молодой квалифицированной рабочей силы*, ориентированной помимо ожидаемого дохода на повышение квалификации, получение образования, рост уровня своей информационной культуры, что позволяет задействовать сетевые ресурсы. Основными функциями маятниковой трудовой миграции выступают: селективная, перераспределительная, адаптивная, функция занятости, социального воспроизводства и поддержки жизнеобеспечения членов семьи (домохозяйства).

Общая картина мотивации маятниковой миграции в ходе исследования не выявила ничего нового, но подчеркнула ее молодежный характер.

Таблица 2. Что заставляет (побуждает) респондента совершать регулярные (обычно ежедневные) поездки из одного населенного пункта в другой, %

Факторы регулярных возвратных поездок за пределы городского округа, района	Респонденты, находящиеся в состоянии маятниковой миграции	Респонденты, не подверженные маятниковой миграции
Материальное положение	16	11
Образование	13	29
Качество товаров и услуг	38	49
Заработок	33	15
Сумма процентов	100	104

В качестве основного социально-экономического фактора, побуждающего к регулярным возвратным поездкам за пределы места проживания, у маятниковых мигрантов (их отличают частые возвратные поездки в интервале недели) и у постоянного населения с меньшей частотой поездок за пределы места проживания выступил фактор качества жизни (табл. 2). В частности, среди постоянного населения каждый второй сослался на мотив возможности получить товары более высокого качества за пределами места проживания. На данный мотив в среде МТМ указало меньшее число респондентов – 38%. Однако на значимость получения более высокого заработка в группе МТМ указал каждый третий, тогда как в группе постоянного населения – лишь 15%. Более высокой в группе МТМ оказалась и частота ссылок на фактор материального положения

(16% против 11% у постоянного населения). Что же касается фактора получения образовательных услуг, то он менее значим для маятниковых мигрантов (всего 13%) и более значим для других групп населения (29%). В ходе обследования была выявлена повышенная ориентация населения приграничных районов УрФО на заработок и стремление к материальному благополучию по сравнению с ситуацией в мегаполисе, где главным приоритетом маятниковой миграции помимо работы выступили факторы качества жизни, ориентации на проведение свободного времени.

Таблица 3. Что заставляет респондентов совершать регулярные поездки из одного населенного пункта в другой, % (гендерный разрез)

ГО Заречный Свердловской области	Мужчины	Женщины	Оба пола
Неудовлетворительное материальное положение	3,9	3,0	3,5
Необходимость получения образовательных услуг, повышения квалификации	15,7	8,1	11,9
Возможность получения товаров и услуг более высокого качества	70,6	81,8	76,1
Желание заработать	8,8	7,1	8,0
Другое	1,0	0,0	0,5
Сумма столбца:	100,0	100,0	100,0

На получение товаров и услуг более высокого качества в результате частых поездок в торгово-развлекательные центры Екатеринбурга более всего ориентированы женщины, что вполне понятно (табл. 3). Иное дело – мотивация на занятость вне места проживания в приграничной полосе или в условиях близости мегаполиса.

Таблица 4. Мотивация работы за пределами постоянного места проживания респондента в приграничных районах УрФО, %

Мотивация на деятельность за пределами места своего постоянного проживания связана с	Маятниковые трудовые мигранты	Постоянное население (включая вахтовых и сезонных работников)
Желанием улучшить своё материальное положение	33,9	13,6
Повысить своё социальное положение	0,9	2,5
Желанием получить образование	7,7	7,6
Вынужден ездить и помогать родственникам	14,5	9,4
Поиском возможности переехать в другой город	2,9	0,8
Выездами на лечение	4,8	6,8
Содержательное проведение свободного времени	18,4	29,9
Стремлением к здоровой экологической обстановке	0,9	3,4
Иные причины	15,5	25,6

Для маятниковых мигрантов приграничной полосы УрФО занятость вне места проживания в первую очередь связана с желанием улучшить свое материальное положение (табл. 4). Уровень самоидентификации маятниковых мигрантов оказался в целом очень низким. Признали свое отношение к маятниковой миграции в группе МТМ всего 7,1% респондентов (в группе с другим режимом занятости – 2,5%). Это говорит о том, что маятниковые мигранты часто скрывают свой статус по ряду причин. Дифференцированная обработка данных выявила, что в группе МТМ значимость материального положения достигает 37% у маятниковых мигрантов, практикующих ежедневные поездки в течение рабочей недели. В условиях мегаполиса мотивация на частые выезды за пределы места проживания оказалась не связанной у жителей пригородов Екатеринбурга с желанием улучшить свое материальное положение. На первое место вышло желание хорошо провести свободное время и получить в столице Урала качественную медицинскую помощь (табл. 5).

Таблица 5. Если Вы часто выезжаете за пределы Вашего постоянного места проживания, то с чем это связано?, %

Мотивы частых поездок за пределы Заречного	Мужчины	Женщины	Оба пола
С желанием улучшить своё материальное благосостояние	9,5	5,9	7,6
С желанием повысить своё социальное положение (статус)	1,4	1,2	1,3
Получить образование либо повысить квалификацию	10,8	6,5	8,5
Вынужден ездить помогать родственникам, осуществлять уход за родными и близкими	7,4	7,7	7,6
Ищу возможность переехать в другой город	0,7	0,0	0,3
С необходимостью получения квалифицированной медицинской помощи	16,2	23,7	20,2
С целью содержательного проведения свободного времени	41,2	41,4	41,3
Стараюсь меньше времени проводить в своём городе / посёлке	0,7	1,2	1,0
Другие причины	12,2	12,4	12,3

Однако в молодежной среде мотивация устойчивых возвратных перемещений оказалась иной (считают, что в маятниковой миграции принимают участие в основном молодые люди, 41% опрошенных). По мнению большинства опрошенных, даже в условиях благополучного ГО Заречный, расположенного в пределах Екатеринбурга, основная причина маятниковых перемещений молодежи заключается именно в отсутствии рабочих мест для молодых людей в своем городе или поселке, что полностью воспроизводит картину причин маятни-

ковой миграции молодых людей в приграничной полосе УрФО (табл. 6). На втором месте – желание получить качественное образование и на третьем – фактор заработка.

Таблица 6. Чем могут быть обусловлены регулярные поездки молодёжи Заречного в другие населённые пункты (817 ответов)

Причины маятниковой миграции молодежи в ГО Заречный	Мужчины	Женщины	Оба пола
Отсутствие рабочих мест в городе (посёлке)	22,9	23,9	23,5
Отсутствие определённого качества товаров и услуг	11,7	12,4	12,1
Получение образования	21,4	24,2	23,0
Отсутствие определённого уровня заработной платы	18,5	18,1	18,2
Недостаток развлекательных учреждений	17,0	15,1	15,9
Отсутствие спортивных секций	4,4	3,8	4,0
Другое	0,0	0,6	0,4
Затрудняюсь ответить	4,1	1,9	2,9
Сумма столбца	100,0	100,0	100,0

В целом видно, что для молодежи важнее наличие рабочих мест и возможности продолжить образование. Именно для молодежи как в приграничных районах, так и в центре УрФО характерна значимость фактора занятости и получения трудового дохода. Сильную конкуренцию в этом случае проблеме занятости и заработка составляет фактор получения образования. Таким образом, тема маятниковой миграции молодежи остается открытой и очень злободневной с позиции развития агломерации в целом, совершенствования логистических схем, транспортных и миграционных систем различного уровня.

Литература

1. Шитова, Ю.Ю. Маятниковая трудовая миграция в Подмосковье: комплексный социально-экономический анализ: монография / Ю.Ю. Шитова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 188 с.
2. Ионцев, В.А. Миграция населения в теории и концепциях демографического перехода. По какому пути пойдет Россия? / В.А. Ионцев, Ю.А. Прохорова // Демографическое развитие России: задачи демографической политики и усиления социальной поддержки населения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, г. Москва, 19–20 апреля 2011 г. – М.: Эконом-Информ, 2011.

3. Коулмен, Д.А. The ethnic transformation of European societies / Д.А. Коулмен // Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентевские чтения): материалы Международной конференции г. Москва, Россия, 15–17 ноября 2012 г. / под ред. В.А. Ионцева и др. – М.: МАКС Пресс, 2012.

4. Ионцев, В.А. Современный демографический кризис в свете четвертого демографического перехода / В.А. Ионцев // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – С. 132-134.

Леонидова Галина Валентиновна,
кандидат экономических наук,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Ценность образования в оценках молодежи:
новые вызовы для России**

Аннотация. В работе освещены вопросы трансформации социокультурных характеристик молодежи на современном этапе. Показано, что понятие жизненных ценностей в представлениях молодого поколения России и Вологодской области напрямую связано с благополучием в личной и семейной жизни, общением с друзьями и интересной работой. Выявлено, что часть молодого населения региона рассматривает институт образования как возможность самореализации (что более характерно для представительниц женского пола), а часть – как необходимое условие для выживания в условиях сложной экономической ситуации. Исследование показало, что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает инновационную активность молодых, что имеет большую значимость в условиях модернизации общества.

Ключевые слова: молодежь, ценности, образование, активность.

Формирование ценностей российской молодежи является одной из важных современных проблем. Важность заключается в том, что состояние духовного и ценностного мира молодежи влияет не только на саму нее, но и на жизнь всего общества. Многочисленные исследования доказывают, что именно духовно-нравственный посыл служит каркасом самого существования человеческого общества, определяет его здоровье, социальную и экономическую энергию. Иными словами, модернизация российского общества зависит не только от усилий в научно-технической сфере, но и от духовной и нравственной компоненты.

Можно выделить ряд исследователей, уделявших внимание молодежи в рамках изучения ценностей и социокультурных установок различных социальных групп (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Н.А. Журавлева, А.Г. Здравомыслов, Н.И. Лапин, В.А. Ядов, Д.Л. Константиновский, Ю.А. Зубок, В.И. Чупров и др.).

Динамика социально-экономических, социально-политических, социокультурных перемен в российском обществе поставила молодежь на передний край конструирования новой социальной реальности. «На рубеже 80-х и 90-х гг. установки и ценности православно-христианского происхождения, утверждающие превосходство духовных начал над чисто внешним устройством жизни и приобретением разнообразных материальных благ, стали активно вытесняться идущими с Запада жизненными приоритетами, связанными с идеей количественно измеримого экономического успеха»¹. Эти процессы обусловили трансформацию ценностно-нормативной системы, которая характеризуется внутренней рассогласованностью и нестабильностью². Впрочем, сегодня, когда общество прошло через некоторый опыт демократии и

¹ Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. – Т. 2. – М., 2016.

² Гугуева Д.А., Фетисова О.В. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 5. – С. 85-92.

рыночных реформ, «традиционные „идеалистические” ценности стали восстанавливать свое влияние»³.

Согласно результатам исследований Института социологии РАН понятие жизненных ценностей в представлениях молодого поколения России напрямую связано с благополучием в личной и семейной жизни (54,4%), общением с друзьями (46,5%) и интересной работой (4,4%)⁴.

Исследование социокультурных характеристик молодежи⁵, проведенное Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2015 г., показывает, что подобные приоритеты характерны и для молодого населения Вологодской области. Молодежь региона наиболее важными для себя ценностями⁶ назвала (4,5 балла из 5-ти) следующие:

- здоровье (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- материальная обеспеченность (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- семья (в оценках всего населения области – 4,4 балла);
- любовь (в оценках всего населения области – 4,1 балла).

Меньший акцент молодое поколение делает на важности для их жизни социальной справедливости, статуса в обществе, одобрения окружающих (менее 4,2 балла).

Таким образом, среди *терминальных* ценностей доминируют здоровье, семья, материальная обеспеченность, свобода; среди *инструментальных* – независимость, предприимчивость, образованность (табл. 1).

³ Там же.

⁴ Маршак А.Л. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социс. – 2015. – № 8. – С. 157-161.

⁵ Опрос проведен в 2015 г. в городах Вологде и Череповце и 8 районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). Выборочная совокупность – 1000 чел. в возрасте 16–29 лет включительно. Выборка целенаправленная, квотная по следующим параметрам: 1) место проживания; 2) половозрастные характеристики.

⁶ Совокупность 14 базовых ценностей, или ценностных понятий, которые бы улавливали специфику ценностного сознания населения в реформируемом обществе, составлена экспертным путем. См. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. – 1996. – № 5.

Таблица 1. Оценка важности для молодежи Вологодской области общечеловеческих ценностей (в баллах: 1 – совсем не важно, 5 – очень важно)

Вариант ответа	Балл	Ранг
Здоровье	4,5	1
Материальная обеспеченность		
Счастливая семейная жизнь		
Любовь		
Наличие хороших и верных друзей	4,4	2
Свобода, независимость	4,3	3
Интересная работа	4,2	4
Эмоциональное спокойствие, внутренняя гармония		
Достоинство, честь		
Развлечения	4,1	5
Социальная справедливость		
Активная деятельная жизнь	4,0	6
Познание		
Постоянное физическое и духовное совершенствование		
Общественное положение, статус		
Общественное признание, авторитет	3,9	7
Одобрение окружающих	3,8	8
Творчество, искусство	3,7	9

Источник: данные социологического исследования «Социокультурный портрет жителей Вологодской области» (2015 г.).
Общий объем выборки: 1500 чел.

Как показывают данные опроса, знания в иерархии ценностей молодых людей находятся далеко не на первом месте. Реформирование образования, начавшееся в 90-е годы XX в., «направленное на его рационализацию и превращение в образовательную услугу, способствовало инструментализации ценности образования, особенно в молодежной среде»⁷. Среди исследователей распространено мнение о том, что в стране не уменьшается желание получить образование, но уменьшается его качество. В связи с этим происходит то, что человек идет в вуз не за знаниями, а за их сертификатом. И это несмотря на то, что опросы демонстрируют существенное превалирование среди населения мнения о необходимости продуктивного использования возможностей для обучения (82%); а 73% считают знания залогом жизненного успеха.

Ценность образования оценивается молодыми людьми с разных позиций. Часть из них видит в институте образования возможность самореализации (что более характерно для представительниц женского пола), часть – необходимое условие для выживания в условиях сложной экономической ситуации (табл. 2).

⁷ Зубок Ю.А., Чупров В.И. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления // Вопросы образования. – 2008. – № 4.

Во многом это объясняется кризисными условиями функционирования самой образовательной системы, которые характеризуются недостатком финансирования, переходом на новые условия подготовки специалистов (к которым сама система образования во многом еще не готова).

Таблица 2. Мнение молодежи о роли знания в их жизни
(в % от числа опрошенных)

Утверждения	Среднее по опросу	По возрасту, лет			По уровню образования		
		16–18	19–24	25–29	Среднее общее и ниже	Среднее специальное	Н/высшее и высшее
К получению знаний нужно стремиться всегда для общего развития, даже если они не востребованы в практической жизни	34,7	32,0	33,4	36,7	27,8	32,0	41,9
В наше время без знаний можно обойтись, были бы деньги	30,6	35,4	28,8	30,6	41,9	33,5	19,7
Знание – это главное достояние человека	19,5	17,7	20,7	19,1	18,9	18,4	21,0
Знания – это не самоцель, а средство решения поставленных задач	15,0	12,9	17,1	13,0	10,3	15,5	17,1

Источник: Социологический опрос молодого населения Вологодской области, 2015 г. (N=1000 чел.).

Выделенные выше «перекосы» между представлениями о ценности образования и существующим положением дел в этой сфере иллюстрируют данные мониторинга качества приема в вузы (НИУ ВШЭ). Фиксируется катастрофическое положение с распределением профессионального выбора выпускников школ: обладатели наивысших баллов по ЕГЭ выбирают в основном гуманитарные специальности, в технари (будущие инженеры) идут обладатели баллов далеко не с отличным знанием предметов (табл. 3). Что в дальнейшем ждет нашу промышленность, приходится только догадываться.

Таблица 3. Средний балл принятых на 1 курс вузов по направлениям подготовки
(бюджетные места)

Направления	Год	
	2014	2015
Международные отношения	80,9	81,8
Востоковедение и африканистика	78,5	80,6
Лингвистика и иностранные языки	76,5	80,0
Юриспруденция	77,3	78,7
Теория искусств	78,9	77,6
Журналистика и литературное творчество	76,5	77,5
Реклама и связи с общественностью	76,5	77,1
Издательское дело	74,6	76,1

Экономика	74,3	75,8
Полиграфия и упаковка	58,7	58,3
Машиностроение	54,1	56,5
Пищевые технологии	54,5	56,1
Технологии легкой промышленности	52,9	55,6
Транспортные средства	54,2	55,9
Управление водным транспортом	52,2	53,9
Сельское и рыбное хозяйство	52,4	53,3
Лесное дело	52,5	53,1
Металлургия	51,5	52,7
Морская техника	51,0	52,4

Источник: Мониторинг качества приема в вузы <https://www.hse.ru/ege/>

Еще одно свидетельство вышеназванного «перекоса» – это планирование работы по специальности. Наибольший (более 80%) удельный вес желающих работать по специальности приходится на студентов, обучающихся по правовым и педагогическим дисциплинам, наименьший (менее 48%) – по гуманитарным дисциплинам. Лишь 62% желают работать по наиболее востребованным инженерным и строительным специальностям (табл. 4). То есть опять же – образование не ради знаний, а ради «корочек». И ради получения более высокооплачиваемого рабочего места. При выборе рабочего места молодежь в первую очередь ориентируется на уровень оплаты труда.

Таблица 4. Планирование студентами трудоустройства в соответствии с полученной специальностью, в %

Направления подготовки	Да	Нет
Юриспруденция	89,8	10,2
Педагогика	84,2	15,8
Искусство	66,7	33,3
Строительство	61,8	38,2
Инженерия, техника	61,5	38,5
Филология, лингвистика	57,1	42,9
Экономика	55,4	44,6
Медицина	53,6	46,4
Менеджмент	48,9	51,1
История, социология	48,0	52,0

Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов учреждений ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.

Примерно 40% занятого населения работают в экономике не по специальности, полученной ими в образовательной организации. Следует отметить, что данный феномен является не одномоментным отклонением, а тенденцией, поскольку он проявляется на протяжении последнего десятилетия. В то же время исследования ИСЭРТ РАН показывают, что средняя заработная плата в группе лиц, трудящихся по специальности, выше, чем в противоположной группе. А это значит, что люди, работающие по специальности, отчисляют более высокие налоги в региональный бюджет.

На протяжении 20 лет в Институте ведется мониторинг качества трудового потенциала населения региона. Эти исследования показывают негативный тренд интеллектуальной компоненты (когнитивная и творческая характеристики) трудового потенциала⁸. Отметим, что в расчет индексов интеллектуальной компоненты входят суждения об отношении к знаниям, образованию, творчеству и творческой деятельности, выбор которых предполагает соответствующую оценку. Субиндексы компоненты (когнитивный и творческий уровень) в иерархии базовых компонентов трудового потенциала имеют самые низкие значения на протяжении всего периода исследований (табл. 5). Это показывает, в частности, преобладание инструментальной ценности образования в ценностном поле населения. Как пишет нобелевский лауреат Д. Норт, «когда институциональная система делает наиболее предпочтительной экономической деятельностью перераспределение ресурсов, знания и навыки развиваются совсем в другом направлении, чем в том случае, когда экономический эффект определяется расширением производства»⁹.

⁸ Мониторинг качества трудового потенциала – это ежегодное социологическое исследование населения Вологодской области в трудоспособном возрасте. Опросы проходят в августе – сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Объем выборки составляет 1500 человек. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3-4% при доверительном интервале 4-5%.

⁹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнера. – М.: НАЧАЛА, 1997. – 190 с.

Таблица 5. Качество трудового потенциала населения Вологодской области

Качество трудового потенциала	Значение индекса		Ранг в 2016 г.	Изменение индекса 2016 г. к 1997 г.
	1997 г.	2016 г.		
Физическое здоровье	0,687	0,750	4	▲ рост
Психическое здоровье	0,706	0,792	1	▲ рост
Когнитивный потенциал	0,626	0,622	7	▼ спад
Творческий потенциал	0,601	0,565	8	▼ спад
Коммуникабельность	0,734	0,755	3	▲ рост
Культурный уровень	0,616	0,684	5	▲ рост
Нравственный уровень	0,765	0,775	2	▲ рост
Потребность в достижении	0,630	0,654	6	▲ рост
Социальная дееспособность (интегральный показатель)	0,659	0,681	–	▲ рост

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 1997 – 2016 гг.

Так или иначе, но выявленные «перекосы» отражаются на модернизационных процессах в России. Что и показывают индексы вторичной модернизации регионов РФ¹⁰. Вторичная модернизация, по методике Н.И. Лапина, основаны на четырех субиндексах: инновации в знаниях (КИ), трансляции знаний (КТИ), качества жизни (LQI) и качества экономики (EQI). Анализ этих составляющих показывает их отрицательный вклад в разбалансированность индекса ВМ. Невысокие значения когнитивной и экономической компоненты (недостаточное число ученых и инженеров, людей, подающих патентные заявки, маленькая доля затрат на НИОКР в ВРП, низкий ВРП на душу населения, недостаточная доля ВРП и занятых в сфере услуг) затормаживают динамику вторичной модернизации.

Современному обществу нужны работники, которые хорошо ориентируются в профессиональном пространстве, а их образовательный потенциал может способствовать общественному признанию и востребованности в социуме. Усиление конкуренции на глобальном и внутреннем рынках предъявляет новые требования к качеству человеческого потенциала; на национальном, региональном и местном уровне уже сегодня

¹⁰ Ласточкина М.А. Барьеры модернизации и уровень согласованности ее основных составляющих в макрорегионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 57-71.

востребованы междисциплинарные знания и навыки работников. Исследование сформированности компетенций у молодого населения, проведенное с использованием социологических данных опроса молодежи Вологодской области¹¹, показало (табл. 6), что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает инновационную активность (наличие проектов, разработок и изобретений) студентов (3,93 балла против 3,69 – при отсутствии разработок). В 60% случаев наличие изобретений обеспечивалось за счет участия в инновационном процессе студентов с компетенциями «выше среднего» (3,71–4,25 балла по пятибалльной шкале). Зависимость изобретательской активности молодежи в большей степени связана с уровнем развития инновационных навыков (способность к исследовательской работе, навыки управления проектами, проявление креативности).

Таблица 6. Наличие изобретений и их патентование, в % от числа ответивших

Вариант ответа	Среднее	ВПО, всего	СПО, всего
Да, у меня есть изобретения и они запатентованы	0,8	1,1	0,0
Да, у меня есть изобретения, но они не запатентованы	8,3	7,2	12,3
Нет, у меня нет никаких изобретений	90,9	91,6	87,7
Источник: данные пилотного социологического опроса об уровне развития компетенций студентов учреждений ВПО и СПО г. Вологды, 2015 г., N=500 чел.			

Таким образом, преобладание в отношении к образованию инструментальной ценности свидетельствует о непродуманности образовательной политики в РФ. В этой ситуации необходимо самое пристальное внимание к системе выявления креативной молодежи (детей) и их поддержке, к организации (выстраиванию) эффективной системы профессиональной ориентации, просветительской работы с родительской общественностью, усилению информационной составляющей служб занятости

¹¹ Пилотный опрос (октябрь 2015 г.), направленный на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды (500 чел.) и влияния его на инновационную активность молодежи. Выборка сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещённости данных.

на всех уровнях. Систему профессиональной ориентации требуется вывести в разряд государственных приоритетов.

Литература

1. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики): в 2 т. / М.К. Горшков. – Т. 2. – М., 2016.
2. Гугуева, Д.А. Ценности современной российской молодежи в реальном и виртуальном обществах / Д.А. Гугуева, О.В. Фетисова // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 5. – С. 85-92.
3. Головчин, М.А. Социокультурные характеристики современной молодёжи: некоторые результаты пилотного исследования / М.А. Головчин, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 5. – С. 113-126.
4. Зубок, Ю.А. Риск в сфере образования молодежи: институциональные и саморегуляционные механизмы управления / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Вопросы образования. – 2008. – № 4.
5. Ласточкина, М.А. Барьеры модернизации и уровень согласованности ее основных составляющих в макрорегионе РФ / М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 4. – С. 57-71.
6. Маршак, А.Л. Жизненный успех в представлениях российской молодежи / А.Л. Маршак // Социс. – 2015 – № 8. – С. 157-161.
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и научн. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. – 190 с.
8. «Работники знаний» и модернизация региона / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, М.А. Ласточкина, К.А. Устинова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 3. – С. 138-153.

Лихачёва Светлана Николаевна,
зав. кафедрой политологии и социологии,
Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова,
г. Могилёв

Молодежь на рынке труда: региональный аспект

Аннотация. На материалах социологического исследования, проведенного в Могилёвской области Республики Беларусь, рассматриваются особенности начала трудовой деятельности молодежи, причины трудностей с устройством на первое рабочее место по специальности.

Ключевые слова: молодежь, рынок труда, трудоустройство.

Современный рынок труда складывается из конкуренции между экономическими субъектами и через механизм спроса и предложения устанавливается объем занятости и уровень оплаты труда. Спрос на рабочую силу определяется потребностями работодателей в найме определенного числа работников необходимой квалификации для производства товаров и услуг. В таких условиях именно рынок диктует приоритетность тех или иных профессий, не стоит также забывать и о территориальном распределении рабочей силы. Например, в столичном городе может быть ее избыток, а в малых населенных пунктах – острая потребность в специалистах медицины, образования, сельскохозяйственного производства и др.

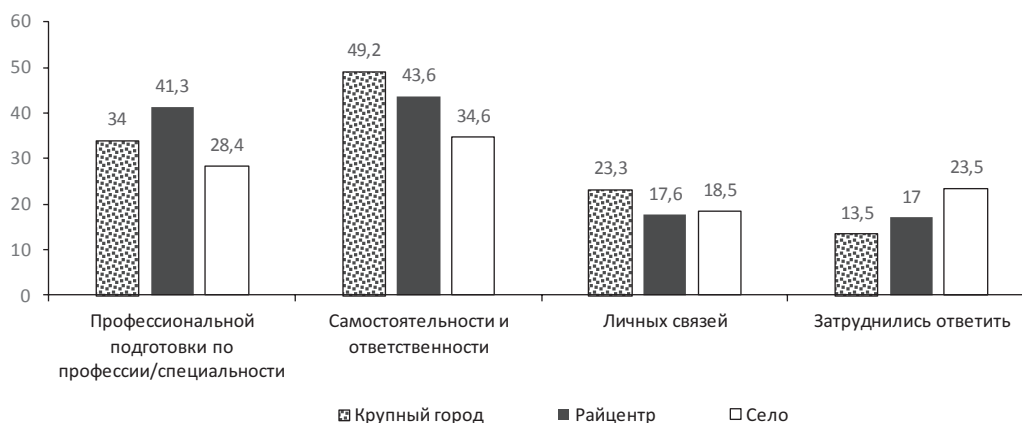
Степень интегрированности молодых людей в сферу социально-экономической жизни напрямую связана с их способностью решать свои материальные проблемы посредством профессиональной деятельности. Выбор профессии – основа самоутверждения человека в обществе, одно из главных решений в жизни, которое определяет очень многое, а именно: кем быть, к какой социальной группе принадлежать, где и с кем работать, какой стиль жизни выбрать.

Проблемы трудоустройства молодежи и привлечения квалифицированных специалистов для восполнения кадров и развития кадрового потенциала предприятий региона взаимосвязаны и относятся к числу тех проблем, которые

в современных условиях непосредственно влияют на конкурентоспособность и экономическое благополучие страны. Они были изучены Могилевским институтом региональных социально-политических исследований в 2015 году. Определенные проблемы имеются в несогласованности действий разного уровня учебных заведений и потребностей рынка труда. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, именно выпускники ПТУ, ссузов, вузов составляют 1,4% в общем числе безработных, школ – 0,5%, а также уволенные со срочной службы – 1,3% [1]. Ситуация с выпускниками в общем составе безработных не выглядит критической, но фактически это те, кто уже закончил учебу, службу в армии и готов работать, однако испытывает невостребованность. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, в 2015 году было 7289 официально зарегистрированных безработных в возрасте от 16 до 29 лет, общее количество молодежной группы в стране – 2,4 млн. человек. Можно предположить, что молодежная безработица является более многочисленной, так как не все молодые люди регистрируются в службе занятости, у них имеется возможность пожить пока за счет родителей. Социологические исследования позволяют посмотреть на ситуацию с субъективной стороны.

В первую очередь среди помех начала трудовой деятельности молодые люди указывают на недостаточность самостоятельности и ответственности (46,2%). В настоящее время много говорится о социальной пассивности молодежи, исследователи называют данное явление социальным инфантилизмом, когда человек не желает принимать на себя новые обязанности в связи со взрослением, что считается результатом нарушений в процессе социализации. Это выражается в неосознанности значимости удовлетворения разного рода потребностей через трудовую деятельность, в том числе и для личного благополучия. Примерно треть (35,8%) указывает на проблемы с профессиональной подготовкой, т.е. молодежь ощущает недостаток знаний, навыков, компетенций после окончания учебных заведений, требуемых для начала самостоятельной работы. Не утрачивают своей значимости и личные связи (21,1%), т.е. идет не только конкуренция за счет способностей и трудолюбия, но и применяются так

называемые каналы неинституциональной мобильности, т.е. трудоустройство через родственников, знакомых. Имеются некоторые отличия при ответе на данный вопрос у жителей разных населенных пунктов (рисунок).

Распределение ответов на вопрос: «Чего, по Вашему мнению, недостает молодым людям для начала самостоятельной трудовой жизни?» в зависимости от типа населенного пункта, %

Среди жителей крупных городов больше всего оказалось тех, кто видит молодых несамостоятельными и безответственными при решении вопроса с трудоустройством. Жители райцентров чаще указывают на проблемы с профессиональной подготовкой. Сельская молодежь также указывает на все рассматриваемые причины, но в меньшей степени, кроме того, среди них много затруднившихся ответить. Возможно, в сельской местности вопросы с трудоустройством так остро не стоят и молодежь просто не видит в этом особой проблемы.

Молодежь довольно чутко реагирует на изменения в экономической ситуации, и ее интересы направлены, в первую очередь, на те сферы занятости, в которых выше престиж и уровень доходов. Это обстоятельство может вызывать определенные перекосы на рынке труда, что влечет трудности с молодежным трудоустройством. В качестве основной причины респонденты указали требование работодателей иметь опыт работы (70,6%). Необходимость наличия опыта работы – нередко противоречие между оценкой работодателем молодого начинающего работника и самооценкой последнего, а результатом этого противоречия очень часто становится невозможность трудоустройства. В условиях

рыночной экономики наниматель несет ответственность за производственный процесс, коллектив, поэтому заинтересован в опытных и надежных работниках. В этой ситуации молодые серьезно проигрывают другим возрастным группам. Каждый четвертый указал, что имеются сложности с трудоустройством именно по своей специальности (25%). Можно предположить, что это результат того, что еще на стадии профессионального определения срабатывают мотивы ориентации на модные, престижные специальности, а как следствие, возникают перекосы на рынке труда – в каких-то сферах переизбыток, а в каких-то нехватка кадров. Неуверенно чувствуют себя молодые и в своих компетенциях, навыках коммуникации, способах поиска работы и трудоустройства (10,5%). Наниматели отмечают, что для молодых работников характерно сочетание высокого уровня теоретической подготовки и отсутствия практических навыков и производственного опыта. В то же время осознание молодым человеком своей хорошей подготовленности, наличие определенных профессиональных амбиций и честолюбия, стремление к успехам в карьере являются положительным фактором, но могут сформировать у молодежи завышенные требования к будущему рабочему месту как с точки зрения характера, условий и содержания труда, так и с точки зрения его оплаты.

Таким образом особенностью современного рынка труда является низкая конкурентоспособность молодежи по сравнению со старшими возрастными группами. Несомненно, молодежь испытывает проблемы адаптации на производстве, не имеет достаточного опыта, но она наиболее восприимчива ко всему новому, обладает значительным образовательным и творческим потенциалом. Стоит отметить, что значительная часть молодого поколения не желает устраиваться на непрестижную, низкооплачиваемую работу, что говорит о непростом восприятии складывающейся в условиях рыночной экономики ситуации с занятостью.

Литература

1. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mintrud.gov.by/ru/sostojanie> (дата обращения: 28.08.2016).

Лихачёва Татьяна Николаевна,
инженер-исследователь,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Калашников Константин Николаевич,
научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Социокультурные ценности сельской молодёжи

Аннотация. В данной работе проведён анализ основных ценностных ориентаций современной сельской молодёжи с 18 до 29 лет Вологодской области. Цель исследования – выявить социокультурные установки современной сельской молодёжи. В качестве информационной базы исследования приняты данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г. (опрошено 1458 жителей области; метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов, ошибка выборки – 3%). По результатам исследования было выявлено, что сельская молодёжь вербализуя свою симпатию к общечеловеческим ценностям, что проявляется как неприятие ими нарушений базовых прав человека, желание добиться материальной обеспеченности, счастливой семейной жизни, повышать уровень знаний, выражает скепсис по поводу важности следования ряду формальных правил государственной жизни и недоверие к государственным институтам.

Ключевые слова: молодёжь, сельские территории, культура, социокультурные ценности, Вологодская область.

С переходом экономически развитых стран к постиндустриальной эре, осуществлённом во второй половине XX века, в мире существенно возросла роль науки, образования, а также формирования общей культуры личности, которые стали конкурентными преимуществами в экономическом развитии стран. Начиная с середины XX в. – времени принятия первых международных доку-

ментов по правам человека – в мире особенно бурно эволюционирует вид культуры, назначением которого является гуманизация общественных отношений, – социальная культура (в узком смысле) [1]. Современные исследователи в целом сходятся во мнении о том, что культура есть ценностное отражение действительности, она делает возможным сохранение и передачу ценностей от поколения к поколению, от общества к личности [2]. В результате от того, насколько продуктивные культурные коды будут унаследованы молодыми поколениями, в решающей степени будет зависеть успех и будущее страны.

Молодёжь как социально-демографическая группа отличается специфическим культурным уровнем и социокультурными установками. Данные характеристики динамичны и существуют не только обособленно в определённом возрасте, но и формируют культуру будущих поколений, воздействуют на ход модернизационных изменений, что объясняет актуальность и востребованность их изучения.

На современном этапе развития российского общества, когда жизнь сложна и динамична, важно зафиксировать и понять ценности, которыми руководствуются молодые люди и которые во многом определяют быденное сознание, поведение, активность [3]. В данной работе мы остановимся на анализе основных ценностных ориентаций современной сельской молодёжи в возрасте от 18 до 29 лет. В качестве информационной базы исследования нами приняты данные опроса общественного мнения «Социокультурный портрет Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г. (опрошено 1458 жителей области; метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов, ошибка выборки – 3%).

* * *

Анализируя *область интересов* сельской молодёжи в Вологодской области, мы видим, что больший приоритет ими отводится семье (63%) и учёбе (16%). Соизмеряя полученные данные с терминальными ценностями, мы

вполне понимаем приверженность этой группы молодежи к таким абстрактным ценностям, как любовь (88%), познание (61%) и развитие (66%). Так, люди занятые собственным бытом, не видят необходимости заниматься творчеством, повышать свой духовный и культурный уровень.

Для воплощения своих терминальных ценностей люди применяют личные качества (*инструментальные ценности*). Например, практически вся молодёжь, проживающая в сельских поселениях, при общении ценит такие качества, как честность, воспитанность и жизнерадостность. Но половине из них свойственна и лояльность по отношению к недостаткам в других людях. В ценностях дела, которые характеризуют деловые качества человека, сельское молодое поколение во главу угла ставит дисциплину, аккуратность и умение держать слово. Твёрдая воля, которая была наименее популярна среди респондентов, всё же получила 67%.

При сравнении ценностей сельской и городской молодёжи мы видим схожие приоритеты. Но, в то время как молодые люди села отдают предпочтение работе (91%), материальному обеспечению (91%) городские жители отдают приоритет здоровью (93%).

Ценности и предпочтения оказывают существенное влияние на то, как молодёжь проводит свой досуг. Большая часть молодёжи села посвящает своё свободное время Интернету (61%), общению с друзьями (41%) и ведению домашнего хозяйства (41%), не отводя времени посещению учреждений культуры (2%). Только небольшая часть сельской молодёжи регулярно посещают парки и библиотеки. Более половины вовсе не посещают музеи и театры. Так, посещению учреждений культуры как сельская, так и городская молодёжь времени практически не уделяет, что позволяет сделать вывод о её низкой культурной активности. Наиболее впечатляющим представляется то, что подавляющая часть сельской молодёжи (75%) признаётся в отсутствии какого-либо увлечения или хобби, хотя среди городской молодёжи эта доля ещё более велика –

83%. По большей части это связано с отсутствием свободного времени (45%) и финансовыми трудностями (30%), но не следует исключать и возможного лукавства респондентов.

Ярко свидетельствует о сознании людей их отношении к необходимости соблюдать нормы и законы. Молодёжь, как сельская, так и городская, сохраняя верность гуманистическим ценностям, признавая за Человеком право на жизнь (практически все опрошенные считают недопустимым убийство и унижение человеческого достоинства), тем не менее нигилистически относится к государственным институтам, считая, что нарушение таких формальных правил, как служба в армии и оплата проезда в общественном транспорте, может иметь моральное основание. Более того, молодёжь Вологодской области выражает недоверие органам правопорядка, считая возможным сопротивление им (45% городской и 28% сельской молодёжи). Вместе с тем практически по всем анализируемым видам правонарушений молодёжь, проживающая в сельских поселениях, выражает значительно более мягкую позицию в сравнении с городской, особенно в части уплаты налогов и измены Родине. Так, уклонение от оплаты налогов считает оправданным и допустимым практически половина опрошенной молодёжи в городах, а среди сельской молодёжи такое мнение выразили лишь 19% респондентов. Оправданность измены Родине сельская молодёжь признаёт значительно меньше, чем городская (8% против 29%).

Состоит ли сельская молодёжь в гражданских ассоциациях и объединениях? Какова её гражданская активность? Сельская молодёжь, впрочем, как и городская, практически не участвует в общественной жизни: почти 90% не состоит в общественных организациях. О шаткой гражданской позиции сельской молодёжи свидетельствуют и её умеренные протестные настроения.

Значительная доля сельской молодёжи (41%) затрудняется выразить позицию по поводу своего возможного участия в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, нарушения прав и свобод человека (доля город-

ской молодёжи с аналогичной позицией составляет 32%). Тем не менее четверть сельской молодёжи признается в своей готовности участвовать в подобных мероприятиях.

Подводя итог, отметим, что социологический метод ограничивается возможностью анализа установок и мнений, выражаемых респондентами, тогда как между мотивом и реальным поведением имеется известное пространство. Иными словами, в данной работе говорится лишь о ценностных установках как таковых и не затрагиваются аспекты их практической реализации.

Однако и подобный подход позволил нам выявить весьма ценные факты о природе социокультурного багажа современной сельской молодёжи. Сельская молодёжь, вербализуя свою симпатию к общечеловеческим ценностям, что проявляется как неприятие ими нарушений базовых прав человека, желание добиться материальной обеспеченности, счастливой семейной жизни, повышать уровень знаний выражает скепсис, пусть и в значительно меньшей степени, чем городская молодёжь, по поводу важности следования ряду формальных правил государственной жизни и недоверие к государственным институтам.

Литература

1. Долинина, И.Г. Междисциплинарный дискурс понятий «культура», «гуманизм», «гуманистическая культура» [Текст] / И.Г. Долинина, Н.А. Полякова // Социологические науки. – 2015. - № 11. – С. 266-269.
2. Лапина, Т.С. Социальная культура как атрибут современной цивилизации [Текст] / Т.С. Лапина // Вопросы культурологии. – 2010. - № 8. – С. 14-19.
3. Молодёжь современной России – ключевой ресурс модернизации [Текст]: монография / коллектив авторов; под общ. ред. А.А. Шабуневой. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2013. – 148 с.

Медведева Елена Ильинична,
*доктор экономических наук,
профессор кафедры экономики и менеджмента,
Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна*

Крошилин Сергей Викторович,
*кандидат технических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента,
Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна*

Вехова Елена Львовна,
*магистр кафедры экономики и менеджмента,
Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна*

Результаты мониторингового исследования молодого поколения в аспекте развития человеческого потенциала в регионе

Аннотация. Турбулентность российской экономики в период мировых кризисов, сложная политическая и экономическая ситуация, стагнация нефтяного рынка и санкционная политика Запада, демографические проблемы заставляют по-новому взглянуть на вопросы формирования человеческого потенциала молодежи. Новое поколение, которое не может заместить демографические потери страны, должно в будущем не только обеспечить иждивенцев, число которых с каждым годом растет, но и вступить в конкурентную борьбу на мировом рынке технологий, где быстрота смены технологических укладов диктует необходимость формирования человеческого потенциала и обеспечивать возможности повышения профессионального уровня кадров в стране. В свою очередь, только на основе реализации концепции непрерывного образования, которое позволяет осваивать необходимые программы, получить нужную квалификацию и опыт, определяются границы и возможности технологической, экономической и социальной модернизации и развития российского общества. Необходимо создавать условия для формирования человеческого потенциала молодежи и его реализации внутри страны, чтобы исключить возможность «утечки» интеллектуального капитала. Данные переменны в значительной степени

зависят от системы образования. В нашей стране идет активный процесс модернизации и изменения системы подготовки, появляются новые формы и подходы к обучению, которые предопределены концепцией «Образование через всю жизнь». В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках работы по гранту РГНФ 15-02-00066 «Непрерывное образование в условиях рецессии и демографической трансформации как фактор повышения конкурентоспособности России».

Ключевые слова: непрерывное образование, человеческий потенциал, человеческий капитал, социально-экономические трансформации, структура населения, социальные институты, обучение в течение жизни.

Одной из главных характеристик современного этапа цивилизационного развития является резкое возрастание роли человеческого потенциала, что диктует необходимость глубокой социальной переориентации экономических ориентиров. Человек ставится в центр социально-экономической системы. При этом возможно более полное удовлетворение всего спектра его потребностей, включая потребности в самореализации. На первый план выдвигается обеспечение более полного развития и реализации человеческого потенциала, так как он характеризует интеллектуальные способности населения во всем богатстве его умений, знаний, навыков и личностных характеристик, которые капитализируются в процессе трудовой деятельности [1].

Размах и глубина происходящих перемен свидетельствуют о том, что страна переживает процессы модернизации, затрагивающие интересы всего общества. Несомненную важность в связи с этим приобретают вопросы воздействия реформ на положение такой динамичной социально-демографической группы населения, как молодежь, поскольку именно она демонстрирует значительные изменения в интересах, взглядах, ценностях и культуре.

Сокращение численности молодежи повышает требования к ее качественным характеристикам: ценностным предпочтениям,

интеллектуальному развитию, социальной и экономической активности, здоровью и физическим возможностям. По оценкам ученых-экспертов, основанным на анализе эмпирических данных, здоровье российского населения ухудшается и наибольшие опасения касаются именно молодого поколения [2].

В современных условиях изменяется социально-экономическая парадигма, что обусловлено, с одной стороны, переходом к экономике знаний, с другой – необходимостью развития инноваций, которые определяют конкурентоспособность и уровень развития стран и регионов. Очевидно, что смена технологических укладов, совершенствование производственных процессов не может осуществляться без повышения уровня человеческого капитала в обществе, повышения потенциала и квалификации рабочей силы. Эти перемены в значительной степени зависят от системы образования. В нашей стране идет активный процесс модернизации и изменения в системе подготовки кадров. Появляются новые формы и подходы, такие как: непрерывное образование, неформальные формы обучения и самообразование. Реализуется концепция «Образование через всю жизнь» [3, 4].

Современные реформы в стране немислимы без развития регионов и системы образования в них. Образовательные ориентиры сегодня – это обеспечение и создание условий для самоопределения и самореализации личности в обществе, получение необходимого уровня знаний для развития инноваций во всех субъектах РФ, а не только «точно» и «избранно». Образование рассматривается как основной фактор социально-экономического прогресса и развития общества [4, 5, 6].

Современное общество изменяет социально-экономическую парадигму развития страны в связи с переходом к экономике знаний. Глобальные проблемы придают особую остроту задачам развития человека как субъекта социального творчества, как личности, обладающей высоким уровнем интеллектуальной и творческой активности. Данная ситуация вызвала

противоречие в системе образования между стремительным развитием общественной жизни и сферой образования, не приспособленной к ускоренному темпу изменения условий жизни общества. Любому индивиду для успешной социализации необходимо дать определенный минимум знаний, умений и навыков. Получение достаточных знаний для становления социально активного человека связано с экономическим ростом. К сожалению, приходится констатировать, что фундаментальных исследований непрерывного образования в России, в отличие от стран Запада, недостаточно. Анализ проблемы отечественными учеными крайне ограничен [5, 6].

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН совместно с Государственным социально-гуманитарным университетом реализовывали комплексные исследования, направленные на изучение проблем реализации непрерывного образования в регионах с учетом рецессии в экономике и демографических трансформаций в обществе для выявления причинных взаимосвязей развития инновационного кластера и базовых показателей развития системы образования в данном регионе. Именно благодаря наличию образовательного потенциала в Московской области возможности освоения разного рода компетенций в складывающихся условиях влияют на реализацию подхода непрерывного образования, с одной стороны, и ориентируются на развитие промышленности, сферы услуг, нововведений – с другой.

В рамках общего исследования анализировалось отношение различных возрастных групп к процессу непрерывного образования при формировании человеческого потенциала молодежи. Основной целью социологического исследования на юго-востоке Московской области является получение эмпирического материала для оценки возможностей формирования структуры «образования через всю жизнь» (life long learning – LLL).

В результате было опрошено около 500 человек. Долевое соотношение респондентов следующее: 18% школьников (до 18 лет), 54% студентов (от 19 до 23 лет), 28% работающей молодежи (старше 23 лет). Гендерная структура опрошенных приведена на рисунке 1.

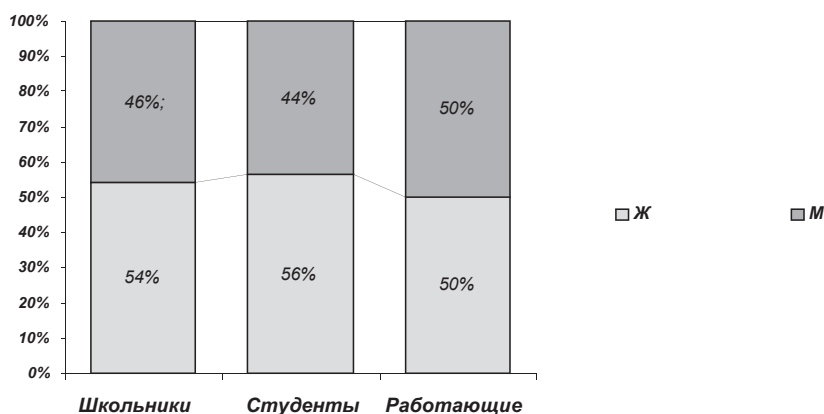

Рисунок 1. Гендерная структура опрошенных категорий

Географическое распределение респондентов приведено на рисунке 2.

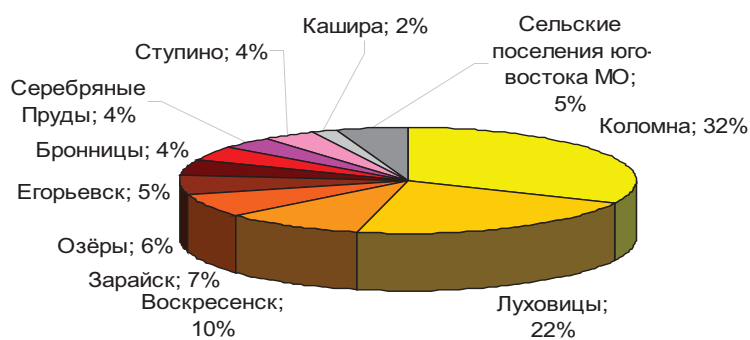

Рисунок 2. География опрошенных

В результате исследования были получены следующие данные.

Блок 1. Человеческий потенциал. Первая часть исследования была посвящена изучению сути понятия «человеческий потенциал» (рис. 3).

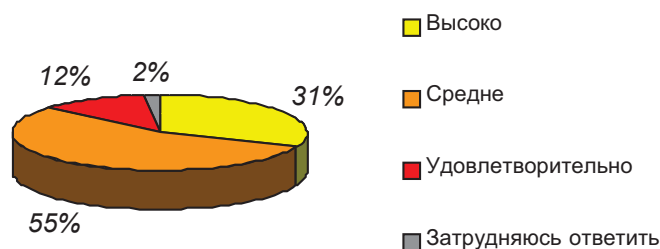

Рисунок 3. Оценка человеческого потенциала всеми категориями респондентов

Треть всех опрошенных оценили свой человеческий потенциал «высоко». «Средне» – 55%, «удовлетворительно» – 12%. Затруднились с ответом 2%. Анализ по трем изучаемым категориям показал, что выше всех свой человеческий потенциал оценивают «работающие» – 38%, половина – «средне», а каждый десятый – «удовлетворительно». «Студенты» более скромны в своих оценках: «высоко» – 28%, «средне» – 57%. Школьники, зачастую в силу субъективизма, оценили свой потенциал, как и работающая молодежь (рис. 4).

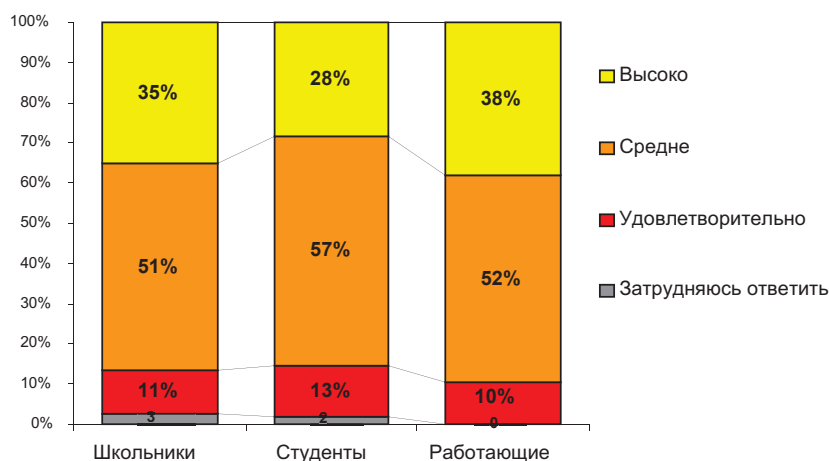

Рисунок 4. Оценка человеческого потенциала различными категориями респондентов

Только каждый десятый из опрошенных считает, что человеческий потенциал не влияет на уровень благосостояния (материальное обеспечение) человека. Результаты ответов на вопрос: «Что необходимо предпринять государству для повышения качества человеческого потенциала?» приведены на рисунке 5.

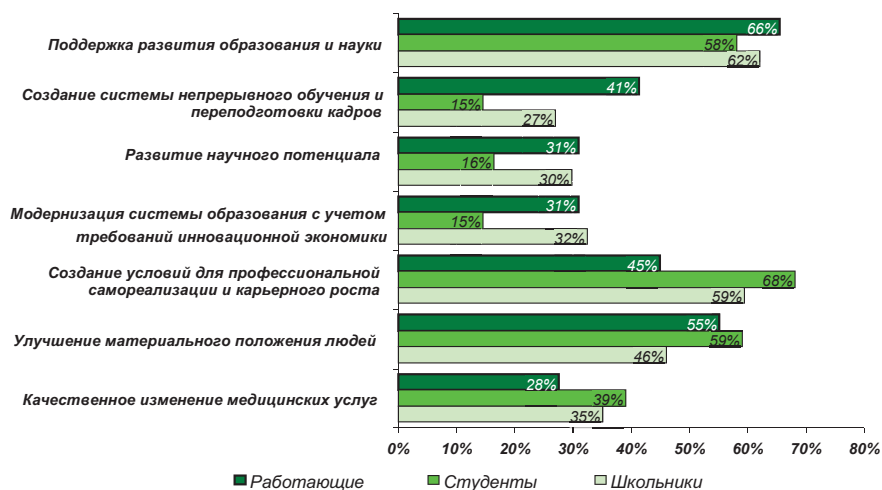

Рисунок 5. Ответы на вопрос: «Что необходимо предпринять государству для повышения качества человеческого потенциала?»

Чаще всего респонденты указывали на необходимость развития системы образования и науки. Чуть меньше число указавших на необходимость создания условий для профессиональной самореализации и карьерного роста. Улучшить материальное положение людей считают необходимым около 55% опрошенных. 41% «работающих» отметил необходимость развития системы непрерывного образования, у трети «школьников» – аналогичное мнение, и лишь 15% «студентов» видят в этом необходимость. Следовательно, работающая молодежь, которая участвует в трудовой деятельности, в большей степени заинтересована в развитии системы непрерывного образования, так как имеет потребность в совершенствовании своих знаний.

Только около 60% «молодежи» считает, что имеющийся уровень образования позволяет получать «достойную» заработную плату. Каждый пятый уве-

рен в обратном. Среди «студентов», которые только получают сейчас образование, таких «оптимистов» 13%. Среди «школьников» каждый десятый не связывает свое образование с высоким доходом (рис. 6).

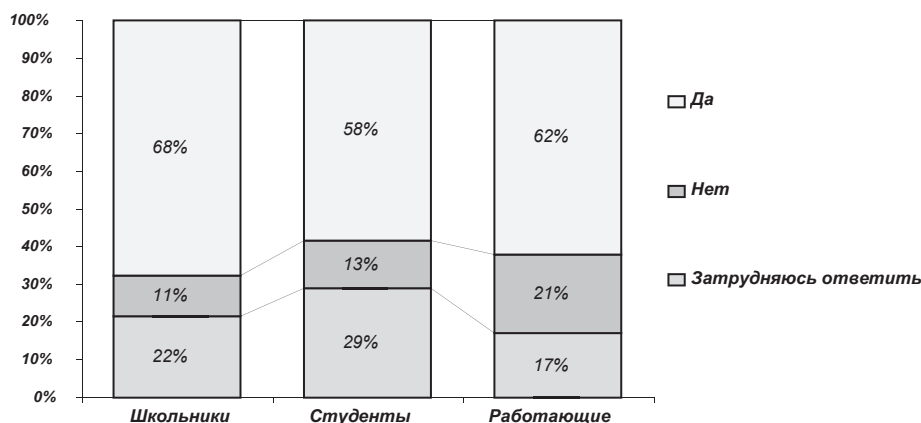

Рисунок 6. Позволяет (позволит для студентов и школьников в будущем) ли уровень образования респондента получать «достойную» заработную плату

Треть опрошенных студентов учатся на бюджетной основе, 41% – за счет родителей, четверть (в основном заочная форма обучения) – самостоятельно оплачивает свое обучение (рис. 7).

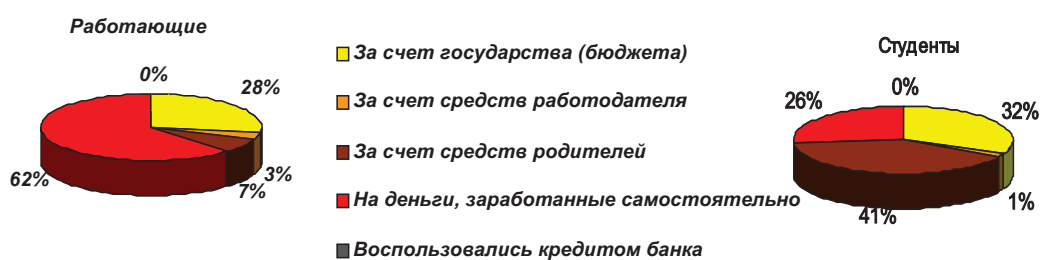

Рисунок 7. За счет каких денежных средств респонденты получают (получили – для «работающих») образование

Среди работающей молодежи 62% самостоятельно оплачивают свое обучение, лишь 7% учатся за счет родителей, а треть – за счет государства. Следует отметить, что только 1% студентов учится за счет работодателей.

Большее половины «работающих» молодых людей, согласны на низкую заработную плату на определенное время для получения опыта работы, но хотят иметь при этом перспективу трудоустройства. Следует отметить, что в других категориях опрошенных количество таких ответов ниже: у «студентов» – 40%, у «школьников» – 27%. Рассчитывают устроиться по специальности и получать более достойное вознаграждение 38% школьников, среди студентов – 18%, так же считает каждый пятый работающий (рис. 8).

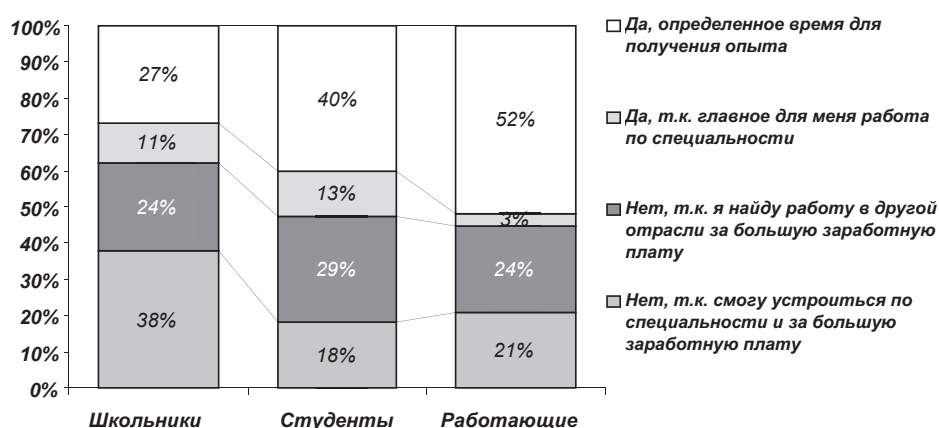

Рисунок 8. Согласны ли респонденты работать «на интересной работе», но получать низкую заработную плату

Следует отметить, что каждый четвертый школьник рассчитывает найти работу в любой отрасли за большую заработную плату, нежели трудиться на «перспективном» месте. Аналогичного мнения придерживается каждый третий студент. Наиболее востребованными специалистами в регионе, по мнению студентов, являются медицинские работники (71%), экономисты (42%), квалифицированные специалисты в различных областях (38%). По мнению работающей молодежи, на первом месте – инженерные специальности (66%), на втором – квалифицированные специалисты в различных областях (59%) и на третьем – медицинские работники (45%) (рис. 9).

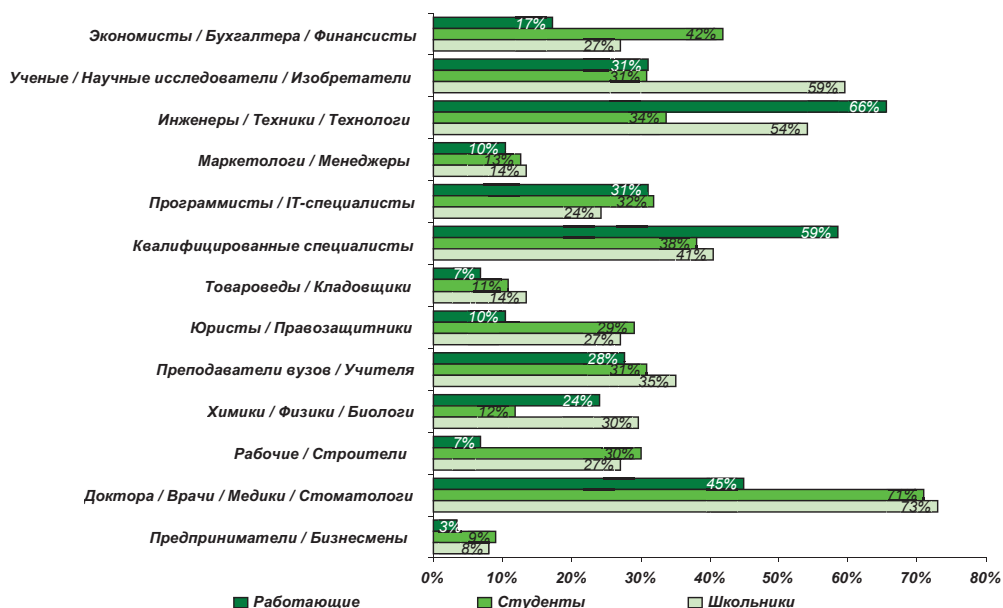

Рисунок 9. Какие специалисты, по мнению респондентов, в большей степени необходимы в современных условиях

Школьники отметили необходимость в медицинских работниках и в инженерах. Заметим, что только у этой категории респондентов в «тройке лидеров» встречаются варианты ответов «ученые / научные исследователи / изобретатели» (59%). Все когорты отметили тот факт, что для повышения качества человеческого потенциала государству необходимо поддерживать развитие образования и науки. На второе место поставили необходимость создания условий для профессиональной самореализации и карьерного роста, на третье – улучшение материального положения людей (рис. 10).

Работающая молодежь считает необходимым создание условий для профессиональной самореализации и карьерного роста (45%), создание системы непрерывного обучения и переподготовки кадров (41%) и продолжение модернизации системы образования (31%).

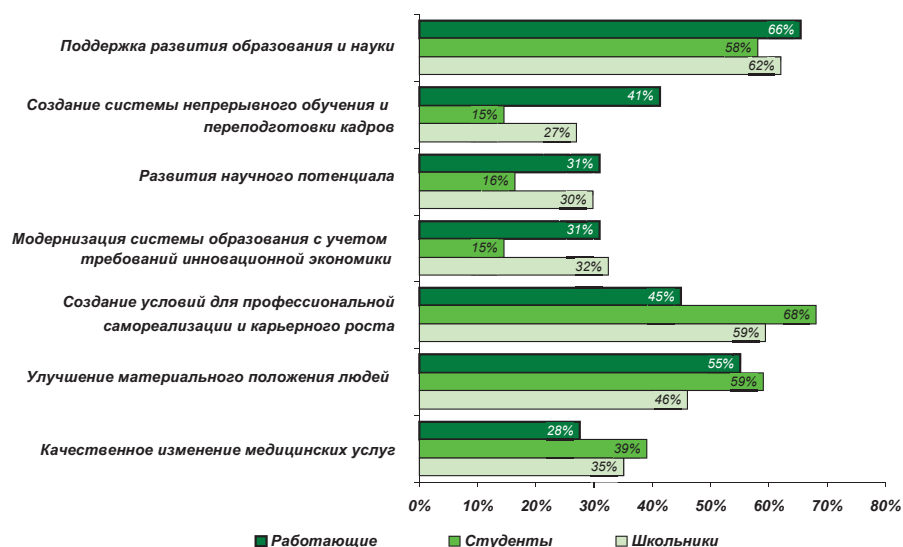

Рисунок 10. Что необходимо предпринять государству для повышения качества человеческого потенциала

Блок 2. Оценка системы образования. Вторая часть исследования была посвящена оценке респондентами современного состояния российской системы образования. Практически все опрошенные считают, что уровень образования населения влияет на возможности модернизации российской экономике и уход от сырьевой зависимости и на переход к инновационной ориентации. При этом половина опрошенных школьников уверены, что для современного работника достаточен уровень бакалавра. С ними согласны 66% студентов и 62% работающей молодежи.

Так как исследуемые категории имеют разный возраст, то было необходимо понять, как они оценивают уровень образования старшего поколения (рис. 11).

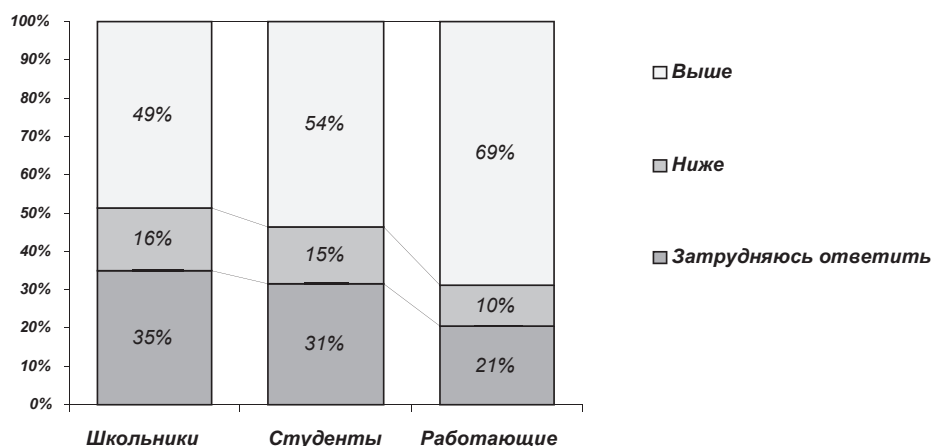

Рисунок 11. Оценка уровня образования (подготовки) старшего поколения, по сравнению с молодым

Выявлена следующая зависимость: чем старше исследуемая группа – тем выше оценка подготовки старшего поколения. Причем большинство опрошенных видят такие недостатки в подготовке кадров, как несовершенство системы отбора студентов/слушателей при поступлении, недостаток практических знаний (реального опыта) у преподавателей, а также отсутствие стажировок и практики. Процентное распределение по категориям респондентов приведено на рисунке 12.

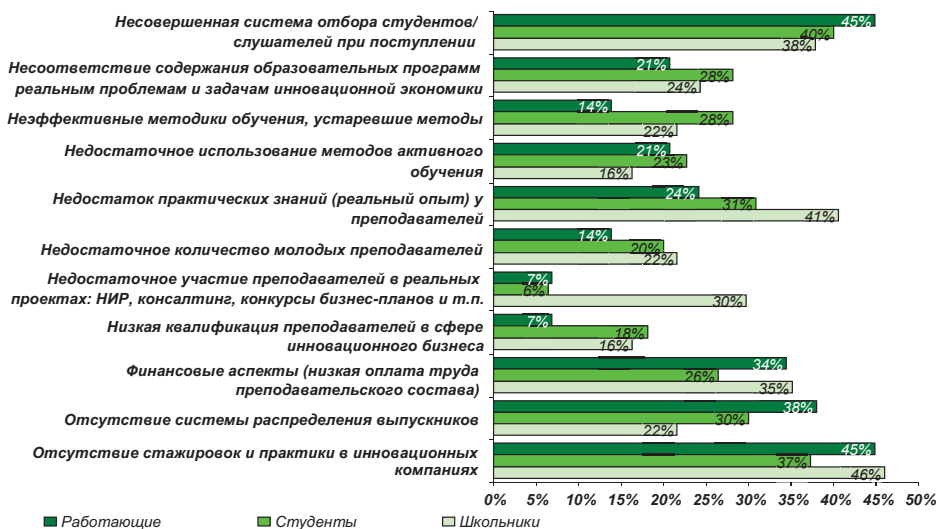

Рисунок 12. Какие недостатки в системе подготовки кадров (системе образования) мешают развитию экономики России

Оценивая отечественную систему образования по 10-балльной шкале, каждый пятый респондент поставил 5–6 баллов из 10 (рис. 13).

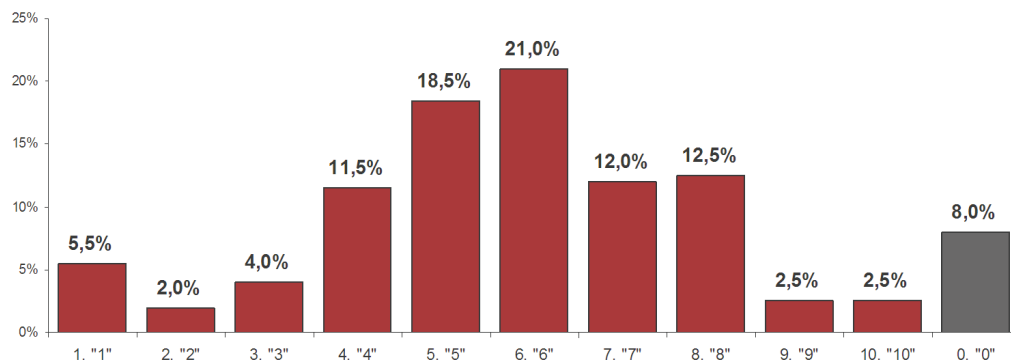

Рисунок 13. Как респонденты оценивают уровень подготовки в российской системе образования (по 10-балльной шкале, «0» – затруднились ответить)

Несмотря на выявленные недостатки, треть работающей молодежи и студентов используют знания, полученные в образовательных учреждениях, в своей трудовой деятельности (рис. 14).

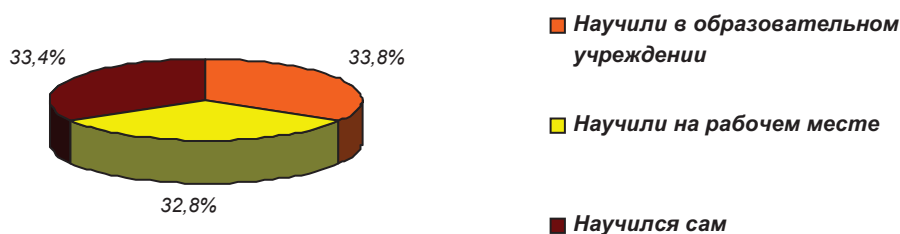

Рисунок 14. Вклад различных образовательных ресурсов, которые используют респонденты непосредственно в своей трудовой деятельности

Остальное распределение – следующее: «Научился на рабочем месте» – 32,8%, «Научился сам» – 33,4%. Следовательно, самообразование для респондентов остается одной из возможных форм обучения.

Блок 3. Отношение к непрерывному образованию. Третья часть анкеты включала анализ отношения респондентов к непрерывному образованию. Большинство работающей молодежи (83%) согласно с утверждением, что обра-

зование должно быть реализовано «через всю жизнь», с этим согласны 70% школьников и студентов.

При этом среди работающей молодежи нет тех, кто не занимается самообразованием, 41% делают это активно, а 59% – по мере необходимости (рис. 16). Каждый пятый студент и школьник также активно используют возможности самообразования для получения новых знаний, по мере необходимости – 65 и 73% соответственно. 13% студентов и 5% школьников вообще не занимаются самообразованием (рис. 15).

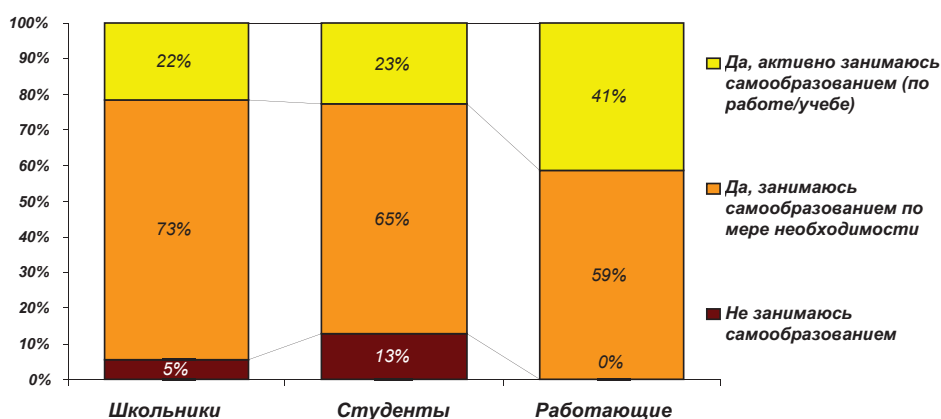

Рисунок 15. Занятие самообразованием

За последние два года 86% работающей молодежи и 34% студентов участвовали в каких-либо мероприятиях по повышению своей квалификации (как правило, за свой счет). При этом 97% работающих уверены в том, что необходимо постоянно совершенствовать свои профессиональные знания (реализация концепции «Образование через всю жизнь»). С ними согласны 93% студентов и 89% школьников.

Желание повышать уровень своего профессионального образования связано прежде всего с возможностью продвижения по карьерной лестнице. Треть работающей молодежи связывает это с улучшением качества собственного труда и лишь 18% – с увеличением оплаты (аналогичная доля у студентов и школьников) (рис. 16).

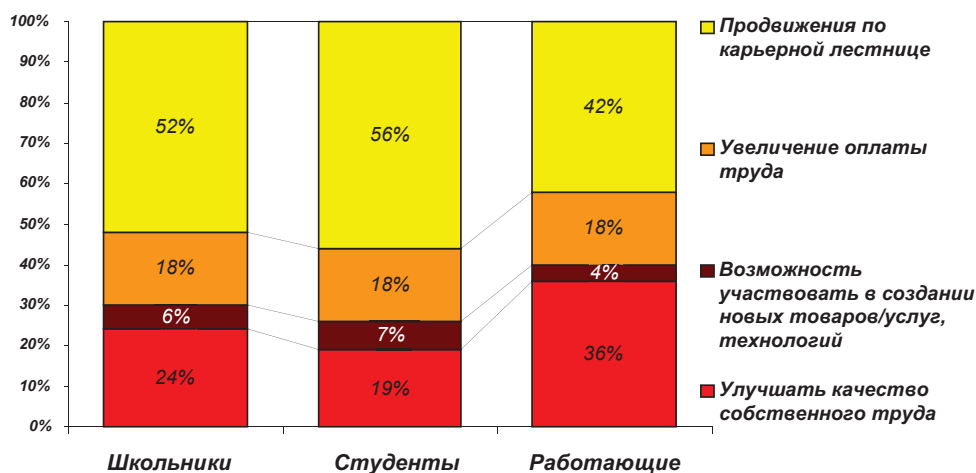

Рисунок 16. Что является стимулом для повышения уровня профессионального образования

Среди возможных методов обучения чаще всего выбирались классические лекции. Исключением стали «Студенты», которые предпочли обучение на рабочем месте. Второй по популярности ответ – «мастер-классы», третий – «тренинги» (рис. 17).

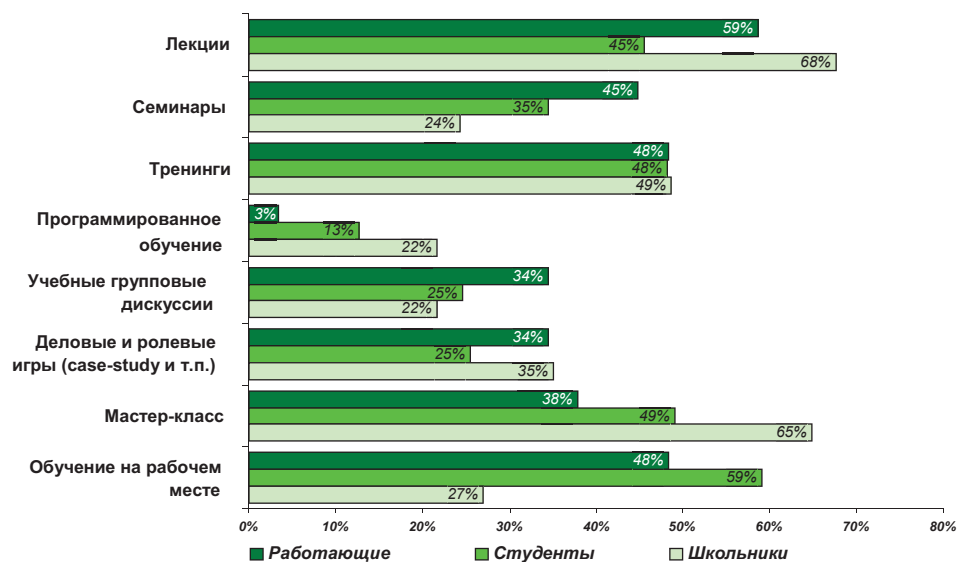

Рисунок 17. Какие методы обучения наиболее предпочтительны

Таким образом, основным стимулом для собственного развития остается продвижение по карьерной лестнице и материальная заинтересованность индивидов, так как согласно исследованию около 60% опрошенных готовы для получения достойного заработка постоянно совершенствовать свой профессионализм (учиться всю жизнь). Исследование выявило заинтересованность молодежи в постоянном обучении, однако российские работодатели неохотно обучают своих сотрудников. Поэтому достаточно часто это приходится делать «за свой счет», с отрывом от производства, во время своего законного отпуска. Образование является той «инвестицией», которая повышает качество трудового потенциала и соответственно конкурентоспособность человека на рынке труда. Модернизация экономики страны невозможна без модернизации образования. Развитие в регионах системы образования в целом и непрерывного в частности способствовало бы росту уровня знаний индивидов и позволило бы увеличить человеческий потенциал каждого отдельного работника, что в конечном итоге могло бы стать драйвером роста для экономики в целом.

Литература

1. Медведева, Е.И. Человеческий потенциал в современной системе образования и его реализация в инновационной экономике / Е.И. Медведева, Е.В. Слабонь // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – М.: Финансы и кредит. – 2012. – 30(171). – С. 9-14.
2. Шабунова, А.А. Здоровье студенческой молодежи: ценностные установки и поведенческие практики / А.А. Шабунова // Народонаселение. – М.: ИСЭПН РАН, 2012. – № 4. – С. 92-100.
3. Медведева, Е.И. Непрерывное образование в России / Е.И. Медведева, Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб // Народонаселение – М.: ИСЭПН РАН, 2015. – № 4. – С. 108-117.
4. Типологические особенности экономического развития регионов России в условиях развития непрерывного образования / С.В. Крошилин,

Е.И. Медведева, Ж.К. Леонова, В.М. Иванина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 6. – С. 78-90.

5. Крошилин, С.В. Информальное и неформальное образование в России / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева, Е.Л. Вехова // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. Гуманитарные науки. – Коломна: ГСГУ, – 2016 – № 1(21) – С. 29-43.

6. Крошилин, С.В. Электронное образование и развитие инновационной экономики России / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. – № 4(16) – С. 58-72.

Михайлова Татьяна Александровна,
старший преподаватель, магистр социологии,
Южный федеральный университет,
г. Геленджик

Ценностный аспект спорта в жизни молодежи (на примере профессиональных спортсменов)

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования профессиональной деятельности спортсменов. Однако особое внимание автор сосредоточил на ценностном аспекте спорта в жизни спортсменов.

Ключевые слова: профессиональный спорт, любительский спорт, профессия, ценность спорта.

В настоящее время современное спортивное движение в мире имеет два главных направления: 1) массовый, общедоступный спорт (спорт для всех); 2) спорт высших достижений.

Массовый спорт направлен на совершенствование физических качеств, укрепление здоровья, продление творческого долголетия, противостояние нежелательных воздействий в повседневной жизни, улучшение физического раз-

вития, активного отдыха и досуга многих людей. К тому же он предполагает коррекцию физического развития и телосложения, вырабатывает общую выносливость и профессиональную работоспособность, помогает овладеть жизненно необходимыми умениями и навыками [2, с. 300-331].

Спорт высших достижений (большой спорт) – вид деятельности, направленный на участие и достижение максимально возможных спортивных результатов или побед на крупнейших спортивных соревнованиях. Всякое высшее достижение спортсмена имеет не только личное значение, но и становится общенациональным достоянием, так как рекорды и победы на крупнейших международных соревнованиях вносят свой вклад в укрепление авторитета страны на мировой арене [2, с. 300-331].

В свою очередь современный спорт высших достижений может быть разделен на две категории:

1. Любительский спорт – массовое спортивное движение физического воспитания граждан и выявление перспективных и талантливых спортсменов в различных видах спорта [4]. Любительский спорт представляют спортсмены школьники, студенты и условно «военнослужащие», которые получают вознаграждения только за затраченное на спорт время, без соответствующих социальных гарантий, устанавливаемых профессионалам. Впоследствии часть этих спортсменов переходит в профессиональный спорт [4].

2. Профессиональный спорт, который представляет собой предпринимательскую деятельность, цель которой – удовлетворение интересов спортсменов, избравших спорт своей профессией, спортивных организаций, за которые они выступают, а также зрителей. Спортсмен-профессионал – спортсмен, для которого занятия спортом являются основным видом деятельности и который получает в соответствии с контрактом заработную плату и иное денежное вознаграждение за подготовку к спортивным соревнованиям и участие в них [5].

Спорт, будучи одним из проявлений человеческой деятельности, может стать и становится для определенного круга людей основным занятием – профессией (профессия – от латинского *profession* – «объявляю своим делом»). Это

необходимая для общества, ограниченная (вследствие разделения труда) область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему взамен приложенного им труда возможность существования и развития [1].

Для изучения профессиональной деятельности спортсменов мы провели прикладное социологическое исследование в 2010–2015 гг. В качестве респондентов выступили 10 профессиональных спортсменов и 5 тренеров. Для нашего социологического исследования мы использовали метод глубинного интервью [3].

Одной из задач исследования было выявление у спортсменов (респондентов) особенностей деятельности в спорте. Респонденты с огромным желанием рассказали, как спорт повлиял на их жизнь. Выяснилось, что спорт, помимо внешней привлекательности, здоровья и активной жизненной позиции, формирует «внутреннюю» любовь и уважение к себе. Спорт формирует человечность, характер, личность становится полноценной и значимой для себя в социуме, вырабатывается выносливость к различным трудностям, чувство принадлежности к коллективу, естественно, это отражается и на поведении и деятельности спортсмена, появляется интерес к жизни.

«Ты самоутверждаешься в своих глазах, становишься более уверенной, знаешь себе цену. Спорт помог сформироваться стойкому характеру, сказала бы даже полноценному. Нашла призвание себе в жизни» (жен., спортсменка, 21 год, баскетбол).

«Тренировки приучили меня к четкому распорядку дня, повышали тонус, улучшали настроение. Благодаря им повышалась самооценка, я становилась более собранной и пунктуальной. Без физкультуры немыслима полноценная жизнь» (жен., спортсменка, 21 год, гандбол).

«Я более выносливая к различным трудностям. У меня есть характер. Я не бросаю дело после первой неудачи. Рано или поздно победа будет. Есть дисциплина, которая помогает также и в работе. Общительность. Хорошая физическая форма» (жен., спортсменка, 20 лет, гандбол).

«После того как начал заниматься спортом, я начал смотреть на жизнь по-другому, я начал лучше разбираться в людях, стал более целеустремленным» (м., спортсмен, 24 года, футболист).

Для многих респондентов ценность спорта проявляется в консолидации людей ради общего дела – развития спорта и спортивного движения, достижения высших спортивных рекордов, в выработке толерантности, уважения к коллегам по команде и спортсменам, укреплении здоровья, формировании уважения к себе, развитию себя как личности.

«Формируется уважение к себе и команде» (жен., спортсменка, 21 год, баскетбол).

«Ценность заключается в том, что воспитывается характер, сила воли, укрепляет здоровье, закаляет иммунитет. Для детей спорт является школой становления характера, развития эмоций, школой физического и духовного развития, вырабатываются такие качества, как упорство, решительность, чувство коллектива» (жен., спортсменка, 21 год, гандбол).

«Верные друзья, опора, карьерный рост, интерес к победе и жизни» (м., спортсмен, 24 года, футболист).

Таким образом, становится очевидным положительное воздействие спорта на личность молодого спортсмена, его жизненные приоритеты и мировоззрение, в частности здоровый образ жизни, культура здоровья и т.д. Человек, выбравший спорт в своей жизни, ограждает себя от пагубного влияния различных девиаций.

Литература

1. Большой толковый социологический словарь терминов. – URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/soc.html> (01.01.2014).
2. Ильинич, В.И. Физическая культура / В.И. Ильинич. – М., 1999. – С. 300-331.
3. Михайлова, Т.А. Социокультурные аспекты спорта и профессиональной деятельности спортсменов в современной России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Т.А. Михайлова. – Майкоп, 2016.

4. Переверзин, И.И. О структуре современного спорта высших достижений и социально-правовом статусе спортсменов-профессионалов / И.И. Переверзин // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 5.

5. Федеральный закон Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации».

Морев Михаил Владимирович,
*кандидат экономических наук,
заведующий лабораторией исследования социальных процессов
и эффективности государственного управления,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда*

Гражданская активность молодого поколения*

Аннотация. В материалах представлены некоторые особенности гражданской активности и общественно-политического участия населения Вологодской области. Приводятся авторские размышления о причинах снижения явки на выборы в Государственную Думу РФ 18 сентября 2016 г., являющейся важным показателем состояния гражданского общества в России. Основной информационной базой исследования выступили результаты мониторинга общественного мнения, проводимого ИСЭРТ РАН с 1996 г. (блок вопросов по гражданской активности населения задается с 2011 г.). В статье сделан вывод о том, что ключевым ресурсом развития гражданского общества в России является гражданское самосознание молодого поколения, однако для реализации его потенциала необходимо уделять повышенное внимание системной организации морально-нравственного, идеологического воспитания молодежи.

* Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

Ключевые слова: молодежь, гражданское общество, социальный атомизм, социальный капитал, «самодостаточные» россияне.

18 сентября 2016 г. в России был побит «антирекорд» по явке избирателей на выборы в Государственную Думу. В 2007 г. явка составляла 64%, в 2011 г. – 60%, в 2016 г. – 48%. По сравнению с прошлыми выборами явка снизилась в 77 из 83 регионов.

Отчасти снижение явки на выборы в парламент связано с переносом даты голосования на сентябрь вместо октября, с безальтернативностью выбора на сегодняшней политической арене, плохо проведенной информационной кампанией и т.д. Однако явка на выборы была и остается «лакмусовой бумажкой» современного общества. И здесь нельзя не отметить, что неучастие в общественной жизни (в том числе в выборах) является скрытой формой протеста [1]. «Единая Россия» в процентном соотношении улучшила свои показатели в 54 регионах страны и в целом добилась конституционного большинства в Думе. Однако в абсолютном выражении она потеряла 4 млн. голосов.

Неожиданны ли итоги голосования? Казалось бы, события «крымской весны» могут и должны консолидировать российское общество; напряженная международная обстановка должна пробудить в людях чувство патриотизма и гражданской ответственности за страну и за свою жизнь. Однако результаты социологических измерений показывают, что в 2016 г. на 10 п.п. увеличилась доля людей, характеризующих свое участие в общественно-политической жизни как «пассивное» (с 52 до 62%). Люди стали чаще говорить о «безразличии к общим делам, индивидуализме»; о своей неинформированности, некомпетентности в вопросах общественной жизни; о том, что им не хватает времени, чтобы каким-то образом проявить свою гражданскую активность (табл. 1).

Таблица 1. Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции? (в % от числа опрошенных)*

Причины	2011	2013	2014	2015	2016
Безразличие к общим делам, индивидуализм	26,2	24,1	23,5	19,6	24,5
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	24,3	27,2	22,7	21,0	22,3
Недостаток знаний, некомпетентность	15,2	19,1	15,9	15,4	19,7
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	19,1	22,0	21,9	19,5	19,6
Недостаток времени, занятость	12,3	15,5	15,0	14,4	18,5
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, правоохранительных органов	19,9	19,7	11,8	15,9	13,2
Неспособность к организации	8,3	11,1	10,7	9,5	10,9
Негативная реакция со стороны окружающих	9,4	7,4	6,5	6,7	5,3
Затрудняюсь ответить	27,3	29,7	29,9	35,1	35,3

* Здесь и далее в таблицах представлены результаты мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН. Мониторинг проводится на территории Вологодской области с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В чем причина этих негативных тенденций? Причина в том, что после «оглушительного» эффекта, который принесли с собой события так называемой «крымской весны», в российское общество с удвоенной силой возвращаются процессы социальной атомизации, представляющие собой определенную стратегию образа жизни, при которой все интересы, желания, потребности и надежды людей концентрируются на узком кругу их микросоциума, то есть на себе, своей семье и самых близких друзьях и родственниках.

«В современном российском обществе приоритетность дела на благо общества, других людей трансформируется в приоритетность дела ради личных интересов. В условиях кризиса и нестабильности культуры формируется тип личности с преобладанием ориентации на индивидуально-личностные нормы поведения и деятельности» [2, с. 12] – так описывали проблему социального атомизма российские ученые в 2008 г., и сегодня мы видим «возвращение» этих тенденций (табл. 2):

✓ крайне низкая (причем снижающаяся с 2014 года) доля людей, считающих, что сегодня в стране больше «согласия, сплоченности, чем несогласия, разобщенности»;

- ✓ 85% жителей области говорят о том, что «в наше время доверять нельзя никому или в крайнем случае – ближайшим друзьям и родственникам» (рост по сравнению с 2015 г. на 6%);
- ✓ с 37 до 50% увеличилась доля тех, кто не участвует в общественной жизни;
- ✓ ответственность за состояние дел в семье ощущают 85%, на работе – 40%, в доме – 33%, а в городе, области или стране – не более 7%.

Таблица 2. Показатели гражданской активности населения (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Доля тех, кто считает, что сегодня больше согласия, сплочённости					
В стране	14,2	14,1	28,9	22,0	21,6
В области	19,3	15,9	26,9	19,9	20,3
В месте Вашего проживания	24,1	28,4	39,1	32,2	33,4
В Вашем окружении	46,9	52,1	61,4	57,7	58,0
Кому Вы можете доверять? (в % от числа опрошенных)					
В наше время никому нельзя доверять	26,1	27,9	27,9	23,5	25,1
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	52,5	53,4	55,7	60,2
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	15,2	12,2	12,6	10,8
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	1,6	3,1	2,5	2,3
Доля тех, кто считает, что лично может повлиять на состояние дел (в % от числа опрошенных)...					
В семье	77,1	76,9	77,5	75,7	84,5
На работе	50,7	42,9	40,9	35,1	39,9
В своём доме, дворе	35,6	34,5	33,5	34,1	32,9
В своём городе, районе	12,3	7,1	9,4	7,1	7,1
В своей области	7,7	3,0	4,1	3,7	4,7
В стране в целом	6,6	2,5	3,7	3,3	3,9
Готовы ли Вы объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий для защиты общих интересов?					
Готов и скорее готов	47,1	43,0	54,6	50,6	38,3
Не готов и скорее не готов	25,2	19,9	15,1	18,9	26,1
Доля тех, кто не принимал участия в различных мероприятиях общественно-политической жизни	20,6	29,0	43,7	36,6	50,1

Преодоление этих негативных тенденций видится в молодом поколении. В последние годы Институт социологии РАН (ИС РАН), проводящий свои исследования на территории Российской Федерации, фиксирует появление и достаточно устойчивый рост социального слоя «самодостаточных россиян». В 2011 г. их насчитывалось 34%, в 2014 г. – 44%, в 2016 г. – 48%. «Сегодня самодостаточные россияне – это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по масштабу социальная группа, выражающая собой тренд на формирование активистской доминанты в российском обществе. Доля россиян, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, уверенных в своей способности обеспе-

чить себя и свою семью и не нуждающихся для этого в поддержке со стороны государства» [4, с. 8]. «Самодостаточная часть общества локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных россиян...отличительными чертами «самодостаточных» россиян являются молодость, активность, деловая предприимчивость, материальная и социальная успешность» [6, с. 16].

Как отмечают специалисты ИС РАН, «российское общество в лице „самодостаточных” граждан обретает серьезную социальную опору для устойчивого развития» [5, с. 22]. Однако, на наш взгляд, „обратной стороной” самодостаточности и независимости молодых поколений является низкий уровень морально-нравственного развития, готовность преступить юридические или нравственные законы в целях достижения своих личных интересов. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты регулярных социологических измерений: люди в возрасте до 30 лет гораздо чаще, чем представители более старших возрастных категорий, считают допустимым использование служебного положения в личных целях (41%), некультурное поведение (37%), деловую неисполнительность (37%), нарушение закона (31%), супружескую измену (28%) и измену Родине (21%; табл. 3).

Таблица 3. Распределение по возрастам ответов на вопрос «Определите, пожалуйста, своё отношение к следующим поступкам», (вариант ответа «иногда это допустимо»)

Варианты ответов	2008 год				2013 год			
	До 30 лет	30-60(55) лет	Старше 60(55) лет	Область	До 30 лет	30-60(55) лет	Старше 60(55) лет	Область
Употребление наркотиков	18,1	10,8	5,6	11,3	9,9	8,1	3,3	7,1
Самоубийство	16,3	11,3	9,5	12,1	9,0	7,4	4,5	6,9
Супружеская измена	35,0	29,5	22,1	29,0	28,1	22,6	17,0	22,3
Измена Родине	23,1	14,5	12,5	16,1	20,7	11,2	9,7	12,9
Злоупотребление алкоголем	39,0	35,8	23,5	33,5	31,1	25,9	19,3	25,2
Деловая неисполнительность	45,4	42,2	28,8	39,6	37,1	31,0	21,7	29,7
Некультурное поведение	44,7	36,9	25,5	35,9	37,4	31,6	18,9	29,3
Использование служебного положения в личных целях	43,1	38,4	25,1	36,2	41,0	33,5	23,2	32,3
Нарушение закона	34,9	28,5	18,4	27,5	30,5	25,4	18,9	24,7

«Низкий уровень культуры (патернализм, пассивность, неуважение к закону) является одним из главных препятствий для решения фундаментальной проблемы формирования и реализации эффективных проектов, обеспечивающих повышение уровня технологий и организации всех отраслей народного хо-

зяйства» [3]. Таким образом, морально-нравственный облик молодого поколения – проблема не столько психологическая или социальная, сколько экономическая. Для ее конструктивного решения, на наш взгляд, необходимо создание системы идеологического просвещения, участниками которой должны быть ключевые институты, «сопровождающие» человека на протяжении всей жизни – от школы до трудовых коллективов. Конечно, это задача прежде всего федерального уровня, но на региональном уровне надо думать о том, как такую систему можно реализовать на практике. Целью системы является устойчивая внутренняя мотивация людей к повышению гражданской активности, их гражданского самосознания. Только в этом случае развитие общественно-политической активности населения будет иметь системный характер.

Литература

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров) : аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/20_years_reform.pdf
2. Жуков, В.И. Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз : доклад на II съезде Союза социологов России / В.И. Жуков. – М.: Изд-во РГСУ. – 2008.
3. Полтерович, В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В.М. Полтерович // Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 36.
4. Российское общество в контексте новых реалий: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. – М., 2014. – С. 8.
5. Российское общество: год в условиях кризиса и санкций: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. – М., 2015. – С. 22.

6. Российская повседневность в условиях кризиса: как живем и что чувствуем?: информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. – М., 2015. – С. 16.

Муравлёва Вера Викторовна,

ассистент,

Государственный социально-гуманитарный университет,

г. Коломна

Уровень развития трудового потенциала молодежи (на примере Московской области)

Аннотация. В современных условиях социально-экономическое развитие страны и региона определяется степенью реализации потенциальных возможностей населения. В связи с этим особого внимания заслуживает молодежная когорта, которая выступает главным объектом воплощения мероприятий по наращиванию человеческого потенциала. В данной статье рассмотрены основные проблемы развития трудового потенциала молодежи. Анализ статистических данных позволил рассчитать индекс развития трудового потенциала молодежи Московской области. Оценивая уровень трудового потенциала молодежи, который является одним из структурных компонентов человеческого потенциала, можно определить основные направления и пути реализации стратегических перспектив молодежной политики.

Ключевые слова: человеческий потенциал, трудовой потенциал, молодежь, индекс развития трудового потенциала, социально-экономическое развитие.

Социально-экономическое развитие страны и региона во многом зависит от молодежного фактора, качество которого предопределяет будущий человеческий потенциал населения. Уровень трудового потенциала и возможность его реализации определяется содержанием, направлениями и способами осуществления государственной молодёжной политики. Молодёжь является специфиче-

ской группой, определяемой возрастом, для которой характерны постоянная и активная учёба, начало и развитие рабочей карьеры, вполне определённые ролевые структуры личности [1, с.62].

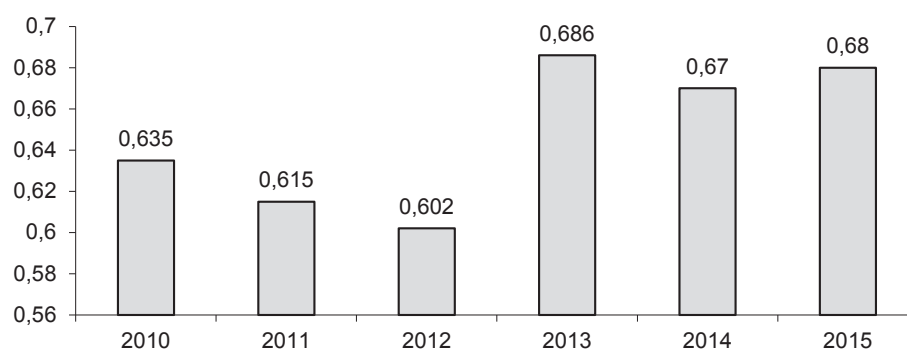
Одной из проблем современной молодежи является тяжелая обстановка на рынке труда. Молодые люди, получившие профессиональное образование, не имеют возможности применить свои навыки на практике. Однако они относятся к наиболее продуктивному возрасту, и их неучастие в хозяйственной деятельности приводит к значительным потерям валового регионального продукта за счет неполного использования трудового потенциала региона. В конечном итоге это приводит к низкой рентабельности и убыточности предприятий, экономической депрессии, снижению налоговых поступлений, дефициту государственного бюджета. Незанятая молодежь представляет собой один из четко определенных устойчивых сегментов рынка труда, характеризующихся стабильным ростом предложения рабочей силы.

Молодежь имеет ряд особенностей, обуславливающих специфику ее положения на рынке труда. Молодое поколение отличается высоким уровнем социальной и трудовой мобильности. Многие представители молодежи готовы, не раздумывая, сменить место работы, ездить в командировки. Вступление в трудовую жизнь с ориентацией не на опыт, а на идеалы, усвоенные в процессе обучения и воспитания, традиционно рассматривалось как негативная особенность молодого работника. Отсутствие опыта влияет и на способности молодежи к инновациям. В практической деятельности молодежь оказывается более консервативной, чем работники средних возрастных групп. Последние могут трезво оценить все достоинства и недостатки сложившейся ситуации. Этого не сможет сделать молодой специалист, как бы ни были глубоки его теоретические знания и широк кругозор. По сравнению с другими возрастными группами работников молодежь характеризуется более продолжительным периодом предстоящей трудоспособности, что в разной степени может быть востребовано работодателями. Традиционно приписываемый молодежи более высокий образовательный уровень по сравнению со старшими поколениями в современных

российских условиях уже не является бесспорным. Все большие контингенты молодежи оказываются на рынке труда, не имея не только профессионального, но и законченного общего среднего образования.

В связи с этим особый интерес представляет анализ уровня развития и эффективного использования трудового потенциала молодого поколения (в качестве исследуемого региона была выбрана Московская область). Базовой методикой оценки степени развития трудового потенциала молодежи послужила концепция социальной дееспособности, разработанная учеными Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН) [4, с.7]. Согласно данному подходу имеет место расчет индекса развития трудового потенциала молодежи, подробно описанный в работе Г.В. Леонидовой и А.М. Панова (ИСЭРТ РАН) [2, с. 60]. Оценка качества трудового потенциала подмосковной молодежи проводилась по данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики.

Интегральный индекс состояния трудового потенциала молодежи Московской области представлен на рисунке.

Индекс развития трудового потенциала молодежи Московской области, ед.

Источник: расчеты автора.

Значение показателя в диапазоне 0,602–0,635 до 2012 года отражало средний уровень развития трудового потенциала молодежи Московской области. Однако в 2013 году произошел резкий скачок на 14%, который позволил данному критерию приблизиться к высоким показателям в 0,686 ед. В 2015 го-

ду трудовой потенциал молодого поколения имеет значение 0,68 ед., что соответствует высокой степени развития анализируемого индекса. Таким образом, индекс трудового потенциала подмосковной молодежи с 2010 года превышает значение 0,6 ед., что свидетельствует о высокой степени развития и реализации возможностей и перспектив трудовой деятельности молодых специалистов.

Несмотря на положительную динамику изменения уровня трудового потенциала подмосковной молодежи, необходимо осуществлять активную политику в сфере её занятости. Реализация данного направления позволит повысить значение индекса трудового потенциала до максимальной величины в 1 единицу. В качестве приоритетных направлений развития трудового потенциала молодежи Московской области могут быть выбраны следующие:

- 1) разработка государственных программ по молодежной занятости;
- 2) квотирование рабочих мест для молодежи, которое позволит решить проблему трудоустройства;
- 3) подготовка кадров с учетом современных требований и потребностей общества;
- 4) создание доступной информационной среды в отношении наличия свободных рабочих мест, которая позволит проводить оперативный анализ спроса на рабочую силу и предложения рабочих мест со стороны предприятий.

Введение программы государственной и региональной поддержки молодежной занятости необходимо обозначить как приоритетное направление развития трудового потенциала молодого поколения Московской области. Указанные выше предложения могут быть отражены в данном документе как основные моменты реализации и накопления потенциальных возможностей в сфере трудовой деятельности. Поддержка молодых специалистов со стороны региональных властей позволит решить главную проблему занятости молодежи и, тем самым, снизить уровень безработицы в молодежной среде, что напрямую отразится на индексе развития трудового потенциала молодежи Московской области. В стратегической перспективе развития Подмосковья определяющая роль отводится именно молодежной когорте, высокий уровень трудового по-

тенциала которой позволит региону в будущем реализовывать инновационные задачи социально-экономического развития государства.

Литература

1. Абдрахманов, М.Ш. Формирование трудового потенциала молодежи северного региона / М.Ш. Абдрахманов. – Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2011. – 256 с.
2. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния / Г.В. Леонидова, А.М. Панов // Проблемы развития территории. – 2013. – Вып. 3(65). – С. 60-69.
3. Муравлёва, В.В. Современные проблемы развития трудового потенциала молодежи / В.В. Муравлёва // Современное состояние и развитие экономики России. – Коломна: МГОСГИ, 2015. – С. 65-71.
4. Римашевская, Н.М. О методологии определения качественного состояния населения / Н.М. Римашевская // Демография и социология. – 1993. – Вып. 6. – С. 7-21.

Нечаева Светлана Андреевна,
*старший лаборант кафедры СиСТ,
Череповецкий государственный университет,
г. Череповец*

Религиозная идентичность молодёжи (на примере молодёжного православного объединения в честь Афанасия и Феодосия Череповецких)

Аннотация. Включение человека в общество осуществляется через различные социальные общности, которые каждая конкретная личность персонифицирует. Таким образом, человек оказывается вовлечённым во множество социальных систем, каждая из которых оказывает на него систематизированное воздействие и в которых он может проявлять себя по-разному. Формирование соответствующего поведения у человека происходит посредством его осозна-

ния себя как представителя определённой социальной группы, иными словами, его идентичности. В период глобальных изменений современный человек оказался в ситуации кризиса идентичности, который впоследствии может привести к негативной автономии личности, отсутствию у неё жизненных планов, т.е. к потере идентичности. Такие тенденции оказывают существенное влияние и на религиозную идентичность индивида формируя, так называемый «кризис религиозной идентичности», который становится одной из основных проблем в культуре современного общества.

Ключевые слова: социальное поведение; идентичность; религиозная идентичность; типы религиозной идентичности.

В эпоху информационной революции, трудностей, связанных с осмыслением социальных, культурных и религиозных идентичностей, становится ещё больше. Как отмечает М.В. Заковоротная, «современные средства массовой информации и информационные системы, становление информационного общества нарушают границы, системные свойства пола, класса, этноса, религии, национальности, субкультуры» [1]. Данный феномен приводит к тому, что определение своей идентичности «в ситуации власти информационных технологий и средств массовой информации становится центральной и повседневной проблемой для каждого» [1].

Социальное поведение индивида всегда непосредственно связано с конкретным типом социальных отношений, а различные формы этих отношений предполагают его неодинаковое проявление в поступках человека. Каждый индивид осознанно или неосознанно ищет для себя «то самое» социальное пространство, где он мог бы ощутить свою принадлежность. Для индивида очень важно осознание своего «Я», своих целей, стремлений, идеалов, своих личных путей для развития. Если же такое чувство человек по каким-либо причинам теряет, то происходит кризис идентичности.

Идентичность является важным элементом социального поведения, для индивида она предстаёт как осознание своей принадлежности к социальной группе и, следовательно, воплощается в принятие им значимых в данной груп-

пе ценностей, установок, стереотипов, норм, а значит, определённой формы социального поведения. В зависимости от того, какая у человека идентичность, можно с той или иной степенью достоверности прогнозировать его поведение, принимаемые и отвергаемые ценности и нормы, интересы и принципы, стереотипы и установки.

Социологами и психологами выделены различные виды и критерии идентичности, и, как отмечает А.Н. Крылов, «одним из самых ярких критериев идентичности в истории человечества выступала и выступает религия – религиозное сознание человека и общества, его религиозная принадлежность» [2, с. 6].

Религиозная идентичность включает как общее религиозное самоопределение человека, так и конкретную форму конфессиональной идентичности. Она является способом осознания своей духовной ориентации в её соотнесенности с иной формой духовности. Религиозная идентичность включает человека в систему определённых отношений с людьми как внутри религиозной группы, так и вне её, определяя тем самым особенности его поведения и взаимодействия с окружающими.

Одним из первых, кто попытался разобраться в истоках религиозности, стал американский социальный психолог Гордон Олпорт. Учёный исходил из того, что одновременно со всеми общими чертами, присущими сознанию и поведению религиозных людей, между ними существуют определённые различия – и не только в системе верований, но и в частоте посещений церкви, в отношении к нормам поведения, к исполнению обрядов и пр. Главный интерес учёного вызвали различия в личностном понимании смысла религиозной идентичности для каждого человека. В связи с этим Г. Олпорт выделил два типа религиозной идентичности: внешнюю и внутреннюю. К первому типу учёный отнёс людей, для которых религия лишь способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии. Второй тип представляют религиозные личности, для которых религия – самостоятельная и конечная ценность.

Нерелигиозные потребности, интересы, ценности имеют для них второстепенное значение [3, с. 3].

Итак, определив тип религиозной идентичности у человека (или группы людей), можно выявить определённые области его социального поведения, где этот тип оказывает наибольшее влияние. В качестве основы для изучения влияния религиозной идентичности на социальное поведение была использована типология Г. Олпорта. В основу исследования для выявления типа религиозной идентичности была положена методика Олпорта–Росса.

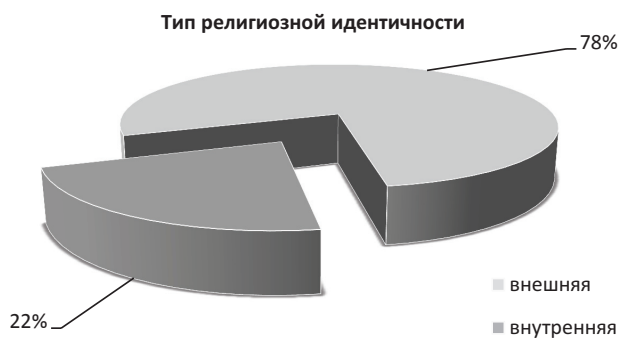
Опросник Г. Олпорта и Дж. Росса состоит из 20 суждений, 11 из них представляют собой субшкалу внешней религиозной ориентации (интринсивной – I), а 9 включены в субшкалу внутренней (экстринсивной – E). На каждое суждение предложено 4 варианта ответов, которые выражают различную степень согласия с утверждением; каждому ответу присваивается определённое количество баллов. При обработке баллы по субшкалам внутренней и внешней религиозной идентичности суммируются, что позволяет разделить обследуемых на группы с внешней и внутренней религиозной идентичностью. Опросник по указанной методике был дополнен вопросами, позволяющими установить основные социально-демографические характеристики респондента.

Для проведения исследования важно было выбрать группу религиозных людей (поскольку используемая методика рассчитана именно на изучение религиозного человека), в данном случае ими стали представители череповецкого православного молодёжного объединения в честь преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких¹.

На основе применения методики Олпорта–Росса, при анализе полученных в ходе исследования данных, вся выборка была разбита на две «подвыборки» по критерию религиозной идентичности: в первую группу попали лица с

¹ Опрос (анкетирование) проведен в период с 23.04.2015 по 13.05.2015, всего было опрошено 50 человек (представители молодёжного православного объединения «АиФ»). Выборка неслучайная, сформирована посредством принципа целевого отбора доступных случаев. Опрос был дополнен формализованными глубинными интервью (с представителями «АиФ»).

выраженными внешними религиозными ориентациями, а во вторую группу – лица с выраженными внутренними религиозными ориентациями. Лица с внутренней религиозной идентичностью, измеренной при помощи опросника Г. Олпорта, составили 22% от всей выборки, лица с внешней – 78% соответственно (рисунок).

Расчёт внешней и внутренней религиозной идентичности у представителей молодёжного православного объединения «АиФ» по методике Олпорта–Росса

Рассматривая тип религиозной идентичности в зависимости от основных социально-демографических характеристик (пол, возраст, семейное положение, уровень образования, материальное положение, сфера занятости), мы составили социальные портреты представителей молодёжного объединения «АиФ» с внешней и внутренней религиозной идентичностью.

В итоге, на основе результатов опроса и интервью, были выделены индикаторы, позволяющие определить, каким образом религиозная идентичность влияет на социальное поведение в повседневной жизнедеятельности верующего человека. Во-первых, это индикаторы, позволяющие определить характер религиозной идентичности и относящиеся к культовому религиозному поведению: посещение церкви; участие в религиозных таинствах; совершение молитвы; чтение религиозной литературы. Во-вторых, индикаторы, позволяющие определить уровень религиозной идентичности и относящиеся к внерелигиозному, социальному поведению: внешний вид (одежда, наличие/отсутствие макияжа, причёски и пр.); речь; ношение нательного креста, как символа веры; поведение

в «неприятных» ситуациях (межличностный конфликт). Рассматривая эти индикаторы в комплексе, можно установить характер и уровень религиозной идентичности человека (или группы людей) и определить, какое влияние она оказывает на некоторые элементы его социального поведения.

Литература

1. Заковоротная, М.В. Идентичность человека Социально-философские аспекты [Электронный ресурс] / М.В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы, 1999. – Режим доступа: <http://sbiblio.com>.
2. Крылов, А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве / А.Н. Крылов; под ред. А.Н. Крылова. – М.: Икар, 2012. – 306 с.
3. Титов, Р.С. Концепция индивидуальной религиозности Г. Олпорта: понятие религиозных ориентаций / Р.С. Титов // Культурно-историческая психология. – М.: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2013. – Вып. 1. – С. 2-9.

Пасовец Юлия Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра социологии и политологии,
Курский государственный университет,
г. Курск

Ценностные ориентации социально-активной молодежи в современных российских условиях*

Аннотация. В работе обосновывается необходимость выявления и анализа ключевых ценностных ориентаций такой категории современной российской молодежи, как социально-активная молодежь. На основе анализа результатов

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №16-36-01019 «Динамика молодежного лидерства в пространстве группового субъекта».

опросов российских участников лагеря молодежного актива раскрываются доминирующие среди социальной-активной молодежи ориентации на характер жизненных целей, отношение к социальной среде, своей роли в достижении материального благополучия и др.

Ключевые слова: молодежь, социально-активная молодежь, ценностные ориентации, жизненные цели.

Научный и практический интерес к изучению ценностных ориентаций современной российской молодежи и ее отдельных категорий определяется рядом значимых обстоятельств. Во-первых, являясь результатом социализации молодежи, ее ценностные ориентации отражают, с одной стороны, интериоризацию принятых в обществе социальных норм в ценности личности [1, с. 122], с другой – степень принятия молодыми людьми норм общества как своих личных ценностей. Во-вторых, молодежь выступает наиболее динамичной, восприимчивой к внешним воздействиям социальной группой, которая легче других социально-демографических общностей адаптируется к качественно новым обстоятельствам и усваивает новые ценности и культурные образцы, модели поведения [3, с. 3]. Соответственно в системе ценностных ориентаций молодежи отражаются изменения в ценностном поле общества. В-третьих, взаимодействуя с интересами личности, ценностные ориентации задают ценностно-ориентационный вектор целенаправленного поведения, который обуславливает выбор человеком определенного типа (сферы и способа) деятельности [2, с. 89]. Исходя из этого, доминирующие в молодежной среде ценностные ориентации будут определять основную траекторию социального поведения и взаимодействия молодых людей, предпочтение и выбор ими способа деятельности в определенных ситуациях.

При этом особую актуальность представляет исследование ключевых ценностных ориентаций социально-активной молодежи, поскольку для нее характерна направленность поведения на преобразование социальной среды, связанная с участием в различных социальных мероприятиях, в деятельности со-

циальных институтов и организаций (например, молодежных организациях и объединениях) и т.д.

Определяя эмпирический объект исследования как социально-активную молодежь, обратимся к результатам анализа понятия социальной активности, проведенного А.Г. Шабановым. Осуществляя концептуализацию этого термина, он приводит точки зрения ряда авторов. Так, М.И. Рожков под социальной активностью понимает готовность к социальным действиям в сфере социальных отношений, которая направлена на социально значимое преобразование окружающей среды, инициативность, творчество, самостоятельность, результативность действий. По мнению Т.Н. Мальковской, социальная активность – это «интегральное общественное свойство личности, характеризующееся состоянием субъекта в процессе взаимодействия с людьми в деятельности, необходимостью которой обусловлена общественно-значимыми целями» [4, с. 387]. В итоге А.Г. Шабанов определяет социальную активность как поведение социальных субъектов, которое воспроизводит или изменяет условия их жизнедеятельности и развивает их личностную структуру [4, с. 386].

Тем самым социально-активная молодежь представляется нами как категория молодежи, отличающаяся деятельным отношением к миру, ориентированностью на совершение социально значимых преобразований в обществе и реализацией соответствующего поведения. Формальными показателями социальной активности молодежи могут служить участие в деятельности социальных институтов и организаций, подготовке и проведении социально значимых мероприятий и др.

Выявить и охарактеризовать специфику ценностных ориентаций социально-активной молодежи позволяют результаты двух опросов, проведенных нами среди участников Международного лагеря молодежного актива «Славянское содружество» в 2014 г. (N=50 человек) и в 2016 г. (N=120 человек). Выборочная совокупность исследования формировалась на основе целевой выборки: отбор непосредственных участников осуществлялся из числа российских граждан.

Показательно, что для подавляющего большинства данной категории молодежи (более 80,0%) характерна ориентация на жизненные цели, предполагающие достижение высоких статусных позиций (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики жизненных целей социально-активной молодежи, в % от числа опрошенных

	2014	2016
Выбор из дилеммы: «высокие запросы» – «скромные цели»		
Всегда надо стремиться к большему: чем выше ставишь для себя планку, тем большего достигнешь в жизни и больше получишь от нее	80,0	87,5
Надо ставить перед собой достаточно скромные цели, чтобы наверняка их достичь и не перенапрягаться	20,0	7,5
Затрудняетесь ответить	-	5,0
Итого	100,0	100,0
Выбор из дилеммы: «стремление к власти» – «стремление к душевной гармонии»		
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него были доступ к власти, возможность оказывать влияние на других	x	31,7
В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него была спокойная совесть и душевная гармония	x	64,2
Затрудняетесь ответить	x	4,1
Итого	x	100,0

При этом только около трети респондентов ориентированы на достижение внешнего успеха, связанного с получением доступа к власти и возможности влиять на других людей. Большой части социально-активной молодежи свойственна ориентация на достижение внутреннего, душевного состояния, характеризующегося спокойной совестью и душевной гармонией.

Как показывают результаты опросов (табл. 2), отношение к социальной среде для большинства данной категории молодежи определяется предпочтением социальных перемен (в их пользу делают свой выбор около 90,0% респондентов) и инициативы, предприимчивости, поиска нового (более 60,0%).

Таблица 2. Отношение социально-активной молодежи к социальным изменениям, инициативному поведению и характеру социального равенства, в % от числа опрошенных

	2014	2016
Выбор из дилеммы: «перемены» – «неизменность»		
Вам нравятся перемены, нравится жить в постоянно обновляющемся мире	92,0	87,5
Все перемены обычно происходят к худшему, пусть лучше все остается таким же, как и прежде	8,0	8,3
Затрудняетесь ответить	-	4,2
Итого	100,0	100,0
Выбор из дилеммы: «уважение к традициям» – «инициативность, предприимчивость»		
Главное – это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование принятому большинством	36,0	31,7
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве	64,0	62,5

Затрудняетесь ответить	-	5,8
Итого	100,0	100,0
Выбор из дилеммы: «равенство возможностей» – «равенство доходов, положения, условий жизни»		
Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	58,0	75,8
Равенство доходов, положения, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей каждого	42,0	16,7
Затрудняетесь ответить	-	7,5
Итого	100,0	100,0

Наряду с этим, в представлениях большинства респондентов социальное равенство как значимая характеристика социальной среды (общества) связывается с равенством возможностей. По данным опроса 2016 г., для многих представителей социально-активной молодежи «равенство возможностей» оказывается предпочтительнее по сравнению с «равенством условий жизни».

Таблица 3. Отношение социально-активной молодежи к личной ответственности за свое материальное положение и роли труда в улучшении жизни, в % от числа опрошенных

	2014	2016
Выбор из дилеммы: «личная ответственность за свое материальное положение» – «зависимость материального положения от экономической ситуации в стране»		
Ваше материальное положение в настоящем и будущем зависит прежде всего лично от Вас	74,0	88,4
От Вас мало что зависит – важно, какая экономическая ситуация будет в стране	26,0	5,8
Затрудняетесь ответить	-	5,8
Итого	100,0	100,0
Выбор из дилеммы: «зависимость жизненного успеха от везения и социальных связей» – «зависимость успеха в жизни от упорного труда»		
Упорный труд не является причиной успеха – успех в большей степени результат везения и личных связей	38,0	14,2
Если упорно трудиться, то в долговременной перспективе это, как правило, оборачивается улучшением жизни	62,0	80,0
Затрудняетесь ответить	-	5,8
Итого	100,0	100,0

Для основной части рассматриваемой категории молодежи характерны также ориентации на принятие личной ответственности за свое материальное положение (около 80% опрошенных) и упорный труд как средство улучшения жизни (табл. 3).

Таким образом, ценностные ориентации многих представителей социально-активной молодежи соответствуют современному социальному вызову, определяющемуся условиями продолжающейся структурной трансформации российского общества, развития рыночной экономики и повышения самостоя-

тельности населения в решении социально-экономических проблем, и являются ключевым ресурсом их адаптации к происходящим изменениям.

Литература

1. Горшков, М.К. Молодежь России: социологический портрет / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
2. Лапин, Н.И. Проблема ценностей в исследованиях В.А. Ядова и его коллег / Н.И. Лапин // Экономическая социология (www. ecsoc.msses.ru). – 2009. – № 3. – Т. 10. – С. 82-93.
3. Пасовец, Ю.М. Самореализация молодежи как предмет социокультурного анализа: автореферат дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Ю.М. Пасовец. – Курск, 2006. – 22 с.
4. Шабанов, А.Г. Социальная активность молодежи как социопедагогический феномен / А.Г. Шабанов // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 2. – С. 384-393.

Попов Андрей Васильевич,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Положение молодежи на рынке труда: критерии отбора и соответствие требованиям работодателей

Аннотация. В работе рассматриваются вопросы требований работодателей к качественным характеристикам молодых работников. Показывается, что профессиональная компетентность, а также развитые личностные и деловые качества молодежи выступают основными критериями при трудоустройстве, в то время как знание специфики деятельности организации и наличие опыта работы по специальности являются одними из главных формальных требований к соискателю. Такие факторы, как наличие диплома престижного учебного заве-

дения, высокая академическая успеваемость, опыт научно-исследовательской деятельности и т.д., – не оказывают существенного влияния на решение о найме. В заключение автором подчеркивается, что работодатели предпочитают непосредственное взаимодействие с потенциальными сотрудниками, обладающими необходимыми качественными характеристиками, избегая системной работы по повышению общего уровня профессиональной подготовки обучающихся учебных заведений.

Ключевые слова: трудовой потенциал, требования рабочих мест, безработица, молодежь.

Важнейшим этапом в жизни молодежи является выход на рынок труда. От возможности реализовать полученные знания, умения и навыки в трудовой деятельности напрямую зависит их интеграция в общество. Современные же реалии таковы, что именно молодые люди чаще других сталкиваются с проблемами при трудоустройстве. По данным обследования населения по проблемам занятости, в 2014 г. уровень безработицы в России среди населения в возрасте от 15 до 19 лет составил 33%, от 20 до 24 лет – 13%, от 25 до 29 лет – 6%, в то время как среднее значение показателя у более возрастных групп не превышало 5% [1]. Это можно объяснить тем, что молодежь в процессе поиска работы вынуждена на равных конкурировать со старшим, более опытным поколением, которое, помимо профессионального образования, обладает перечнем дополнительных характеристик, повышающих его привлекательность для работодателей. К ним относят, например, продолжительный трудовой стаж, высокую квалификацию, знание специфики деятельности и профессиональной культуры организаций профильных отраслей и дисциплинированность. В то же время присущая молодым людям креативность, амбициозность, высокая обучаемость и т.д. далеко не всегда являются конкурентными преимуществами на рынке труда.

Таким образом, в работе предпринята попытка проанализировать требования работодателей к молодым работникам (в возрасте до 30 лет) в отраслевом разрезе. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса, проведенного в 2015 г. Департаментом труда и занятости населе-

ния Вологодской области совместно с Институтом социально-экономического развития территорий РАН¹.

Результаты опроса показали, что профессиональная компетентность выступает важнейшим критерием отбора молодых специалистов на вакантные места (в среднем 89% работодателей указали данный фактор в качестве главного). Очевидно, что выполнение должностных обязанностей вне зависимости от вида экономической деятельности хозяйствующего субъекта невозможно без соответствующей подготовки. Более того, последовательное сокращение «плохих» рабочих мест в российской экономике [2] может свидетельствовать о росте требований к качеству подготовки работников [3, с. 111].

В условиях конкурентной борьбы на рынке труда важным условием успешного трудоустройства является не только наличие определенных профессиональных компетенций, но и обладание развитыми личностными и деловыми качествами (80% респондентов – второй по популярности ответ). В таких сферах, как здравоохранение и предоставление социальных услуг (90%); образование (89%); операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг (82%); оптовая и розничная торговля (77%), данные характеристики молодежи имеют наибольшую ценность, что может быть связано с преобладанием профессий типа «человек-человек», требующих общения и взаимодействия с другими людьми.

Большую роль в процессе отбора кандидатов играет их практическая готовность к труду. Знание специфики деятельности организации является весомым критерием для 65% работодателей, а наличие опыта работы по специальности – для 62%. Причем первый фактор в большей степени присущ хозяйствующим субъектам образования (76%), транспорта и связи (69%), сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (67%), здравоохранения и предоставления социальных услуг (60%), а второй – строительства (91%), операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (71%).

¹ Объектом исследования являются хозяйствующие субъекты Вологодской области. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения относительно территории и основных видов экономической деятельности (в соответствии с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (ОКВЭД) от 2007 г.). Объем выборки составил 217 работодателей, ошибка выборки не превышает 3%.

Несмотря на высокие темпы компьютеризации общества и повсеместное использование авангардных технологий, наличие у молодого специалиста базового уровня компьютерной грамотности далеко не всегда имеет значение при трудоустройстве (важность критерия была отмечена в 52% опрошенных организаций). Это связано, с одной стороны, со спецификой развития различных сфер деятельности, в результате чего внедрение передовых разработок происходит неравномерно, а с другой – особенностями труда на конкретной должности.

Согласно оценкам работодателей, уровень успеваемости молодежи в учебных заведениях не играет существенной роли на рынке труда Вологодской области и занимает 6 позицию среди критериев отбора новых сотрудников (26%). Проблемы несоответствия образовательных программ требованиям реального сектора экономики, качества обучения, формализма знаний и т.д. стали причиной того, что хорошие оценки зачастую не позволяют судить о качестве профессиональной подготовки выпускника. В итоге указанный критерий учитывается в основном при трудоустройстве в организации сферы образования (в 57% случаев), где роль академической успеваемости достаточно высока.

Наименее востребованными характеристиками молодежи, по мнению работодателей, являются опыт исследовательской деятельности (написание научных статей, участие в конференциях и т.д.) и знание иностранных языков. Их важность признают порядка 4–6% опрошенных (исключение составляет сфера образования, где ответы получили по 32 и 15% голосов соответственно). По всей видимости, это обусловлено тем, что трудоустройство молодых людей, обладающих непродолжительным трудовым стажем, влечет за собой высокие риски, связанные с несоответствием их квалификации требованиям рабочих мест и длительной трудовой адаптацией. В результате роль вторичных факторов заметно снижается в пользу профессиональной компетентности, а также личностных и деловых качеств.

В целях привлечения наиболее подготовленных к трудовой деятельности студентов и выпускников профильных специальностей большинство работодателей утвердительно высказываются о желании сотрудничать с организациями

профессионального образования. Заинтересованными во взаимодействии оказались лишь 88% опрошенных руководителей. При этом высоко оцениваются такие формы сотрудничества, как участие в днях открытых дверей, ярмарках вакансий (45%), организация стажировок, практик для студентов (44%), заключение прямых договоров на подготовку специалистов (28%), а низко – участие в финансировании, организации учебных лабораторий (1%), организация конкурсов студенческих работ, поощрение лучших студентов (2%), выплата дополнительных стипендий (4%). Можно сделать вывод о том, что работодатели в основном предпочитают непосредственное взаимодействие с потенциальными сотрудниками, обладающими необходимыми качественными характеристиками. Системная работа по повышению общего уровня профессиональной подготовки студентов не является широко распространенной.

Таким образом, анализ показал, что профессиональная компетентность, а также развитые личностные и деловые качества молодых специалистов выступают основными критериями при трудоустройстве в хозяйствующие субъекты всех видов экономической деятельности. Помимо этого, важное значение при отборе кандидатов имеет их практическая готовность к труду, а также наличие базового уровня компьютерной грамотности. Другие факторы (диплом престижного учебного заведения, высокая академическая успеваемость, опыт научно-исследовательской деятельности и т.д.) не оказывают существенного влияния на решение о найме.

Поскольку работодатели в большинстве своем не заинтересованы в системном участии в повышении уровня профессиональной подготовки студентов (вследствие высоких финансовых вложений и неопределенности предполагаемого результата), образовательным организациям следует уделять больше внимания как поиску новых форм взаимовыгодного сотрудничества, так и повышению эффективности существующих. Молодым людям, в свою очередь, необходимо учитывать требования работодателей к качественным характеристикам молодежи при построении своих образовательных и профессиональных траекторий.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. Каталог публикаций. Обследование населения по проблемам занятости: сборник. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 23.08.2016).
2. Гимпельсон, В.Е. Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. – 2015. – № 7. – С. 87-119.
3. Шабунова, А.А. Человеческий капитал – индикатор устойчивого развития территорий / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2015. – № 5. – С. 101-115.

Поташева Ольга Вячеславовна,

кандидат экономических наук,

научный сотрудник,

Институт экономики Карельского научного центра РАН,

г. Петрозаводск

Розанова Людмила Ивановна,

кандидат экономических наук,

старший научный сотрудник,

Институт экономики Карельского научного центра РАН,

г. Петрозаводск

Переломная тенденция в структуре занятого населения в регионах СЗФО

По результатам сравнительного анализа влияния экономической и социальной политики на образовательный потенциал российских регионов проявилась тенденция, выразившаяся в резком сокращении за 2005–2007 гг. доли работников со школьным образованием в структуре занятого населения некоторых регионов. И действительно, это был период высокой инвестиционной активности, обусловившей прогрессивные структурные сдвиги и трудовую мобильность. По данным социологических наблюдений доминирующей группой в

структуре занятого населения и по настоящее время остается персонал со средним профессиональным образованием, но в последнее десятилетие это происходит на фоне растущей доли специалистов с высшим профессиональным образованием. Более того, мы заметим, что потоки трудовой миграции, особенно людей с высшим образованием, ориентированы на города с высоким инновационно-инвестиционным потенциалом.

В то же время исследованию межрегиональной мобильности человеческого капитала уделяется меньше внимания. И основной акцент в исследованиях сделан на проблемах повышения качества трудовых ресурсов [1, 2, 3]. Трудовую мобильность рассматривают также как индикатор конкурентоспособности персонала [4] и как один из факторов инновационной экономики, способствующей перемещению факторов производства в места их большей производительности [4, 5, 6, 7]. При этом ощущается явная недостаточность научных исследований, посвященных трудовой мобильности, связанной с влиянием образовательного потенциала на данный процесс [8, 9].

Анализ изменения образовательного потенциала, проведенный на базе данных переписей населения 2002 и 2010 гг., показывает существенный рост доли населения с высшим образованием [8]. Ниже приводится динамика данного показателя в разрезе возрастных групп по субъектам СЗФО и рейтинг субъектов (таблица).

Динамика населения за период с 2002 по 2010 г. с высшим профессиональным образованием по регионам СЗФО

Прирост показателя 2002 г. к 2010 г.	Динамика за период, в % / Рейтинг регионов СЗФО по индексу роста образовательного потенциала					
	Население от 15-24 лет		Население от 25-34 лет		Население от 35-44 лет	
Республика Карелия	133%	8	155%	8	99%	6
Республика Коми	127%	10	173%	4	103%	4
Архангельская область	135%	7	<u>176%</u>	<u>3</u>	110%	2
Вологодская область	156%	4	<u>182%</u>	<u>2</u>	101%	5
Калининградская область	173%	1	170%	5	97%	8
Ленинградская область	166%	2	<u>204%</u>	<u>1</u>	107%	3
Мурманская область	131%	9	151%	10	98%	7
Новгородская область	139%	6	155%	9	95%	9
Псковская область	159%	3	159%	7	92%	10
г. Санкт-Петербург	153%	5	165%	6	111%	1

Изменения накопленного образовательного потенциала в период между переписями населения показали, что регионами, где наиболее быстрыми темпами растет число молодежи с высшим профессиональным образованием, являются: г. Санкт-Петербург, причем он становится центром притяжения специалистов в возрасте от 25–34 лет и наиболее активно увеличивает долю лиц в возрасте от 35–44 лет; Ленинградская, Калининградская и Псковская области, наращивающие потенциал более молодой группы в возрасте 15–24 лет; Архангельская и Вологодская области, где наибольший прирост наблюдается для молодежной группы в возрасте 25–34 лет.

Насколько реализован в экономике образовательный потенциал, накопленный в субъектах СЗФО, можно представить графически (рис. 1). Так, наибольшая потребность в специалистах с высшим образованием проявляется с повышательной тенденцией в г. Санкт-Петербурге, Калининградской, Мурманской, Новгородской областях. В ресурсоэксплуатирующих субъектах с преимущественной долей добывающей промышленности после кризиса 2008 г. число занятых с высшим образованием в составе занятого населения, наоборот, уменьшилось. Это видно на примере Ненецкого автономного округа. Но в целом практически по всем субъектам после кризиса наблюдается рост (хотя крайне неоднородный) доли занятых с высшим образованием.

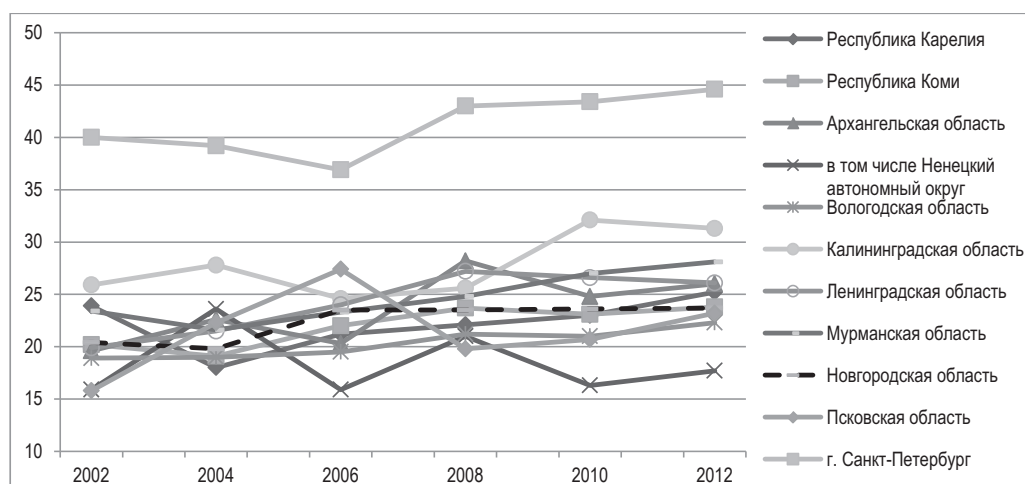

Рисунок 1. Изменение доли персонала с высшим образованием в составе занятого населения регионов СЗФО

Большую значимость в экономике СЗФО имеют трудовые ресурсы, обладающие средним профессиональным образованием: их доля в составе занятого населения от 40 до 65% (рис. 2). Но и она снижается, хотя и незначительно, во всех субъектах, за исключением Вологодской области, оставаясь при этом доминирующей. О возрастании роли профессионального образования не только высшего, но и среднего в региональной экономике свидетельствует тенденция обвального снижения в структуре занятого населения доли занятых со школьным образованием. С одной стороны, это связано с изменением ментальности населения и осознанием необходимости повышения образовательного уровня. Но, с другой стороны, данный факт доказывает происходящие в экономике инновационные преобразования, требующие соответствующих изменений в образовательной системе и повышения ее значимости в подготовке квалифицированных специалистов.

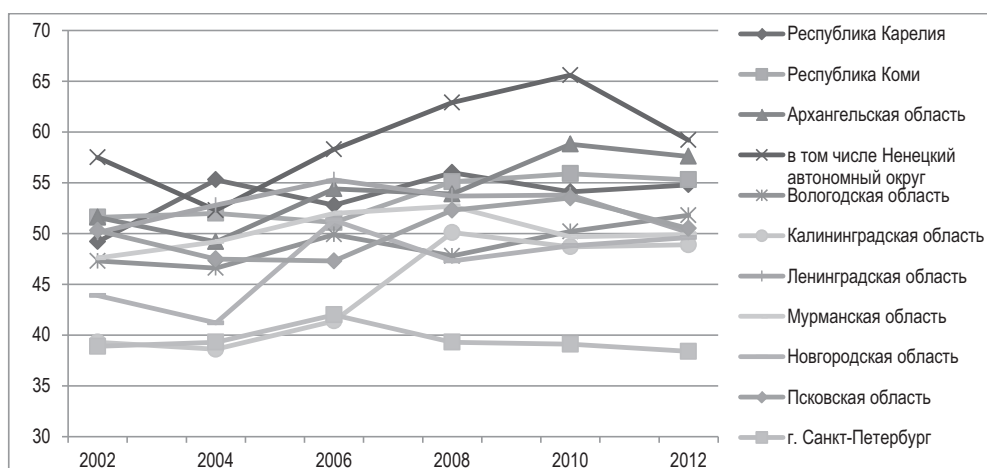

Рисунок 2. Изменение доли персонала со средним профессиональным образованием в составе занятого населения регионов СЗФО

Неоспоримым фактом можно признать большее сосредоточение производственного потенциала, инновационных предприятий и организаций в Санкт-Петербурге. Здесь и в структуре занятого населения представлены самая большая доля персонала с высшим образованием (рис. 1) и самая маленькая – с общеобразовательным средним (рис. 3). Сокращение доли занятых с общеобразовательным средним образованием становится объективной закономерностью

социально-экономического развития, поскольку усиливаются требования к квалификации персонала и аттестации рабочих мест в связи с усложнением производственных процессов, повышением спроса на качественное обслуживание в секторе услуг. Кроме того, доступность получения высшего образования также является одним из факторов уменьшения численности занятых со школьным образованием.

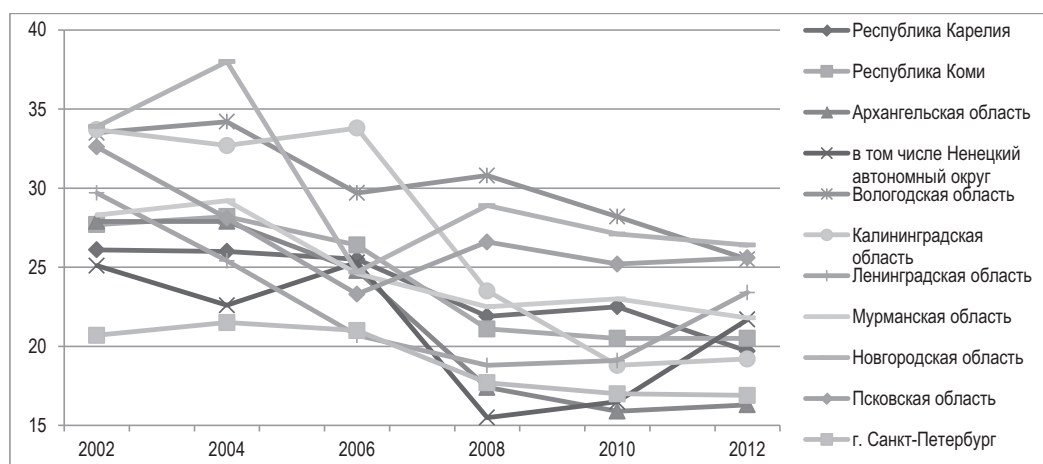

Рисунок 3. Изменение доли персонала с общеобразовательным средним (школьным) образованием в составе занятого населения регионов СЗФО

Проведенный анализ показывает, что экономическая динамика влечет за собой и социальную динамику: движение разных факторов производства происходит во взаимосвязи со структурными изменениями в общественном хозяйстве. Трудовая мобильность сопровождает экономические процессы в регионах, а неравномерность регионального развития обуславливает масштабное перемещение человеческого капитала в центры роста как в количественном, так и в качественном аспектах.

Литература

1. Макушева, Ю.А. К вопросу о мобильности трудовых ресурсов / Ю.А. Макушева, О.Т. Черней, С.И. Кулаков // Человек и труд. – 2012. – № 4. – С. 50-52.

2. Розанова, Л.И. Трудовая мобильность: бесконкурентная среда без перспектив карьерного роста / Л.И. Розанова // *НВ: Проблемы общества и политики*. – 2014. – № 4. – С. 15-23.
3. Нижегородцев, Р.М. Трудовая миграция как инструмент повышения качества человеческого капитала / Р.М. Нижегородцев // *Известия УрГЭУ*. – 2014. – № 3. – С. 6-10.
4. Потуданская, В.Ф. Трудовая мобильность как индикатор конкурентоспособности персонала / В.Ф. Потуданская, Т.В. Новикова, В.В. Ваховский // *Российское предпринимательство*. – 2013. – № 15(237). – С. 85-95.
5. Цапенко, И.В. Проблема эффективного воспроизводства человеческого капитала и инвестиционные подходы к ней / И.В. Цапенко // *Инновации*. – 2010. – № 4. – С. 95-98.
6. Макушева, Ю.А. Трудовая мобильность персонала в условиях инновационного развития Нижегородской области / Ю.А. Макушева, Л.В. Стрелкова, О.Т. Черней // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. – 2013. – № 1(29). – С. 93-96.
7. Любимова, Т.А. Территориальная мобильность человеческого капитала в направлении инновационного развития и ее последствия для Байкальского региона / Т.А. Любимова // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 6. – 556 с.
8. Поташева, О.В. Образовательный потенциал региона: содержание и оценка / О.В. Поташева, М.В. Морошкина // *Региональные проблемы преобразования экономики*. – 2014. – № 2(40). – С. 122-129.
9. Розанова, Л.И., Экономика знаний: взаимообусловленность формирования новой модели экономического роста и структурных изменений в системе образования / Л.И. Розанова, М.В. Морошкина, О.В. Поташева // *Друкерровский вестник*. – 2016. – № 2. – С. 138-147.

Разварина Ирина Николаевна,
инженер-исследователь,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Факторы риска здоровья детей, определяющие качество
человеческого потенциала**

Аннотация. Здоровье является важнейшей характеристикой человеческого и трудового потенциала [5]. Один из механизмов развития этого процесса – целенаправленное воздействие на факторы здоровья, как психофизиологической составляющей человеческого потенциала. В данной работе приведена сравнительная характеристика результатов научных исследований факторов формирования и факторов риска для здоровья детского населения. Обосновывается необходимость использования разносторонних научных данных, что позволит владеть достоверной информацией, учитывать региональные особенности при организации работы по здоровьесбережению детей.

Ключевые слова: здоровье, человеческий потенциал, факторы формирования, факторы риска для здоровья.

С точки зрения экономического подхода дети – это человеческий капитал общества, который предопределяет перспективы общественного воспроизводства [1]. Несмотря на активную законодательную деятельность на всех уровнях власти, проблем с охраной здоровья детей существует много. Актуальность этой темы подтверждают статистические данные. Они свидетельствуют, что, на фоне неуклонного уменьшения численности детского населения, как в стране, так и в отдельных регионах наблюдаются негативные тенденции в состоянии здоровья детей, характеризующиеся прежде всего высоким уровнем заболеваемости. По данным статистики около 35% детей уже рождаются больными. Настораживают и показатели младенческой смертности, приводящие к огромным экономическим потерям для общества. В Вологодской области на фоне демографического старения населения, обусловленного сокращением числа рождений [2], в последнее десятилетие наблюдается также рост показателя заболе-

ваемости детей [4]. Такая ситуация создает предпосылки для формирования низкого качества человеческого потенциала.

Отметим, что сегодня актуальны новые концепции охраны здоровья в нашей стране, которые ориентированы на здорового человека и заставляют изменить сложившиеся в науке и обществе традиционные понятия. Здоровье ребенка определяется не только наличием или отсутствием заболеваний, физиологическими характеристиками, но и способностью к социальному функционированию, что и определяет человеческий, а затем и трудовой потенциал. Упущение во времени, несвоевременное лечение заболеваний, коррекции нарушений развития невосполнимы в будущем ребенка.

На сегодня существует множество классификаций факторов, воздействующих на детское здоровье. Они делятся на экзогенные и эндогенные, управляемые и неуправляемые, а также их сочетания. Они могут снижать адаптационный потенциал организма, его функциональные резервы и повышать вероятность возникновения и развития болезни.

В отличие от факторов формирования здоровья, понятие «факторы риска для здоровья» объединяет те явления и процессы, которые не просто оказывают какое-либо воздействие на здоровье человека, а создают повышенную вероятность развития его нарушений.

Все факторы взаимосвязаны между собой и степень их воздействия неодинакова. При совместном действии факторов риска конечный эффект не является результатом простой суммации их эффектов воздействия. При этом могут наблюдаться антагонистический или синергический эффекты, воздействия различных факторов могут взаимно усиливать или ослаблять друг друга. В итоге состояние здоровья ребенка выявляется как интегральный показатель всех этих воздействий.

Анализ исследований по данной тематике показывает неоднозначность представлений ученых о влиянии факторов на здоровье человека. По результатам республиканского опроса «Поведенческие факторы риска среди населения Республики Беларусь» выявлено, что состояние инфраструктуры детства явля-

ется одним из факторов формирования здоровья ребенка. Полученные данные свидетельствуют о том, что социальная инфраструктура детства требует принятия эффективных мер по ее дальнейшему развитию и совершенствованию с учетом особенностей современного образа жизни и территории проживания [1].

Данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (2009) [3] показывают, что между здоровьем ребенка и показателями материального благополучия семьи, уровнем образования матери, наличием у нее работы, семейным положением и возрастом не существует значимой связи. Причиной называется несущественное различие в алгоритмах поведения разных доходных групп населения, возможностях качественного медицинского обслуживания, в отношении к здоровью, в распространенности вредных привычек.

В то же время масштабное мониторинговое исследование физического, образовательного, социального развития и влияющих на него факторов с момента рождения до самой смерти человека, проведенное в Великобритании, позволило получить принципиально иные результаты.

Было установлено, что дородовой, младенческий и период раннего детства оказывают большее влияние на умственное и физическое развитие человека, чем вся его дальнейшая жизнь. В ходе исследования также было выявлено, что благополучие семья, в том числе психологическое, оказывает влияние на здоровье детей. Дети, пережившие в раннем возрасте развод своих родителей, хуже учатся в школе по сравнению со своими сверстниками, воспитывающимися в полных семьях, и в будущем чаще становятся безработными, а также в большей степени склонны к злоупотреблению алкоголем и к разводам. Дети, воспитывающиеся в малодетных семьях с высоким социальным статусом родителей, обладают лучшими условиями для интеллектуального развития и имеют более высокие показатели школьной успеваемости [4]. Одним из главных факторов болезненности и смертности в младенчестве является курение матерей во время беременности [4].

Данные мониторинга «Изучение условий формирования здорового поколения» в Вологодской области также позволили оценить воздействие различных факторов, исходя из социологической информации, полученной в режиме реального времени. Причем факторы подразделялись в соответствии с возрастом: младенчество и раннее детство, дошкольный и школьный возраст. Среди множества социально-экономических факторов, оказывающих влияние на здоровье детей, были выбраны следующие группы: социально-демографические и медицинские. Мониторингом предусмотрена дифференциация на внешние и внутренние факторы риска для здоровья ребенка, дано понятие управляемых факторов и их систематизации по группам: медико-биологические, уровень жизни обследуемых семей, условия и образ жизни обследуемых семей, медицинская активность семей.

Результаты мониторинга позволили сделать следующие выводы, согласующиеся с результатами исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ»: наличие хронических заболеваний матери как индикатор здоровья связан с возрастом ребенка; в разном возрасте те или иные социально-экономические факторы могут приобретать или терять особое значение. Выявлены также данные, качественно отличающиеся от результатов «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ»:

1. Здоровье родителей: для новорожденных, матери которых имеют хронические заболевания, наблюдается в 3 раза выше риск плохого здоровья и хронических патологий. Вместе с этим дети, матери которых оценивают свое здоровье как «удовлетворительное, плохое», имеют в 1,6 раза выше риск плохого здоровья.

2. Показано значение медицинской активности на формирование здоровья, которая свою очередь зависит от уровня образования родителей. В среднем 27% семей при первых признаках недомоганий у ребенка не обращаются к врачу, предпочитая самолечение, что также негативно влияет на здоровье детей и развитие у них хронических заболеваний.

3. Низкий уровень материальной обеспеченности семьи. Как показало исследование, наблюдается риск возникновения хронических заболеваний у детей, рожденных в семьях, материальное обеспечение которых «достаточно при определенных условиях» (в 1,2 раза) и «недостаточно» (в 1,4 раза) для удовлетворения базовых потребностей.

4. Питание детей, особенно новорождённых, целиком зависит от родителей, поэтому представляют интерес изменения в характере питания женщин в период беременности. По результатам этапа мониторинга 2014 года установлено, что большинство женщин (48%) согласились с тем, что после наступления беременности их питание стало более разнообразным, 26% – не изменили свой рацион, 22% – улучшили качество потребляемых продуктов.

5. Выявлено влияние неблагоприятных жилищных условий, степени комфортности жилищных условий. Анализ здоровья детей исследуемых когорт (1995, 1998, 2001, 2004 гг. р.) в 2014 г. показал, что все дети, проживающие в плохих жилищных условиях, имеют какие-либо отклонения в состоянии здоровья. Так, семьи, «удовлетворительно» оценивающие свои жилищные условия, имеют в 1,3 раза более высокий риск возникновения проблем со здоровьем ребенка, чем семьи, оценивающие их «хорошо».

6. Подтверждено, что высокая распространенность вредных привычек в семьях влияет на распространенность хронических заболеваний среди детей. Сопоставление кратности заболеваний и частоты пребывания детей в накуренном помещении показывает, что в группе часто болеющих детей выше доля «пассивных курильщиков».

В 2016 году, для возможности практического применения результатов мониторинга, была разработана и ныне проходит апробацию методика оценки готовности детей подросткового возраста к реализации человеческого, трудового потенциала. Она позволит спланировать мероприятия по охране здоровья детей подросткового возраста на уровне семьи, образовательных организаций, муниципалитетов, региона.

Литература

1. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / под ред. И.В. Котлярова. – Мн.: Беларуская навука, 2015. – 499 с.
2. Кислицына, О.А. Здоровье детей – богатство нации: тенденции, факторы риска, стратегии сбережения: монография / О.А. Кислицына. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 268 с.
3. Кононова, А.Е. Социально-экономические факторы детского здоровья в России / А.Е. Кононова // Социологические исследования. – 2016. – № 4. – С. 94-102.
4. Шабунова, А.А. Общественное здоровье и здравоохранение территорий / А.А. Шабунова, К.Н. Калашников, О.Н. Калачикова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. – 284 с.
5. Шабунова, А.А. Проблемы доступности медицинской помощи для населения / А.А. Шабунова // Федерализм. – 2010. – № 1. – С.209-218.

Русанова Нина Евгеньевна,

доктор экономических наук,

доцент, ведущий научный сотрудник,

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,

г. Москва

Ван Е,

аспирант,

Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,

г. Москва

Здоровьесберегающее поведение школьников: российские проблемы и китайский опыт

Аннотация. Статья посвящена вопросам здоровья школьников и их поведению, направленному на сохранение здоровья. Статистические данные по России и Китаю свидетельствуют о схожести проблем: в обеих странах уже первоклассники имеют проблемы со здоровьем, к окончанию школы ситуация ухудшается. Это снижает качество рабочей силы, необходимой для модернизации и

инновационного развития экономики. Китайский опыт формирования навыков самосохранительного поведения школьников основан на сочетании мер, предусмотренных государственным законодательством и национальными традициями, приносит результаты и может быть особенно полезен при усилении значения качества населения.

Ключевые слова: здоровье, здоровьесбережение, самосохранительное поведение, школьные болезни, модернизация экономики, обучение.

Состояние здоровья школьников – важнейший индикатор благополучия общества и государства. По данным Всероссийской диспансеризации 2010 г. здоров лишь каждый третий российский ребенок, у половины выявлены функциональные отклонения, а каждый шестой хронически болен [1, с. 122]. Наиболее часто встречаются заболевания органов пищеварения, опорно-двигательного аппарата, эндокринной системы, зрения, растет число психических расстройств, что прямо связывается с интенсификацией процесса получения образования, возрастанием учебной нагрузки и технологизацией современной жизни. Рост болезней нервной системы (на 1,2%), врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений (на 1,3%), болезней органов дыхания (на 1,6%), новообразований (на 3,2%) [2] можно считать общей тенденцией для всех стран, поэтому здоровьесбережение школьников становится частью государственной демографической политики независимо от ее направления – анти- либо пронатального. Ухудшение здоровья детей и подростков снижает качество потенциальной рабочей силы, необходимой для инновационного развития современной экономики.

С учетом этого представляет интерес позитивный опыт Китая в сфере здоровьесбережения школьников в условиях изменения народнохозяйственных парадигм и современной «догоняющей» модернизации экономики [3]. Значимость китайских идей сохранения и укрепления здоровья школьников состоит, среди прочего, в воспитании как процессе интериоризации ценности здоровья, обосновании теории «живого обучения», где физическое развитие занимает ведущую позицию, в трудовой активности, акценте на нравственности, морали и

сознательной дисциплине в здоровьесбережении, созидающем общении и толерантности, сведениях о правильном питании и сне, сезонной одежде, оздоравливающем воздействии музыки, танцев и подвижных игр, формировании культуры здоровья на индивидуальном уровне [4]. В условиях китайской демографической политики, построенной по принципу «одна семья – один ребенок» и предлагающей рожать «позже, реже, меньше», качеству подрастающего поколения, одним из компонентов которого является здоровье, придается особо важное значение. Периодические национальные обследования здоровья детей и подростков свидетельствуют о появлении целой группы «школьных болезней» (близорукость, нарушение осанки, неврастения, анемия): 45,71% учеников китайских начальных школ и 80% старшеклассников страдают теми или иными проблемами зрения, а в городах среди детей 7–12 лет ожирение наблюдается у 18,17% мальчиков и 9,71% девочек [5]. Общими проблемами остаются здоровье младших школьников, их адаптация к учебе, неблагоприятная экологическая обстановка, возрастание объема и интенсивности учебной нагрузки, переутомление, повышенная невротизация, гипокинезия (малая двигательная активность), неудовлетворительное оснащение сельских школ, недостаточная инфраструктура и материально-техническая база школьного питания, приобретение старшими школьниками вредных привычек. Решение этих проблем предполагает последовательное формирование культуры здоровья, начиная с младшего школьного возраста, в котором закладывается мотивация здорового образа жизни и грамотность в области здоровьесбережения, в среднем школьном возрасте целью становится валеологическая компетентность и здоровьесохраняющие ценностные ориентации, в старшем – креативные действия, направленные на укрепление собственного здоровья [4].

Забота государств о здоровье школьников отражается в их законодательстве. В России санитарно-гигиенические правила и нормы школьного образования отражены в федеральных законах «Об образовании» (1992 г.), «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (1999 г.), «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам и организа-

ции работы» (2003 г.), «Гигиенические требования к условиям обучения в общеобразовательных учреждениях» (2011 г.), инструктивных письмах, приказах, постановлениях и распоряжениях Правительства РФ. В Китае к документам, содержащим валеологический аспект школьного образования, относятся законы «Об обязательном образовании» (1986 г.), «Об учителях» (1993 г.), «Об образовании» (1995 г.), «О стимулировании негосударственного образования» (2003 г.), «О продуктах питания» (2009 г.), ряд нормативных актов Государственного совета КНР: «Основные положения об общегосударственном спортивном плане» (1995 г.), План осуществления «Основных положений об общегосударственном спортивном плане (2006–2010 гг.)» и др.

Достижение цели укрепление общественного здоровья молодежи зависит от сохранения индивидуального здоровья школьников, поскольку, например, в Китае *«школа гарантирует учащемуся один час физической нагрузки, но после школы подростки вынуждены продолжать усиленно заниматься, на что они тратят большую часть свободного времени»* [5]. Чтобы изменить это, основы здоровьесберегающего поведения включаются в учебные предметы естественнонаучного и гуманитарного циклов на протяжении всего периода школьного обучения. Российские исследования свидетельствуют о росте понимания школьниками важности самосохранительного поведения, однако во многих случаях в будущем это не находит практической реализации; например, студенты младших курсов одного из высших учебных заведений Подмоскovie склонны обвинять в ухудшении своего здоровья скорее условия обучения и плохую экологию, чем наличие у себя вредных привычек (курение, употребление алкоголя, нерегулярность занятий спортом и проч.) [6, с. 104-117].

Литература

1. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие / под ред. проф. Локосова В.В. – М.: Экон-Информ, 2015. – 411 с.
2. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации от 18 декабря 2014 г. – <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/155>

3. Боровская, Н.Е. Россия – Китай: образовательные реформы на рубеже XX–XXI веков: сравнительный анализ / Н.Е. Боровская. – М., 2007.

4. Жабина, Л.В. Использование китайского опыта здоровьесбережения школьников в российских общеобразовательных учреждениях: автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. пед. наук / Л.В. Жабина. – Пятигорск, 2012. <http://nauka-pedagogika.com/pedagogika-13-00-01/dissertaciya-ispolzovanie-kitayskogo-opyta-zdoroviesberezeniya-shkolnikov-v-rossiyskih-obscheobrazovatelnyh-uchrezhdeniyah#ixzz4JNqLx64S>

5. Ожирение и близорукость – главные враги китайских школьников [Эл. рес.]. – Реж. дост.: <http://ru.gbtimes.com/novosti/ozhirenie-i-blizorukost-glavnye-vragi-kitayskih-shkolnikov>

6. Здоровье молодежи: сравнительное исследование: Россия, Беларусь, Польша: коллективная монография. – М.: Экон-Информ, 2016. – 214 с.

Рыбакова Лариса Николаевна,
*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт социологии РАН, ФМЦПН им. В.П. Сербского,
г. Москва*

Точки слома на девиантных траекториях подростков

Аннотация. На основе эмпирического материала сделаны выводы о кумулятивном характере санкционирующего социального контроля, усиливающего стигматизацию несовершеннолетних правонарушителей.

Ключевые слова: подростки, девиации, колония, социальный контроль.

Теоретической основой данного исследования послужили социологические концепции социального контроля и девиантных карьер применительно к несовершеннолетним правонарушителям. С одной стороны, социальный контроль рассматривается как средство самоорганизации и самосохранения соци-

альной системы путем отторжения девиаций. С другой стороны, интерес к аспектам индивидуального строительства жизни (биографии, жизненного сценария, девиантной карьеры и т.д.), обусловленный расширением феноменологической традиции. Предпринята попытка объединить два контрастных подхода к анализу девиантного поведения с целью выявить возможные точки приложения усилий общества по предотвращению подростковой преступности.

Обычно «девиантная карьера» включает этапы жизненного пути, ведущие к обретению устойчивого девиантного статуса: переход количества нарушений социально одобряемого поведения в новое качество идентичности. У подростков отдельные нарушения могут сложиться в «кривую дорожку» либо в «пунктир» (случайное выявление). При этом большое значение имеет наклеивание ярлыков, которое связано с характером реакции социальных институтов на отдельные девиации. В зависимости от вмешательства социальных институтов подростковые девиации могут сложиться в картину общего неблагополучия подростка либо в досадный, но простительный промах. Так, семейные ресурсы могут быть использованы для торможения маховика социальных санкций. А происхождение из «неблагополучной» семьи используется социальными институтами как отягчающее обстоятельство и основание для «вмешательства».

Много лет специалисты спорят о мерах профилактики подростковой преступности. Дилемма заключается в том, какие меры более эффективны в предупреждении правонарушений среди несовершеннолетних – индивидуальные или институциональные. Мы разделяем точку зрения, что в основном правонарушителями становятся не «бракованные» индивиды, а «недовоспитанные» обществом. Теории сдерживающего социального контроля (Ю.Ю. Комлев) направляют аналитическую мысль в связи с профилактикой по трем направлениям. Первое – полиция (инспекция по делам несовершеннолетних) должна совершенствовать средства предупреждения правонарушений (просвещение, обучение, плотный контроль и др.), не профилактику рецидивов. Второе – институты социализации должны повысить эффективность взаимодействия со своими объектами, чтобы предупредить или перенаправить неуправляемое рискован-

ное поведение, усилить осознаваемую регулируемую связь между целями и мотивами действия, между действием и ценностными смыслами жизнедеятельности, т.е. развивать социально-педагогическое направление. Третье – расширение средств внешнего регулирования с помощью институциональных вмешательств, социальных санкций и поощрений, например помощь «трудным» ученикам в овладении программой. Эти направления *продуктивного*, а не карающего социального контроля организуют деятельность социальных институтов, работающих с молодежью. Их разнообразие за рубежом показывает нам возможности развития, в частности, в области реабилитации (помощь при интеграции в социум) или в сфере гражданских инициатив (волонтерство, шефство и т.п.).

В литературе указываются различия между внешним (институциональным, а также через референтные группы) социальным контролем и внутренним (совесть, конформизм, привязанность и вовлеченность и т.п.). Если говорить о взрослом населении, то актуальность внутренне направляемого социального контроля проявляется в социальной идентичности – готовности следовать социально одобряемым нормам поведения. Что касается несовершеннолетних, то, по общему признанию, они находятся в процессе построения своей идентичности, под значительным влиянием окружения, СМИ, интернета. Поэтому они нуждаются в опорах, вешках, ориентирах, создающих русло, колею в процессе социализации.

В аспекте социального контроля уместно говорить о нормативных «стандартах», предоставляемых возможностях, доступных услугах со стороны социальной организации. Аспект биографии, жизненной карьеры акцентирует внимание на востребованности, доступности, технологичности таких организационных предложений. В точке их пересечения возможны несовпадения, сломы, в результате череды которых складывается «девиантная траектория».

Можно говорить о наследственности и других биологических факторах, которые могут быть компенсированы воспитанием. По статистике, не менее четверти несовершеннолетних осужденных имеют психическое расстройство.

По данным И. Соковня, среди осужденных несовершеннолетних в колониях по сравнению с их ровесниками на свободе в два с половиной раза больше злоупотребляющих алкоголем, в 12 раз – наркотиками, в девять раз – больных заболеваниями, передающимися половым путем. Эти факты свидетельствуют, по нашему мнению, не о «безнравственности» подростков, а об их уязвимости, отягощенности социальными болезнями своего окружения.

Первая точка слома в карьере – отсутствие социально-педагогической поддержки неблагополучных семей и слабость социальных ресурсов семьи, не компенсированных вмешательством социальных институтов. Всего треть матерей и 13% отцов несовершеннолетних правонарушителей имели постоянную работу на предприятии, случайными заработками пробавлялись около четверти или пятой части глав семей. Личным подсобным хозяйством кормилась примерно десятая часть семей, в которых проживали колонисты до осуждения.

Психологи констатируют в последнее время нарастание в начальной школе количества детей с синдромом гиперактивности и дефицита внимания. Девианты чаще всего входят в эту категорию. Этот фактор затрудняет их функционирование в обычных школьных коллективах, где одноклассники к тому же внимательно отмечают «ненормальность» и контактируют довольно избирательно. Уже с 5–8 класса треть опрошенных колонистов были «трудными учениками» и по успеваемости, и по поведению. Возникают начальные проявления эксклюзии – школьный коллектив сверстников дистанцируется от «трудных» на основании неуспешной учебы, «плохого поведения», низкого материального уровня семьи и других признаков отклонения от нормы «среднего ученика».

Факт постановки на учет в инспекции по делам несовершеннолетних (ИДН) полиции становится второй точкой слома в девиантной карьере подростка, за которой последовало судебное решение. Почти половина опрошенных в колонии (43%) до совершения преступления состояла на учете в ИДН от месяца до полугода. Применяемая санкция «клейма» и усиленного контроля со стороны ИДН оказывается недейственной в силу неосознанности и отсутствия

связи с жизненно значимыми мотивами. Подростки не знают, за что их поставили на учет. Ответы «за драки» и «за хулиганство» составляют всего 7%. Ответы «ни за что» и «не знаю» – 10,5%. Расплывчатый ответ «за поведение» – 19%. Конкретный ответ «за прогулы» – 29%. Родители, как правило, эту ситуацию формулируют по-другому: «Не хочет учиться». Для «колонистов» характерен мотив уклонения от целенаправленной деятельности, систематических занятий, избегания включенности в учебный коллектив.

Третья точка слома траектории – семейные привязанности. Лишь 38% колонистов встречаются с родственниками, а каждый десятый отмечает, что давно не имеет вестей из дома. Есть основания полагать, что часть осужденных подростков воспроизводит тюремный опыт своих родственников (31%), у остальных в семье не было судимых. Четвертая часть опрошенных указывает, что их привязанность к родителям была недостаточно взаимной: «в своей семье я был чужой», «не хватало внимания родителей». 15% подвергались избиениям. Почти половина отмечает ссоры и нотации как характерный признак родительского воспитания. Особенностью родительских стратегий является контроль: за посещением школы, за знакомствами, употреблением наркотиков, приобщенностью к курению и выпивкам. Формальный контроль по безличным признакам.

Итак, точки слома девиантных траекторий несовершеннолетних правонарушителей обнаруживают рассогласование между потребностями индивида и практикуемыми средствами социального контроля. Социальный контроль сводится к мониторингу и санкционированию. В результате происходит нарастание десоциализации уязвимого подростка, которое обостряется его социальной изоляцией в колонии, завершается формирование девиантной идентичности подростка. Практически в работе с российскими подростками применяется преимущественно стигматизирующий вариант социального контроля. Поэтому девиантные карьеры колонистов можно назвать кумулятивными, накапливающими негативный потенциал. Точки слома не сглаживаются.

Самарин Артём Викторович,
старший преподаватель,
Тюменский государственный университет,
г. Тюмень

Теоретическая модель здоровьесформирующей среды университетского комплекса

Аннотация. На сегодняшний день в научной литературе в основном существуют исследования здоровьесформирующей среды, касающиеся уровня общего и среднего профессионального образования. Несмотря на повышенное внимание ученых к проблематике здоровьесформирующей среды, нет единого мнения о сущности и содержании понятия «здоровьесформирующая среда университетского комплекса». Автором разработана теоретическая модель здоровьесформирующей среды университетского комплекса.

Ключевые слова: здоровье, студенты, здоровьесформирующая среда, университетский комплекс.

Снижение уровня здоровья студентов – одна из актуальных проблем современного общества. Профессиональная сфера заинтересована в здоровом и мобильном специалисте, поэтому система профессионального образования не может стоять в стороне от решения проблемы здорового образа жизни студентов [3]. Здоровье студентов рассматривается сегодня в качестве приоритетного направления деятельности государственных органов власти Российской Федерации и субъектов РФ, осуществляющих управление в сфере образования. Уровень здоровья студентов является индикатором устойчивого развития общества в целом. Здоровье обучающихся выступает одним из ведущих принципов государственной политики в сфере образования, который закреплен в законе 273-ФЗ «Об образовании в РФ» 2016 г.

Развитие здоровьесформирующей среды университетского комплекса происходит посредством механизмов реализации в образовательном процессе нормативно-правовых и законодательных актов. Так, на основании анализа нормативно-правовых документов можно констатировать, что в соответствии с дей-

ствующим законодательством РФ университетские комплексы должны проводить работу по обоснованию безопасности для студентов новых образовательных технологий и программ. Согласно ст. 28 Федерального закона РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» № 52-ФЗ от 30.03.1999 года, программы и технологии могут использоваться в образовательной деятельности при соответствующем заключении и допуске санитарно-эпидемиологической службы.

Тем не менее автор обращает внимание на тот факт, что оценка безопасности среды университетского комплекса в большинстве случаев не проводится. В то же время ст. 41 Закона 273-ФЗ «Об образовании в РФ» 2016 г., определяет охрану здоровья обучающихся как приоритетное направление деятельности образовательного учреждения, администрация которого должна обеспечивать условия безвредного и безопасного обучения, организацию и проведение постоянного мониторинга влияния этих условий на организм студентов на протяжении всего периода обучения в университетском комплексе.

Несмотря на повышенное внимание ученых к проблеме здоровьесформирующей среды, в научной литературе нет единого понимания сущности и содержания такого понятия, как «здоровьесформирующая среда университетского комплекса».

Недостаточность научных исследований проблематики здоровьесформирующей среды университетского комплекса предоставила возможность автору разработать её теоретическую модель.

Модель здоровьесформирующей среды университетского комплекса включает в себя:

Цель. Создание и реализация системы ценностных ориентаций по формированию культуры здоровья студенчества.

Для достижения поставленной цели возникает необходимость решения приоритетных **задач:**

- 1) определение структурно-компонентного состава здоровьесформирующей среды университетского комплекса;
- 2) разработка механизмов реализации здоровьесформирующей среды в условиях университетского комплекса;
- 3) внедрение в образовательный процесс университетского комплекса механизмов формирования ценностного отношения к здоровью;
- 4) совершенствование материально-технической базы, способствующей безопасному проведению оздоровительных мероприятий;
- 5) создание и совершенствование условий отдыха, оздоровления и лечения студентов;
- 6) повышение ответственности студентов по отношению к формированию и сохранению собственного здоровья с помощью современных информационных технологий и средств массовой информации;
- 7) разработка механизмов стимулирования студентов к ведению здорового образа жизни;
- 8) совершенствование системы мониторинга состояния здоровья студентов;
- 9) повышение социальной активности студентов путём приобщения их к различным научным, культурным, спортивно-оздоровительным и другим социально значимым мероприятиям, с целью дальнейшей самореализации.

Принципы, составляющие методологическую основу модели:

- 1) научности, предполагающий реализацию в университетском комплексе научно обоснованных и проверенных программ, ориентированных на формирование культуры здоровья;
- 2) сознательности, предполагающий формирование у студентов норм и ценности культуры здоровья, с учетом их сознательного включения в программы сохранения и укрепления собственного здоровья;

3) личностного развития, предполагающего рассмотрение личности студента как основного звена здоровьесформирующей деятельности университетского комплекса;

4) прикладной направленности, заключающейся в использовании на практике разрабатываемой модели здоровьесформирующей среды;

5) ориентации на ценность здоровья, обеспечивающей формирование устойчивой ценности здоровья.

В качестве **основных характеристик** модели здоровьесформирующей среды университетского комплекса можно определить:

1) ориентированность на здоровье как основную жизненную ценность студентов;

2) открытость модели для инноваций;

3) вариативность и гибкость модели для возможности её коррекции;

4) индивидуальность подходов по формированию культуры здоровья студентов.

Критерии оценки эффективности воздействия здоровьесформирующей среды университетского комплекса:

1) оценка состояния здоровья студентов – мониторинг здоровья;

2) оценка уровня знаний в области культуры здоровья;

3) оценка деятельности администрации по обеспечению материально-технической базы, качественного питания, условий для санаторно-курортного отдыха и др.;

4) оценка качества информационно-просветительской деятельности;

5) оценка социальных условий жизнедеятельности студентов.

Оценка эффективности воздействия здоровьесформирующей среды университетского комплекса подразумевает наличие результатов комплексных исследований по изучению факторов, влияющих на состояние здоровья студенчества, а также уровня усвоения норм и ценностей культуры здоровья.

7. Стратегия социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/dokumenty/>

8. Публичный доклад о результатах деятельности Департамента внутренней политики Правительства Вологодской области за 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vologda-oblast.ru/upload/iblock/0bc/>

9. Молодёжь и молодёжная политика в России в контексте глобальных тенденций: доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации, 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/docs?categoryId=14&page=1>

Креховец Екатерина Владимировна,
*старший преподаватель кафедры
экономической теории и эконометрики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород*

Леонова Людмила Аркадьевна,
*кандидат экономических наук,
старший преподаватель кафедры математической экономики,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Нижний Новгород*

Социальный капитал студентов: сетевой подход

Аннотация. Социальный капитал влияет на различные стороны жизни индивида. В настоящее время с развитием междисциплинарного подхода к исследованию различных областей знаний понятие социального капитала используется все чаще. В том числе настоящая концепция широко используется в экономике и социологии образования, когда речь идет о социальном взаимодействии между отдельными индивидами и группами людей. В данном исследовании социальный капитал интерпретируется как социальные контакты, возникающие между студентами в рамках обучения в вузе. Используя методы сетевого

Силина Татьяна Александровна,
инженер-исследователь,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

**Специфика доверия в молодежной среде промышленного города:
социологический анализ**

Аннотация. В статье рассматривается специфика доверия в молодежной среде промышленного города. Социологический анализ оценки работающей молодежью социально-экономического положения России через призму радиуса доверия обозначенной когорты показывает, что: 1) круг доверия молодежи промышленного города уже в сравнении с молодежью региона; 2) молодые «промышленники» несколько иначе оценивают социально-экономическую ситуацию в стране, нежели все опрошенные вологжане (молодые люди в частности).

Ключевые слова: доверие, молодежь промышленный город.

Феномен доверия многогранен и исследуется в различных аспектах, его роль может рассматриваться как на микро-, так и на макроуровне, что обуславливает исследование двух во многом противоположно направленных концептов доверия: с позиции индивидуального значения и с позиции общественного значения. Свою специфику имеет доверие в молодежной среде промышленного города. По мнению ряда исследователей, положение молодежи в обществе в своих основных чертах в предельно концентрированном виде отражает общую социальную ситуацию [Бабинцев]. Молодежь в этом смысле является наиболее чувствительным материалом. Выявить особенности выражения доверия среди молодежи промышленного города возможно на основе исследования состояния социальной среды, проводимого ИСЭРТ РАН в режиме мониторинга.

Специфика промышленного моногорода проявляется в том числе и в сфере социальных отношений и накладывает особенный отпечаток на социально-экономические, социально-психологические, поведенческие характеристики отдельных когорт. Город Череповец Вологодской области – моногород, сфор-

мировавшийся вокруг основного своего предприятия – металлургического комбината, ставшего ныне ПАО «Северсталь». Ситуация в городе во многом зависит от положения дел на ЧерМК «Северсталь», поэтому значительная часть молодых людей связывает свои жизненные перспективы с развитием данного предприятия. В последнее время немаловажную роль стал играть и ФОСАГРО. В настоящее время на промышленных предприятиях занят каждый второй горожанин. С начала современного экономического кризиса, открыто проявившего себя в конце 2014 года, горожанам-промышленникам пришлось пережить не одну волну сокращений, в частности на градообразующем предприятии резкую инфляцию и падение покупательной способности. А это означает потерю твердой основы молодыми людьми, строящими планы на успешную карьеру и материальную стабильность. Кроме всего прочего, эти процессы ведут к сужению круга доверия акторов. Тем не менее есть основания полагать, что молодежь, занятая на крупных промышленных предприятиях, а также проживающая в городе-промышленнике, все же чувствует себя в экономическом плане немного более уверенно, нежели все остальные представители когорты 18–30 лет исследуемого региона.

Анализ данных исследования, проведенного в апреле 2016 года специалистами ИСЭРТ РАН среди жителей Вологодской области, позволяет нам увидеть специфику оценки социально-экономической ситуации как всей молодежью города-металлурга, так и молодыми череповчанами, занятыми только на производстве. На основе этих данных мы также можем выделить специфику доверия в молодежной среде промышленного города.

Итак, согласно результатам исследования, молодые череповчане, работающие в промышленности, в оценке экономического положения России немного более позитивны, нежели молодежь Череповца и области и все опрошенные жители региона (рис. 1). 70% работающих на крупных промышленных предприятиях дают оценку «очень хорошо», «хорошо» и «среднее». Чуть ниже, чем у молодых «промышленников», но оптимистичнее, чем у всей молодежи области, а также всех опрошенных вологжан, – оценки молодежи Череповца в це-

лом. Очевидно, что жизнь в городе, социально-экономическую основу которого составляют крупные промышленные предприятия с мировыми именами, имеет определенное влияние на сознание молодых людей. Четкое понимание наличия определенных «подводных камней» в жизнедеятельности моногорода не мешает молодому поколению чувствовать себя здесь чуть более уверенно в экономическом плане.

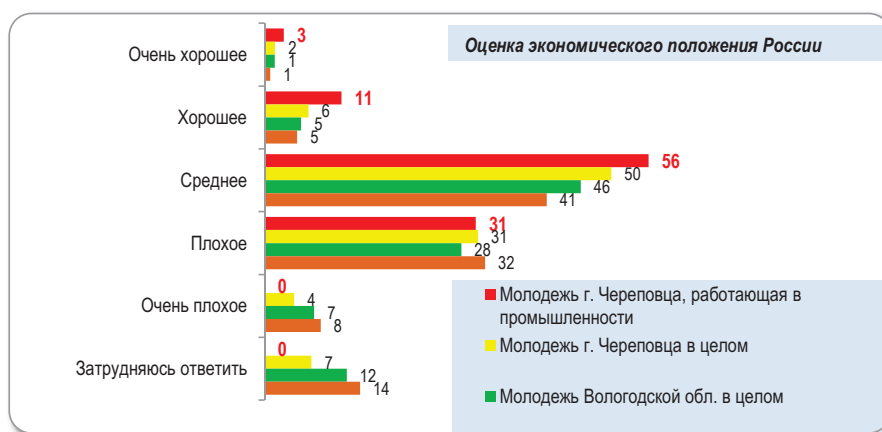

Рисунок 1. Как Вы оцениваете экономическое положение России? (данные приведены в % от числа опрошенных среди череповчан 18–30 лет, занятых в промышленности, молодежи Череповца и области в целом, жителей всего региона)

Хотя в целом, конечно, оценку экономической ситуации в России и череповчанами, и вологжанамии вообще нельзя назвать хорошей. Она скорее «средняя».

И тем не менее, несмотря на более оптимистичные оценки российской экономики молодежью промышленного города, результаты исследования позволяют констатировать, что круг доверия череповчан 18–30 лет, занятых на производстве, уже, чем у всех остальных представителей исследуемой когорты, а также всех опрошенных вологжан (рис. 2). 94% молодых работников предприятий считают, что «в наше время никому нельзя доверять», а если доверять, то «только самым близким друзьям и родственникам». Тогда анализ результатов этого же исследования ИСЭРТ РАН в целом по области (и среди всех участвующих возрастных категорий) показывает, что вологжане, чей круг до-

верия шире и максимально широкий, гораздо более позитивно оценивают социально-экономическую ситуацию в стране и области, нежели люди с узким радиусом доверия¹. Здесь мы можем выделить два аспекта специфики доверия в молодежной среде промышленного города. Первый: «промышленники», проводя большую часть своего времени на закрытых предприятиях, «от звонка до звонка», не испытывают необходимости и не имеют физических возможностей расширения круга личных, профессиональных и других знакомств, расширения круга доверия. Второй: понимая все «подводные камни» крупного предприятия, во многом зависящего от состояния микро- и макроэкономики, обладая узким кругом доверия, работники промышленных предприятий более оптимистично оценивают экономику страны. Видимо, связано это с осознанием престижа и масштаба предприятия, на котором они работают, а также регулярностью выплаты заработной платы (размер которой в основном выше среднего по области), что дает основание быть более уверенными в оценке экономики страны.

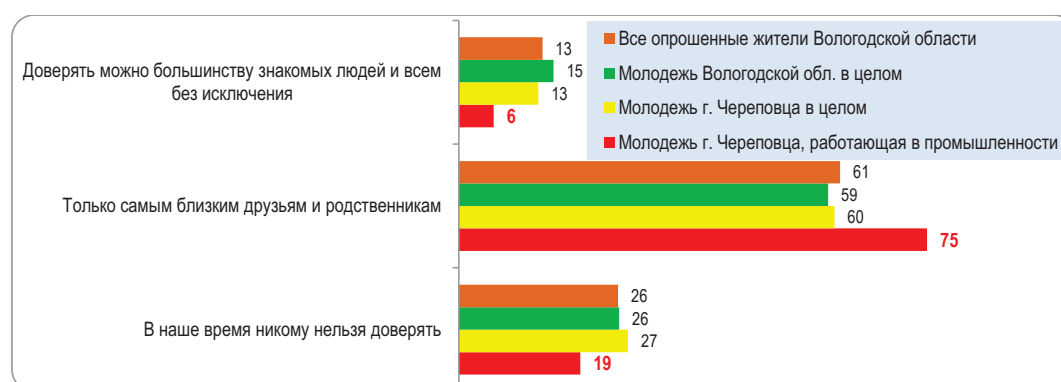

Рисунок 2. Кому Вы можете доверять? (данные приведены в % от числа опрошенных среди череповчан 18–30 лет, занятых в промышленности, молодежи Череповца и области в целом, жителей всего региона)

Показательными в контексте сделанных выводов и обозначенных противоречий выглядят следующие данные (рис. 3). Мы видим, что примерно одинаковое количество молодежи промышленного города как среди тех, кто «не до-

¹ Гужавина Т.А., Силина Т.А., Ластовкина Д.А. Динамика доверия в контексте отношений россиян к социально-экономическим и политическим изменениям: информационно-аналитическая записка о 2 этапе НИР по теме «Социальный капитал как ресурс модернизации общества» // ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2016. – С.16.

веряет никому», так и среди тех, кто доверяет «только самым близким» и «доверяют большинству знакомых и всем без исключения», оценивает состояние экономики России как «хорошее» и «среднее». При этом оценку «плохо» и «очень плохо» в среднем на 10% чаще дают представители групп «только самым близким друзьям и родственникам» и «доверять можно большинству и всем без исключения», чем представители группы «в наше время никому нельзя доверять». Как мы уже отмечали выше, данные в целом по региону выглядят несколько иначе. Чем шире круг доверия, тем оптимистичнее оценки, в том числе, социально-экономического положения страны. Результаты данных среди молодежи промышленного Череповца однозначны: большую часть группы «в наше время никому нельзя доверять» в выборке составили работники промышленных предприятий, которые, как мы уже выяснили, обладая узким кругом доверия, дают положительные оценки экономике России.

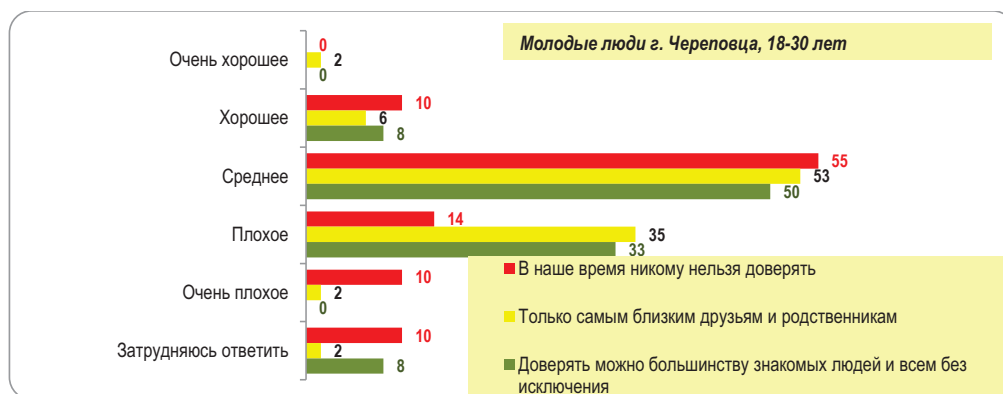

Рисунок 3. Как Вы оцениваете экономическое положение России? (данные приведены в % от числа опрошенных среди череповчан 18–30 лет, тех, кто считает, что «в наше время никому нельзя доверять», «доверять можно только самым близким друзьям и родственникам», и тех, кто «доверяет большинству или всем»)

Хотя проведенный анализ – это небольшой срез огромного массива данных, полученных в ходе исследования, проведенного ИСЭРТ РАН, но даже в этом случае мы можем выделить специфику доверия в молодежной среде промышленного города и обозначить научный и практический интерес в исследовании этой стороны феномена доверия.

Литература

1. Бабинцев, В.П. Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования / В.П. Бабинцев, Е.В. Реутов, И.В. Бояринова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2007. – С. 28.
2. Гужавина, Т.А. Динамика доверия в контексте отношения россиян к социально- экономическим и политическим изменениям / Т.А. Гужавина, Т.А. Силина, Д.А. Ластовкина: информационно-аналитическая записка по 2 этапу НИР по теме «Социальный капитал как ресурс модернизации общества» // ИСЭРТ РАН. – Вологда, 2016. – С. 16.
3. Ушамирский, А.Э. Проблема институционального доверия в молодежной среде / А.Э. Ушамирский // Символ науки. – 2015. – №10-2. – С. 253-258.

Смирнова Ольга Александровна,
*уполномоченный при Губернаторе
Вологодской области по правам ребенка,
г. Вологда*

Обеспечение права ребенка на участие в принятии решений

Все мы помним детские общественные организации Советского Союза – пионерскую и комсомольскую. Несмотря на определенную политическую направленность, они играли огромную роль в жизни ребенка. Это была и определенная школа управления с ее социальными лифтами (командир отряда, председатель совета дружины и т.д.), и коллективные мероприятия по сбору металлолома, макулатуры, смотры строя и песни, тимуровское движение, походы и многое другое. С развалом СССР ниша оставалась пустой и долгое время была ничем не заполнена.

В 1990 году Российская Федерация ратифицировала Конвенцию о правах ребенка, в которой закреплено право ребенка на участие в принятии решений, затрагивающих его интересы.

За этот период в нашей стране создана правовая основа для участия детей в принятии решений. Это Федеральный закон от 28 июня 1995 года №98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Федеральный закон от 12 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 года №761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы».

Во всех регионах появились и действуют детские и молодежные общественные объединения, молодежные советы, палаты, парламенты. Практически во всех школах работают органы школьного самоуправления.

Вопросам поддержки детского и молодежного общественного движения, вовлечения детей и подростков в позитивные социальные практики, формирования у подростков позитивного опыта участия в общественном управлении, а также формирования у них дальнейшей мотивации на активное участие в общественном движении и общественном самоуправлении уделяется особое внимание и в нашей области.

Управлением молодежной политики Департамента внутренней политики совместно с учреждением «Областной центр молодежных и гражданских инициатив „Содружество”» выстроена система работы с детскими и молодежными общественными объединениями, органами школьного самоуправления, в которую вовлечены все муниципальные районы и городские округа области.

В 2015 году осуществляли деятельность порядка 250 детских общественных объединений, в работе которых принимает участие 16,3 тысячи подростков. Официально зарегистрированы в качестве юридического лица 3 детские организации: Череповецкая городская детская общественная организация «Союз мальчишек и девчонок»; Вологодская областная детская общественная организация «Союз детских фольклорных коллективов»;

Вологодское региональное отделение Общероссийской детской общественной организации «Общественная Малая академия наук „Интеллект будущего”».

Детское и молодежное движение области широко представлено разнообразными общественными объединениями. Анализ содержания их деятельности позволяет выделить её следующие основные направления: гражданско-правовое, духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи; организация досуга подростков и молодежи, поддержка талантливой молодежи, спортивно-массовая работа; формирование здорового образа жизни, профилактика негативных явлений в молодежной среде; информационное обеспечение молодежи; занятость молодежи и поддержка молодежного предпринимательства.

Большинство общественных объединений осуществляют свою деятельность в рамках организации свободного времени детей, подростков и молодежи.

В Вологодской области существуют общественные объединения, которые продолжают исторические традиции мирового и отечественного детского и молодежного движения (скаутские и пионерские организации).

В рамках реализации государственной молодежной политики особое внимание уделяется вовлечению молодежи в общественное управление регионом, первой ступенью которого и является школьное ученическое самоуправление. В 2015/2016 учебном году в области действовали 378 общеобразовательных организаций, в каждой из которых созданы органы школьного ученического самоуправления.

Для данной категории участников ежегодно проводятся различные мероприятия. Это и сборы органов школьного ученического самоуправления. Для участия приглашаются лидеры школьного самоуправления и их педагоги. Они учатся основам школьного ученического самоуправления, обмениваются опытом работы.

Это и единый день выборов руководителей органов школьного ученического самоуправления в общеобразовательных организациях Вологодской об-

ласти. Мероприятие реализуется с 2014 года совместно с Избирательной комиссией области. В проекте принимают участие более 100 образовательных организаций ежегодно.

По итогам Единого дня выборов в Правительстве Вологодской области проводится Съезд руководителей органов школьного ученического самоуправления Вологодской области.

Еще одна форма детского самоуправления – это Детский совет при уполномоченном при Губернаторе области по правам ребенка, целью которого является привлечение несовершеннолетних к изучению, обобщению, обсуждению проблем, связанных с обеспечением прав и законных интересов детей, проживающих на территории Вологодской области, выработке предложений и мер по их реализации, развитие механизма участия детей в общественной жизни области. В состав Детского совета входят ребята из всех муниципальных районов области. Заседания проходят в здании Правительства области в режиме видеоконференцсвязи.

В 2015 году на заседаниях Детского совета рассмотрены вопросы участия детей в подготовке к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, проведении конкурса «Один день глазами ребенка войны», реализации проекта «Дети-герои нашего времени», организации работы школьного ученического самоуправления, а также вопросы соблюдения прав детей в образовательных организациях, соблюдения прав детей-инвалидов.

В ходе подготовки к заседанию Детского совета вопроса «О соблюдении прав детей-инвалидов в Вологодской области» ребята изучили нормативные документы и провели исследования доступности социальной инфраструктуры для детей-инвалидов у себя в районе, обеспечения их права на образование, познакомились с ребятами, находящимися на домашнем обучении. По итогам заседания рекомендации по устранению выявленных нарушений направлены главам муниципальных районов, в Департамент образования.

Все это способствует реализации права детей на участие в принятии решений, затрагивающих их интересы.

Однако в ходе изучения ситуации относительно участия детей в принятии решений в образовательных организациях области выяснилось, что в большинстве школ органы ученического самоуправления проводят большую культурно-массовую работу, однако реального участия в обсуждении и принятии локальных нормативных актов организации, затрагивающих их интересы, не принимают. Анкетирование, которое провели члены Детского совета, также показало, что детям не доверяют участвовать в решении конкретных вопросов школьной жизни, да и сами они не стремятся к этому, считая, что для решения данных вопросов есть администрация учреждения.

Проверки, проведенные в центрах помощи детям, оставшимся без попечения родителей, показали, что нормативные документы есть в каждом учреждении: это и положения о детском самоуправлении, и планы работы, и протоколы заседаний. Только председателями таких органов зачастую являются взрослые, протоколы написаны и подписаны взрослыми, да и выступают на заседаниях тоже взрослые. Локальных актов, затрагивающих интересы детей, согласованных с детскими органами самоуправления, мы практически не увидели. А ведь самоуправление – это сокращенное словосочетание «самостоятельное управление». Однако насколько самостоятельны дети, которые сами ничего не решают, а лишь организуют то, что им подсказывают педагоги? А могут ли дети принимать решения без помощи взрослых? Зачастую самоуправление подменяется подбором группы наиболее активных, послушных детей, которые создают видимость управления.

Поэтому необходимо обратить особое внимание на организацию работы по развитию школьного ученического самоуправления, привлечению обучающихся к разработке и принятию локальных актов, затрагивающих права и законные интересы обучающихся, принятию ими самостоятельных управленческих решений.

Современная школа не может заниматься только обучением, она должна научить ребенка быть самостоятельным, совершать поступки и отвечать за них, принимать решения, защищать свои права.

Сегодня наши дети учатся, пробуют себя в той или иной роли, а завтра они станут взрослыми и начнут самостоятельно жить. Ученики приходят в школу не только за знаниями, но и для того, чтобы готовиться к жизни. И важную роль в этом играет ученическое самоуправление.

Смолева Елена Олеговна,
научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Механизмы формирования девиантного поведения несовершеннолетних

Аннотация. В докладе рассматривается комплексный подход к проблеме девиантного поведения несовершеннолетних. С точки зрения психологии отклоняющееся поведение несовершеннолетних характеризуют деформации в ценностно-мотивационной системе личности, дефекты системы регуляции поведения, негативный жизненный опыт. Пусковым механизмом формирования девиантности выступает наличие трудных жизненных ситуаций (ТЖС). Объективный аспект ТЖС у подростков связан с ограниченным жизненным опытом и изоляцией от социальных структур, субъективный – с неудовлетворенностью базовых потребностей в заботе и уходе. Значительная роль в формировании девиантности принадлежит социально-педагогическому фактору, к которому, судя по результатам социологических опросов, относятся неравномерное распределение материальных ресурсов, недостатки семейного воспитания, негативные образцы для подражания, транслируемые референтными группами; ослабленный социальный контроль.

Ключевые слова: девиантное поведение, несовершеннолетние, социализация, социально-психологическая дезадаптация, стили семейного воспитания.

Девиантным поведением личности является поведение, отклоняющееся от социальных норм. Многоплановый характер феномена требует к себе комплексного подхода и объединения знаний различных научных областей. Так, в

психологии вопросы формирования девиантного поведения связываются с процессом развития личности. Например, Е.В. Руденский рассматривает девиантность подростков как следствие дефицитарной деформации развития в контексте социально-педагогической виктимизации личности [9, с. 170-171]. Анализ психологической литературы выявил следующие характеристики центральных образований девиантной личности: негативная доминирующая система отношений к себе [6, с. 85-94; 7, с. 219-220]; деформации в ценностно-мотивационной системе личности [1, с. 24-32; 3, с. 59; 9, с. 8]; социальные установки на агрессивность, контрнормативность как стиль поведения [8, с. 38-40]; негативная доминирующая система отношений к другим [5, с. 55-62]; дефекты самоконтроля, малоэффективные копинг-стратегии [11, с. 64-70].

Пусковым механизмом девиантного поведения является наличие проблемной ситуации, в ответ на которую человек демонстрирует неконструктивный тип поведения. Ф.Е. Василюк выделяет варианты возникновения проблем, такие как фрустрация, стресс, конфликт и кризис [4, с. 30-45]. Закреплению паттернов девиантного поведения способствует негативный жизненный опыт.

Следовательно, отклоняющееся поведение несовершеннолетних можно рассматривать как результат их выхода из проблемной, трудной, жизненной ситуации (ТЖС). В трудной жизненной ситуации одновременно взаимодействуют несколько факторов:

- поведенческий, указывающий на отсутствие сформированных моделей поведения в данной ситуации;
- когнитивный, показывающий недостаток знаний, умений и навыков для нормальной жизнедеятельности в ней;
- витальный, заключающийся в субъективном ощущении невозможности существовать в этой ситуации [3, с. 57-58].

Согласно проведенному Институтом социологии РАН исследованию¹, сами подростки с девиантным поведением выделяют следующие проблемные ситуации: проблемы с учебой (47%); отсутствие взаимопонимания и конфликты с родителями (27%) и недостаток любви и заботы со стороны взрослых (25%); отсутствие денег (26%) и модной одежды (15%), недостаток развлечений (25%), скука (22%); отсутствие девушки/парня (14%), близкого друга (14%), конфликты со сверстниками (9%); вредные привычки (17%).

Объективный аспект ТЖС связан с ограниченным жизненным опытом и изоляцией от социальных структур. Субъективный аспект ТЖС заключается в ощущаемой неудовлетворенности базовых потребностей в заботе и уходе. У «трудного» подростка оказываются фрустрированными основные социальные потребности: потребность в положительной оценке значимых для него взрослых, потребность в самоуважении (школьная неуспеваемость ассоциируется с низким уровнем интеллекта), потребность в общении (исключение из системы межличностных отношений в школе). Несовершеннолетние с девиантным поведением могут испытывать фрустрацию в отношении образования, проведения досуга, образа жизни в целом.

Психологическая готовность несовершеннолетних к отклонениям в поведении состоит в неспособности адекватного восприятия ситуаций, связанных с преодолением жизненных трудностей, налаживанием отношений с окружающими.

По данным социологического исследования, проведенного ИС РАН совместно с ИСЭРТ РАН, наблюдается воспроизводство неблагополучия родительских семей подростков в возрасте 7–18 лет, находящихся в ТЖС, и нарастание девиантных форм поведения. Наиболее остро проблема семейного неблагополучия и подростковых девиаций стоит в группе 11–15-летних опрошенных.

В семьях несовершеннолетних с противоправным поведением наиболее часто встречаются следующие нарушения процесса воспитания: гиперпротек-

¹ НИОКР Института социологии РАН по теме «Исследование факторов, затрудняющих социализацию детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, построение и апробация модели их социальной реабилитации», 2014–2015 гг.

ция; гипопротекция, максимальное удовлетворение любых потребностей несовершеннолетнего, игнорирование потребностей несовершеннолетнего; чрезмерность требований-запретов, минимальность санкций за нарушение требований; кризис [12].

Функции воспитания оказываются для большинства семей непосильными без государственной поддержки. Механизмы социального контроля не могут компенсировать недостатков семейного воспитания.

Социологические опросы позволили отнести к факторам формирования социально неодобряемого поведения несовершеннолетних следующие: неравномерное распределение материальных ресурсов, недостатки семейного воспитания (безответственное исполнение родительских обязанностей в значительной части семей, уклонение отцов от воспитания, использование негативных санкций), негативные образцы для подражания, транслируемые референтными группами; ослабленный социальный контроль как в семье (родители не всегда интересуются жизнью подростка, кроме успеваемости), так и вне семьи.

Итак, девиантное поведение характеризуют деформации в ценностно-мотивационной системе личности, дефекты системы регуляции поведения, проблемы в эмоционально-волевой сфере, негативный жизненный опыт. Пусковым механизмом формирования девиантности выступает наличие проблемных ситуаций – трудных жизненных ситуаций. Для подростковых девиаций наиболее характерны следующие особенности: высокий уровень готовности к девиациям, импульсивный характер реагирования на состояние фрустрации; низкий уровень стимуляции. Значительная роль в формировании отклоняющегося поведения несовершеннолетних принадлежит социально-педагогическому фактору, выражающемуся в дефектах школьного, семейного или общественного воспитания.

Литература

1. Бухлина, Л.Ю. Исследование социальных позиций подростков с различной степенью изоляции от семьи / Л.Ю. Бухлина // Девиантология: хрестоматия / автор-составитель Ю.А. Клейберг. – СПб.: Речь, 2007.

2. Василевская, К.Н. Трудная жизненная ситуация: проблема определения и диагностики / К.Н. Василевская // Социальные технологии, исследования. – 2004. – № 1. – С. 57-58.
3. Васильева, Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушении социальной регуляции поведения / Ю.А. Васильева // Психологический журнал. – 1997. – № 2. – Т. 18.
4. Василюк, Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М., 1984.
5. Кучинская, Е.В. Отношение к социальной среде у несовершеннолетних правонарушителей с корыстной ориентацией / Е.В. Кучинская // Вопросы психологии. – 1994. – № 4. – С. 55-62.
6. Раева, В.М. Структурные особенности личности несовершеннолетних правонарушителей. / В.М. Раева // Проблемы личности, профилактика отклонений в ее развитии: материалы научно-практического семинара, 28-30 июня 1992 года под ред. И.А. Невского. – М., 1993.
7. Реан, А.А. Практическая психодиагностика личности: учебн. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001.
8. Реан, А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: ПитерКом, 1999.
9. Руденский, Е.В. Психология отклоняющегося развития личности / Е.В. Руденский. – Новосибирск, 1998.
10. Семикашева, И.А. Социально-психологические особенности идентичности подростков: автореферат дис ... канд. психол. наук / И.А. Семикашева. – Ярославль, 2003.
11. Сирота, Н.А. Копинг-поведение и психопрофилактика психосоциальных расстройств у подростков / Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский // Обзор. психiatr. и мед. психол. – 1994 – № 1.
12. Смолева, Е.О. Влияние стилей семейного воспитания на формирование локуса контроля несовершеннолетних / Е.О. Смолева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2009. – № 4. – С. 57-59.

Солдатова Наталия Владимировна,
доцент,
Вологодский государственный университет,
г. Вологда

Пространственные особенности и динамика демографического потенциала населения Вологодской области в период 1992–2014 гг.

Аннотация. Исследование выполнено на основе статистических данных по возрастно-половому составу населения Вологодской области за 1992, 2007 и 2014 гг., а также данных демографических ежегодников Вологодской области за период 1992–2014 гг. Прослежены пространственные различия в показателях демографического потенциала и его динамики в период с 1992 по 2014 год. Выявлены различия в протекании процесса изменения возрастной структуры населения и величины демографического потенциала в административных районах Вологодской области.

Ключевые слова: возрастная структура населения, демографический потенциал, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, репродуктивный возраст, возраст наивысшей репродукции.

За период с 1992 по 2014 г. произошла существенная трансформация возрастной структуры населения, которая привела, наряду с демографическим старением населения, к снижению демографического потенциала. Названные изменения приводят к возникновению важных социально-экономических проблем для региона.

В широком смысле понятие демографического потенциала (ДП) включает, в первую очередь, чисто демографические характеристики населения: численность и ее динамику, демографические процессы и структуры населения. В демографии ДП населения рассчитывается как процентное соотношение женского населения в возрасте 15–49 лет и всего населения территории.

Главным демографическим процессом является рождаемость, уровень которой зависит только от двух составляющих – количества женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) и суммарного коэффициента рождаемости, т.е.

числа детей, которое рождает одна женщина данного поколения за весь период репродукции. Наибольшее значение в формировании демографического потенциала территории имеет количество женщин в возрасте наивысшей репродуктивности, т.е. в 20–30 лет. Поскольку число женщин репродуктивного возраста в первую очередь зависит от уровня рождаемости в предыдущем поколении, можно говорить, что уровень ДП территории главным образом зависит от уровня рождаемости.

На уровень рождаемости, а следовательно, и на демографический потенциал территории огромное влияние оказывает ряд факторов: социально-экономические, физиологические, поведенческие, информационные. Первая группа факторов характеризует факторы внешней среды. Вторая включает в себя здоровье молодого поколения, репродуктивное здоровье и здоровье трудоспособного населения. Эти факторы определяют возможный уровень рождаемости и ДП территории. Поведенческие факторы, включающие традиции, обычаи, образ жизни, характер профессиональной деятельности и т.д., в настоящее время стали главными в определении уровня рождаемости. Информационный фактор оказывает прямое воздействие на модели поведения всего общества, в том числе пропагандирует определенные репродуктивные установки.

Наряду с отмеченными постоянно действующими факторами, определяющими уровень рождаемости, огромное влияние на демографическую ситуацию оказывает проводимая в государстве демографическая политика. Для стран с первым типом воспроизводства населения, к которым относится Россия, характерна демографическая политика, направленная на увеличение рождаемости и естественного прироста населения.

В России в основе демографической политики, концепция которой принята в 2007 году и рассчитана на период до 2025 года, лежат задачи сокращения уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, сокращение уровня младенческой и материнской смертности не менее чем в 2 раза, повышение уровня рождаемости (в 1,5 раза увеличение суммарного коэффициента рождаемости). Помимо этих основных задач демографическая политика России направлена также на

сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности активной жизни; укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков.

Демографический потенциал населения Вологодской области в разрезе субъектов Российской Федерации можно охарактеризовать как типичный для большей части страны, т.е. соответствующий среднероссийскому уровню. Высокий уровень смертности, отрицательный естественный прирост и миграционный отток населения не дают Вологодской области достичь более высоких показателей ДП (таблица).

За период 1992–2014 гг. ДП населения Вологодской области остался неизменным – 23,3%, т.е. несколько ниже необходимого (25–33%) для простого воспроизводства населения. В большинстве административных районов, как видно из таблицы, составленной по данным официальной статистики, он за этот период сократился [1, 2, 3]. Исключение составляют 6 районов: пригородный Вологодский, восточные Кич-Городецкий, Никольский и Тотемский, а также Чагодощенский на западе и Вожегодский на севере области. Доля молодых женщин в возрасте наивысшей репродукции по области выросла с 6,0 до 6,8%, т.е. на 13%. Среди территорий внутри области рост этой группы женщин, в первую очередь определяющих увеличение ДП, отмечен в Вологде, Череповце, пригородном Вологодском и 4 районах на периферии области. В то же время в ряде районов сокращение ДП было очень значительным: в Белозерском районе доля женщин репродуктивного возраста сократилась на 31%, в Вашкинском – на 24%. В два раза сократилась за этот период доля молодых женщин в Бабушкинском, Междуреченском, Нюксенском и Тарногском районах.

Динамика показателя внутри рассматриваемого периода существенно различается. С 1992 по 2007 год уровень демографического потенциала в области вырос на 17%, а доля женщин в возрасте 20–30 лет – на 38%. ДП увеличился во всех районах и крупных городах области, доля молодых женщин – в большинстве районов. Исключение составили шесть районов: Бабушкинский,

Кич-Городецкий, Междуреченский, Никольский, Сямженский, Усть-Кубинский.

Демографический потенциал населения Вологодской области

Район	Доля женщин в возрасте 15-49 лет от всего населения, %			2014 к 1992, %	2007 к 1992, %	2014 к 2007, %	Доля женщин в возрасте 20-30 лет от всего населения, %			2014 к 1992, %	2007 к 1992, %	2014 к 2007, %
	1992	2007	2014				1992	2007	2014			
Вологодская область	23,3	27,3	23,3	100	117	85	6,0	8,3	6,8	113	138	82
Бабаевский	20,4	24,2	18,2	89	119	75	4,6	6,3	4,1	89	137	65
Бабушкинский	18,7	23,4	17,4	93	125	74	5,5	5,3	2,8	51	96	53
Белозерский	20,6	24,3	14,3	69	118	59	5,6	6,5	4,0	71	116	62
Вашкинский	20,2	22,7	15,4	76	112	68	4,5	4,5	3,0	67	100	67
Великоустюгский	21,8	26,7	21,4	98	122	80	6,2	8,3	6,0	97	134	72
Верховажский	20,1	25,5	17,9	89	127	70	5,6	6,0	3,0	54	107	50
Вожегодский	18,9	23,2	19,3	102	123	83	4,7	5,3	5,0	106	113	94
Вологодский	22,2	26,1	22,5	101	118	86	6,1	7,5	6,5	107	123	87
Вытегорский	20,0	24,0	19,4	97	120	81	4,7	6,9	4,2	89	147	61
Грязовецкий	21,4	25,5	20,4	95	119	80	5,0	6,7	4,7	94	134	70
Кадуйский	22,8	24,8	20,4	89	109	82	5,0	6,4	4,9	98	128	77
Кирилловский	20,0	23,9	17,1	86	120	72	4,8	6,3	3,4	71	131	54
К-Городецкий	17,8	23,5	18,6	104	132	79	5,5	4,7	3,7	67	85	79
Междуреченский	20,5	23,5	17,4	85	115	74	6,2	4,5	3,1	50	73	69
Никольский	18,8	25,4	19,7	105	135	78	6,0	5,7	3,5	58	95	61
Нюксенский	19,0	24,7	17,9	94	130	72	5,0	5,8	2,5	50	116	43
Сокольский	22,0	25,5	21,6	98	116	85	5,8	8,0	6,2	107	138	78
Сямженский	20,1	24,0	16,9	84	119	70	5,9	5,0	5,4	92	85	108
Тарногский	19,9	24,1	17,8	89	121	74	5,4	5,6	2,7	50	104	48
Тотемский	20,0	26,4	20,7	104	132	78	5,0	7,6	5,1	102	152	67
У-Кубинский	19,6	19,7	16,5	84	101	84	4,5	4,3	3,0	67	96	70
Устюженский	18,7	22,7	17,4	93	121	77	4,5	6,2	4,0	89	138	65
Харовский	19,4	22,8	16,7	86	118	73	4,3	5,3	2,6	60	123	49
Чагодощенский	18,7	23,7	19,0	102	127	80	3,8	6,1	3,7	97	161	61
Череповецкий	20,0	23,4	19,6	98	117	84	4,6	6,3	5,8	126	137	92
Шекснинский	21,3	24,0	18,0	85	113	75	5,1	6,4	4,4	86	125	69
г. Вологда	27,4	30,4	27,5	100	111	90	6,5	10,8	9,7	149	166	90
г. Череповец	26,0	29,4	25,7	99	113	87	6,9	9,3	7,5	109	135	81

В период 2007–2014 гг. тенденция резко меняется: по области ДП сокращается на 15%, доля молодых женщин – на 18%; ДП сократился во всех районах и крупных городах, доля женщин в возрасте 20–30 лет увеличилась только в Сямженском районе.

В целом можно отметить, что ДП населения Вологодской области имеет тенденцию к сокращению, усилившуюся после 2007 года. Сокращение рождаемости в 1990-е – 2000-е годы привело к тому, что в ближайшей перспективе резко сократится доля женщин в возрасте наивысшей репродукции.

Наряду с ограничивающими факторами можно выделить и факторы, способствующие росту ДП. К ним относится положительная динамика роста рождаемости после 2007 года и сокращения смертности населения области, что в отдаленном будущем может повысить ДП населения.

Литература

1. Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2007 году [Текст]: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2008. – 96 с.
2. Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году [Текст]: стат. сборник / Вологдастат. – Вологда, 2015. – 97 с.
3. Распределение постоянного населения по полу и возрасту на 1 января 1993 года [Текст]: стат. бюллетень / Госкомстат Российской Федерации, Вологодское областное управление статистики. – Вологда, 1993. – 77 с.

Соловей Алеся Петровна,
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси,
г. Минск

Мотивация труда молодых ученых

Аннотация. Рассматривается мотивация труда молодых ученых как фактор воспроизводства кадрового потенциала науки. Анализируются факторы творческой мотивации применительно к научной деятельности, в том числе предметное содержание деятельности, потребности личности, социальные факторы. Представлена система вознаграждений, влияющих на мотивацию ученого. Рассмотрены два типа ученых-профессионалов в научно-исследовательских организациях: с космополитической и с местной установкой. Представлены факторы, определяющие современное состояние науки как специфического социального института по продуцированию нового достоверного знания.

Ключевые слова: наука, мотивация труда, мотивы научной деятельности, молодые ученые, система вознаграждений труда ученого, типы ученых-профессионалов, научно-исследовательская организация.

Научная деятельность – это, в первую очередь, процесс, который осуществляется конкретными людьми. Поэтому основное внимание должно быть направлено на отдельного человека как субъекта научной деятельности. Наука – это особая сфера специфической человеческой деятельности по производству научных знаний. И, несмотря на количественные и качественные изменения, происходящие в науке, ученый всегда будет являться главной фигурой, производящей научные знания.

Актуальность изучения мотивов, побуждающих молодых людей идти в науку, связана с поиском путей эффективного воспроизводства кадров в научно-образовательной сфере. Следует отметить, что государственные средства на подготовку квалифицированных кадров в аспирантуре расходуются не всегда эффективно. Это связано с тем, что многие выпускники после завершения аспирантской программы не защищают диссертации, уходят из научно-исследовательских институтов. Или же уходят из науки после защиты кандидатской диссертации. В любом из случаев, удовлетворив свои личные интересы, молодые люди не остаются в научно-исследовательской сфере. Ярким примером могут служить неформальные практики ухода от обязательного прохождения службы в армии людей, которые не собираются связывать свою жизнь с наукой, однако принимают решение трудиться в научной сфере.

Роль мотивации является ключевой в попытках изучить личность ученого, в выяснении причин, которые влияют на выбор научной карьеры и побуждают принять на себя определенные роли в научном сообществе (роль «чистого» исследователя или организатора науки). Движение научного знания невозможно, пока оно не станет мотивом, который ведет конкретного индивида к осуществлению определенной потребности, т.е. фактором его субъективной деятельности. Субъективные особенности личности ученого доступны изучению в том случае, когда они получили объективное выражение в результатах дея-

тельности. Ключевым пунктом в научной деятельности ученого являются мотивы. В социологической науке при определении мотива акцент делается на «субъективном отношении человека к своему поступку, сознательно поставленной цели, направляющей и объясняющей поведение» [2, с. 27].

В области науки при классификации мотивов творческой деятельности за основу берут источники мотивации, которые побуждают личность к творческой деятельности. В этом случае следует сказать о трех аспектах изучения творческой мотивации, соответствующих трем группам факторов. В самом общем виде их можно обозначить как: 1) предметное содержание деятельности; 2) потребности, стремления, интересы данной личности; 3) социальные факторы, воздействующие на личность и ее деятельность [5, с. 139]. При изучении мотивации творческой деятельности трудности возникают, когда необходимо учесть предметно-профессиональное содержание деятельности ученого, которое воздействует на его внутреннюю мотивацию. Однако при обсуждении проблем внутренней мотивации как фактора научного творчества выделяется вопрос о соотношении внешней и внутренней мотивации. Внешние мотивы могут быть двигателем научной деятельности только посредством внутренней мотивации. Следует отметить, что критерием успеха не могут служить внешние атрибуты и внешние блага сами по себе. Хотя их присвоение нередко становится доминирующим мотивом деятельности ученого.

Среди мотивов научной деятельности решающая роль признается не столько за не связанной с личными интересами любознательностью, сколько за «мотивом достижения» – стремлением к успеху, к достижению цели. Данный мотив был подвергнут всестороннему исследованию в работах Маклеланда. Автор трактует «мотив достижения» в качестве глубинного фактора, который свойствен как ученым, так и деловым людям [4, с. 205].

По мнению М. Дж. Махони, существует целая система вознаграждений, которые играют значительную роль в мотивации ученого: 1) публикация рукописи; 2) получение специальных финансовых субсидий и вознаграждений; 3)

ссылки в печати на работы; 4) приглашение выступать, написать или прислать репринт; 5) приглашение перейти на работу в более престижное научное учреждение; 6) приглашение на какую-нибудь ответственную должность [3, с. 15-16]. Стремление к получению вознаграждения определяет поведенческую мотивацию ученого в отношении создаваемой им научной продукции, что выражается в усилиях как можно скорее опубликовать полученные результаты.

В научно-исследовательских организациях существуют два типа ученых-профессионалов: с космополитической установкой и с местной (впервые эти термины использовал Р.К. Мертон). Первая установка проявляется в фокусировании интересов ученого на профессиональных задачах и профессиональной карьере при недостаточном внимании к задачам организации. Вторая установка акцентирует внимание ученых на достижении целей организации, при этом меньше внимания уделяется своей карьере. Эти ученые делают «организационную карьеру» [3, с. 36]. С местно-космополитической установкой считаются те исследователи, для которых исследовательская и организационная деятельность являются важными и совместимыми. Космополитическая ориентация у таких ученых проявляется в стремлении добиваться институциональных целей науки, заслуженного вознаграждения и успеха среди своих коллег. Местная же ориентация выражается в стремлении поддержать авторитет своего учреждения и в чувстве ответственности за его деятельность. В свою очередь престижность организации имеет для ученого не меньшее значение, чем собственные успехи [3, с. 39].

В мотивации труда научной молодежи особое значение имеет мотив материального обеспечения. Стартовые условия, в которых находится претендент на рабочее место в науке, влияют на научно-исследовательскую продуктивность. Творческая же мотивация проявляется в самореализации, в использовании собственного потенциала, в стремлении достичь научного результата, реализовать свои идеи, принести пользу обществу. Академическая мотивация, которая проявляется в академических статусах, выражается в стремлении реали-

зовать в будущем свою социальную роль, связанную с признанием, престижем, властью [1, с. 118]. Следовательно, социальный капитал (и авторитет) научных работников проявляется в наличии ученой степени, большом количестве признанных публикаций, руководящей должности, членстве в экспертных советах.

Мотивирует научную деятельность и облик современного научного работника, определяющий изменениями, характеризующими развитие науки как социальной системы, как сферы человеческой деятельности, обусловленной следующими факторами. Во-первых, обособление науки как специфического социального института, что означает репрезентацию научного работника как представителя определенного социального типа. Во-вторых, социальная «нивелировка» научных работников по отношению к другим профессиональным группам общества (с одной стороны, высокий профессионализм, а с другой – падение престижа науки в обществе). В-третьих, усложнение взаимоотношений в науке как в социальной системе и усложнение ее взаимоотношений с другими сферами общественной деятельности. В науке переплетаются сложные функциональные, социально-психологические, нравственные, идеологические и другие взаимоотношения, которые возникают на основе разделения труда, в силу гетерогенности структуры научной общности [3, с. 69].

При выборе науки как сферы своей будущей деятельности для молодых людей большое значение имеет представление об ученых как социальной группе, которое существует в данный момент в общественном мнении. Представленное в средствах массовой коммуникации общественное мнение о научном труде, о ценности научных открытий, об условиях научного труда и характеристиках ученых и в целом о престижности профессии ученого в современном мире может сформировать положительное или отрицательное отношение молодых людей к работе в науке и повлиять на их ценностные ориентации.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе научной работы на деятельность ученого влияет множество факторов. При этом для оценки данных факторов не выработаны еще общепринятые критерии. Для обеспечения стабильного воспроизводства кадрового потенциала науки и ее развития необ-

ходимо изучать мотивы молодых ученых и на основании полученной информации, а также в соответствии с государственной политикой в области науки и возможностями конкретного научно-исследовательского учреждения разрабатывать систему мотивации труда молодых ученых, направленную как на привлечение наиболее перспективных молодых людей в науку, так и на их закрепление в профессии.

Литература

1. Гвоздева, Е.С. Молодые ученые и инновационное развитие / Е.С. Гвоздева, Г.П. Гвоздева. – Новосибирск: ИЭОПГ СОРАН, 2009. – 260 с.
2. Кон, И.С. Социология личности / И.С. Кон. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
3. Личность ученого (социально-психологический портрет): реф. сборник. – М., 1983. – 238 с.
4. Проблемы научного творчества в современной психологии / под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1971. – 334 с.
5. Фролов, Б.А. Мотивация творчества в научном коллективе / Б.А. Фролов // Социально-психологические проблемы науки. Ученый и научный коллектив / под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Наука, 1973. – 251 с.

Соловьева Татьяна Сергеевна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Физическая активность детей и молодежи

Аннотация. В условиях ориентации экономики на инновационный путь развития особую актуальность приобретают исследования формирования и накопления человеческого капитала. Здоровье является одним из его основных

компонентов. Большую роль в поддержании здоровья играет система физической культуры и спорта, вклад которой особенно велик в детском и подростковом возрасте. В работе на данных статистики и социологических опросов ИСЭРТ РАН рассматривается проблема физической активности и вовлеченности детей и молодежи г. Вологды в занятия физической культурой и спортом.

Ключевые слова: дети, молодежь, физическая культура, спорт, физическая активность, доступность.

Занятия физкультурой и спортом¹ и их популяризация выступают важным фактором укрепления общественного здоровья, залогом долголетия. Влияние массовой физической культуры на здоровье населения проявляется через повышенную физическую активность, усиление функций опорно-двигательного аппарата, рост умственной и физической работоспособности. В частности, двигательная активность является одной из наиболее важных составляющих здоровья детей, и ее отсутствие негативно сказывается как на физических, так и на психических и когнитивных аспектах их развития [9]. Некоторые исследования показывают, что увеличение времени занятий физической культурой позволяет повысить эффективность обучения и приводит к повышению успеваемости [8, 10].

В настоящее время в России доля обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, составляет 64,1% в общей численности обучающихся и студентов². Причем многими исследователями отмечено, что более 60% обучающихся имеют те или иные нарушения здоровья и слабую физическую подготовленность [2, 6]. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2010 году в Европе около 83% детей в возрасте 11–17 лет имели недостаток физической активности (в России – 87,5%), среди

¹ Под физической культурой и спортом в данной работе понимается деятельность, направленная на укрепление здоровья, развитие физических и духовных способностей, а также достижение максимально высоких результатов путем физических упражнений и соревновательной деятельности.

² Данные Министерства спорта Российской Федерации за 2014 год.

жителей старше 18 лет – 24,5% (в России – 11,1%³ [10]). По данным за 2014 год удельный вес систематически занимающихся физической культурой и спортом составил в России 29%⁴. Кроме того, в исследовании Всемирного банка «Глобальное бремя болезней» недостаточная физическая активность отмечена как важная угроза общественному здоровью во многих странах мира [1]. Таким образом, в настоящее время возможности физической культуры и спорта в сохранении и укреплении здоровья людей, особенно молодого поколения, используются не в полной мере.

Одним из основных направлений развития физической культуры и массового спорта должно быть формирование физического состояния, обеспечивающего эффективную учебную и трудовую деятельность населения. Реализация основных направлений государственной политики в данной области привела к некоторым положительным результатам. Так, в России доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в период с 2011 по 2015 г. возросла на 8% (табл. 1). В Северо-Западном федеральном округе наиболее высокие темпы роста рассматриваемый показатель демонстрирует в Мурманской области (15%), Вологодская область находится на 10 месте. Как видно из данных таблицы, все показатели по России (финансирование и инфраструктурная обеспеченность) имеют положительную динамику, за исключением обеспеченности кадрами, которая с 2011 по 2014 г. сократилась на 3%. Помимо общего показателя целевым индикатором является и вовлеченность отдельных категорий населения в занятия физической культурой и спортом. Так, например, в Вологодской области к 2020 году планируется увеличение до 39% доли обучающихся и студентов, систематически занимающихся физической культурой и спортом, в общей их численности [5].

³ Под недостаточной физической активностью в данном исследовании понимается менее 60 минут умеренной (высокой) физической активности в сутки для детей и менее 150 минут умеренной физической активности (менее 75 минут высокой физической активности) в неделю для взрослых.

⁴ Данные Министерства спорта Российской Федерации за 2014 год.

Таблица 1. Основные показатели развития физической культуры и спорта в регионах СЗФО и России в целом 2011–2014 год

Территория	Доля населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, в общей численности населения, %		Количество спортивных сооружений на 100 тыс. человек населения, ед.		Единовременная пропускная способность объектов спорта, % от норматива		Обеспеченность кадрами физической культуры и спорта на 10 тыс. населения, чел.		Финансирование ФКиС на 1 жителя, руб.	
	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014	2011	2014
Республика Карелия	19,0	27,9	223,1	257,9	29,6	34,1	24,4	27,7	645,7	1 720,9
Республика Коми	24,0	27,9	246,6	273,9	31,7	35,2	23,7	26,4	1 712,8	2 298,3
Архангельская область	12,7	29,3	148,2	185,5	28,6	26,7	18,8	24,3	981,10	2 233,1
Ненецкий автономный округ	-	30,3	-	225,7	-	32,4	-	40,4	-	12 028,5
Вологодская область	16,9	23,6	158,9	173,9	23,0	24,1	20,3	23,9	1 146,3	1 459,7
Калининградская область	19,0	24,1	192,0	206,9	24,4	26,6	22,5	25,8	767,9	1 398,1
Ленинградская область	17,8	24,1	121,2	147,7	16,6	19,4	18,3	21,0	891,3	1 882,6
Мурманская область	11,4	26,2	129,9	152,7	17,2	19,0	23,2	27,2	1 332,3	3 374,8
Новгородская область	20,4	28,0	236,0	270,3	28,0	33,1	20,3	22,2	791,1	1 405,3
Псковская область	15,4	19,9	171,2	200,5	38,1	45,4	18,8	19,4	294,9	3 553,7
г. Санкт-Петербург	20,9	28,1	120,5	137,8	15,5	18,3	28,2	33,0	2 382,8	2 623,8
Северо-Западный федеральный округ	18,5	26,5	152,7	175,2	21,6	24,0	23,4	27,3	1 487,7	2 309,1
Российская Федерация	20,6	29,0	177,7	203,6	24,5	29,0	22,3	19,0	1 443,4	2 405,2

Источники: показатели оценки эффективности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по разделу «Физическая культура и спорт», а также итоги федерального статистического наблюдения (форма №1-ФК) по данным Министерства спорта Российской Федерации; расчеты автора.

На муниципальном уровне в развитии физической культуры и спорта наблюдаются такие же тенденции, что и по России в целом. Так, в г. Вологде удельный вес населения, регулярно занимающегося физической культурой и спортом, в период с 2011 по 2014 г. вырос на 52% и за 2014 год составил 26% от общей численности населения. В последние годы в городе, как и в области, пристальное внимание уделяется проблемам здорового образа жизни и развитию физической культуры и спорта, что закреплено в качестве приоритетов и в региональных, и муниципальных нормативно-правовых документах [3, 4, 7]. По

г. Вологде доля студентов, систематически занимающихся физкультурой и спортом, в 2007 году составляла 62%. К сожалению, более поздними данными ведомственная статистика не располагает. Кроме того, можно отметить следующие положительные тенденции: с 2008 по 2014 г. на 10% возросла численность детей и подростков, занимающихся в спортивных школах (2008 г. – 4202 чел.; 2014 г. – 4642 чел.; табл. 2).

Таблица 2. Численность различных категорий населения г. Вологды, систематически занимающихся физической культурой и спортом, человек

Показатель	2008	2010	2012	2014	2014 к 2008, в %
Численность детей и подростков, занимающихся в системе спортивных школ	4202	6156	6155	4642	110
Источник: данные Управления по физической культуре и массовому спорту г. Вологды.					

В целях выявления наиболее важных проблем и анализа общественного мнения по вопросам здорового образа жизни и мотивации населения к занятиям физической культурой и спортом, ИСЭРТ РАН в 2015 году провел анкетный опрос жителей г. Вологды⁵.

Как показал опрос, ценность здоровья для молодежи находится далеко не на первом месте (17%; первые места: семья (50%), материальное благополучие (21%)). При этом 42% молодых людей считают, что они не ведут здоровый образ жизни. Что неудивительно, ведь судя по данным опроса, 18% респондентов часто курят, 7% – часто употребляют алкогольные напитки и только 15% – часто занимаются физической культурой и спортом. Кроме того, только в 54% семей, в которых есть несовершеннолетние дети (внуки), дети занимаются физкультурой и спортом. Причем даже уроки физической культуры в школе, казалось бы, самые доступные, регулярно посещают лишь 55% детей (табл. 3).

⁵ Объем выборочной совокупности составлял 800 человек (объем генеральной совокупности – 206 788 человек). Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением половозрастной структуры взрослого населения города (женщины в возрасте от 18 до 60 лет, мужчины – от 18 до 65 лет). Тип выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения; квотирование по полу и возрасту в соответствии с генеральной совокупностью. Величина случайной ошибки выборки не превышает 4%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Посещает ли Ваш ребёнок уроки физической культуры в школе?», в % от числа тех, у кого в семье есть несовершеннолетние дети, внуки

Вариант ответа	Среднее по городу
Регулярно посещает	54,8
Посещает, но не регулярно	9,0
Не посещает	7,8
Затрудняюсь ответить	10,3
Нет ответа	18,1

Отвечая на вопрос о том, почему дети уделяют мало времени физической культуре и спорту, взрослое население выделяет отсутствие подходящих учреждений в районе проживания (в среднем 11%; наиболее актуально для детей из окраинных районов); высокую загруженность ребенка (в среднем 13%) и нехватку денежных средств для оплаты спортивных услуг (в среднем 13%) (табл. 4). В основном родители готовы платить за занятия физической культурой своего ребенка порядка 1000–3000 руб./мес.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если Ваш ребёнок мало времени уделяет физической культуре и спорту, то по какой причине?», в % от числа тех, у кого в семье есть несовершеннолетние дети, внуки

Вариант ответа	Среднее по городу
В микрорайоне нет подходящих учреждений	10,6
Ребёнок занят в школе, нет времени	12,7
У ребёнка нет желания	6,5
Ребёнок много болеет	9,3
Всё платное, на это нет денег	13,2
У ребёнка другие интересы	5,7
Другое	7,0
Затрудняюсь ответить	10,3

Таким образом, исследование показало, что по своей важности ценность здоровья у молодежи г. Вологды значительно уступает ценности семьи, что отражается и на оценках состояния собственного здоровья и ведения активного, здорового образа жизни. Большая часть опрошенных не придерживается ценностей здорового образа жизни. Поэтому и периодичность занятий физической культурой и спортом достаточно низкая (28% редко занимаются и 10% вообще не занимаются). Особенно вызывает опасения то, что большое количество детей нерегулярно посещают даже уроки физкультуры в школе, не говоря уже о

занятиях спортом вне образовательных учреждений. Ключевыми барьерами при этом являются дефицит свободного времени и денежных средств для оплаты занятий, отсутствие подходящих спортивных объектов в районе проживания. Преодоление именно этих проблем имеет решающее значение для вовлечения детей в занятия физической культурой и спортом.

На наш взгляд, первоочередными мерами политики в сфере физической культуры и спорта на муниципальном уровне должно стать обеспечение территориальной и материальной доступности услуг спортивных объектов для всех категорий населения, прежде всего детей и молодежи. Для этого целесообразно проводить мониторинг развития физической культуры и спорта, а также социологические исследования субъективных оценок населения. Кроме того, необходима модернизация системы кадрового и материально-технического обеспечения отрасли, формирование положительной мотивации детей и подростков к повышению физической активности, включая пропаганду здорового образа жизни, социальную рекламу и т.п. Следует развивать сотрудничество учреждений физической культуры и спорта с образовательными, медицинскими и культурными организациями по формированию устойчивой потребности в здоровом образе жизни и соответствующей мотивации, в том числе и посредством занятий физической культурой и спортом. Такое взаимодействие будет способствовать укреплению здоровья населения, а значит, и повышению человеческого капитала территории.

Литература

1. Глобальное бремя болезней (Global Burden of Disease): порождение доказательств, направление политики: региональное издание для Европы и Центральной Азии [Электронный ресурс]. – Seattle, WA: IHME, 2013. – Режим доступа: http://www.wds.worldbank.org/external/default/WDSContentServer/WDSP/IB/2013/09/03/000456288_20130903105621/Rendered/PDF/808480PUB0RUSS0Boх0379820B00PUBLIC0.pdf/

2. Кабачков, В.А. Профилактика наркомании среди детей и подростков средствами физической культуры и спорта [Текст]: монография / В.А. Кабачков, В.А. Куренцов. – М.: Советский спорт, 2012. – 215 с.
3. Концепция активного долголетия на территории муниципального образования «Город Вологда» на период до 2035 года «Вологда – город долгожителей» [Электронный ресурс]: утв. решением Вологодской городской Думы от 29.12.2014 №129 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
4. Муниципальная программа «Развитие физической культуры и спорта» [Электронный ресурс]: утв. постановлением Администрации г. Вологды от 10.10.2014 №7662 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
5. О государственной программе «Развитие физической культуры и спорта в Вологодской области на 2014–2020 годы» [Эл. рес.]: утв. постановлением Правительства Вологодской области от 28 октября 2013 г. № 1103. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Перова, Е.И. Анализ динамики основных показателей развития физической культуры и массового спорта в Российской Федерации [Текст] / Е.И. Перова, В.А. Гаркавенко, В.А. Клендарь // Вестник спортивной науки. – 2013. – № 5. – С. 100-104.
7. Стратегия комплексной модернизации городской среды муниципального образования «Город Вологда» на период до 2020 года «Вологда – комфортный город» [Электронный ресурс]: утв. решением Вологодской городской Думы от 05.11.2013 № 1868 // Справочно-поисковая система КонсультантПлюс.
8. De Greeff, J.W. Physical fitness and academic performance in primary school children with and without a social disadvantage [Text] / J.W. De Greeff, E. Hartman, M.J. Mullender-Wijnsma, R.J. Bosker, S. Doolaard, C. Visscher // Health education research. – 2014. – № 29(5). Available at: <http://dx.doi.org/10.1093/her/cyu043/>
9. Hillman, C.H. Effects of the FITKids Randomized Controlled Trial on Executive Control and Brain Function [Text] / C.H. Hillman, M.B. Pontifex, D.M. Castelli, N.A. Khan, L.B. Raine, M.R. Scudder,...., K. Kamijo // Pediatrics. –

2014. – № 134(4). – pp. 1063-1071. Available at: <http://dx.doi.org/10.1542/peds.2013-3219/>

10 Howie, E.K. Physical activity and academic achievement in children: A historical perspective [Text] / E.K. Howie, R.R. Pate // Journal of Sport and Health Science. – 2012. – № 1(3). – pp. 160-169. Available at: <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.1016/j.jshs.2012.09.003/>

11. World Health Organization [Electronic resource]. Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.2463ADO?lang=en>; <http://apps.who.int/gho/data/view.main.2482?lang=en>.

Тиранова Надежда Александровна,
студентка,
БПОУ ВО «Сокольский педагогический колледж»,
г. Сокол

Современные молодежные субкультуры

Аннотация. В работе рассмотрены вопросы возникновения и формирования субкультуры в молодежной среде современной России, раскрыта сущность понятия «субкультура», описаны характерные особенности некоторых видов молодежных субкультур XX–XXI вв. Вместе с тем показано влияние молодежной субкультуры на формирование моды, вкусов и мировоззрения молодого поколения. Кроме того, представлены результаты анкетирования, проведенного среди студентов 1 курса БПОУ ВО «Сокольский педагогический колледж», о распространённости субкультур в молодежной среде.

Ключевые слова: субкультура, традиционная культура, «неформалы».

Современное общество не однородно. Каждый человек – это особенный микромир, со своими интересами, проблемами, заботами. Но при этом у многих из нас похожие интересы и запросы. Порой, чтобы их удовлетворить, необходимо объединиться с другими людьми, ведь вместе легче достигнуть цели. Та-

ков социальный механизм образования субкультур – объединений людей по интересам, которые не противоречат ценностям традиционной культуры, а дополняют её. И молодежные субкультуры не исключение.

Подростки во все времена составляли особую социально-демографическую группу, но в наше время сложилась специфическая подростковая культура, которая, наряду с другими социальными факторами, играет большую роль в развитии современного подростка.

В 1950 году американский социолог Дэвид Райзмен вывел понятие субкультуры как группы людей, преднамеренно избирающих стиль и ценности, предпочитаемые меньшинством. Более тщательный анализ явления и понятия субкультуры провел Дик Хэбдидж в своей книге «Субкультура: значение стиля».

В широком смысле под субкультурой понимается частичная культурная подсистема официальной культуры, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. То есть субкультура – это подкультура или культура в культуре. Субкультура – это прежде всего система норм и ценностей, отличающих группу от большинства обществ. Она формируется под влиянием таких факторов, как возраст, этническое происхождение, религия, социальная группа или место жительства.

На начальных этапах формирования молодежная субкультура и в России, и за рубежом создавалась как протест противоречиям, возникающим в обществе, а также как протест неспособности традиционной культуры удовлетворить интересы и потребности молодого поколения, обеспечить его самовыражение, самореализацию и право на специфическое мировоззрение. В этом аспекте молодежную субкультуру можно рассматривать как оппозиционную традиционной культуре [2].

Под молодежной субкультурой понимается культура определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов. Молодежная субкультура в том виде, в ко-

тором мы наблюдаем ее сейчас, возникла в прошлом веке, на определенном этапе жизни общества, а соответственно, связана с теми изменениями, которые произошли в жизни общества в последнем столетии, а конкретнее во второй его половине. Как и любое другое явление социальной жизни, она неотделима от жизни общества. Француз Мишель Мафессоли в своих трудах использовал понятие «городские племена» для обозначения молодежных субкультур. Виктор Дольник в книге «Непослушное дитя биосферы» использовал понятие «клубы».

В отечественной социологии анализ молодежных субкультурных феноменов до конца 80-х годов велся в весьма узких рамках. Время возникновения молодежной культуры в нашей стране – вопрос достаточно неоднозначный. К первым проявлениям неформальной культуры как культуры отличной от общепринятой у нас в стране можно отнести **стиляг**. Но нельзя сказать, что тогда, в 50-х – 60-х годах, в нашей стране зародилась неформальная культура.

Особенность отечественных молодежных субкультур состоит в том, что большинство из них ориентированы либо на проведение досуга, либо на передачу и распространение информации [1].

Субкультурная активность молодежи зависит от ряда факторов:

- 1) от уровня образования: у лиц с более низким уровнем образования, например у учащихся ПТУ, она значительно выше, чем у студентов вузов;
- 2) от возраста: пик активности – 16–17 лет, к 21–22 годам она заметно падает;
- 3) от места жительства: движения неформалов более характерны для города, нежели для деревни, так как именно город с его обилием социальных связей дает реальную возможность выбора ценностей и форм поведения.

Российская Федерация, как государство с большим территориальным пространством и многонациональным составом населения, характеризуется существенными региональными и национальными отличиями, предопределяющими региональную специфику российской молодежной субкультуры [4].

В СССР для обозначения членов молодёжных субкультур использовался термин «неформальные объединения молодёжи», отсюда жаргонное слово «неформалы». Для обозначения субкультурного сообщества иногда используется жаргонное слово «тусовка».

Таким образом, молодёжную субкультуру России необходимо рассматривать как результат социально-культурной деятельности молодёжи, которая для реализации своего творческого потенциала или выражения протеста против существующего социального порядка формирует особые социальные – формальные или неформальные – структуры.

Можно выделить основные характеристики современных молодёжных субкультур: кратковременность акций; наличие своеобразных правил поведения в обществе (нужно сказать, что весьма позитивных); минимализм в символике; строгий внутренний самоорганизующийся характер; отсутствие (или частичное отсутствие) каких-либо идеологических установок; внешняя удовлетворённость политической организацией в стране.

Российские ученые В.К. Сергеев, М. Топалов, З.В. Сикевич, В.Г. Лисовский указывают на наличие общих направлений в развитии молодёжных субкультур. К теориям классификации молодёжных субкультур, по их мнению, относятся следующие основания [3]:

1. По социально-правовому признаку: просоциальные, или социально-активные, с позитивной направленностью деятельности, например, группы экологической защиты и др.; социально-пассивные, деятельность которых нейтральна по отношению к социальным процессам (музыкальные и спортивные фанаты, асоциальные – хиппи, панки и т.п.).

2. По направленности интересов: увлечение современной молодёжной музыкой; устремление к правопорядковой деятельности и др.

В исследованиях российских ученых также предлагается классификация молодёжных субкультур с учетом того, что причастность к той или иной группе может быть связана с определенными факторами: со способом времяпрепровождения – музыкальные и спортивные фанаты (металлисты, хип-хоп культу-

ра); с социальной позицией – экокультурные (Green Pease); с образом жизни – «системники» (хакеры, блоггеры, геймеры) и др.

В рамках исследования было проведено анкетирование с целью выяснения распространённости молодежных субкультур среди студентов Сокольского педагогического колледжа. В анкетировании принимали участие 36 студентов – 28 девушек и 8 юношей; возрастной состав респондентов был следующий: 16 лет – 22 человека, 17 лет – 11 человек; 18 лет – 3 человека.

Обработав анкеты студентов, мы получили следующие результаты: наиболее популярными молодежными течениями являются готы и эмо – по 21 выбору; 16 выборов – панки; 12 выборов – хиппи. 80% опрошенных никогда не принадлежали ни к какой субкультуре, 14% – принадлежали.

Заинтересованность субкультурами в основном происходит в 12–14 лет (9 респондентов) и в 15–16 лет (7 респондентов); 16 человек не ответили на данный вопрос. 42% опрошенных узнали о существовании субкультур от своих друзей, приблизительно по 14% – через интернет, из журналов, книг, массовой культуры.

На момент проведения анкетирования причисляют себя к какой-либо субкультуре 14% опрошенных; вариант «Нет, не причисляю, мои взгляды поменялись» выбрали 44 %.

Таким образом, проведённое анкетирование показало, что среди студентов 1-х курсов Сокольского педагогического колледжа незначительное количество представителей субкультур, при этом девушки и юноши знакомы с наиболее распространёнными в молодежной среде субкультурами.

Подводя итог проведённому исследованию, можно отметить следующее. Субкультура – это часть общественного организма, она не противоречит базовой культуре, а дополняет ее. Поэтому, на наш взгляд, сначала необходимо изучать субкультуры, а лишь потом пытаться запрещать. О проблемах возникновения субкультур необходимо говорить: пусть взрослые услышат молодых, а молодые – взрослых. Ведь у всех гораздо больше общего, чем различий, и всегда можно договориться.

Литература

1. Луков, В.А. Особенности молодёжных субкультур в России / В.А. Луков // Социс. – 2002. – № 10. – С. 79-88.
2. Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко – М.: Ин-т социологии РАН, 2000. – 264 с.
3. Социология молодежи / под ред. проф. В.Т. Лисовского. – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. – 362 с.
4. Фомичева, М.В. Молодежные субкультуры в современной России. Опыт. Проблемы. Перспективы / М.В. Фомичева // Социальная сеть работников образования nsportal.ru

Фахрадова Лейла Натиговна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономического развития РАН,
г. Вологда

Проблемы семей, воспитывающих детей-инвалидов

Аннотация. Дети с ограниченными возможностями здоровья обладают особыми потребностями. В настоящее время для семей, воспитывающих таких детей, характерен невысокий уровень доходов, что затрудняет обеспечение благоприятных условий социализации. В данной работе приведены сведения, отражающие положение семей с детьми-инвалидами, результативность реабилитационных мероприятий. Обосновывается необходимость совершенствования контроля результативности выполнения индивидуальной программы реабилитации (ИПР) ребёнка-инвалида, усиления государственной поддержки семей с детьми-инвалидами.

Ключевые слова: дети-инвалиды, социальная политика, образование, индивидуальная программа реабилитации.

Дети-инвалиды являются одной из наиболее уязвимых категорий населения. Семьи, воспитывающие таких детей, часто сталкиваются с материальными проблемами, сложностями в получении качественных образовательных и медицинских услуг, встречают непонимание окружающих. В исследовании В.Н. Зязина [1] предложено разделить потребности инвалидов на общие (характерные и для населения в целом) и специфические (характерные только для инвалидов). По данным Росстата, около трети семей с детьми-инвалидами испытывают недостаток денежных средств на приобретение одежды и на оплату коммунальных услуг, доходов 2% семей не хватает даже на покупку еды. Большинство респондентов (45%) относятся к тем, кто не может позволить себе приобретение товаров длительного пользования. Учитывая это, сложно говорить о том, что в таких семьях особые потребности детей-инвалидов могут быть полностью обеспечены (рис. 1).

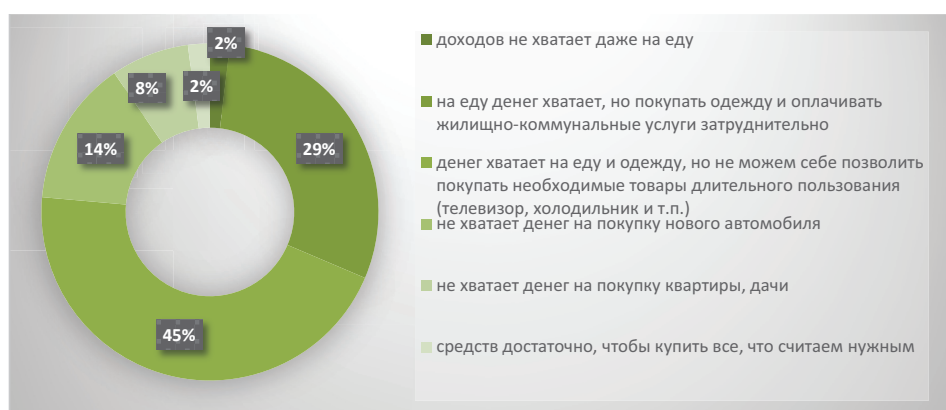

Рисунок 1. Оценка своего финансового положения домохозяйствами, имеющими в своем составе детей-инвалидов (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 году), в % от числа опрошенных [5]

Можно выделить два основных подхода к решению данной проблемы. Для обеспечения достойного уровня жизни семей с детьми-инвалидами можно либо увеличивать размер социальных выплат, либо повышать ценовую доступность социальных услуг, лечения (в том числе санаторно-курортного и высокотехнологичного), технических средств реабилитации (ТСР).

Согласно данным за 2011–2014 годы размер пенсий, выплачиваемых детям-инвалидам, увеличился на 79%, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг за тот же период – на 46%. В 2014 году соотношение между средней величиной пенсии и стоимостью набора потребительских товаров и услуг составило 0,84 (таблица).

Соотношение пенсий детей-инвалидов и стоимостных оценок наборов потребительских благ [5, 6]

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015
Средний размер пенсии детей-инвалидов, рублей ¹⁾	6246,1	6873,5	7843,4	9579,3	11205,8
Стоимость условного (минимального) набора продуктов питания, рубль, декабрь года ²⁾	2419,9	2608,9	2871,5	3297,9	3589,9
Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, рубль, декабрь ²⁾	9174,2	9868,0	10737,0	12034,9	13404,3
Соотношение пенсии по инвалидности и стоимости условного (минимального) набора продуктов питания*	2,58	2,63	2,73	2,90	3,12
Соотношение пенсии по инвалидности и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг*	0,68	0,70	0,73	0,80	0,84
* Рассчитано автором.					

Очевидно, что за весь рассматриваемый период величина пенсий не достигала стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг. В целом приведённые данные свидетельствуют о том, что увеличение материальной поддержки семей с детьми-инвалидами должно быть приоритетной задачей государства. Для её решения можно либо повышать размер социальных выплат, либо предоставить родителям детей-инвалидов возможность трудиться. Второй вариант предполагает развитие качественных и доступных по цене социальных услуг по уходу за детьми-инвалидами на дому. Согласно данным исследования Е.В. Кулагиной, большинство родителей редко используют услуги третьих лиц при уходе за детьми-инвалидами, потому что «сложно найти такого человека, которому можно доверить уход, квартиру, ключи», и «рыночная стоимость услуг по уходу за ребенком с ограниченными возможностями может превосходить сумму, заработанную матерями детей-инвалидов» [2].

Упростить порядок предоставления реабилитационных услуг детям-инвалидам было призвано внедрение с 2005 года механизма индивидуальной программы реабилитации. Программа ежегодно разрабатывается специалистами бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) на основе диагностики текущего состояния ребёнка-инвалида и обеспечивает индивидуальный подход к реабилитации. Идея ИПР состоит в том, чтобы совместить в одном документе все полагающиеся инвалиду реабилитационные мероприятия. В то же время формирование данного документа предъявляет особые требования к компетенциям самого инвалида или его родных. Во-первых, для определения перечня мероприятий ИПР необходимо активное участие самого клиента, а для последующей реализации программы – его согласие. При этом инвалид должен обладать полной и достоверной информацией о предлагаемых реабилитационных мероприятиях, чтобы делать осознанный выбор среди многих вариантов. Существенным недостатком ИПР является слабость механизма контроля её эффективности. Единственным подтверждением успеха или неудачи проведённых мероприятий служит заключение специалистов бюро МСЭ, приводимое в конце бланка ИПР [3]. Из образцов формулировок, описывающих эффект реабилитационных мероприятий, ясно, что мнение инвалида не обязательно учитывается. То есть государство не получает обратной связи от самих людей с инвалидностью, что ставит под сомнение успех применения индивидуального подхода к реабилитации.

В настоящее время Росстат не размещает в открытом доступе данные о результатах реализации ИПР. Отдельные факты можно найти только в документах регионального уровня. Так, в Вологодской области, по данным за 2013 год, доля детей-инвалидов, получивших положительные результаты, в общей численности прошедших реабилитацию составила 10,5%. К 2018 году планируется довести значение этого показателя до 13% [4].

В зависимости от типа ограничения жизнедеятельности детям-инвалидам необходимы разные реабилитационные мероприятия, а также разные способы адаптации к окружающей среде. По данным официальной статистики, в 2013 году в России преобладающими ограничениями среди детей-инвалидов было ограничение способности самостоятельно передвигаться, способности к обучению и способности к самообслуживанию [5]. Для сравнения: в Вологодской области ведущими причинами являлись ограничения в способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, обучению (рис. 2).

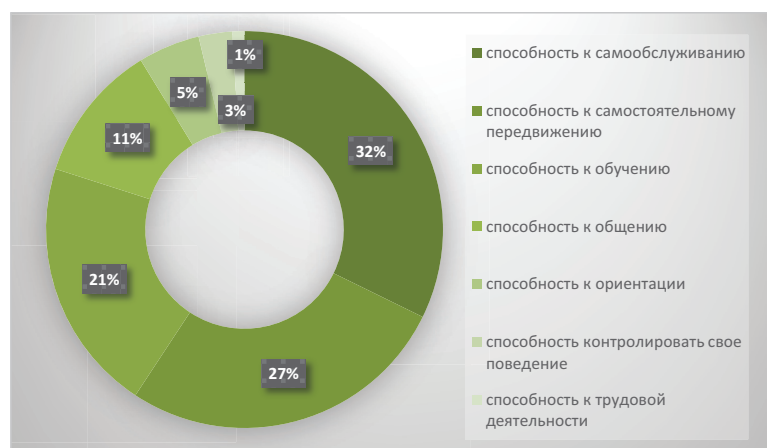

Рисунок 2. Распределение численности детей-инвалидов Вологодской области по ведущему ограничению жизнедеятельности в 2013 году, в % [5]

Следует отметить, что получение образования представляет для детей-инвалидов серьёзную проблему. С одной стороны, это связано с ограничениями, обусловленными состоянием здоровья, с другой стороны, с неприспособленностью образовательной среды. В 2014 году только 69% детей-инвалидов в возрасте 9–15 лет посещали общеобразовательные организации, 17% обучались на дому. Продолжить обучение ребёнка планировали 63% родителей, в том числе 36% – в учреждениях высшего профессионального образования [5].

Приведённые данные свидетельствуют о необходимости активизировать усилия государства в сфере поддержки семей, воспитывающих детей-

инвалидов, чтобы у них была возможность обеспечить детям не только достойный уровень жизни, но и благоприятные условия для социализации. Приоритетными направлениями социальной политики должны стать создание системы инклюзивного образования, улучшение контроля над выполнением мероприятий ИПР, развитие качественных и доступных по цене социально-бытовых услуг для семей, воспитывающих детей-инвалидов.

Литература

1. Зязин, В.Н. Система потребительских бюджетов и трудоустройство инвалидов / В.Н. Зязин // Уровень жизни населения регионов России. – 2009. – № 7. – С. 55-60.
2. Кулагина, Е.В. Домашний труд по уходу за детьми-инвалидами: проблемы замещения на институциональном уровне / Е.В. Кулагина // Журнал исследований социальной политики. – 2004. – № 1. – Т. 2. – С. 58-70.
3. Об утверждении порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребёнка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм [Электронный ресурс]: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2015 г. № 528. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71169212/>
4. О государственной программе «Социальная поддержка граждан в Вологодской области на 2014–2018 гг.» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Вологодской области № 1098 от 28.10.2013 г. – Режим доступа: http://www.socium35.ru/bank/gos_prog/PP-VO-ot-28-10-2013-n-1098-red-29-02-2016.pdf
5. Положение инвалидов [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/
6. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/#1>

Филипова Александра Геннадьевна,
доктор социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Купряшкина Евгения Алексеевна,
аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Задорин Артур Сергеевич,
студент,
Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток

Городское пространство и детские мобильности (на примере г. Владивостока)

Аннотация. В статье рассматриваются перемещения подростков в городской среде, которые мы классифицируем как организованные или свободные, зависимые или независимые, индивидуальные или групповые. Эмпирический материал исследования собран с помощью проективной методики «Места, которые я знаю». Авторами предпринята попытка представить особенности подростковой мобильности согласно ведущей деятельности подросткового возраста, выявлению значимых городских мест, определению доступности и ориентированности городской среды на подростков.

Ключевые слова: мобильность, подростки, городская среда, организованная мобильность, свободная мобильность.

Современный город создает условия для активности своих жителей – городские праздники и фестивали, современные лектории, открытые выставочные залы, широкий спектр услуг дополнительного образования, спортивные площадки, места для семейного отдыха и т.д.

Организация городского пространства стимулирует мобильности детей и взрослых. Однако для современных подростков город часто остается непонятным, неизученным и незнакомым. Это происходит из-за усиления родительского контроля, распространения рисков в городской среде, возрастания значимо-

сти виртуального пространства, большой загруженности подростков домашними и школьными делами.

Под мобильностями мы вслед за Дж. Урри будем понимать реальные и потенциальные перемещения в связи с социальными отношениями в пространстве и времени [2, с. 21]. Мобильность создает инфраструктуру социальной жизни, делая возможным передвижение людей, идей и информации с места на место, от человека к человеку, от события к событию [1, с. 82].

Прежде всего, необходимо заметить, что в фокусе исследовательского внимания находятся исключительно физические перемещения детей в городской среде. Эти перемещения мы классифицируем как организованные или свободные, зависимые или независимые, индивидуальное или групповые. Для формирования готовности детей и подростков к развитию способности к решению нестандартных социальных ситуаций и приобретения важного жизненного опыта важна их свободная мобильность. Под свободной мобильностью мы понимаем перемещения детей по самостоятельно определяемому ими маршруту без сопровождения взрослых.

Подростковый возраст является периодом открытий, проб, экспериментов и отличается сочетанием неуправляемости с удивительной гибкостью, готовностью к переменам и открытостью для сотрудничества. Как отметил Дж. Липсиц, этот возраст чрезвычайно чувствителен не только к негативным влияниям социума, но и к культурным ценностям, определяющим в дальнейшем главные жизненные выборы – в области образования, качества личных отношений, социальных ориентаций, здоровья [3, с. 19].

Целью настоящего исследования стало выявление особенностей подростковой мобильности в городской среде. Базой исследования выступил лицей г. Владивостока. В исследовании приняли участие 24 подростка, из них 16 – в возрасте 13 лет, 8 – в возрасте 12 лет.

Инструментом исследования стала проективная методика «Места, которые я знаю». Методика была разработана зарубежным исследователем С. Панч для изучения детских мобильностей в сельской местности [4, с. 331].

К знакомым местам культурного отдыха опрошенные подростки отнесли такие городские узлы, как театр (ответ встречается 1 раз), центр современного искусства «Заря» – 1 раз, кинотеатры города в разных его районах с частотой посещения 1-2 раза в месяц в компании с друзьями (4 человека). 14 подростков в качестве мест отдыха, встреч с друзьями указали городские общественные пространства – набережные, центральную площадь.

Семнадцать подростков после школы имеют дополнительные занятия разной направленности – спортивные, учебные, художественные. Стоит отметить, что большинство занятых дополнительно лицеистов не ограничиваются только спортивной секцией (4–5 раз в неделю) или только репетитором (2 раза в неделю). Как правило, подростки совмещают разные занятия и получается, что свободным от занятий днем оказывается только воскресенье. Местами дополнительной занятости семь подростков называют спортивные учреждения: скейт-парк, тренажерный зал, волейбольную секцию, места для занятий теннисом, лёгкой атлетикой, подготовкой к самообороне. 7 человек посещают дополнительные занятия с репетиторами, преимущественно по иностранному языку, 4 человека указывают музыкальные студии и школы, 1 человек занимается в институте искусств.

Подростковые мобильности принимают, таким образом, форму перемещений между местом проживания и всеми другими обозначенными местами. Траектории передвижений (маршруты) могут быть длинными или короткими. Короткие маршруты осуществляются в пределах микрорайона проживания, и они, как правило, не связаны с использованием транспортных средств. Длинные маршруты предполагают выход за пределы микрорайона, опосредованы личным или общественным транспортом и требуют временных затрат.

Наиболее распространенный среди детей, участвующих в исследовании, маршрут связан с перемещениями «дом–школа». Трое из опрошенных подростков в своих рисунках отметили только дом и школу. В повседневных перемещениях подростков, таким образом, преобладает организованная мобильность, часто в сопровождении взрослых.

Свободная мобильность в некоторых описаниях подростков связана с использованием разных средств перемещения: скейтов, велосипедов, роликов и пр. В рисунке-описании Ильи хорошо прослеживаются места для спортивного отдыха: «Русский остров – катаюсь на велике с друзьями; Нейбута – катаюсь на ВМХ с друзьями; набережная Цесаревича – катаюсь на лонгборде с друзьями».

Специфика географического расположения города, большое количество природных объектов влияют на выделение среди прочих городских пространств природных мест. Набережные Цесаревича, Спортивная, Университетская становятся связующим звеном между подростком и природой: «море, крик чаек меня успокаивает...мне нравится ходить босиком по песку» (Марина, 13 л.), «живу рядом с морем, хожу почти каждый вечер один или с сестрой» (Федор, 13 л.).

Десять человек вообще не отметили ни одного места для прогулок и развлечений. В одном случае налицо загруженность подростка дополнительными занятиями – по 2 раза в неделю он занимается английским, посещает музыкальную школу и ходит в институт искусств. В двух случаях можно констатировать «бегство в виртуальную реальность»: 12-летний Гриша описывает компьютер как «отдых от всего». Пространство двора крайне редко появляется в описаниях повседневных маршрутов и описаниях маршрутов выходного дня. Лишь в трёх случаях подростки упоминают двор: один раз речь идет о прогулках с младшим братом на детской площадке во дворе, два раза отмечены прогулки во дворе с друзьями.

На выходные дни приходится небольшая доля семейных мобильностей. Всего 7 человек отметили на рисунке отдых с семьёй: семейные походы в мага-

зины и супермаркеты за продуктами, поездки к морю по выходным; один респондент посещает с семьей два раза в месяц театр и один – кафе.

Таким образом, анализ методики изучения подростковой мобильности «Места, которые я знаю» показал, что для значительной части опрошенных подростков возможность свободно перемещаться в городе появляется только в выходные дни, что говорит о преобладании организованной мобильности – жизнь «по расписанию». При этом центр города становится местом притяжения школьников всех районов Владивостока, что объясняется, с одной стороны, близостью проживания и обучения к центру г. Владивостока, а с другой – концентрацией мест досуга, привлекательных для подростков и представляющих развивающие и развлекательные возможности для молодёжи, преимущественно в центре города. Также районами-границами свободной мобильности являются места проживания друзей, родственников, образовательные учреждения дополнительной занятости, где подростки без сопровождения взрослых могут проводить свободное от учёбы время. Двор как место для игр, отдыха в подростковом возрасте утрачивает свое значение. Подростку становится тесно в пространстве двора, возникает потребность активно осваивать город.

Литература

1. Урри, Дж. Мобильности / Дж. Урри. – М: Праксис, 2012. – 576 с.
2. Харламов, Н.А. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри. / Н.А. Харламов // Вст. ст.: Урри Дж. Мобильности. – М.: Праксис, 2012. – С. 7-58.
3. Цукерман Г.А. Десяти-двенадцатилетние школьники: «Ничья земля в возрастной психологии» // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 17-31.
4. Punch S. Research with Children: The Same or Different from Research with Adults? // Childhood. 2002. № 9. P. 321-341.

Филоненко Виктор Иванович,
доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

Штомпель Олег Михайлович,
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

Штомпель Людмила Александровна,
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет,

г. Ростов-на-Дону

Культурная компетентность российских студентов

Аннотация. В статье на основе социологических исследований, проводившихся среди студентов вузов Ростовской области в 2014 и 2015 гг., рассмотрена проблема культурной компетентности современного российского студенчества. Изучается способность респондентов анализировать сложные вопросы отечественной истории, фиксируется дисбаланс между формальным и реальным представлениями о патриотизме, выявлено противоречие между некоторыми элементами фонового культурного знания, присущего россиянам, и его рациональной реконструкцией в сознании студентов.

Ключевые слова: культурная компетентность, российское студенчество, патриотизм.

Исследования культурной компетентности российских студентов, проведённые нами в 2014 году¹ и 2015 году², показали, что для поддержания социо-

¹ Исследование уровня культурно-гуманитарной подготовки абитуриентов и первокурсников было проведено Центром социально-политических исследований ЮФУ в июле – сентябре 2014 г. В рамках данного исследовательского проекта методом анкетирования были опрошены абитуриенты и студенты первого курса Южного федерального университета (ЮФУ), Южно-Российского государственного политехнического университета (ЮРГПУ (НПИ)), Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ (РИНХ)), Ростовского государственного медицинского университета (РостГМУ). В структуре ЮФУ опросом были охвачены ЮФУ-центр (г. Ростов-на-Дону), ИТА ЮФУ (г. Таганрог), а также филиал ЮФУ в г. Волгодонске. Общий объём выборочной совокупности составил 751 чел.

² В рамках исследовательского проекта Центра социально-политических исследований ЮФУ «Образ Великой Отечественной войны в представлениях студентов вузов Ростовской области» методом анкетирования были опрошены студенты всех курсов Южного федерального университета, Донского государственного технического университета (ДГТУ, г. Ростов-на-Дону), Ростовского государственного медицинского университета (РостГМУ), Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ /РИНХ/), Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ (ИСОиП, г. Шахты), Южно-Российского государственного политехнического университета (ЮРГПУ /НПИ/, г. Новочеркасск), Ростовского государственного строительного университета (РГСУ/РИСИ/), Донского государственного аграрного университета (пос. Персиановский), Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону). Общий объём выборочной совокупности составил 1534 учащихся.

культурной устойчивости общества у молодого поколения необходимо формировать соответствующий уровень культурной компетентности, позволяющий овладеть в наиболее полной мере «ядром культуры» современного социума [1]. Культурная компетентность студентов включает в себя следующие взаимосвязанные элементы: фоновое знание, культурную грамотность, навыки социокультурного анализа исторических и современных событий.

Абсолютное большинство опрошенных нами в 2015 г. – 82,7% студентов – считают себя патриотами России [2]. Однако интеллектуальная реконструкция самими же студентами этого чувства носит неоднозначный характер, явно не совпадающий с современной идеологией, направленной на укрепление российской государственности. Из 18 вариантов ответа на вопрос «Скажите, что в первую очередь для Вас является предметом гордости за свою страну, свой народ?» (предусматривающий не более четырёх вариантов ответа) среди лидеров оказались факторы прежде всего историко-культурного характера – «Наше прошлое, наша история» – 61,1%; «Наша литература, искусство» – 40,7%; «Великие люди моей национальности» – 34,0%. Явными аутсайдерами, набравшими наименьшее количество голосов в рейтинге «предметов гордости», оказались «государство, в котором я живу» – 9,8% (примечательно, что значимость «нашей земли, территории, на которой мы живём» оценивается почти в два раза выше – 18,1%, а «родной природы» – почти в три раза – 26,4%). В числе аутсайдеров оказались и основополагающие символы государственности: «флагом, гербом, гимном» гордятся лишь 7,9% респондентов. Возникает парадоксальная ситуация, когда всемерная поддержка и одобрение деятельности Президента РФ российской молодёжью существует на фоне крайне слабо выраженной позитивной оценки нашего государства.

Эта же тенденция прослеживается и в исторической памяти студенчества: 44,3 % опрошенных (наибольшее количество выбравших данный вариант из 12 вариантов ответа), отвечая на вопрос: "Какие аспекты истории Великой Отечественной войны чаще всего, на Ваш взгляд, подвергаются искажению, фальсификации?" считают, что это «деятельность советского руководства в преддв-

рии Второй мировой войны»; только 13,3% респондентов выбрали среди 13 факторов, которые в наибольшей степени способствовали победе в Великой Отечественной войне (необходимо было выбрать не более четырёх), «систему государственного управления страной», зато 20,4% отдали предпочтение «политическому и военному руководству И.В. Сталина». Иначе говоря, мы наблюдаем «зеркальную ситуацию», когда студенты значительно выше оценивают роль лидера страны, нежели возглавляемой им государственной системы управления как в исторических, так и в современных событиях. Это обстоятельство, по-видимому, является характерной чертой «фонового знания» россиян, когда образ «царя» отделяется от восприятия «бояр», возглавляемого им государственного аппарата. При этом великим личностям не приписывается определяющее влияние на развитие исторических событий. Так, среди факторов, «в наибольшей степени способствующих победе в Великой Отечественной войне», 87% респондентов в числе лидирующих отметили «массовый героизм и патриотизм советского народа», 40,4% – «труд в тылу советских граждан», 37,7% – «партизанское движение». Однако признание высочайшей значимости самоотверженности, героизма, патриотизма народа, его главенствующей роли в Победе сочетается с изрядной долей скептицизма в отношении силы и возможностей наших современников: только 54,8% респондентов считают, что «наша страна победила бы сейчас в войне, подобной Великой Отечественной войне по масштабу, тяжести испытаний».

Важное значение в определении уровня культурной компетентности студентов имеет их способность анализировать проблемы, возникающие в ходе оценки тех или иных исторических и культурных явлений. Настораживает тот факт, что 24,3% «согласны» или «скорее согласны» с тем, что деятельность пособников фашистов – РОА (Власов), УНА-УНСО (Бандера С.) и других движений – была направлена не на борьбу против Красной Армии, а на борьбу против сталинского большевистского режима, а 36,3% опрошенных студентов не разобрались в этой проблеме. Неясность и противоречивость наблюдается и в ответе на вопрос «Что, на Ваш взгляд, было главной причиной массовых депорта-

ций крымских татар, чеченцев, калмыков, карачаевцев и др. во время Великой Отечественной войны?»: 32,6% затруднились ответить; 25,4% посчитали, что из-за пособничества этих народов немецко-фашистским захватчикам; 11,1% – что в связи с желанием советского руководства вытеснить нерусское население из Крыма и Северного Кавказа; 30,9% – что из-за ошибок в национальной политике, неизбежных в условиях тоталитарного режима.

Обращает на себя внимание явный дисбаланс между тем, с чем у студентов ассоциируется образ нашей страны, нашего народа, и тем, что реально является для респондентов предметом их гордости в первую очередь. Иначе говоря, в культурной картине мира студенчества существует дисгармония между «должным» и «сущим», между желаемым и реальным, между ассоциативно выраженной идеальной моделью оценки образа нашей страны и народа и рациональным определением её соответствия собственным воззрениям. К примеру, в наибольшей степени студенты считают главной составной частью образа России и россиян «место, где я родился и вырос» (44,1% ответов), но в то же время гордятся своей «малой родиной» чуть ли не вдвое меньше – 23,1% респондентов. Если посмотреть по направлениям подготовки, то этот разрыв выглядит особенно большим у архитекторов и дизайнеров (49,2 и 14,8% соответственно); студентов сельскохозяйственного направления (52,3 и 27,2% соответственно) и психологов и педагогов (51,7 и 26,7% соответственно).

Примечательно, что студенты из г. Ростова-на-Дону и из других городов Ростовской области ответили на данные вопросы примерно в одинаковой пропорции: различие между включением в образ России места, где родился и вырос, и определением места своего рождения и взросления как предмета гордости за свою страну, свой народ составляет 23,3 и 23,5% соответственно; близки к этому значению и те, кто приехал из сельской местности Ростовской области (22,6%). Наименьший разрыв (13,9 %) показали те, кто приехал из других городов России, однако они реже избирали место своего рождения как элемент общего образа России (39,4%). В целом ассоциация между образом России и «ма-

лой родиной» более часто встречается у ребят, приехавших из сельской местности, нежели у горожан.

Таким образом, в ходе наших социологических исследований зафиксировано следующее противоречие: между некоторыми элементами фонового знания, присущего россиянам, и его рациональной реконструкцией в сознании студентов (вопросы о патриотизме, «малой родине»).

Литература

1. Уровень культурной компетентности первокурсников вузов Ростовской области (результаты социологического исследования): монография / под общ. ред. д-ра. социол. наук В.И. Филоненко. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федер. ун-та, 2014. – 170 с.

2. Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности (анализ результатов социологических исследований) [Текст] / В.И. Филоненко, Л.А. Штомпель, О.М. Штомпель и др. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федер. ун-та, 2015. – 364 с.

Хорват Александра Александровна,

аспирант,

Государственный академический университет гуманитарных наук,

г. Москва

Интеллектуальное развитие молодежи в меняющейся социокультурной среде

Аннотация. Автор рассматривает особенности интеллектуального развития молодежи в современных образовательной и профессиональной среде, анализирует потенциал интеллектуального развития молодых людей и факторы, влияющие на эффективность формирования и развития интеллектуального потенциала молодежи как прогрессивного ресурса современного общества.

Ключевые слова: молодежь, интеллект, интеллектуальный потенциал, социальные институты, образование, наука, феномен, социокультурная среда.

Молодежь является ключевым ресурсом развития современного общества: благодаря идеям, энергии, потенциалу к изменениям и желанию улучшения собственной и общественной жизни молодые люди принимают активное участие в социальных изменениях.

Но прежде чем вступить в активную общественную жизнь, погрузиться в профессиональную среду, обзавестись семьей и детьми, основная задача каждого молодого человека – получить профессиональное образование с целью применения теоретических знаний на практике.

В начале XXI века основным направлением развития российского образования стало формирование компетентностного подхода, который направлен на повышение конкурентоспособности выпускников российских вузов, в первую очередь, на отечественном рынке труда. В данном подходе упор делается на параметры, задаваемые не «на входе» (содержание, объем часов, процесс преподавания), а на ожидаемые результаты, которые студентам необходимо получить «на выходе» (знания и умения).

По определению, взятому из Федеральных государственных образовательных стандартов: «Компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности» [3]. Целью компетентностного подхода в образовании является преодоление разрыва между знаниями учащегося и его практической деятельностью, обучение учащегося с помощью полученных и усвоенных знаний эффективно решать практические задачи.

Российская система образования ориентируется на качественные преобразования в обучении молодых людей в высшей школе и дает возможность совершенствовать свои навыки в поствузовском образовании. Основная задача – получить высококвалифицированных, ориентированных на качественный результат интеллектуальной деятельности специалистов, целью которых станет наращивание знаний, сохранение созданных интеллектуальных продуктов –

объектов культуры, научных достижений, качественной, в том числе и профессиональной, информации и совершенствование социокультурной среды.

Но отвечает ли в реальности современное образование потребностям социокультурной среды, формирует ли окружение молодежи актуальные предпосылки для интеллектуального развития? На эти вопросы сложно найти утвердительный ответ.

В условиях быстрого наращивания объемов информации, изменений общественно-политической, культурной и экономических сред, необходимо формировать условия, в которых молодежь могла бы быстро адаптироваться к потребностям общества, создавать интеллектуальный продукт, который был бы эффективен для тех условий, в которых приходится развиваться молодым людям. Необходимо не просто делать молодых людей активными участниками общественных изменений, но и прислушиваться к тем высказываниям, выражениям мнения и тенденциям, которые существуют в молодежной среде [1].

Особенности поведения, мышления, творческой реализации молодежи меняют устойчивые модели поведения – мы можем видеть это во многих сферах общественной жизни: появление виртуальной валюты (биткоин), которая создавалась для оплаты в сети Интернет без централизации, т.е. без контроля банками, и активно использовалась, в первую очередь, молодыми людьми, а сейчас многие финансовые аналитики говорят о том, что платежная система биткоин, благодаря особенностям своей работы, может через 10–15 лет перевернуть современную банковскую систему. А ведь первая покупка на биткоины были две пиццы.

Молодые люди диктуют современные стандарты труда – не привыкшая к постоянной монотонной деятельности, молодежь предлагает новые временные стандарты работы, уходя от привычного формата 9–18. И многие компании соглашаются на такие условия работы, понимая особенности поведения современных специалистов, принимая новый для громоздких гигантов-корпораций формат работы «home office» (офис на дому).

Молодежь формирует новые культурные традиции – даже устоявшиеся культурные коды изменяются под влиянием интересов, целей и задач молодых людей, например, мода становится цикличной: то, что было в моде в 90-е, становится интересным в 2016 году – новое поколение молодых людей, опираясь на опыт своих родителей, осовременивая существовавшие модные тенденции, предлагает новое веяние в существовавших несколько десятилетий назад стилях, которое базируется на пережитом уже опыте.

Данные примеры говорят о том, что влияние молодежи на современную социокультурную среду огромно и всеобъемлюще – молодежь является движущей силой современного общества, но только эффективное и грамотное применение интеллектуальных ресурсов молодых людей может стать гарантом положительной динамики общественного развития.

Интеллектуальный потенциал молодежи – это ресурс, который включает в себя интеллектуальные возможности молодого человека и его интеллектуальные способности, которые могут быть использованы для развития общества, наращивания научного знания, сохранения культурных ценностей и создания новых объектов культуры и в конечном итоге – создания условий для гармоничного интеллектуального развития каждого молодого человека в меняющихся условиях современной социокультурной среды.

А формирование и развитие интеллектуального потенциала молодежи является приоритетной задачей для современного общества. Чтобы интеллектуальное развитие молодежи в меняющейся социокультурной среде было эффективным и приносило пользу молодежи, необходимо:

- развивать творческие способности молодых людей, т.е. способности находить особый взгляд на привычные и повседневные вещи или задачи;
- повышать уровень образования – качественный показатель освоения молодежью образовательных программ разного уровня;
- уделять еще в детстве внимание воспитанию, т.е. целенаправленному формированию личности для подготовки её к участию в общественной и культурной жизни в меняющейся социокультурно среде;

- уделять пристальное внимание состоянию здоровья: полному физическому, душевному и социальному благополучию, отсутствию болезней и физических дефектов;
- повышать уровень стрессоустойчивости – совокупности личностных качеств, позволяющих молодому человеку переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки (перегрузки), обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья;
- повышать уровень профессиональной компетентности – профессиональные знания, навыки и умения, профессионально значимые качества молодого человека и психо-физиологические возможности самостоятельного использования всего этого на практике;
- улучшать уровень культуры – внутренний мир молодого человека, под которым понимается совокупность явлений и процессов, составляющих внутреннюю жизнь молодого человека как представителя определенной социальной группы.

Эти характеристики интеллектуального потенциала молодого человека, по нашему мнению, активно влияют на интеллектуальное развитие молодежи. И всестороннее гармоничное развитие всех характеристик позволит молодым людям участвовать в формировании нового уникального знания, которое может быть использовано для улучшения социокультурной среды, направлено на развитие общественных институтов и в конечном итоге улучшение жизни каждого молодого человека с максимально эффективным применением его интеллектуальных ресурсов и возможностей.

Улучшение качества каждой из указанных характеристик будет прямо пропорционально влиять на улучшение качества интеллектуального потенциала, что, соответственно, будет положительно сказываться на общем интеллектуальном уровне молодежи современного российского общества и потенциале его развития.

Литература

1. Журавлев, В.А. Интеллектуальный потенциал креативного общества – элементы и характеристика / В.А. Журавлев // Креативная экономика. – 2009. – № 8(32). – С. 8.
2. Кунгурцева, Г.Ф. Интеллектуальный потенциал как базовый ресурс развития системы управления современным обществом: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08 / Кунгурцева Гузэль Фанузовна [Место защиты: Уфим. гос. авиац.-техн. ун-т]. – Уфа, 2012.
3. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы: утверждена постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2014 года № 2765-р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/mlorxfXbbCk.pdf>
4. Урмина, И.А. Формирование актуальных компетенций, определяющих эффективность профессиональной карьеры выпускника социального вуза / И.А. Урмина // Человеческий капитал. – 2010. – № 6(18). – С. 155-157.
5. Хорват, А.А. Социокультурный феномен интеллектуального потенциала индивида / А.А. Хорват // Вестник Калужского университета. – 2016. – № 3(32). – С. 111-116.

Хоткина Зоя Александровна,
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН,
г. Москва

Здоровье молодого поколения россиян: гендерный подход

Аннотация. В начале XXI века в вопросах здоровья российской молодежи наметился ряд новых позитивных трендов, что нашло отражение в снижении показателей заболеваемости и смертности от внешних причин. Однако гендерный разрыв в показателях здоровья молодых мужчин и женщин остается очень

высоким: более чем трехкратный по заболеваемости и четырех-пятикратный по смертности от внешних причин (убийства, самоубийства, отравления алкоголем, травматизм, ДТП). Это обуславливает необходимость гендерного похода к изучению проблем здоровья молодежи. Вместе с тем гендерная статистика здоровья населения в России развита слабо и нуждается в совершенствовании в соответствии с современными международными стандартами.

Ключевые слова: здоровье молодежи, гендерный поход, новые тренды и старые проблемы, гендерная статистика здоровья.

В начале XXI века в вопросах здоровья российской молодежи наметился ряд новых позитивных трендов, что нашло отражение в снижении показателей заболеваемости и смертности от внешних причин. Вместе с тем результаты исследований и статистика показывают, что со здоровьем молодых россиян не все обстоит благополучно. Молодежь сегодня в дефиците. В 2006 г. молодое поколение россиян составляло почти четверть населения страны (24,7%), а через десять лет, в 2015 г., уже менее пятой части – 19,7% [1]. Это эхо демографической волны низкой рождаемости 90-х годов. Поэтому необходимо изучать и понять, как сохранить это малочисленное поколение и создать условия, чтобы молодежь получила наилучшие возможности для реализации ее потенциала.

Понятие «молодежь» обобщено на основании критерия возраста. Другой важнейшей демографической характеристикой населения является пол, но, к сожалению, при исследовании молодежи гендерный подход используется нечасто. Вместе с тем исследования показывают, что как в ценностных ориентациях, так и в поведенческих паттернах молодежи есть сферы, где позиции девушек и юношей значительно различаются. В первую очередь это относится к вопросам здоровья, которое в молодости зависит не столько от заболеваемости, сколько от поведенческих факторов и отношения к своему здоровью. Поэтому проблемы здоровья современной молодежи лежат, прежде всего, в социальной плоскости. Социальные факторы, воздействующие на здоровье молодежи, могут быть рассмотрены как минимум в двух аспектах. С одной стороны, это факторы, зависящие от социально-экономической ситуации в стране: расслоение

население на богатых и бедных, перманентные кризисы и безработица, особенно среди молодежи, низкое качество бесплатной и высокая стоимость платной медицинской помощи и т.п. С другой – это социально-поведенческие факторы, такие как девиантное поведение, курение, пьянство, наркомания, нерациональное питание, гиподинамия и др. Первая группа социальных факторов носит относительно объективный характер, а потому практически в одинаковой мере воздействует на здоровье молодых женщин и мужчин, относящихся к одному поколению. Поведенческие факторы, напротив, зависят от индивидуального выбора, следовательно, в них могут быть наиболее ярко выявлены гендерные различия в отношении к своему здоровью. В этой связи основная гипотеза исследования заключалась в следующем: имеются области социально-экономических исследований, где употребление обобщенного понятия «молодежь» себя оправдывает, но есть сферы, где учет гендерных различий в исследовании молодежных когорт необходим. К числу областей, где положение юношей и девушек следует изучать обособленно, в первую очередь относится здоровье.

Анализ гендерных проблем здоровья российской молодежи в настоящем докладе предпринят по данным международного исследования по проблемам молодежи, проведенного Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Его результатом стал статсборник «Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет» [2], опубликованный Статистическим комитетом СНГ в 2014 году. В сборнике содержатся данные о заболеваемости и других социальных проблемах молодежи с разбивкой *одновременно и по полу, и по возрасту*. Ни в одном из статсборников Росстата такой информации не содержится.

Основанное на гендерном подходе статистическое исследование позволило сделать ряд важных выводов и рекомендаций по проблемам здоровья современного молодого поколения россиян:

1. Некорректно употреблять обобщенное понятие «молодежь» (без разбивки по полу), когда речь идет о здоровье, поскольку различия в этом вопросе

между молодыми мужчинами и женщинами колоссальные. Возрастной коэффициент смертности (рассчитывается на 100 тыс. умерших соответствующего пола и возраста) в 2012 году для мужчин в возрасте 15–29 лет составил 263,2 чел., а для женщин соответствующий показатель был равен 81,5 чел., то есть разница более чем трехкратная [2]. Эти данные являются ярким подтверждением нашей гипотезы о необходимости раздельного по полу изучения проблем здоровья молодежи.

2. Чтобы решать проблемы здоровья молодых россиян, необходима полная и достоверная информация. Статистические сборники Росстата, например «Женщины и мужчины России 2014», «Состояние здоровья населения и здравоохранение в России 2015», вышедшие в последние годы, информации о здоровье населения с учетом *одновременно* и пола, и возраста не содержит. Это серьезный недостаток отечественной статистики, который затрудняет анализ и решение социальных проблем молодежи, в том числе связанных со здоровьем. Росстату необходимо переходить на международные стандарты сбора и публикации информации о населении, которые приняты Фондом ООН в области народонаселения (ЮНФПА). Это позволит разрабатывать эффективную молодежную политику и меры, направленные на улучшение жизни и здоровья молодежи в России.

3. Наибольшие потери населения молодежных когорт в России связаны со смертностью от внешних причин (убийства, самоубийства, отравления алкоголем, травматизм, ДТП). Гендерный разрыв по этим показателям еще выше, чем по заболеваемости. Молодые мужчины умирают от этих причин в 4–5 раз чаще, чем их сверстницы [2]. Коэффициент смертности от всех видов внешних причин в 2012 году в России составил 177,8 для мужчин (на 100 тыс. мужчин в возрасте 15–29 лет), а для молодых женщин – 39,6 (превышение в 4,5 раза). Две трети (!) молодых мужчин и половина женщин в возрасте 15–29 лет скончались в 2012 году не от болезней, а от внешних причин [2]. Такое «расточительство» в отношении и без того малочисленного молодого поколения россиян является совершенно непозволительным, и государство должно принять все меры к со-

кращению смертности молодежи от таких причин, как убийства и самоубийства, а также отравления и травмы.

4. По авторитетному мнению ВОЗ, смертность от внешних причин и травматизм относятся к числу *предотвратимых* состояний, то есть при соответствующих условиях их можно если не избежать, то хотя бы значительно сократить. В результате активной научной и практической работы в странах ЕС и США в последние десятилетия произошло значительное снижение и стабилизация на низких уровнях показателей смертности от воздействия внешних причин. В России смертность в результате внешних причин является одной из самых высоких в мире. Нам необходимо изучать и внедрять опыт тех стран, которые добились значительных успехов в деле сокращения смертности молодежи от воздействия внешних причин.

5. Динамический аспект изучения здоровья очень важен, поскольку позволяет отслеживать тренды и принимать соответствующие меры. Начиная с 2000 года сформировался устойчивый позитивный тренд на сокращение смертности среди подростков и молодых взрослых обоего пола (с 15 до 24 лет). В то время как среди 25–29-летних смертность возрасла вплоть до 2005 г. и лишь затем начала снижаться. Для молодых мужчин снижение смертности за период 2000–2012 г. было существенным: с 4,2 до 2,6 промилле. В то время как для женщин снижение было менее значимым (с 1,1 до 0,8 промилле), что объясняется более низкой базой [2]. Эта тенденция характерна для всех возрастных групп молодежи: практически двукратное сокращение смертности у мужчин и незначительное у женщин. В результате более интенсивного сокращения мужских показателей гендерный разрыв между коэффициентами смертности мужчин и женщин в 2012 году по сравнению с 2000 годом сократился.

Таким образом, можно констатировать, что в начале XXI века в вопросах здоровья российской молодежи наметился ряд новых позитивных тенденций. С одной стороны, началось улучшение здоровья молодежи, что нашло отражение в снижении показателей смертности от различных заболеваний и внешних причин и у мужчин и у женщин. С другой стороны, благодаря опережающим тем-

пам снижения показателей смертности у молодых мужчин, сократился гендерный разрыв в заболеваемости с летальным исходом между женщинами и мужчинами. Однако проблемы молодых мужчин, связанные с потреблением алкоголя, остаются актуальными и тормозят прогресс в деле дальнейшего сокращения смертности и улучшения здоровья молодого поколения россиян.

Литература

1. Распределение населения РФ по возрастным группам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
2. Молодежь в Содружестве Независимых Государств: статистический портрет [Электронный ресурс] / Статкомитет СНГ, ЮНФПА. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/youth/rus/youth-rus.pdf>

Шаталов Максим Александрович,
кандидат экономических наук, доцент,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж

Мычка Светлана Юрьевна,
старший преподаватель,
Воронежский экономико-правовой институт,
г. Воронеж

Механизм межличностных отношений молодежи в студенческом коллективе: социальные аспекты взаимодействия

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы взаимоотношений студентов в группе и в образовательной организации в целом. Авторами отражены основные проблемы, возникающие в процессе взаимодействия студентов как личностей с индивидуальными качествами и характеристиками, с разработкой некоторых предложений по формированию межличностных студенческих

отношений, а также пути выхода из конфликтных ситуаций и варианты их избежания или смягчения.

Ключевые слова: межличностные отношения, студент, коллектив, студенческая группа, общение, социум.

В современных реалиях межличностное общение и межличностные отношения в молодежном коллективе (в том числе студенческом) являются константой условий бытия людей. Формирование человека как личности, развитие психологических функций и психического процесса, развитие человека как социально адаптированного субъекта общества невозможно без межличностных отношений.

Общение представляет собой взаимодействие людей, взаимопонимание между людьми, установление определенных взаимоотношений, в процессе чего определяется своего рода взаимодействие (поведение, отношение к определенному субъекту взаимоотношений). Межличностное общение – это процесс взаимодействия субъектов в рамках системы «человек – человек» во множестве аспектов динамичного функционирования отношений.

Так, актуальность выбранного направления исследования выступила вектором определения главной цели научной работы – рассмотреть особенности формирования межличностных отношений среди студентов с точки зрения социализации их во внутренней и внешней среде. Однако в рамках данного исследования не представляется возможным рассмотреть все существующие социальные аспекты студенческого общения, поэтому, не претендуя на оригинальность и научную новизну, рассмотрим некоторые наиболее важные вопросы студенческих межличностных взаимоотношений в коллективе.

Период студенчества в биографии человека характеризуется поиском своей жизненной дороги. Собственно поэтому в образовательной организации берет свое начало ступень активного профессионального самоопределения, т.к. данные условия позволяют понять не только суть будущей профессии, но и осознать личную причастность к будущему профессиональному делу после окончания вуза.

Основными характеристиками студколлектива можно выделить социальную направленность на овладение профессией, единство социально обусловленных потребностей, интересов, целей, задач, перспектив, обязательств, предполагающих достижение определенных результатов в обучении или иной деятельности, наличие общих дел и т.п. [3; 6]. Перечисленные факторы способствуют сплочению коллектива.

Студенческий коллектив представляет собой яркий пример формальной группы (в ней четко определены позиции ее членов, предписанные групповыми нормами). Внутри каждого коллектива, чаще всего, образуются неформальные группы.

Важную роль в формировании межличностных отношений играют конкретные условия, в которых происходит общение. Конечно, в первую очередь это связано с видами совместной деятельности, в процессе которой и устанавливаются межличностные контакты (учеба, отдых, работа), с ситуацией (повседневная, экстремальная, нестандартная), этнической средой, гендерным составом группы и т.п.

Отметим, что связь между морально-психологическим климатом коллектива и степенью его сплоченности можно представить в следующей формуле: чем выше уровень развития благоприятного, положительного, комфортного климата в студенческом коллективе, тем выше степень сплоченности участников группы. Климат в коллективе, подчеркнем, оказывает значительное влияние на механизм реализации различных отношений, приводящих в итоге к определенным модификациям в психологическом и социальном состоянии каждого члена студенческого коллектива.

В процессе проведения анализа межличностных отношений необходимо различать вариативные психологические и социальные механизмы данных отношений, основанных на единой природе, а также понимать тот факт, что они образуют различные слои групповой активности в студенческом коллективе (рисунок).

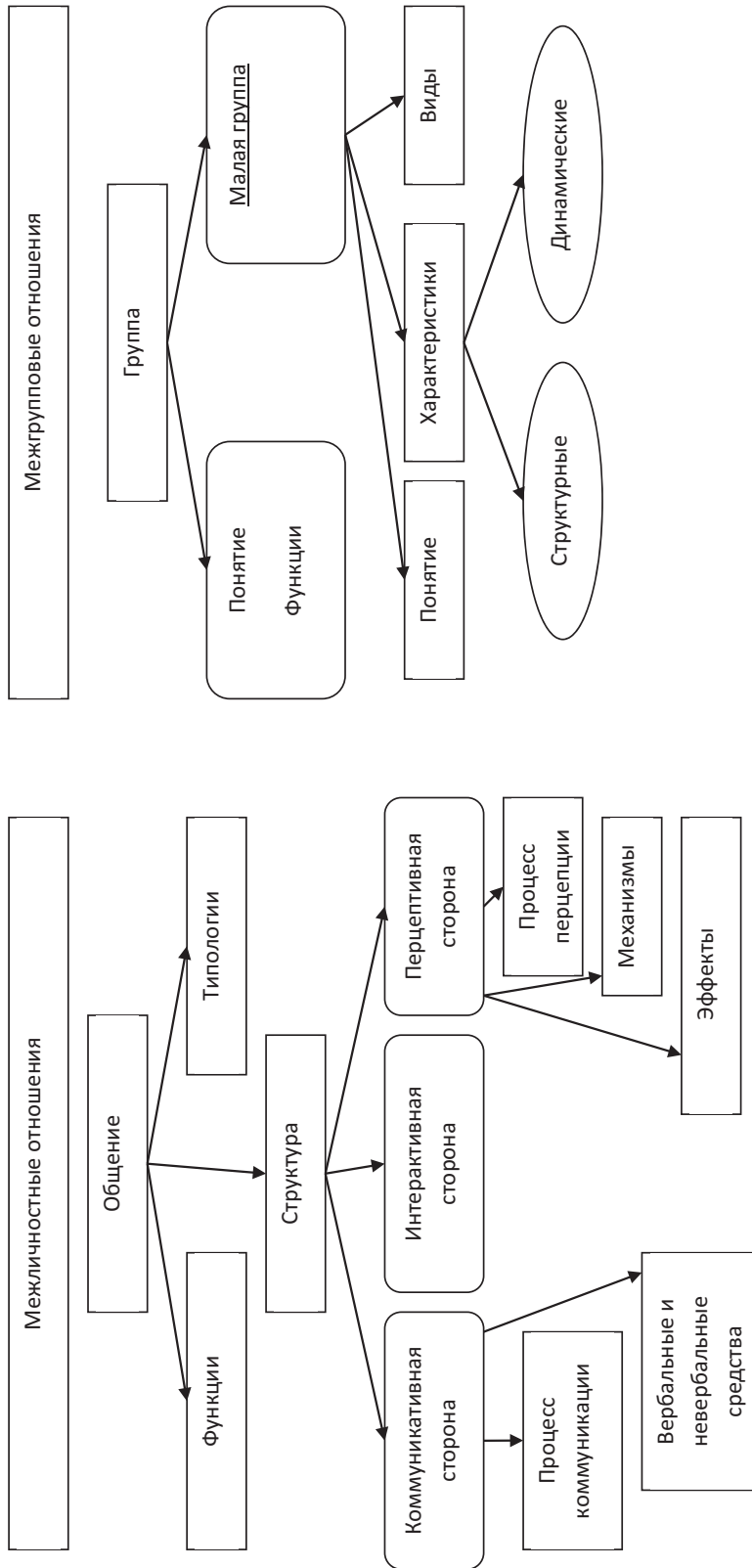
Далее повторимся, что в ходе социально-психологического изучения группы особое внимание уделяют взаимоотношениям в коллективе, которым можно присвоить следующие характеристики [1; 4; 5]:

- взаимоотношения и взаимовлияние между участниками коллектива, без чего его существование не представляется возможным;
- определенность ролей и функций, выполняемых индивидуумом;
- выделение лидеров, влияющих на мнение остального коллектива;
- выявление единой общей цели, деятельности и организации;
- появление у членов коллектива чувства единства, единения коллектива и др.

Итак, выделим в структуре коллектива формальную и неформальную оргструктуру. Формальная структура студенческого коллектива находится в зависимости от функциональных обязанностей, которые закреплены за определенным человеком – членом коллектива. Неформальная структура – это «паутина» (сеть) сложившихся взаимоотношений людей. Причинами установления «неофициальных» связей нами видится потребность в дружбе, привязанности, получении помощи и т.д.

Формирование межличностных отношений в студенческом коллективе в определенной степени зависит от активизации образовательного процесса, включающей применение активных инновационных методов обучения [2; 7].

Таким образом, в результате научного исследования можно сделать вывод, что знание психологических особенностей студенческого возраста – явление значительное и существенное, особенно в рамках образовательной организации высшего образования в современных условиях. Личность находится в коллективе, формируется и развивается. Студенческий коллектив представляет собой определенную ступень в развитии личности, формирующую у неё определенные качественные характеристики, способность функционировать в коллективе, решать задачи, выходить из конфликтных ситуаций, т.е. быть полноценным субъектом социальной жизни человечества.

Межличностные и межгрупповые отношения

Литература

1. Ахмедов, А.Э. Развитие системы профессиональной мобильности в условиях непрерывного образования / А.Э. Ахмедов, И.В. Смольянинова // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: вызовы XXI века: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – 2015. – С. 131-134.
2. Жильников, А.Ю. Формирование системы здоровьесбережения обучающихся в образовательной организации / А.Ю. Жильников // Синергия. – 2016. – № 3. – С. 31-36.
3. Иголкин, С.Л. Перспективы развития социального партнерства в системе «образование–наука–бизнес» на основе кластерного подхода / С.Л. Иголкин, И.В. Смольянинова // Инновационные подходы к решению социально-экономических, правовых и педагогических проблем в условиях развития современного общества: материалы I международной научно-практической конференции / АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт». – Старый Оскол, 2015. – С. 409-412.
4. Мычка, С.Ю. Социальное взаимодействие в студенческом коллективе / С.Ю. Мычка, М.А. Шаталов // Социальные отношения. – 2015. – № 4(15). – С. 91-96.
5. Никитина, А.В. Характеристики системы инфокоммуникационного взаимодействия субъектов образовательного процесса / А.В. Никитина // Синергия. – 2015. – № 1. – С. 21-25.
6. Плаксина, Н.И. Концептуальные подходы к изучению корпоративной культуры в среде высшего учебного заведения / Н.И. Плаксина // Территория науки. – 2012. – № 2. – С. 104-111.
7. Руднева, Н.В. Значение профилактики девиантного поведения в молодежной среде при формировании правовой культуры студентов вуза / Н.В. Руднева // Территория науки. – 2016. – № 2. – С. 144-149.

Шишкина Мария Александровна,
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и
энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар

Отношение молодежи Республики Коми к вопросам планирования семьи*

Аннотация. В статье описаны итоги социологического исследования «Отношение молодежи к семье и детям», проведенного в 2015–начале 2016 г. среди школьной и студенческой молодежи Республики Коми. Раскрыты мнения и суждения молодого поколения о семейных ценностях, браке как институте воспитания детей. Описаны также ответы на вопросы о способах и мотивах применения или отказа молодежи от использования средств контрацепции. Выявляется отношение к прерыванию беременности, приемлемые причины для аборта. Определены главные здоровьесберегающие и морально-этические факторы, которые делают его недопустимым. В выводе сформулированы основные тезисы, характеризующие отношение молодежи Республики Коми к вопросам планирования семьи.

Ключевые слова: планирование семьи, контрацептивное поведение, аборты, репродуктивные установки, семья, брак, молодежь.

Осознанное отношение молодежи к планированию семьи – важный аспект поддержания репродуктивного здоровья населения, отвечающего за воспроизводство новых поколений. Активное развитие вспомогательных репродуктивных технологий является следствием не только научных достижений и развития медицины, но и постоянно увеличивающейся потребности населения в данных услугах ввиду собственных заболеваний и нарушений функционирования репродуктивной системы. Прерывание беременности, игнорирование применения средств контрацепции для предотвращения заболеваний, переда-

* Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН (проект № 15-14-7-6 «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса») и при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

ющихся половым путем, могут нанести травмирующий эффект здоровью молодежи, а также отразиться на социальной стороне жизни. Несознательное отношение к вопросам планирования семьи сказывается также на увеличении числа неполных семей, формировании феномена социального сиротства и распространении прочих явлений, отрицательно воздействующих на состояние института брака и семьи. Все это актуализирует исследование отношения молодежи Республики Коми к вопросам планирования семьи для определения степени самосохранения молодежью своего репродуктивного потенциала.

Вопросы по данной тематике были включены в исследование «Отношение молодежи к семье и детям», проведенное на территории Республики Коми в конце 2015–начале 2016 г. в форме раздаточного анкетирования по случайной выборке с квотированием по типу населенных пунктов группой сотрудников ИСЭиЭПС Коми НЦ УрО РАН. Целью исследования было выявление брачно-семейных и репродуктивных установок молодежи Республики Коми, ее отношения к планированию семьи и рождению детей. Всего было опрошено 1350 человек в возрасте 15–26 лет в 14 муниципальных образованиях республики. 75,9% участников опроса проживают в городской местности, 24,1% – в сельской. Поскольку формирование потребностей, интересов, ценностных ориентаций человека на создание собственной семьи и рождение детей происходит по мере взросления еще в детском и подростковом возрасте, основной массив выборки, почти три четверти опрошенных, охватывает самую молодую группу репродуктивного возраста: 31,0% респондентов в возрасте 15–16 лет, 42,4% – 17–19 лет. Остальные 26,6% участников опроса относятся к возрастной группе 20–26 лет: 16,1% – 20–21 год, 5,9% – 22–24 года, 4,6% – 25–26 лет. 41,8% опрошенных являются школьниками старших классов, 26,9% – учащимися средних профессиональных образовательных учреждений, 23,3% – студентами высших учебных заведений, 8,0% – работающая молодежь (половина со средним образованием, половина – после вузов). Среди респондентов 58,4% девушек и 41,6% юношей [1, с. 113-114].

В целом, как показало исследование, счастливая и дружная семья стоит на первом месте в иерархии жизненных ценностей молодежи (83,1%), приоритет отдается официально зарегистрированному браку (78,2%). Эталонной моделью семьи выступает двухдетная семья, что отражается в идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей. Однако вступление в брак для воспитания детей считают обязательным только 51,8% опрошенных, «в определенной степени, это следствие характерного для Республики Коми более лояльного, чем в среднем по стране, отношения к внебрачной рождаемости и неполным семьям (подробно описано в монографии [2]), имеющего отражение в традиционно повышенном удельном весе внебрачных рождений» [2, с. 49-55].

У 48,7% опрошенной молодежи на момент исследования не было сексуального опыта. При этом приемлемым возрастом для начала сексуальных отношений респонденты отмечали чаще всего возраст 18–19 лет (49,3%). Однако у многих из тех, кто уже имеет сексуальные отношения, первый опыт произошел раньше: у 23,9% ранее, у 28,7% в 16 лет, у 20,9% в 17 лет и только у 26,5% в 18–19 лет. Большинство тех, кто имеет сексуальные отношения, пользуются средствами контрацепции (69,4%). Самыми распространенными из них являются презервативы (80,8%), а также, но намного реже – гормональные контрацептивы (19,4%). Главными целями применения средств контрацепции опрошенные считают предохранение от нежелательной беременности (80,2%), профилактику заболеваний, передающихся половым путем (45,2%), максимальную защиту своего здоровья (38,8%). Другие респонденты, которые имеют сексуальные контакты, но не используют средства контрацепции, чаще всего выбрали следующие варианты ответов: «не считаю (партнер не считает) необходимым» (31,4%), «у нас постоянная связь, в случае незапланированной беременности будем рожать» (31,2%), «нежелание партнера (партнерши) применять контрацептивы» (18,1%). Не применяют контрацептивы из-за сознательного планирования рождения ребенка 12,2% представителей старшей возрастной группы в выборке.

Проблема искусственного прерывания беременности имеет особую актуальность как фактор, повышающий социально-демографическое неблагополучие территории, поскольку «несмотря на устойчивую тенденцию к снижению, аборты занимают ведущее место в реализации репродуктивной функции женщины и структуре репродуктивных потерь» [3, с. 53]. Поэтому одной из задач проведения исследования стало выявление отношения молодого населения Республики Коми к прерыванию беременности.

Большинство опрошенных молодых людей и девушек считают аборт недопустимым (58,1 и 54,6% соответственно), считают его возможным при определенных обстоятельствах 29,9% юношей и 37,3% девушек. К главным показателям к прерыванию беременности молодое поколение Республики Коми чаще всего относило не зависящие от внутренней воли женщины причины, прописанные в законодательстве РФ: 51,2% опрошенных считают его допустимым по медицинским показателям, 38,4% – если беременность наступила в результате изнасилования. Но есть и часто выбираемые другие показатели, которые отражают внутренний выбор человека, его оценку жизненных обстоятельств: слишком юный возраст будущей матери (29,8%), материальные трудности в семье (15,6%), отсутствие жилищных условий (15,3%), если ребенок был незапланированным и нежеланным для самой женщины (15,1%). В целом допускают его проведение без уточнения обстоятельств 11,4% молодых людей и 7,5% девушек.

Респонденты, выступающие против аборта, придают практически равную значимость как здоровьесберегающим, так и морально-этическим причинам сохранения жизни ребенка. Так, по мнению 52,1% опрошенных, аборт увеличивает риск возникновения бесплодия; 51,9% оценивают аборт как убийство будущего ребенка; для 49,9% опрошенных аборт недопустим, так как они убеждены, что он опасен для здоровья женщины. Отметили, что аборт может негативно повлиять на состояние здоровья будущих детей 26,3% опрошенных; это аморальный поступок для 22,8% противников прерывания беременности.

Таким образом, молодежь Республики Коми достаточно хорошо осведомлена о способах планирования семьи, знает о современных методах контрацепции, применение которых среди нее широко распространено. Большинство опрошенных негативно относятся к аборту. К главным показаниям к прерыванию беременности молодое поколение Республики Коми чаще всего относило не зависящие от внутренней воли женщины причины, прописанные в законодательстве РФ. Семья, официально зарегистрированный брак продолжает иметь высокую ценность среди молодого населения Республики Коми. Вызывает беспокойство тот факт, что значительная часть опрошенных считает приемлемым воспитание ребенка в неоформленном браке. Это свидетельствует о продолжающемся процессе разрыва связи между матримониальным и репродуктивным поведением. Во многом данный итог связан с тем, что стандарты демографического поведения у современной молодежи Республики Коми формировались в период планомерного увеличения уровня внебрачной рождаемости в их родительском поколении.

Литература

1. Попова, Л.А. Формирование стандартов демографического поведения молодежи в условиях реализации государственной просемейной политики / Л.А. Попова, М.А. Шишкина // Актуальные проблемы. Направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: материалы V Всероссийского научного семинара (г. Сыктывкар, 21-23 сентября 2016 г.). – Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2016. – С. 112-120.
2. Попова, Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Л.А. Попова. – Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2007. – 92 с.
3. Профилактика абортов в Республике Саха (Якутия) / Н.В. Саввина, А.А. Яворский, Л.Н. Афанасьева, Е.А. Борисова, М.В. Платонова // Дальневосточный медицинский журнал. – 2013. – № 3. – С. 52-54.

Яковлева Анастасия Алексеевна,
студентка,
ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»,
г. Череповец

Выявление методом фокус-группы особенностей профилактики заражения ВИЧ/СПИД среди старшеклассников

Аннотация. В докладе речь идет о проблеме ВИЧ-инфицирования среди подростков и эффективности профилактических мер, направленных на предотвращение данного заболевания. Автор с помощью метода фокус-группы выясняет уровень информированности подростков о мерах профилактики заражения ВИЧ, анализирует их эффективность с точки зрения самих школьников и приводит рекомендации по улучшению профилактики заражения с целью сокращения ВИЧ-инфицирования в молодежной среде, выработанные в ходе группового интервью.

Ключевые слова: профилактика, здоровье, молодежь, СПИД, ВИЧ.

Проблема инфицирования ВИЧ стала одной из главных проблем здоровья человека начиная с момента ее открытия в 1981 году. Именно тогда в больницы Лос-Анджелеса и Сан-Франциско стали поступать молодые люди нетрадиционной сексуальной ориентации с заболеваниями, не характерными для их возраста [1]. Острота данной проблемы связана с тем, что лекарства, способного полностью вылечить человека от СПИДа, пока еще не существует, а вирус, поселяясь в организме человека, ведет к непосредственному его разрушению. СПИД распространяется по всему миру, и нет такой страны, которая бы не вступила в борьбу с этой болезнью.

В особую группу риска попадают молодежь и подростки, так как именно они по своей природе склонны к рискованному поведению. Они становятся группой риска для заболеваний, напрямую связанных с насилием, случайными половыми контактами, употреблением алкоголя и наркотиков [2]. Вот почему особенно необходимы профилактические меры в молодежной среде.

Недостаточность и порой неэффективность просветительской работы делает закономерным вовлечение все большего числа молодежи в эпидемию ВИЧ/СПИДа. Поэтому крайне важно, чтобы меры профилактики заражения были своевременными и максимально эффективными, а также способствовали выработке здоровьесберегающего поведения у молодежи. Но для соблюдения данного требования к профилактическим мерам с нашей точки зрения необходим мониторинг этих мер с учетом мнения самих объектов профилактики, т.е. школьников. Поэтому мы решили с помощью метода фокус-группы выяснить мнение подростков г. Череповца по этой проблеме, т.е. узнать их отношение к профилактике заражения ВИЧ и уровень их информированности по этой проблеме.

На вводный вопрос о том, что известно школьникам-участникам дискуссии о ВИЧ/ СПИДе, мы получили довольно ожидаемые ответы. Среди ответов участников звучало: «не передается через слюну», «ВИЧ – первая стадия, СПИД – вторая стадия, затем человек умирает», «если женщина больна СПИДом и вынашивает ребенка, то он ему передается». Поэтому можно сделать вывод, что в целом респонденты информированы о путях передачи ВИЧ/СПИДа и о стадиях инфекции.

В качестве основного пути передачи ВИЧ-инфекции участники единогласно отметили половой путь. Но при этом распространенные, в том числе в молодежной среде, незащищенные половые акты объяснялись участниками тем, что «люди доверяют своим партнерам», а также ленью совершать подобные самосохранительные действия. Были варианты наличия разных жизненных ситуаций, когда не всегда удобно использовать презерватив и другие способы защиты от заражения ВИЧ половым путем. В целом можно сказать, что участники фокус-группы связывают такое безалаберное поведение людей с нежеланием, ленью и опрометчивым доверием партнеру.

В ходе обсуждения истории заражения ВИЧ обычной шестнадцатилетней девушки, которую ненамеренно заразил ее любимый человек, было выяснено, что молодые люди, первый раз вступая в интимную связь, совершенно не задумываются о мерах профилактики.

мывались о предохранении от заражения. Причем участники дискуссии объясняли такое поведение подростков тем, что они «думали, что в первый раз такого не может произойти». В качестве меры, способной обезопасить от заражения половым путем, часть респондентов предложила пройти медицинское обследование, тогда как другая часть была против, объясняя это тем, что не всегда удобно проверяться перед половым актом, особенно когда это происходит в первый раз, так как, по их мнению, в данном случае вероятность заражения низкая. Таким образом, респонденты знают о мерах профилактики заражения ВИЧ половым путем, но не способны вовремя их применить.

По поводу того, что нужно сделать, чтобы молодые люди задумывались о защите от ВИЧ-инфицирования, респонденты считают, что нужно больше социальной рекламы. Что касается бесед о ВИЧ и СПИДе среди старшеклассников, то, на их взгляд, подобные беседы являются несвоевременными и предлагается проводить их с 5 класса в игровой форме, чтобы научить детей общаться друг с другом, а потом уже рассказывать им о ВИЧ. Подобная организация курса по «Самообороне от заражения ВИЧ-инфекцией» в школах, по мнению участников фокус-группы, необходима, но при этом отмечается снижение заинтересованности самих школьников в таком курсе и, как следствие, уменьшение его роли в профилактике ВИЧ-инфекции. Таким образом, старшеклассники понимают, что формат лекций как основной элемент профилактики ВИЧ среди молодежи уже устарел и необходимо придумывать что-то новое. В качестве альтернативы был предложен вариант проведения просветительской работы среди школьников по проблеме заражения ВИЧ близкими людьми, в том числе семьей.

На вопрос о том, «кто именно должен заниматься профилактикой ВИЧ среди подростков», респонденты отвечали неоднозначно. В качестве ответственных были назначены мужчины, если речь идет о паре. С позиции профилактики заражения ВИЧ в подростковой среде этим должны заниматься взрослые, а подростки – прислушиваться к их мнению. Также, по мнению участников, мэрию города тоже должно интересовать здоровье молодого поколения, а

проводимые всевозможные мероприятия, рейды и соцопросы это подтверждают. При этом прозвучал и наиболее категоричный ответ, согласно которому «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Это говорит о том, что подростки склонны переносить ответственность с себя на других, более взрослых людей, но высказанный единичный ответ о собственной ответственности позволяет нам не терять надежду на благоразумие молодежи в вопросах своего здоровья.

В ходе обсуждения участникам фокус-группы также предлагалось обсудить некоторые стереотипы по теме ВИЧ/СПИДа. С таким стереотипом, как «Зачем вообще об этом думать? СПИД – редкая болезнь, меня не коснется. Гораздо выше вероятность попасть под машину», все респонденты выявили несогласие. Они обосновали это пугающей статистикой.

Что касается требования у каждого партнера справки об отсутствии ВИЧ-инфекции, респонденты считают, что «это конфиденциальная информация и это делать невозможно, если ты просто партнер, но если у вас близкие отношения, то возможно “ты – мне, я – тебе”», «проверяться вместе». Были и ответы, включающие доверие партнеру, но при этом прозвучала мысль, что в случае заражения это останется на совести партнера, не предупредившего о СПИДе. Другой респондент считает, что справка не может быть весомым доказательством неинфицирования, так как вирус обнаруживается не сразу и поэтому необходимо сдавать кровь каждые полгода. При знакомстве в клубе и последующем половом контакте, по мнению респондентов, справку требовать не надо. Но в целом респонденты считают, что требовать справку – это нормально, но только у постоянного партнера, у случайных же партнеров лучше этого не делать. Участники ошибочно считают, что ВИЧ можно излечить, и оптимистично надеются на возврат человека к нормальной жизни после заражения.

Еще один стереотип по поводу отсутствия надежной защиты от СПИДа из-за незнания путей передачи этой инфекции вызвал среди респондентов всеобщее отрицание. Хотя респонденты уверены, что надежной защиты от СПИДа нет, и даже презервативы на 100% не защищают, но, для того чтобы

снизить риск заражения до минимума, по мнению школьников, необходимо обследование на ВИЧ-инфекцию и использование презервативов.

Еще одним заданием для участников был розыгрыш диалогов, связанных с опасным и неопасным поведением героев на вечеринке, где присутствует ВИЧ-положительная девушка. Разыгрываемые диалоги показали, что посещать вечеринки с присутствием ВИЧ-инфицированных возможно, но при этом юноши должны избегать эту девушку и всячески ограничивать общение с ней. «Ограничивать контакты с этой девушкой, без прикосновений, объятий, а лучше вообще не общаться»; «Надо было думать девушке и самой оградить себя ото всех» – такие были комментарии по этой теме. Это доказывает неполное информирование подростков о факторах заражения ВИЧ и настороженное отношение к ВИЧ-инфицированным, дистанцирование себя и своих близких от них.

Последнее задание, включавшее в себя составление коллажа на тему «Жизнь с ВИЧ», позволило нам еще раз понять, что школьники довольно хорошо информированы о способах защиты от ВИЧ. Вырезкой в виде презерватива и людей в маске участники фокус-группы хотели показать, что ВИЧ-инфицированным необходимо предохраняться и защищать жизнь других. Изображение на плакате распущенной девушки было прокомментировано ассоциацией ее у школьников с данным заболеванием: «Не будь доверчивым, она может быть заразна», т.е. такая девушка может промолчать о своей болезни и заразить другого. Такие высказывания сопровождали демонстрацию данной части коллажа.

В качестве последнего мероприятия респондентам было предложено разработать комплекс мер по профилактике ВИЧ/СПИДа среди школьников. К таким мерам участники отнесли: «следить за собой», «использовать презерватив», «избегать случайных связей», «нужно придумать что-то новое помимо бесед в школе, они дают нулевой результат», «не надо часто говорить об этом»; также они называли в качестве методов игры, беседы со стимулами для школь-

ников, вовлечение их самих в дискуссию, «рассказывать реальные истории заражения, сопровождаемыми картинками по теме».

Таким образом, на основании проделанного анализа стенограммы фокус-группы можно сделать следующие выводы. Участники достаточно осведомлены по проблеме заражения ВИЧ/СПИДа, знают основные пути передачи, но не всегда правильно оценивают риски заражения. Они признают роль профилактики как меры против заражения ВИЧ и считают, что ею должны заниматься все заинтересованные стороны, но прежде всего это дело рук самого человека. Что касается отношения к различным профилактическим мерам, то большинство респондентов считают, что формат лекций устарел и не дает нужного результата, необходимо придумывать новые методы с вовлечением в них самих старшеклассников, в том числе и более младшего возраста, и стимулированием их.

Литература

1. Леви, Джей Л. ВИЧ и патогенез СПИДа: монография / Джей Л. Леви. – 3-е изд. – Научный мир, 2010. – 736 с.
2. ВИЧ-инфекция и СПИД [Электронный ресурс]. – URL: <http://medportal.ru/enc/venerology/aids/> (Дата обращения 26.06.16).

Яковлева Наталья Ивановна,
младший научный сотрудник,
ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси»,
г. Минск

Самоответственность как стратегия профессионального поведения молодежи

Аннотация. Автор рассматривает влияние самоответственности на выбор стратегии защиты от рисков, связанных с потерей работы. На основе данных социологического исследования показана распространенность страха безрабо-

тицы среди молодежи, сделаны предположения о преобладании конструктивных реакций на страх потери работы.

Ключевые слова: самоответственность, страх, безработица, молодежь.

В Беларуси 1990-е годы характеризуются началом масштабной трансформации, которая затронула все без исключения сферы жизни общества: политическую, экономическую, правовую и социальную. Привычный уклад жизни граждан был нарушен, возникла необходимость приспособления к новой действительности, что сопровождалось различными коллективными переживаниями. Одной из самых распространённых эмоциональных реакций среди населения стал страх как элемент массовых настроений относительно большинства сфер жизнедеятельности. В трансформирующемся обществе страх указывает на источник угрозы, дает оценку состояния социальной системы и выступает в различных формах, каждая из которых соотносится с определенным источником опасности, наиболее актуальным для тех или иных социальных групп [2, с. 87].

Сфера трудовой деятельности, как одна из основных, также претерпела ряд изменений. В стране приостанавливалась деятельность многих предприятий, сокращались рабочие места, отмечалась задержка выплат заработной платы, численность безработных увеличивалась, что стало причиной появления страха потери работы в массовом сознании. Сегодня в Беларуси ситуация в сфере занятости отличается более высокой стабильностью, но в то же время современная трудовая реальность предъявляет к работникам повышенные требования, обусловленные трансформацией принципов функционирования рынка труда и либерализацией экономики. Свободное формирование рынка труда в значительной мере оказывает влияние на становление индивида в профессиональной сфере, основной сложностью при этом остается безработица.

Безработицу как системное свойство рынка труда принято рассматривать как один из периодов профессионального пути личности. В то же время в ряде социологических исследований [1, с. 22] показано, что страх безработицы – один из наиболее сильных страхов, который влияет на трудовое поведение ра-

ботников и быстро приводит к изменениям в ценностно-мотивационной сфере личности, поскольку происходит резкое снижение значимости таких ценностей, как труд и работа.

В современных условиях трансформации профессиональной сферы внимание к вопросам труда в жизни трудоспособного индивида резко возрастает, что является актуальным и для молодежи. Индикатором отношения к труду, как к ценности, может служить страх потери работы, а также связанные с ним угрозы и риски (таблица).

Высоковероятные события, риски и угрозы в молодежной среде,
% (контекст: возраст)*

Варианты ответа	До 20 лет	20-24 года	25-29 лет	30-34 года	Итого
Нет ответа	20,7	12,4	13,7	16,3	15,6
Бедность	6,4	22,5	27,7	19,8	20,3
Болезнь, ухудшение здоровья	44,8	30,4	24,2	26,9	29,8
Получение травмы на работе	14,4	6,9	7,2	7,2	8,3
Потеря работы (профессии, квалификации)	19,3	27,4	20,6	17,1	20,3
Смена места работы (профессии)	15,9	30,3	44,1	30,2	31,7
Снижение дохода	15,0	48,6	55,6	53,6	46,9
Снижение статуса	2,1	9,1	8,3	8,5	7,5
Другое	6,5		2,2	2,4	2,6

* Исследование проведено в рамках проекта БРФФИ Г15Р-043 «Профессиональное призвание как фактор развития человеческого капитала».

Указанные в таблице данные свидетельствуют о том, что в молодежной среде страх потери работы (20,3%), смены места работы (31,7%) и, связанная с экономической активностью, угроза снижения дохода (46,9%) занимают лидирующие позиции, наряду с риском ухудшения здоровья и болезни (29,8%). Очевидно, что работа и способность к труду являются главными ценностями молодежи, а риски и угрозы осознаются данной группой в полной мере. Закономерной реакцией на угрозу как биологическому существованию, так и ценностям, которые индивид и группа считают необходимыми для жизни, является страх. В ответ на страх существует возможность как действия, так и бездействия, конструктивного или деструктивного поведения [3, с. 84].

К факторам, способствующим конструктивному разрешению ситуации безработицы, относятся широкая сфера интересов личности, высокая субъективная значимость таких ценностей, как работа, карьера и заработок; при этом индивид должен обладать высокой активностью, высокой осознанностью ситуации и высоким уровнем ответственности [1, с. 23].

Значимость ответственности при выборе стратегии поведения и реакции на страх состоит в отражении социальной мотивации и установок субъекта на преодоление угроз и рисков, на формирование стратегий безопасной жизнедеятельности. Путем осознания рисков и принятия ответственности на себя в том числе индивид, вне зависимости от внешних факторов, определяет и контролирует исход ситуации. В ситуации угрозы ответственность предполагает готовность личности к качественным позитивным изменениям, к развитию её способностей, приращению социального капитала. Так, по данным исследования, проведённого Институтом социологии НАН Беларуси, среди занятой молодежи в возрасте до 35 лет стремятся повысить свою квалификацию тем или иным способом, 71,8%, что позволяет говорить о выборе позитивных стратегий поведения в случае угрозы потерять работу.

Молодежь в данном контексте демонстрирует осознание рисков и угроз, связанных с потерей работы, принятие работы как ценности, а также готовность к качественным изменениям личности с целью защиты от страха безработицы.

Деятельность трудоспособной личности сегодня осуществляется в условиях трансформации общества к новой социально-экономической системе с новой социальной структурой. Эти изменения оказывают влияние на все сферы жизни, в том числе и на сферу труда, преобразовывая механизм профессионального развития индивида. Для того чтобы в ответ на страх потери работы преобладала позитивная реакция, в обществе должна быть актуализирована адекватная стратегия защиты от рисков безработицы, основанная на отношении к труду как к ценности, на активности граждан в данной области и высокой ответственности населения.

Литература

1. Бендюков, М.А. Интеграция подходов к профориентации безработных граждан: новые возможности для службы занятости / М.А. Бендюков // *Человеческие ресурсы*. – 1998. – № 2. – С. 21-26.
2. Витковская, М.И. Теоретико-методологические основы изучения «страха» в социологии / М.И. Витковская // *Вестник РУДН. Серия «Социология»*. – 2003. – № 4-5. – С. 86-91.
3. Мигунова, А.В. Качественное исследование коллективного переживания страха на примере конкретного случая / А.В. Мигунова // *Социальные преобразования и социальные проблемы: сборник научных трудов*. – Выпуск 5. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. – С. 77-95.
4. Ручкина, М.В. Субъект риска: философский и междисциплинарный дискурс / М.В. Ручкина // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – № 36(77). *Аспирантские тетради*. – СПб., 2008. – С. 155-161.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

**Потенциал науки:
как сделать исследовательские
результаты востребованными**

Головчин Максим Александрович,
кандидат экономических наук,
председатель Совета молодых ученых и специалистов,
Институт социально-экономического развития территорий РАН,
г. Вологда

Что могут ожидать общество и наука от российской молодежи?

Аннотация. В докладе на основе имеющихся данных статистики и социологических опросов (всероссийская и региональная выборка) представлен анализ социокультурных характеристик молодежи, которые отличают эту когорту от населения старших возрастов в плане активности, желания преобразовывать окружающий мир в соответствии со своими представлениями и требованиями времени. Особое внимание уделяется «барьерам», которые формирует недостаточное влияние активности гражданских институтов (семья, образование и рынок труда) на уровень социализации молодежи.

Ключевые слова: молодежь, поколения, социализация, ментальность, структурированная безответственность, ценности, социологический опрос.

В эпоху экономических и социальных трансформаций молодое поколение становится когортой, оптимально воспринимающей ментальность «постинновационного типа» (основанного на стремлении к независимости и индивидуализме), безболезненно становящейся ее носителем и преобразующей окружающий мир (общество, экономику, политику) в соответствии с ней [5, с. 80-88].

Не секрет, что «инновационная» миссия молодежи заметно актуализируется на фоне стремительного старения населения. Уже сейчас удельный вес возрастной группы старше 60 лет в России составляет 20% (в среднем по всем странам мира – 12%). В дальнейшем эта цифра будет увеличиваться: по прогнозу Росстата, в 2030 году она превысит 24%. При этом представительство молодых в составе населения заметно не изменится [4].

Подобные тренды приведут к тому, что молодежь станет основным трудовым ресурсом страны. Трудовая деятельность молодых людей в большей

степени, чем их родителей, станет источником средств социального обеспечения детей, инвалидов и лиц пожилого возраста. Значит, и работать этому поколению необходимо будет больше, при не очень высоких доходах [2, с. 20].

В то же время современная молодежь остается «темной лошадкой» для аналитиков. Никто точно не знает, будет ли она в ближайшем будущем выполнять функции «драйвера» модернизации и экономического роста. У каждого свое видение этого момента.

Так все-таки, кто такая молодежь? Будет ли новое поколение в авангарде модернизации? Далее я постараюсь представить свое видение данного вопроса, используя информационную базу всероссийских социологических исследований и опросов, проведенных Институтом социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН) по Вологодской области.

Начиная разговор о детерминантах, определяющих жизненные ориентиры молодого поколения, необходимо отметить, что за последние 25 лет в ценностно-нормативной сфере произошла заметная трансформация. Об этом говорят данные ВЦИОМ: за этот период главные приоритеты населения сместились в сторону индивидуалистических ценностей, таких как семья, близкие, друзья. Общественно значимые и духовные ценности отошли на второй план [3].

Подобная трансформация находит отражение и в мировоззрениях социально-демографической группы молодежи. Данные Института социологии показывают, что так же, как и большинство населения, российская молодежь более высоко оценивает значимость здоровья, семьи, материальной обеспеченности. Аналогичные выводы подтверждаются и на материалах региональной выборки.

Жизненные ценности молодого поколения лишь отчасти перекликаются с таковыми у старшей когорты. Одинаково высоко и «дети» и «отцы» оценивают традиционные ценности: здоровье, семью, деньги. Это говорит о

наследственности традиционных форм идентичности, которые нередко завязаны на реализации меркантильных потребностей – в заботе, отдыхе, уюте.

В то же время молодое поколение как социально-демографическую группу характеризует большее, чем у старшего поколения, стремление к активной деятельности, самосовершенствованию, познанию. В этом, как мы считаем, и кроется серьезный потенциал для формирования и распространения ментальности постинновационного типа при сохранении традиционных основ.

В молодежной среде отмечается заметная готовность реализовывать свой потенциал для дальнейшего самосовершенствования в следующих сферах: повышение квалификации, изучение иностранных языков, организация бизнеса и даже миграционная активность. Уровень готовности к подобной активности у представителей старшего поколения, наоборот, находится в «отрицательной зоне» (меньше 100 п.).

Однако возможности достижения успеха посредством позиционирования на рынках труда и образования не вызывают у молодежи чрезмерного оптимизма. Так, в молодежной когорте сравнительно меньше положительных эмоций вызывает удовлетворенность уровнем своего образования (он находится на 7 месте, у «поколения отцов» – на четвертом), востребованность выполняемой работы в обществе, размеры заработка.

По существу, молодые люди оказываются более довольными лишь результатами, которые получают в ходе межличностных отношений – с членами семьи, ровесниками, коллегами. Образовательная и деловая сферы как площадки для самореализации в жизни принимают в сознании молодежи роль некоего примата.

Другими словами, мы становимся свидетелями парадоксальной ситуации: при внутренней активности к достижению социальных успехов, имеющемуся потенциале молодое поколение склонно избегать этой активности (особенно в важных для экономики сферах).

Всё это в перспективе грозит проявлением в молодежной среде общей ценностной нестабильности, когда молодые люди, в большей массе своей, будут понимать, что их ценностные ориентиры на самом деле недостижимы.

Почему возникает подобная ситуация? В этом вопросе многие видят проблему не столько молодежи, сколько институциональной среды ее социализации. По словам Н.Н. Зарубиной, институты социализации (семья, образование, рынок труда, СМИ) на сегодняшний день ничего не могут предложить молодежи, поскольку надлежаще не выполняют свои функции по передаче молодым людям системы знаний о культурных ценностях, которые позволяют функционировать в качестве полноправных членов социума [1, с. 52-63].

Общеизвестно, что современное положение молодых людей на образовательной арене, на рынке труда способствует не реализации их потенциала, а скорее быстрому профессиональному и личностному выгоранию. Это во многом объясняет подсознательное желание молодых дистанцироваться от институтов социализации, сведя контакты с ними до некой формальности («получаю образование, потому что так заведено, без этого никуда»; «работаю, потому что надо прокормить себя и свою семью»).

Подобное положение способствует формированию в молодежной среде так называемой «структурированной безответственности» (по терминологии Т. Парсонса), которая постепенно охватывает все сферы жизни общества (в том числе политическую активность).

Молодежь, безусловно, обладает всеми возможностями, желанием применить свой богатый внутренний инновационный потенциал для общественной сферы. Однако агенты институциональной среды не прилагают усилий, чтобы создать условия для реализации этого потенциала: прежде всего это выражается в дефиците примеров ответственной самореализации в социуме.

Поэтому стремление молодежи к участию в общественной жизни должно сопровождаться совместными усилиями по разработке и внедрению моделей

«ответственного гражданина» и «социально ответственного бизнесмена». Эти модели (в создании которых должны принимать участие государство, бизнес, общественные и образовательные организации) вполне могут стать важной частью образовательных стандартов и программ.

Литература

1. Зарубина, Н.Н. Молодежь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? / Н.Н. Зарубина // *Общественные науки и современность*. – 2016. – № 2. – С. 52-63.
2. Козлов, А.А. Миссия современного молодого поколения и проблемы изучения позитивного потенциала молодежи / А.А. Козлов // *Молодежь – позитивная сила развития российского общества*. – СПб., 2009. – 424 с.
3. Официальный сайт ВЦИОМ. – Режим доступа: <https://wciom.ru/>
4. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
5. Пищик, В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности / В.И. Пищик // *Социальная психология и общество*. – 2011. – № 2. – С. 80-88.

Кулаков Артем Алексеевич,

декан факультета экологии,

председатель Совета молодых ученых и специалистов,

Вологодский государственный университет,

г. Вологда

Шафигуллина Алина Фаритовна,

магистрант 2 курса, секретарь Совета молодых ученых и специалистов,

Вологодский государственный университет,

г. Вологда

Принципы становления молодого ученого в регионе

Аннотация. Резкое сокращение бюджетных мест в аспирантуре может привести к исчезновению молодых ученых в регионах. Авторами предлагается модель содействия становлению молодых ученых посредством финансирования

обучения в аспирантуре. Предложенная модель включает этапность при финансировании, отчетности и достижении целевых показателей.

Ключевые слова: молодой ученый, ступень образования, аспирантура, научная деятельность, финансирование, региональный вуз.

Новая система образования «бакалавриат–магистратура–аспирантура» делает науку частью образовательного процесса, в которой молодой ученый представляет важное звено, «двигатель» прогресса общества.

Молодой ученый – человек, способный разрабатывать и развивать инновационные идеи, отличающиеся неординарностью решений и подходами, которые в будущем позволят решать актуальные социальные и экономические проблемы не только отдельного региона, но и всей страны.

На современном этапе развития обществу необходим мощный кадровый потенциал молодых исследователей, активных, целеустремленных, коммуникабельных, энергичных, творческих, стремящихся к саморазвитию и самосовершенствованию. Развитию кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций уделяется внимание в «Стратегии инновационного развития до 2020 года», где отмечена сложность ситуации в части преодоления разрыва между поколениями.

В последнее время доля молодых ученых постепенно уменьшается, что свидетельствует о том, что вузы не могут удержать молодых специалистов после получения ими диплома о высшем образовании. При всем этом в региональных вузах сокращается число мест в аспирантуру или они вовсе отсутствуют. Уменьшается количество диссертационных советов, ужесточаются требования к защите. А ведь аспирантура сегодня является необходимой ступенью при подготовке научных кадров.

Чем выше человек взбирается по интеллектуальной лестнице, тем выше требования, которые он предъявляет к вознаграждению своего труда. Молодой ученый должен быть уверен, что его деятельность не только принесет пользу обществу в дальнейшем, но и сможет обеспечить ему достойную жизнь. Но это

не всегда так. У большинства молодых ученых возникают социальные сложности, они чувствуют финансовую незащищенность.

Путь в науку для многих видится как шанс для реализации своих идей, занятия творческим трудом, получения работы с интересными людьми и возможности изменить мир. Однако на практике, сталкиваясь с рядом сложностей, аспиранты чувствуют необходимость действовать максимально самостоятельно, но не справляются с этим и уходят из науки.

В данной работе хотелось бы остановиться на механизмах содействия становлению молодых ученых и путях решения проблемы: сокращение бюджетных мест в аспирантуре.

Стоимость обучения в аспирантуре сегодня высокая – от 70 тыс. рублей в год, количество бюджетных мест в региональных вузах стремится к нулю. Вероятность того, что действительно заинтересованные в науке ребята будут готовы заплатить достаточно крупную сумму за 4 года обучения, крайне невелика. Скорее они решат свои социальные сложности, отправившись работать на производство, или откроют свое дело.

Крупные университеты, имеющие диссертационные советы, при этом сохранили своих аспирантов. У молодого ученого в регионе есть два пути в науку: идти учиться в аспирантуре платно или попробовать поступить на бюджетное место. В обоих случаях возможность защиты возрастает, если он поступит в вуз, имеющий диссертационный совет. После завершения аспирантуры в другом вузе вероятность его возвращения в регион снижается. Это приводит к оттоку интеллектуальных кадров из регионов.

Решение: новая модель аспирантуры.

Конечно, стоит надеяться и ждать бюджетные места в регионах, но действовать нужно уже сейчас, чтобы сократить число потерянных потенциальных кадров.

Здесь возникает вопрос: кому нужен кандидат наук – самому себе, вузу/предприятию, государству? Безусловно, хорошо потешить свое самолюбие и получить ученую степень, но в текущей финансовой ситуации, думаю, это не

цель номер один для молодежи. Вуз, несомненно, заинтересован в появлении новых кадров со степенями и званиями, однако это бюджетное заведение, которое вправе рассчитывать на государственную поддержку по всем трем ступеням образования. Для промышленных предприятий и организаций наличие в штате кандидата наук может быть интересным, оплату его обучения многие бы рассмотрели при условии получения соответствующего результата от вложенных средств. Организации часто направляют сотрудников в вузы с целью получения высшего образования, на переподготовку кадров. Но эти кандидаты наук не будут работать в научной и образовательной сфере, значит, рассматриваемая проблема решится лишь частично. Государство в первую очередь заинтересовано в новых научных кадрах, но для сокращения рисков и оптимизации затрат на их подготовку количество мест сокращено. В действительности многие не защищаются и для решения этой проблемы нужна новая модель.

Авторами предлагается следующее.

Для поступления проводится конкурс среди претендентов с широкой оценкой их научного потенциала. Аспирант учится платно, но оплата осуществляется третьим лицом – инвестором. Взаимоотношения «аспирант–инвестор» осуществляются по принципу поэтапного финансирования и отчетности с достижением целевых показателей. В случае невыполнения условия «защита в срок» финансирование не осуществляется. Такой подход отсеет неуверенных в своих силах и «проходных» аспирантов, при этом решится основная проблема – отсутствия бюджетных мест. Сокращение числа диссертационных советов – это не проблема, а дополнительная проверка готовности молодых ученых доказать научному сообществу свою состоятельность.

Остается вопрос: кто инвестор?

Для подготовки научных кадров на уровне региона необходимо учредить ряд финансовых программ и инструментов. Это могут быть гранты и стипендии для наиболее успешных аспирантов, договоры с предприятиями о проведении

НИР и НИОКР в рамках диссертационного исследования (этот путь решит сразу несколько задач), учреждение региональных научных фондов.

Будущее российской науки зависит от того, насколько эффективно будет выстроена система образования начиная со школ и заканчивая подготовкой кадров высшей квалификации.

Сегодня молодежь хочет много зарабатывать и обеспечить себе и близким «лучшую жизнь», и это правильно, все заслуживают честной оплаты своего труда. Выбирая между научной деятельностью и финансовой защищенностью, большинство пойдет по второму пути, минуя вузы.

Мир изменился, и, чтобы сохранить науку в вузах, необходимы значительные изменения существующего подхода. Лишь при повышении престижа молодого ученого, финансовой и организационной поддержке его деятельности можно рассчитывать на интерес выпускников к данной профессии.

Налиухин Алексей Николаевич,
доктор сельскохозяйственных наук,
председатель экспертного совета,
Совет молодых учёных и специалистов Вологодской области,
г. Вологда

Несколько слов к докладу «Что могут ожидать общество и наука от российской молодежи?»

Аннотация. В материале представлен содоклад на расширенный доклад «Что могут ожидать общество и наука от российской молодежи?» Приведен авторский взгляд на молодежь как «двигатель модернизации и прогресса». Отдельное внимание уделено развитию научно-технического потенциала молодежи.

Ключевые слова: молодежь, научно-технический потенциал, аспирантура, научно-образовательный центр.

Молодежь, как наиболее активная часть населения, является тем «двигателем прогресса», который будет определять социально-экономическую ситуацию в стране в ближайшем будущем. Именно поэтому, на мой взгляд, надо принимать все меры по выявлению и поддержке наиболее талантливых детей в Вологодской области, разработать программу по поддержке научно-технического творчества молодёжи не только в крупных городах региона, но и в районах. Крупным учебно-научным учреждениям (вузам, НИИ) необходимо создавать научно-образовательные центры по примеру ИСЭРТ РАН, в которых дети, ещё на школьной скамье, имеют возможность общения с ведущими научно-педагогическими работниками и заниматься по авторским программам. Такой индивидуальный подход поможет молодёжи реализовать себя в различных сферах экономики, а также будет являться весомым импульсом при выборе будущей специальности.

Весьма важно определиться и с термином «молодые учёные». Так, согласно некоторым мнениям, к молодым учёным относят исследователей, имеющих учёную степень кандидата или доктора наук в возрасте до 35 и 40 лет соответственно. Аспиранты при данном подходе являются лишь претендентами, соискателями ученой степени. Именно поэтому не нужно упрощать науку, называя учёными даже школьников и студентов. Звание (степень) учёного ещё нужно заслужить. И самым важным для молодого исследователя является признание его работ соответствующим научным сообществом.

В то же время, как было уже сказано, в школах и вузах необходимо уделять внимание развитию научно-технического потенциала молодёжи. В этом и состоит наша задача в сфере популяризации работы молодых (и не только) учёных, получивших всероссийское и международное признание. Как сказал Президент России В.В. Путин (во время вручения премий Президента для молодых учёных за 2015 год), «нам необходимо двигаться вперёд во всех областях: укреплять экономику, социальную сферу, обороноспособность

нашего государства. И конечно, для этого нам нужны и эффективная система образования, и сильная наука, и собственные передовые технологии» [1].

Именно поэтому Совет молодых учёных и специалистов Вологодской области совместно с советами молодых учёных на местах должны консолидировать свои усилия в развитии научного потенциала молодёжи области и обеспечить преемственность поколений и дальнейшее развитие существующих научных школ.

Литература

1. Владимир Путин вручил президентские премии в области науки и инноваций трем молодым ученым-сотрудникам институтов ФАНО России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://special.fano.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=36817

Цуркан Марина Валериевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Тверской государственный университет,
г. Тверь

Студенческие научные объединения как элемент социализации молодежи

Аннотация. В статье проанализирована роль студенческих научных объединений в социализации молодежи высших учебных заведений с учетом деятельности студенческого научного общества Тверского государственного университета «Региональное и муниципальное управление». Сформировано авторское представление о происходящих в подготовке научных кадров процессах, предпринята попытка ответа на основные вопросы участия молодежи в научной деятельности.

Ключевые слова: студенческое научное общество, наука, молодежь, социализация.

Понятие социализации весьма многогранно; разнообразие выявленных определений во многом объясняется тем, что «социализация в качестве объекта исследования рассматривается целым рядом наук – в первую очередь социологией, психологией, культурологией и политологией» [4].

Социализация молодежи, необходимая для успешного развития государства и общества, включает «не только образование (с его составными частями – воспитанием и обучением), но и влияние жизни во всей полноте сознательно учитываемых и случайно возникающих факторов» [5].

Согласно подходу М.К. Селезневой под социализацией следует понимать «процесс вхождения человека в общности, его знакомство с постепенно расширяющимся кругом различных общностей, выработки человеком отношения к новым общностям, принятие тех или иных установок, характерных для общности, приобретения человеком своей роли в общностях и в обществе в целом» [6]. В работах других авторов подчеркнуто, что под социализацией следует понимать «процесс усвоения индивидом социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения общества» [2].

В контексте социализации студенческой молодежи более применимо последнее определение, все чаще используемое в социологической научной литературе.

Социальное становление студенческой молодежи связано напрямую с последующей конкурентоспособностью специалиста, инструментом данного становления можно считать студенческие научные объединения [1].

На современном этапе к основным формам студенческих научных объединений относятся студенческие научные общества и студенческие конструкторские бюро.

Цели и приоритетные задачи государственной молодежной политики предполагают развитие системы поддержки молодых ученых, включающей меры содействия по созданию условий для развития деятельности студенческих научных объединений, что закреплено в нормативном документе 2014 года

издания «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

И хотя на федеральном уровне реализуется отдельная программа развития студенческих научных объединений, в рамках которой проводятся мероприятия для студенческих научных обществ, уже имеющих показатели деятельности, на уровне конкретной организации, института, факультета, кафедры условия для таких обществ нередко отсутствуют, а их функционирование зависит от энтузиазма их руководителей.

Понятие «студенческие конструкторские бюро» встречается в нормативных документах различных конкурсов, в документах по Государственной молодежной политике Российской Федерации, и можно предположить, что данное понятие тождественно понятию «студенческое научное общество».

Судя по данным опроса среди молодых жителей Вологодской области [6], работа со студентами в рамках научных обществ показывает, что их участники, постоянно выполняющие исследовательские разработки, постепенно переходят из группы респондентов, которые на вопрос «В какой мере для Вас характерно занятие творческой (рационализаторской, изобретательской и т.д.) деятельностью?» дают ответ «Никогда ничего не предпринимаю, делаю то, чему меня научили раньше, или что подсказывают другие, о чём могу прочитать в книгах, справочниках и т.д.», – в группу тех, кто отвечает: «Постоянно что-нибудь изобретаю, пишу, сочиняю и т.д. – это стиль моей жизни». И на переходном этапе для молодого исследователя очень важна поддержка со стороны руководителя, например, в преодолении собственного страха перед выступлениями на научных конференциях, а также в научном поиске.

При этом фактор «случайного» вовлечения студентов в научную деятельность нельзя считать полностью отрицательным на фоне актуальных тенденций. Треть (31%) педагогических и руководящих работников профессионального образования Вологодской области, опрошенных

сотрудниками ИСЭРТ РАН в ходе экспертного опроса в 2013 г., в качестве основного мотива поступления студентов в учебные заведения области выделили получение любого диплома об образовании, по любой специальности [3].

Опыт руководства студенческим научным обществом «Региональное и муниципальное управление» Тверского государственного университета подтверждает, что именно личный пример – лучший стимул в научной деятельности студентов.

Новое поколение, которое встречаешь на высокоуровневых молодежных научных мероприятиях (всегда предполагают конкурсный отбор участников), – это лидеры процесса получения и воспроизводства знаний, профессиональная когорта, способная взять на себя ответственность за выполнение самых амбициозных задач научного и инновационного развития страны.

Происходящие в подготовке научных кадров процессы можно прокомментировать одним словосочетанием: «из крайности в крайность». Действительно, аспирантура превратилась в «третью ступень» высшего образования (после бакалавриата и магистратуры), не связанную непосредственно с защитой диссертации, что повлекло за собой обучение в ней большого количества слушателей, которые еще на этапе поступления не планируют связывать свою жизнь с научной деятельностью. Получение образования третьей ступени становится модным трендом, а не потребностью.

В то же время крайностью можно считать и саму процедуру защиты диссертации, которая в последние годы была справедливо ужесточена, а сейчас, судя по обсуждениям на уровне федерального министерства, защита кандидатской диссертации должна стать выпускной квалификационной работой в аспирантуре. При реализации данного подхода ценность ученой степени кандидата наук может быть потеряна.

Актуальные вопросы социализации молодежи в рамках научной деятельности могут получить субъективные ответы, которые будут представлены далее.

Нужны ли молодые специалисты в науке?

Безусловно. И тут вопрос не только в очевидной необходимости преемственности научных знаний, научных школ старшего поколения, в восполнении профессорско-преподавательского состава в высших учебных заведениях, но и в стремительном развитии информационного общества и информационных технологий. И зачастую успеть за этим развитием может только молодежь под чутким наставничеством заслуженных деятелей науки.

Какими исследованиями они должны заниматься: фундаментальными или прикладными?

Любыми, при этом прикладные исследования молодежи могут быть более востребованы, так как их легче «продать». Под последним термином я подразумеваю участие в конкурсах с призовым фондом, в частности инновационной направленности.

Применение каких мер целесообразно для удержания молодежи в научно-исследовательской среде?

Мер принимается достаточно, недостаточно руководителей, которые бы помогли сориентироваться в объеме научных мероприятий, стали наставниками в подаче заявок на участие в них. Просто поделились бы своим опытом подачи документов на гранты и т.д. Сейчас в рамках мероприятий государственной программы развития студенческих научных объединений, занимаясь научно-исследовательской работой, можно побывать в ведущих вузах страны, получить важный опыт. В то же время, при наличии нескольких стипендиальных программ для молодых ученых, процесс их оформления обычно становится более сложным, чем написание научно-исследовательских работ в рамках стипендии. Молодой ученый сталкивается с бюрократическими барьерами: выписками, справками. И с этим, безусловно, надо что-то делать на уровне каждой конкретной организации.

«Конкретные социокультурные характеристики молодежи, определяющие особенности ее социализации в конкретном обществе, определяются уровнем социального, экономического, культурного развития.

Эти особенности очень важны, так как именно они формируют всю специфику социального развития современной молодежи, в конечном итоге воздействуют на направленность и на качество процесса социализации» [3].

Литература

1. Альмяшова, Л.В. Социализация молодежи посредством студенческих объединений / Л.В. Альмяшова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 34 (325). – С. 141-143.
2. Белинская, Е.П. Проблемы социализации / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая // История и современность. – М.: МПСИ, 2013. – 216 с.
3. Головчин, М.А. Формирование у студентов компетенций, востребованных на рынке труда: проблемный анализ / М.А. Головчин // Нижегородское образование. – 2014. – № 2. – С. 31-36.
4. Коновалова, Л.В. Социализация современной молодежи как социальная и научная проблема / Л.В. Коновалова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 6. – С. 58-76.
5. Никандров, Н.Д. Воспитание и социализация молодежи: проблемы гармонизации / Н.Д. Никандров // Социальная педагогика. – 2012. – № 1. – С. 8-17.
6. Селезнева, М.К. Социально-философский анализ процесса социализации / М.К. Селезнева. – М.: Наука, 1998.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Предисловие	3
-------------------	---

ПЛЕНАРНЫЕ ДИСКУССИИ

Александрова О.А. Реформа образования и новые вызовы	7
Гулин К.А. Концептуальные подходы к формированию региональных систем кадрового обеспечения инновационной экономики	12
Дедков С.М. Новое поколение для новой экономики: государственная молодежная политика Республики Беларусь	26
Ермолов А.П. Современные компетенции молодых – будущее региональной экономики	33
Лашук И.В. Социокультурные характеристики белорусской и литовской молодежи: сравнительный анализ	41
Ленчук Е.Б. Формирование кадрового потенциала для инновационной экономики России	58
Ускова Т.В. О перспективах роста российской экономики	65
Шабунова А.А. Молодежь в современной России: демографический потенциал и социальная ответственность	74
Штыхно Д.А. Формирование среды развития предпринимательства	91

СЕКЦИЯ 1. РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: СОСТОЯНИЕ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Авраамова Е.М., Логинов Д.М. Факторы повышения конкурентоспособности молодежи в условиях нестабильной занятости	98
Алферьев Д.А. Перспективы реиндустриализации российской экономики	102
Бараева А.Н. Проблемы налогообложения Российской Федерации	107
Бедрина Е.Б., Тухтарова Е.Х. Нужна ли иностранная рабочая сила для развития Свердловской области?	113
Быстрянец П.С. Изучение феномена институционального доверия	117
Ворошилов Н.В. Проблемы, перспективы и механизмы развития сельских территорий России	123
Галухин А.В. Долговая устойчивость бюджетов субъектов Российской Федерации	128
Горячевская Е.С. Об оценке конкурентоспособности арктических регионов	133
Грошева Л.И. Проблемы информационного обеспечения молодёжного бизнеса в рамках неформальной экономики	138
Губанова Е.С. Возможен ли инвестиционный ренессанс?	143
Егоров В.К. Воспитание историй и туризм	149
Ерёмина Т.Ю. Повышение квалификации педагогов как ресурс роста финансовой грамотности молодежи	154
Кожевников С.А. Управление формированием и развитием вертикально интегрированных структур в экономике России	159
Копытова Е.Д. Резервы увеличения вклада предприятий в бюджетную систему территорий	164
Кремин А.Е. Методика оценки функционирования малого предпринимательства на муниципальном уровне	170

Кузьмин И.В. Методический подход к оценке международного сотрудничества регионов в инновационной сфере	174
Ласточкина М.А. Модернизация как необходимость социально-экономического развития России	178
Леонидова Е.Г. Актуальные проблемы развития внутреннего туризма в регионе	183
Леонова Ж.К. Непрерывное образование: условие развития молодёжного предпринимательства	189
Лукин Е.В. Проблемы и перспективы роста российской экономики	194
Мазилев Е.А. Инструменты стимулирования модернизации обрабатывающих производств в регионах	200
Мельников А.Е. Оценка перспектив развития промышленного комплекса региона	205
Микляева К.А. Бюджетный потенциал муниципальных образований как финансовая основа социально-экономического развития локальных территорий	210
Назарова Е.А. Влияние уровня образования на инновационный конкурентный потенциал регионов на примере регионов Северо-Западного федерального округа	216
Орлова В.С. Проблемы и перспективы развития молодежного туризма на территории Северо-Западного федерального округа	221
Печенская М.А. Состояние местных бюджетов в 2004–2015 годах	226
Полина С.В. Механизм управления повышением производительности труда в экономике	231
Растворцева С.Н. Исследование процессов конвергенции и дивергенции регионов России по уровню социально-экономического развития	237
Савицкий С.И., Поташева О.В. Программно-целевое управление в развитии региона: применение в сфере культуры	244
Сивкова А.А. Экономическая активность и репродуктивное поведение женщин северного региона	250
Советов П.М. Методологические аспекты оценки эффективности государственной поддержки сельского хозяйства	255
Строганова Т.Н., Швецова И.Н. Анализ капитала и оценка финансовой устойчивости страховой компании	264
Терентьева М.А. Проблемы трудового потенциала северных регионов России	270
Цуркан М.В. Участие местных сообществ в проектах партисипаторного бюджетирования: отечественный и зарубежный опыт	275
Чекавинский А.Н. Повышение квалификации молодых сотрудников как условие развития сельского хозяйства	281
Якушев Н.О. Особенности составляющей товарной структуры экспорта регионов	286

СЕКЦИЯ 2. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ И ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОДРАСТАЮЩИХ ПОКОЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Бабич Л.В. Опыт многоуровневой интеграции науки и образования на базе академического учреждения	293
Барсова Е.А. Формирование образовательной компетенции как основы будущей профессиональной деятельности студентов педагогического колледжа	300
Верецкая А.И., Довейко А.Б., Квасова А.А., Стеценко А.И. О некоторых подходах к социологическому измерению удовлетворенности обучающихся по аспирантским программам	304
Виноградова Е.С., Зуева Ю.В. Профессиональное самоопределение подростков в рамках социального партнерства (школа – учреждение дополнительного образования – колледж)	309

Галковская В.И. Детские познавательные проекты как средство формирования навыков исследовательской деятельности старших дошкольников	312
Грошева И.А., Грошев И.Л. Эффективность воспитательной работы в формировании профессионального самоопределения молодёжи	316
Долганова Е.Ю. Социальное партнерство как условие успешного развития образовательной среды научного общества учащихся в условиях учреждения дополнительного образования...	321
Елгаев С.К. Взаимодействие бизнеса и государства в системе подготовки инженерных кадров.....	326
Елистратова К.А. Формирование этнокультурной компетенции обучающихся на уроках русского языка и литературы в полиэтничном классе в условиях ФГОС ООО: сущность, специфика, технологии и методы	329
Комарова Е.А., Ваточкина А.Д. Научно-практическая конференция как инструмент популяризации исследовательской деятельности студентов профессиональных образовательных организаций	334
Крошилилин С.В., Медведева Е.И. Новые формы обучения на основе информационно-коммуникационных технологий: реализация неформального и информального образования в России	339
Ламанова Л.А. Опыт создания объединения научно-технической направленности на базе средней общеобразовательной школы	362
Морозова М.А., Мануйлова О.М. Создание условий для формирования гражданской позиции школьников в деятельности туристско-краеведческого клуба «Исток»	366
Орлова Э.О. Об опыте привлечения молодых ученых и студентов к научно-исследовательской деятельности вуза	372
Прохода В.А. Фестиваль науки как способ её популяризации в молодежной среде	377
Сабурова С.Б. От развлечения к увлечению: опыт применения информационно-компьютерных технологий в образовательной деятельности с детьми дошкольного возраста	382
Складчикова Е.С. Система сопровождения личностного и профессионального развития детей, склонных к научно-техническому творчеству	386
Тишков С.В., Поташева О.В. Роль научно образовательного потенциала в инновационном развитии северного приграничного региона	392
Толоконцева Н.А. Развитие творческого потенциала учащихся в условиях вариативности образовательного маршрута в УДО	397
Устинова К.А. Образовательный потенциал и инновационная активность молодежи	400
Чебоксарова Л.В. Развитие техносферы в условиях учреждения дополнительного образования города Череповца	407

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЕКЦИЯ 3. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТАРЫЕ ТРЕНДЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Аветисян П.С., Галикян Г.Э., Заславская М.И. Реформирование сферы высшего образования в странах постсоветского пространства в свете евразийской интеграции	420
Айрапетян Э.М. Роль молодежи Армении в формировании национального самосознания в XXI веке	428
Аксютин С.В. Обеспечение алкогольной безопасности региона	436
Аладышкина А.С., Леонова Л.А., Креховец Е.В. Экологические ценности молодежи: развитие экологической культуры студентов неэкологических специальностей	442
Барсуков В.Н. Межпоколенческие конфликты как социальная проблема «стареющих» обществ	447

Безруков А.В. Социокультурная модернизация ценностных ориентаций российской молодежи в условиях развития общества риска	453
Белехова Г.В. Финансовые знания и навыки молодежи (на примере Вологодской области)	458
Быстрянец С.Б. Интерпретация социологических дефиниций	465
Волченкова Е.В. Характеристика установок молодежи на семейные ценности	476
Воронина О.А. Механизмы содействия занятости молодежи	480
Воронкова О.А. Есть ли гражданская позиция у российской молодежи?	485
Гокова О.В., Gokova O.V. Special aspects of modern Russian youth's reproductive behavior	490
Гужавина Т.А. Социальный капитал молодежи	495
Дементьева И.Н. Факторы формирования протестного потенциала молодежи региона	500
Доброхлеб В.Г. Непрерывное образование молодежи как цель устойчивого развития	505
Егиазарян С. Проблемы современной молодежи в России и Армении	509
Зубок Ю.А., Дивненко О.В. Симуляционно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в изменяющейся социальной реальности	515
Ивахненко Г.А. Здоровьесберегающие технологии в вузах Москвы	525
Игнатова Т.В. Человеческий потенциал молодежи как основной ресурс развития малых городов	529
Калачикова О.Н. Демографический потенциал молодежи	534
Каминский В.С. Экономические кризисы и общественное мнение (на примере восприятия экономической ситуации молодёжью)	540
Касимов Р.А., Залата И.В., Недосекина Л.Е., Чижук И.Ю. Формирование здоровьесберегающего образовательного пространства в субъекте Российской Федерации	546
Ковалева Г.А. Практики изучения здоровья школьников в городе Череповце	551
Козлова О.А., Пышминцева О.А. Уровень образования и преждевременная смертность населения: вопросы взаимосвязи	557
Корепина Т.А. Об одном из перспективных подходов к моделированию образовательной миграции молодежи	562
Короленко А.В. Проблема сформированности профессиональных предпочтений подростков в контексте социальной адаптации	567
Косыгина К.Е. Социально-политическая активность молодежи в современной России	573
Креховец Е.В., Леонова Л.А. Социальный капитал студентов: сетевой подход	580
Кузьмин А.И., Носов А.А. Мотивы и факторы маятниковой миграции молодежи	585
Леонидова Г.В. Ценность образования в оценках молодежи: новые вызовы для России	592
Лихачёва С.Н. Молодежь на рынке труда: региональный аспект	602
Лихачёва Т.Н., Калашников К.Н. Социокультурные ценности сельской молодёжи	606
Медведева Е.И., Крошилилин С.В., Вехова Е.Л. Результаты мониторингового исследования молодого поколения в аспекте развития человеческого потенциала в регионе	611
Михайлова Т.А. Ценностный аспект спорта в жизни молодежи (на примере профессиональных спортсменов)	627
Морев М.В. Гражданская активность молодого поколения	631
Муравлёва В.В. Уровень развития трудового потенциала молодежи (на примере Московской области)	637
Нечаева С.А. Религиозная идентичность молодёжи (на примере молодёжного православного объединения в честь Афанасия и Феодосия Череповецких)	641
Пасовец Ю.М. Ценностные ориентации социально-активной молодежи в современных российских условиях	646

Попов А.В. Положение молодежи на рынке труда: критерии отбора и соответствие требованиям работодателей	651
Поташева О.В. Розанова Л.И. Переломная тенденция в структуре занятого населения в регионах СЗФО	656
Разварина И.Н. Факторы риска здоровья детей, определяющие качество человеческого потенциала	662
Русанова Н.Е., Ван Е. Здоровьесберегающее поведение школьников: российские проблемы и китайский опыт	667
Рыбакова Л.Н. Точки слома на девиантных траекториях подростков	671
Самарин А.В. Теоретическая модель здоровьесформирующей среды университетского комплекса	676
Силина Т.А. Специфика доверия в молодежной среде промышленного города: социологический анализ	681
Смирнова О.А. Обеспечение права ребенка на участие в принятии решений	686
Смолева Е.О. Механизмы формирования девиантного поведения несовершеннолетних	691
Солдатова Н.В. Пространственные особенности и динамика демографического потенциала населения Вологодской области в период 1992–2014 гг.	696
Соловей А.П. Мотивация труда молодых ученых	700
Соловьева Т.С. Физическая активность детей и молодежи	705
Тиранова Н.А. Современные молодежные субкультуры	713
Фахрадова Л.Н. Проблемы семей, воспитывающих детей-инвалидов	718
Филипова А.Г., Купряшкина Е.А., Задорин А.С. Городское пространство и детские мобильности (на примере г. Владивостока)	724
Филоненко В.И., Штомпель О.М., Штомпель Л.А. Культурная компетентность российских студентов	729
Хорват А.А. Интеллектуальное развитие молодежи в меняющейся социокультурной среде	733
Хоткина З.А. Здоровье молодого поколения россиян: гендерный подход	738
Шаталов М.А., Мычка С.Ю. Механизм межличностных отношений молодежи в студенческом коллективе: социальные аспекты взаимодействия	743
Шишкина М.А. Отношение молодежи Республики Коми к вопросам планирования семьи	749
Яковлева А.А. Выявление методом фокус-группы особенностей профилактики заражения ВИЧ/СПИД среди старшекласников	754
Яковлева Н.И. Самоответственность как стратегия профессионального поведения молодежи ..	759

**КРУГЛЫЙ СТОЛ. ПОТЕНЦИАЛ НАУКИ:
КАК СДЕЛАТЬ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ВОСТРЕБОВАННЫМИ**

Головчин М.А. Что могут ожидать общество и наука от российской молодежи?	765
Кулаков А.А., Шафигуллина А.Ф. Принципы становления молодого ученого в регионе	769
Налиухин А.Н. Несколько слов к докладу «Что может ожидать общество и наука от российской молодежи?»	773
Цуркан М.В. Студенческие научные объединения как элемент социализации молодежи	775

Научное издание

ДЕТИ И МОЛОДЕЖЬ – БУДУЩЕЕ РОССИИ

**Материалы IV Международной научно-практической конференции
(г. Вологда, 5–7 октября 2016 г.)**

Часть вторая

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 27.03.2017.

Формат 70×108¹/₁₆. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 32,4. Тираж 500 экз. Заказ № 110.

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН
Тел. (8172) 59-78-03, e-mail: common@vscc.as.ru

ISBN 978-5-93299-363-7

9 785932 993637